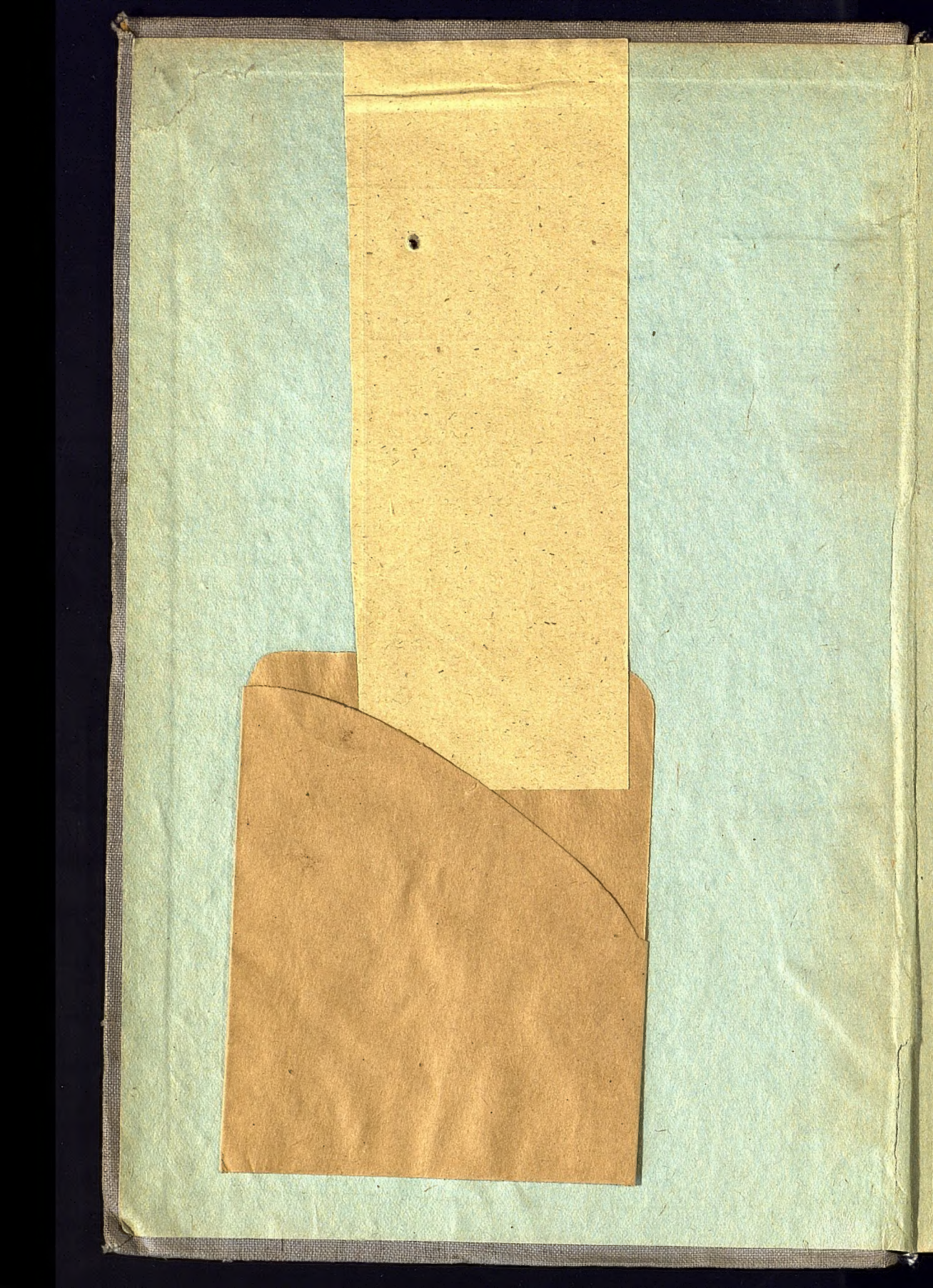
АФ
Ф758

ФОЛЬКЛОР НАРОДА КОМИ

160533

ОГИЗ—АРХОБЛГИЗ



С 894.532-34+39(47.21)
Ф-759

ФОЛЬКЛОР НАРОДА КОМИ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПРЕДАНИЯ
И СКАЗКИ

160539.
Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова
1948
1955
1966 г.

ОГИЗ — АРХОБЛГИЗ — 1938

8476к.

Общая редакция И. Н. Новикова
Вступительная статья А. А. Попова
Литературная обработка Глеба Алексеева
Комментарии Глеба Алексеева и А. А. Попова
Книгу иллюстрировал (силуэты ножницами) художник Н. А. Фурсей

1995

2002

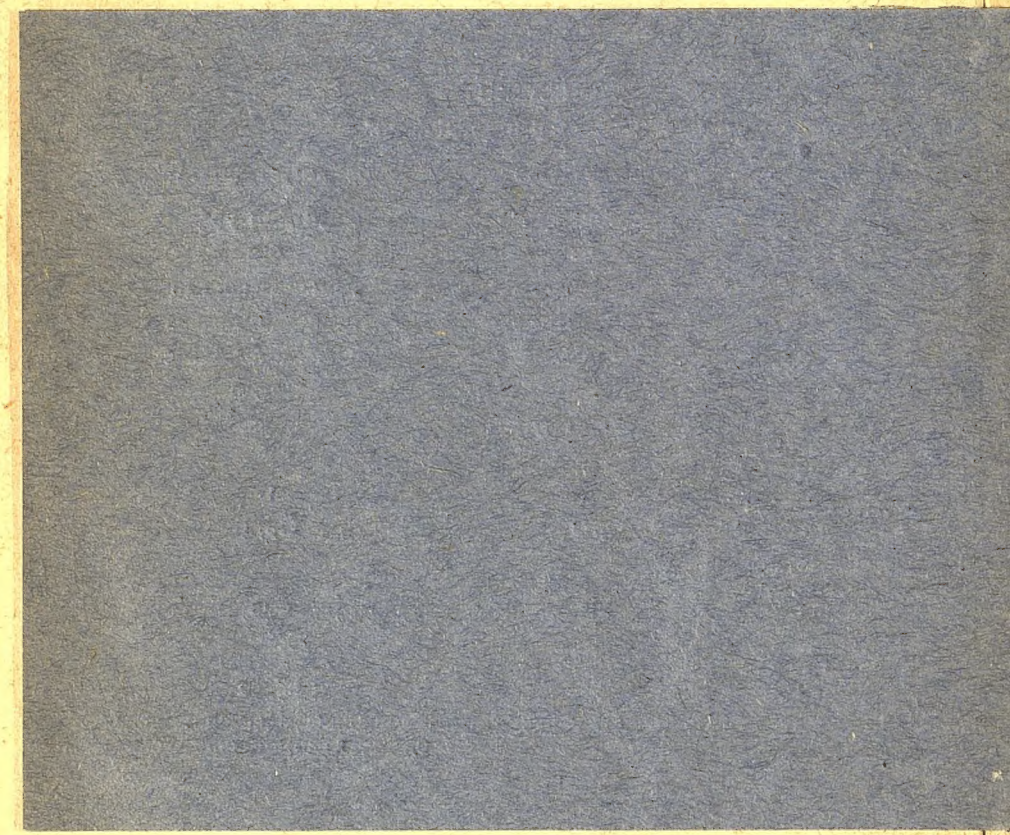
2010

ОТ АРХАНГЕЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОПРАВКИ

к книге „Фольклор народа Коми"

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
8	6 сверху	„куйим нур"	„куйим ур"
11	4 сверху	из	без
18	19 снизу	„енмануа костын"	„енмамуа костын"
33	3 сверху	преданий. Правда	преданий, правда
43	2 сверху	Остъяс и Ошъяс	Östъяс и Öшъяс
50	16 сверху	Чонью	Човью
52	24 сверху и дальше в тексте сказки	Ворса	Вöрса
62	название сказки и в тексте сказки	Ортя	Öртя
236	20 сверху и дальше в тексте сказки	сив	сыв
241	14 сверху и дальше в тексте сказки	вырсе	вöрсе
317	13 сверху	Сукманина — сукно	Сукманина — легкая женская одежда из домотканного сукна



2002

2010

ОТ АРХАНГЕЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Богатейший фольклор народа коми почти не был известен русскому читателю. Публикация его в различных периодических изданиях и отдельных книжках была крайне отрывочной, во многом поверхностной, без элементарного научного аппарата. Притом все эти издания стали уже библиографической редкостью.

Архангельским (б. Северным) и Коми-областным отделениями Союза советских писателей была проведена большая работа по собиранию, систематизации и переводу фольклора коми на русский язык. Весной 1934 года в область Коми была командирована специальная бригада писателей во главе с Глебом Алексеевым для организации и руководства этой работой на месте. В результате работы бригады было собрано и переведено на русский язык свыше 60 печатных листов фольклорных произведений, из которых большинство не было издано даже на языке коми. Этот материал и лег в основу книги „Фольклор народа коми" на русском языке. Материал продолжал поступать и после 1934 года, главным образом записанный в послеоктябрьские годы.

Содержание I тома составляют мифы, предания и сказки. Материал в книге расположен по общепринятой классификации фольклора, но с некоторыми изменениями, подсказанными самим материалом. II том „Фольклора народа коми" составят песни, свадебные плачи, пословицы, поговорки, загадки и фольклор послеоктябрьского периода. Издание его предположено в 1938 году.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДА КОМИ В СВЯЗИ С ЕГО ФОЛЬКЛОРОМ

I. За большевистскую партийность в изучении фольклора

Советская фольклористика в течение многих лет была отсталым участком теоретического фронта. Если в литературоведении много лет назад были разоблачены враждебные „теории", то в фольклористике только в конце прошлого (1936) года была вскрыта господствовавшая в ней теория „бедных людей", утверждавшая, что создателем замечательных произведений фольклора были „высшие" классы, а не народные массы, которые, будто бы, только донашивали созданные этими „высшими" классами художественные формы.

Еще Г. И. Успенский видел, что „высшие" классы пользовались тем, что создавал народ. Из марксистов наиболее обстоятельные работы по мифологии и фольклору оставил Поль Лафарг. В его работах можно найти много весьма ценного для разработки марксистско-ленинской науки о фольклоре, но никто из известных советских фольклористов еще не пробовал обратиться к ним. В статье „Свадебные песни и обычаи" Лафарг писал (говоря, в основном, о песне, но его слова вполне можно отнести к фольклору вообще, к сказке в частности): „Литература сказителей,— и это необходимо особенно подчеркнуть,— есть произведение не отдельных индивидов, но массы в ее совокупности... Народная песня воспринимается и передается из уст в уста в течение поколений только потому, что она отражает чувства, страсти, предрассудки, суеверия и идеи тех, кто охраняет ее от забвения. Импровизация, непосредственное творчество сопровождает все моменты жизни сурового первобытного человека... При всяком случае, когда собирается побольше народу, находятся импровизаторы, чтобы воспеть события дня", так как это „единственное средство, знакомое некультурным народам и применяемое ими, чтобы сохранить результаты ежедневного опыта и поддерживать память о выдающихся событиях". „Безыменная масса создала Илиаду, песнь о Нибелунгах, Романцеро, Калевалу (и русские былины — добавим мы. *А. П.*) — великие героические, поэмы, гордость и цвет человеческого духа". Вследствие своей „точности и правдивости, устная литература обладает исторической ценностью большей, чем любое произведение отдельного индивида, поэтому ею можно спокойно пользоваться (как историческим материалом. *А. П.*), без опасения быть введенным ею в заблуждение".*

Но то, что было понятно даже крестьянскому демократу Успенскому, и что разъяснял еще полвека тому назад такой выдающийся марксист, как Лафарг,— оказалось непосильным для понимания „бедных людей" советской фольклористики.

---

* Поль Лафарг. Очерки по истории культуры. „Московский рабочий", 1926, стр. 52—53.

„Что же это за странная „наука", которая ставит себе целью дискредитировать народное творчество и отнять его у народа? — пишет „Правда".— Кому нужны эти разговоры о творческом бесплодии народа? Кому выгодно утверждать, что народ получает культуру от высших классов? Фашистам, конечно. Это и доказывает всеми силами фольклористика фашистской Германии в лице Ганса Наумана". *

Теоретическая беспечность привела к тому, что этой, насквозь враждебной марксизму—ленинизму „теорией" насыщены работы крупнейших представителей советской фольклористики — профессоров Ю. М. Соколова, М. К. Азадовского, Н. П. Андреева. Эта же вредная теория сказалась и в работах по национальному фольклору. Выступление „Правды" дает возможность по-настоящему, действительно научно, следовательно и большевистски-партийно (ибо большевистская партийность и научность на любом участке идеологического фронта совпадают) подойти к изучению явлений фольклора.

„Большевики учат рабочий класс и всех трудящихся относиться с величайшим вниманием (подчеркнуто мной. *А. П.*) к народному творчеству, а язык — самый ценный продукт народного творчества",— писала „Правда" 18 ноября 1936 года в статье, посвященной М. В. Ломоносову.

Как должно относиться к фольклору, созданному народными массами, ясно указал Ленин. В. Д. Бонч-Бруевич сообщает высказывания Ленина о фольклоре как материале, на основании которого „можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных... Это доподлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни".

Ленин понимает народ как его подавляющее трудовое большинство. Именно эта трудовая масса, ее творческий трудовой опыт являются источником, питающим фольклор, выращивающим замечательные образцы бессмертных произведений художественного слова. Это прекрасно показал А. М. Горький в своей речи на I Всесоюзном съезде советских писателей.

Горький говорил, что фольклор и мифология являются „отражением явлений природы, борьбы с природой и отражением социальной жизни в широких художественных обобщениях". Он говорил, что „подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества", всегда питавшего книжную литературу в его лучших и наиболее значительных памятниках. „От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории". „Когда-то, в древности, устное художественное творчество трудящихся служило единственным организатором их опыта, воплощением идей в образах и возбудителем трудовой энергии коллектива". Смысл древних сказок, мифов, легенд „сводится к стремлению древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силою слова, приемом „заговоров", „заклинаний" повлиять на стихийные, враждебные людям явления природы. Последнее особенно важно, ибо знаменует, как глубоко люди верили в силу своего слова, а вера эта объясняется явной и вполне реальной пользой речи, организующей социальные взаимоотношения и трудовые процессы людей... Заклинаниями пытались действовать даже на богов. Это вполне естественно, ибо все боги древности жили на земле, являлись человекоподобными и вели себя так же, как люди... Бог являлся художественным обобщением успехов труда, и „религиозное" мышление трудовой массы надо взять в кавычки, ибо это было чисто художественное творчество. Идеализируя способности людей и как бы предчув-

* „Правда", 21 ноября 1936 г., статья „Бедные люди".

ствуя их мощное развитие, мифотворчество, в основах своих, было реалистично. Под каждым взлетом древней фантазии легко открыть ее возбудителя, а этот возбудитель всегда — стремление людей облегчить свой труд. Совершенно ясно, что это стремление было внесено в жизнь людьми физического труда".*

Фольклор коми представляет собой одно из доказательств неверности „теорий" о зависимости фольклора от „высших" классов.

Фольклор народа коми целиком порожден трудовыми массами народа коми. Он достаточно богат по количеству, разнообразию и художественным достоинствам, а в особенности — по социальной насыщенности, по партийности. Когда-то блестящий представитель революционной крестьянской демократии, Н. А. Добролюбов, говоря о партийности литературы, подчеркивал отсутствие в ней „партии простого народа". Да, в письменной литературе „партии простого народа" не было, но она была в фольклоре: „простой народ", трудовые массы были очень партийны в своем художественном творчестве, и это видели революционные крестьянские демократы. Известно, что в своем знаменитом письме к Гоголю, по поводу „Выбранных мест из переписки с друзьями", Белинский сослался на фольклор, как на доказательство того, с какой ненавистью народные массы относились к духовенству, как к одному из агентов феодально-крепостнической системы.

Да, народ умеет остро ненавидеть и убивать своих врагов орудием метко сказанного художественного слова. Фольклор коми дает тому достаточно много примеров. Поп, кулак, купец, различные категории царских чиновников, наконец, цари — земной и небесный (христианский бог) — являются объектами социальной сатиры в сказках коми, как это достаточно видно из нашего сборника. Ленин учил по фольклору узнавать о чаяниях народных, о его настроениях. Горький учил по фольклору изучать историю трудового народа. Посмотрим же на фольклор коми в свете этих указаний. Это особенно важно для таких народов, как коми, — народа, до революции не имевшего письменности и лишь в языке и фольклоре отражавшего свою историю, свои симпатии и антипатии.

II. Проблемы гражданской истории народа коми

Для массового читателя СССР история народа коми совершенно неизвестна. Да и среди специалистов, занимающихся вопросами истории коми, очень много еще неясностей. До сих пор никто не делал попытки использовать фольклор для постановки ряда наименее ясных проблем истории коми. Вот почему пишущий эти строки счел необходимым, в порядке постановки вопроса для последующей, более всесторонней и глубокой разработки этих проблем, остановиться на этом.

Свыше полутораста лет русскую историческую науку интересовал вопрос о так называемой Биармии. Страна с таким названием вошла в мировую историческую науку с того времени, как король Альфред Великий, около 890 года нашей эры, внес в англо-саксонский перевод всемирной истории Павла Орозия рассказ норвежского викинга Оттара об открытой им стране, начинающейся от впадения в Белое море Северной Двины и продолжающейся в глубь реки очень глубоко. Оттар был одним из тех норвежских героев-родоначальников которые выехали в другие страны из-за сурового обращения с ними короля Гаральда Прекрасноволосого. Он поселился среди западных финнов, долго жил между ними, брал с них дань и хорошо научился их языку. Жители вновь открытой им страны, казалось Оттару, говорили на каком-то родственном фин-

* М. Горький. О литературе, 1935, стр. 365—381.

скому языку, но все же отличном, и потому Оттар их языка не понимал. Таким образом, Оттар открыл путь в Белое море и по Северной Двине в глубь страны. Он не остался одинок: с конца IX века до 1222 года скандинавские викинги часто бывали в Биармаланде, как они называли эту страну. Исландские саги и норвежские летописи сохранили много рассказов об этих поездках и о самой стране, рассказов, где черты правды тонут в море фантастического вымысла, красивой сказки. Тем же качеством отличаются и рассказы „отца датской истории" Саксона Грамматика. Нужно осторожно и весьма критически пользоваться этим документом, так как на основе его небывальщин в русской исторической науке, начиная с Ломоносова, создалось уже немало легенд о сказочно-богатом, могущественном и славном государстве „Биармии".

Примерно до 90-х годов XIX века было принято считать, что Биармией скандинавы назвали то, что древнерусские летописи с XIII века знают как „Перемь, Пермия, Пермь", и что соответствует тому народу, который сам себя всегда называл и называет народом коми. Потом была выдвинута гипотеза, что это не коми, а западнофинский народ — карелы или, собственно, финляндцы. Но и это толкование не удержалось в науке, так как слишком явна натяжка. Так вопрос и продолжает висеть в воздухе, не получив никакого убедительного разрешения. Причина подобного положения в том, что вопросом занимались люди, близко не знакомые с бытом, языком и фольклором народа (так как при отсутствии иных данных только они могут помочь установить истину) и недостаточно внимательно отнесшиеся к данным археологии. На вопросе о Биармии необходимо остановиться потому, что из сказки о „великой Биармии" как могущественном З а п а д н о ф и н с к о м государстве вырастали претензии финляндских фашистов на „великую Финляндию до Уральских гор".

В исландских сагах и норвежских летописях говорится, что в Биармию попадали не только через Белое море и Северную Двину, но и через Ботнический залив и Неву. Там имеются указания на то, что русские князья при своих междоусобных раздорах обращались за помощью к биармийцам и быстро получали от них эту помощь; имеется указание на то, что Биармия соседствовала с Суздалью и т. п. Все это говорит о том, что территорию Биармии скандинавы считали исключительно громадной. Биармийцами скандинавы называли все народы, населявшие тогда север и центр России, кроме славян и западных финнов. Последних скандинавы обособляют от биармийцев, отмечая, что биармийцы „живут на восток от Норвегии за финнами и корелами", что на „север от Норвегии находится Финмархия. За ней береговая линия склоняется на юг и потом на восток, прежде чем дойдем до Биармии, которая находится в даннических отношениях к русскому царю". * Это последнее известие много позднейшего времени, когда уже скандинавы перестали бывать в Биармии и точно не знали ее географии. Но оно наиболее веско доказывает, что Биармия не была страной западных финнов, так как последние не были „в даннических отношениях к русскому царю", пока в XIX веке Финляндия не была включена в состав Российской империи.

То, что название „Биармия" дано в результате соприкосновения именно с н а р о д а м и к о м и, можно видеть прежде всего из того, что удовлетворительное объяснение этого названия дает только язык коми. Название „Биармия" — производное от „би-ур-му", где „би" — огонь, „ур" — белка, „му" — земля, страна, т.-е. „страна огненных белок". Из саг и летописей Норвегии видно, что „Биармия" привлекала скандинавов как страна, богатая пушниной. В числе вывозившихся оттуда мехов отмечаются и белки. И до сих пор Коми край,

* И. Н. С м и р н о в. Пермяки („Восточные финны". Ист.-этн. очерк. Том II. Часть II. Стр. 74, 18—19.

исключительно богат белкой, а в древности, он еще более изобиловал этим зверьком. Об этом мы можем судить по тому, что белка являлась денежной единицей Коми, причем она расценивалась баснословно дешево. Сохранившиеся до сих пор коми названия денежных единиц показывают, что уже тогда, когда русские денежные единицы получили всеобщее признание и употребление, одна копейка стоила три беличьих шкурки („куйим нур"), две копейки — семь беличьих шкурок, три копейки — десять шкурок и т. д. Сто шкурок, вздетых на тонкую хворостинку („шайт"), стоили 27,5 копеек (сейчас слово „шайт" сохранило значение рубля, а „ур" означает копейку).

Скандинавы могли бывать в „Биармии" лишь летом, когда белки бывают огненно-красного цвета. Поэтому вполне естественно, что, удивленные обилием зверьков огненного цвета, скандинавы назвали новый край „страной огненных белок". У коми до сих пор сохранились пережитки анимизма, пережитки культа животных. Повидимому, древние коми имели белку своим тотемным животным, что могло скандинавам дать особенное основание назвать страну древних коми „страной белки". Думать так дает основание Стурлаугсага, в которой приведен рассказ биармийцев Стурлаугу о бывшем однажды в Биармаланде большом голоде, во время которого коми приносили жертвы зверю „ур". Ему бросали в пасть золото и серебро и этим вскормили так, что зверь стал злейшим и страшнейшим из всех зверей. Он пожирал людей и скот, опустошил всю область к западу от Двины. Думается, что этот „ур" не кто иной, как белка, в коми произношении. Очевидно, что белка считалась тотемным животным, от которого исходило все доброе и все злое.

По данным археологии и названиям местностей, коми населяют ныне занятую ими страну на севере России не одно тысячелетие. А в XIII—XIV веках коми отразились уже в русских летописях, в которых есть рассказы о „Пермии" как крае древних коми. Название „Пермь" — производное от „парма", буквально — высокое место, поросшее лесом. Коренные коми всегда обозначают свой край словом „парма" в смысле — лесная страна. То, что русские пришельцы назвали край словами из языка коренного населения, не представляет чего-либо необычного: это почти правило, что в названии территории закрепляется туземное слово. Масса населенных пунктов в Северной и Свердловской областях имеют названия коми, сохранившиеся с древнейших времен, когда их заселяли коми.

Таким образом, можно считать установленным, что „Биармия" включала в себя древний Коми край, и название это было дано от соприкосновения с древними коми. Но в буржуазно-дворянской исторической науке с Биармией связывалось представление о „могущественном" государстве с высокой культурой. Это миф, красивая сказка. Прав был Смирнов, когда писал, что „саги — очень ценный историко-этнографический источник", что „ни одна из бытовых черт, отраженных в сагах", „не находится в противоречии с теми данными, которыми мы располагаем относительно древних обитателей нашего Севера". Но в то же время он писал: „Если последующие историки, как Саксо Грамматик (историк XII века. *А. П.*), заговорили о Биармии как могущественном государстве, существовавшем до рождества христова, то это уже их вина".*

Из русских летописей мы знаем, что восточнофинские народы стояли на более низкой ступени развития, чем славяне, что они не могли давать организованного отпора нападавшим на них противникам. Коми не имели прочно установленной военно-политической организации, государства в собственном смысле слова, а те, кого называли князьями, были племенными вождями, не более. Коми периода Биармии (IX—XII вв.) бесспорно были раздробленным на

* И. Н. Смирнов. Пермяки. Стр. 9—11.

отдельные мелкие группы (так как большими группами трудно было добывать себе пропитание в одном месте) охотничьим племенем. Косвенное подтверждение этого имеется у Саксона Грамматика. Очевидно, что были попытки отдельных выборных должностных лиц родовой общины встать над общиной, превратиться в феодалов, т.-е. уже появлялись элементы распада родовой общины. Этот момент фольклором отражен достаточно полно, о чем речь будет ниже. Выходцы из Скандинавии также обосновывались в Биармии, как феодалы. Указания на это имеются в летописях Норвегии, где говорится, что разговоры с викингами „от лица биармийцев" вел бывший среди них норвежец, а Саксон Грамматик сообщает о разговорах, которые от лица биармийцев вел бывший среди них швед. Фольклор коми сохранил легенду о „Кӧрт-айка". Кичин в статье „Корткерос" * сообщает о предании, которое говорит о том, что Кӧрт-айка „более ста лет" наводил страх на коми, пока конец его „злодеяниям" не положил Стефан Пермский. Очевидно, что Кӧрт-айка — не одна личность, а целый род, в течение очень длительного периода времени терроризировавший массы народа коми. В образе Кӧрт-айки народ сохранил воспоминание о феодалах-викингах, облагавших народ данью. Коми назвали железо словом „кӧрт", восходящим к иранскому слову, обозначающему железный нож. Очевидно, обработка железа им не была известна долго, и потому вполне естественно для них представить человека, облаченного в железные латы и вооруженного в изделия из железа, „железным человеком". Скандинавские саги отмечают, что биармийцы не имели оружия и при торговле много раз просили продать им оружие, но скандинавы предпочитали иметь перед собой безоружную толпу чтобы легче было грабить, и оружия не продавали.

Маркс о соответствующем периоде (IX—XII вв.) в истории России и стран Запада писал: „Готический период России, в частности, представляет лишь одну главу в истории норманнских завоеваний. Как империя Карла Великого предшествует образованию современной Франции, Германии, Италии, так империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, Балтийских поселений, Турции, самого Московского государства. Ускоренный темп расширения Норманнской державы является следствием не какого-нибудь заранее выдуманного хитроумного плана, а естественным результатом примитивной организации норманнских завоеваний... Ведение войны и организация завоеваний у Рюриковичей ничем не отличается от такой же организации у норманнов в остальной Европе". Это высказывание Маркса является ключом к пониманию вопроса о Биармии.

Мы не имеем никаких оснований думать, что древние коми были самым передовым народом Европы, имевшим самую передовую военно-политическую организацию. Имеются все основания думать, что эта организация у коми, как и у всех восточнофинских народов, была очень примитивной. Вернее будет сказать, что ее совершенно не было. Скандинавы имели перед собой разрозненные группы охотников, живущих родовым строем, и потому их можно было грабить безнаказанно. Сага о похождениях Торира-Собаки и его спутников повествует о вооруженном столкновении, после чего было заключено перемирие, во время которого происходила торговля. Скандинавы закупили много мехов и отплыли, но вскоре наступила ночь, под прикрытием которой они вернулись и ограбили храм бога Юмалы (Йомы). В других сагах говорится, что биармийцы платили дань скандинавам, т.-е. просто откупались от их грабежей. Можно думать, что скандинавы перестали бывать в Биармии вследствие отпора, данного им новгородцами, колонией которых Коми край

* „Северная пчела", 1852 г., № 108.

стал с начала XIII века. С конца XIV века Коми край стал колонией московских князей. То, что он так легко переходил из рук в руки, лишний раз подтверждает примитивность общественной организации народа коми, неспособность его дать отпор врагу. Правда, и саги и русские летописи говорят о наличии у коми института князей. Но еще Смирнов заметил, что коми название князя („öксы") созвучно словам „öксьöм", „öксьыны" — собрание, собираться. Очевидно, что это были не князья в собственном смысле слова, а выборные служители родовой общины, с о б и р а в ш и е народ по общественным делам и выступавшие от имени общины, как и греческое „базилевс" и немецкое „König" значили не „царь", а „старейшина рода", как это убедительно показал Энгельс в „Происхождении семьи". Московские князья без особых трудностей уничтожили фикцию местных коми князей по миновании в них надобности Общины предпочли иметь дело с наместником Москвы, чем с злоупотреблявшими данной им от московского князя властью своими выборными служителями. Даже Пам, который, судя по житию Стефана Пермского, пользовался исключительным авторитетом, был изгнан из общины приговором самих верующих. Таким образом, до конца XIV века коми имели еще очень слабо разложившийся родовой строй. Правда, борьба между родовыми общинами и отдельными лицами, пытавшимися стать над общиной, происходила, но община всегда оказывалась еще победительницей. Кроме пришельца Кöрт-айки, феодалами ранней формации, образы коих сохранил фольклор, безусловно являются Яг-Морт, Туннур-Як, Шипича, Зук, Иркап. Они враждебны массам своими действиями и, хотя все они имеют на своей стороне колдовскую силу, в конце концов погибают в этой борьбе, ибо масса, родовая община сильнее и умнее их.

Процесс выделения из родовой общины феодальной верхушки был прерван в конце XIV века обращением коми в христианство. Московской государственности не представлялось выгодным выращивание местной феодальной верхушки, и, как только край был прочно прибран к рукам, фикция коми князей была уничтожена, а охотничья родовая община узаконена и поддерживаема наместниками московских царей. Судя по грамоте московского царя, еще в половине XVI века коми жили исключительно охотой и платили ясак с лука. Организация их в этот период имела такой вид: ясачная единица — лук, затем „сотня луков" и „знамя",— „род, имеющий общий знак собственности, тамгу".* В силу этого обстоятельства коми сохранили массу пережитков родового строя, в частности — в отношении семьи, взаимоотношения полов, о чем будет ниже. Пока же можно считать установленным, что Биармии, как „могущественного государства", не существовало.

С начала XIII века Коми край стал колонией Новгорода. Новгородцы ввели народ коми в русские летописи под названием перемь, пермия, пермь.** Номинально край оставался колонией Новгорода до того времени, пока сам Новгород не подчинился Москве, но фактическим хозяином с 1379 года стал эмиссар Москвы — миссионер Стефан, с 1383 года ставший епископом Пермским.

Повидимому, Новгород из своей колонии в виде дани выкачивал немалые доходы. Известно, что демократический строй Новгорода на его колонии не распространялся, поэтому народные массы последних не были заинтересованы в том, чтобы поддерживать Новгород. Если бы массы коми народа чувствовали себя хорошо под властью Новгорода, они бы оказали энергичное сопротивление проискам Москвы. Но налицо было совершенно противоположное

---

* С м и р н о в. Пермяки. Стр. 158—159.

** Русские бывали в этом крае, разумеется, еще раньше. Так, уже в летописных сказаниях 1096 года о Горяте Роговиче упоминается Коми край, но тогда не было еще собственного имени „Перемь".

с появлением в крае эмиссара Москвы миссионера Стефана, Новгород был оттеснен, власть Москвы сразу же становится наиболее авторитетной.

Легкость и сравнительно мирный характер перехода края из рук Новгорода в руки Москвы можно понять из особого труда, если попытаться представить конкретные условия эпохи. Новгород и его представители в крае вели себя, как средневековые хищники: грабили народ. Это же самое делали (т.-е. грабили) обосновавшиеся в крае выходцы из Скандинавии, как и выделявшиеся из родовой общины феодальные элементы.

Данные фольклора говорят, что бывали в Коми крае и татары. Летописи Норвегии приводят факт, когда от татарского нашествия сбежало из „Биармии" в Норвегию много народа. К приезду миссионера Стефана положение в Коми крае можно представить аналогичным следующему: „...повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения... Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку в главе всего феодального порядка — в короле" (в условиях России — в московском великом князе. *А. П.*). Королевская (великокняжеская) власть „была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства". Поэтому „тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из существенных рычагов прогресса в Средние века".*

В условиях, картина которых дана выше, естественно было народным массам Коми края склониться к проповеди московского миссионера Стефана, по существу предложившего протекторат возвышавшейся Москвы краю, благодаря своим пушным богатствам веками (с IX века) являвшемуся объектом грабежа. Признание этого протектората народными массами Коми края также было бесспорно прогрессивно, так как этот край своими пушными богатствами первый приходил на помощь начинавшей складываться московской государственности.

Стефан первый понял роль богатого пушниной Коми края для укрепления московской государственности. Он происходил из семьи пономаря, связанного с богатым купечеством города Устюга, соседившего с Коми краем (начинавшимся тогда от современного Котласа). Он с детства знал язык коми и был образованнейшим человеком своего времени (он был монахом в Ростове-Ярославском, бывшем тогда культурным центром Московской Руси), дальнозорким политиком и человеком большой силы воли. Он знал существовавшие тогда у коми иероглифические письмена на дереве — „пасы" и на их основе выработал коми азбуку и перевел богослужебные книги. После этой предварительной работы, Стефан предложил московскому митрополиту и великому князю Дмитрию Донскому свой хитрый проект, исключавший кровавую борьбу с Новгородом. Проект основывался на том, что Новгород был православным, а центр православия со времени Ивана Калиты переместился в Москву. Таким образом, переход края под протекторат православной церкви фактически превращал колонию Новгорода в колонию Москвы, чем разрешалась первая половина задачи. Вторая (и основная) половина ее состояла в том, чтобы склонить народные массы к признанию протектората Москвы. Конкретная обстановка в крае, как мы видели, благоприятствовала этому. К тому же Стефан выбрал правильный путь, предложив массам народа коми более высокую форму религиозной культуры на их родном языке. К этому надо добавить, что в голодные

---

* Энгельс, статья в журн. „Пролетарская революция", 1935 г., № 6.

годы он подкармливал народ привозимым из Устюга хлебом, а во время набегов враждебных племен на Коми край выступал на его защиту впереди всех. Таким образом он стал популярнейшим в глазах масс деятелем. Перед ним совершенно померкли представители враждовавшей с ним религии — шаманства и начинавшей зарождаться феодальной верхушки. Житие Стефана упоминает Пама как главу коми шаманства, выступавшего противником Стефана и потерпевшего поражение. Так было на территории современной Коми АССР, называвшейся по древним документам — „Пермью Старой".*

Таким образом духовная власть была первой конкретно-исторической формой действительной политической организации, конкретно-исторической формой законченно-феодальных отношений в Коми крае. Для той исторической эпохи, как это показал Энгельс, это было явлением прогрессивным. Народ коми таким путем был втянут в орбиту более тесных связей с другими народами России, прежде всего — с великим русским народом, в течение многих веков игравшим роль организатора и руководителя исторического сотрудничества народов, в первую очередь — для восточнофинских племен. Пусть этим народам, как и самому русскому народу, пришлось проделать мучительный путь исторического развития, зато в конце этого пути народы России первыми оказались в царстве свободы — в социалистическом государстве рабочих и крестьян.

С 1570-х годов народ коми русские стали называть не пермянами, а... зырянами. Еще Лепехин производил это название от слова „зырем",— что значит „оттесненные". Это же толкование названия „зыряне" давали Клавдий Попов и ряд других исследователей. Названием этим достаточно подчеркнут факт превращения народа в колониального раба. Видя политику своего недавнего „союзника" — московского царя, лишившего народ коми даже видимости с в о е й власти — в лице епископа — и конкретно-исторической формы с в о е й национальной культуры (письменность и церковная служба на родном языке), естественно было народным массам с грустью сказать о себе: „ми — зырэм йӧз" („мы — оттесненный народ"). Кличка „зыряне" укрепилась настолько в русской литературе, что действительное название коми до революции никто (кроме самого народа) не знал.

Ясно, что термин „зыряне" следует вывести из употребления, как уже вывели „сарт" (вместо „узбек"), „самоед" (вместо „ненец") и тому подобные пережитки колониального прошлого.

Следующими проблемами, которые надлежит ставить в связи с фольклором, являются проблемы феодализма, рабства и родового строя.

Буржуазные националисты пытались даже в советское время представить Коми край — краем социальной идиллии, где никакого классового антагонизма не было. Националисты отрицали наличие коми-феодализма совершенно, считая его искусственно насажденным московской государственностью. В действительности же, как мы видели, Коми край шел в направлении феодализма. Фольклор отразил борьбу между феодальными элементами и родовой общиной в весьма значительном количестве образов. В Камской же части Коми края институт

---

* В Камской части (современный Коми округ Свердловской области), которая по русским историческим документам той эпохи называлась „Пермью Великой, именуемой Чусовая", феодальные отношения в ту эпоху были более развиты, и потому местные князья выдерживали более длительную (около 100 лет) борьбу не только с посланцами пермских епископов, но и с войсками московских князей, пока не были разбиты войсками князя и царя московского Ивана III в 1472 году. Иван III номинально оставил там правителем местного князька Михаила Пермского, но фактическими хозяевами в крае с самого начала были пермские епископы. Иван Грозный совершенно уничтожил фикцию князей коми, расселив их по другим районам Московского царства.

князей был уже настолько прочен, что решился вступить в длительную борьбу с Москвой. Московские князья прервали этот естественный процесс, помогли законсервировать надолго родовой строй, но этот последний уже отжил свои исторические сроки, а так как помещиков из дворян не было (ни коренной национальности, ни пришлых), то их заместили церковные феодалы и купцы, бывшие на службе у феодально-крепостнической государственной системы. Повидимому, пермские епископы и основанные ими монастыри были первыми крупными землевладельцами, пользовавшимися трудом крепостных и рабов из коми. Известно, что в XVI—XVII вв. епископы Вологды (куда перешла из Усть-Выми епархия) имели крепостных из села Оквад (недалеко от Усть-Выми), и это отразилось в их прозвище — „поповы дети".

От XVIII века мы имеем документальное свидетельство, что вычегодские коми были, по существу, крепостными купцов Сухановых. Вот что об этом пишет академик Лепехин: „29 июля (1771 года. *А. П.*)... в славную приехали зирянскую селидьбу, Усть-сысольским погостом называемую (городом Усть-Сысольск, ныне Сыктывкар, стал с 1780 года. *А. П.*) ... Домы в нем отменнее пред другими селами, и построены две каменные изрядные церкви... Не храмы сии вперяли у зирян почтение к сей селитьбе, но живущие в нем богачи, Сухановы прозываемые, которые и сами произошли от зирянского племени. Проворство их в торговле обогатило их и сделало зирянскими князьками. Каждый зирянин составляет их как бы природного крестьянина, и все его стяжание почти надлежит Сухановым. Они их задатчивают на хлеб и на звериные промыслы и после обирают все их житье-бытье-богачество. Есть ли где увидишь лучшие нивы в ближайших селениях к Устьсысоле и спросишь, кому они принадлежат? Отвечают: Сухановым; есть ли где пасутся стада, стада надлежат Сухановым. *

Из челобитной Елисея Суханова на имя императрицы Анны видно, что 10 мая 1739 года двор и все хозяйство Сухановых было разграблено „воровскими людьми"; бесспорно, что это были не уголовные элементы. Это — классовая месть, и приписка к челобитной говорит об этом вполне определенно, заявляя, что кроме Сухановых никого не трогали. Характерно, что, судя по этому документу, Сухановы имели прозвище „Шипича". А Шипича — очень популярный в коми фольклоре образ, легенда о нем имеется во многих вариантах. Наиболее древние варианты (как идущий в нашем сборнике вариант) относят Шипичу к временам наезда в Коми край новгородцев, которыми будто бы и был убит Шипича.

В селе Немдин (Усть-Нем) сохранилось предание о богатом Бабине, убитом тоже „разбойниками", видимо того же типа, что и расправившиеся с Сухановыми. Из кого рекрутировались эти „разбойники", показывает легенда об Ёрте.

Таким образом очевидно, что по крайней мере с XVII века классовые противоречия в крае Коми уже имели место и были достаточно острыми. От XIX—XX вв. мы также имеем достоверные показания. В статье „Заметки и воспоминания заезжего о зырянах" Ф. Ежов сообщает, что устьсысольские купцы, ведущие обширную торговлю с Питером, достают оттуда себе одежду и бытовую обстановку, у них имеются гувернантки из Питера, дочери порядочно знают музыку и сносно говорят по-французски, и даже есть люди, читающие Байрона в подлиннике. Словом эти купцы вели образ жизни представителей высшего дворянства. Ясно, что для такой жизни надо было много выкачивать соков у коми охотников. От крупных акул — купцов не отставали

---

* „Третья часть Дневных записок путешествия Ивана Лепехина в 1771 году" 1780. Стр. 271—273.

и мелкие щуки — кулаки по селам и деревням, т.-е. все население края было в руках ростовщиков.

В 1908 году П. В. Засодимский в своей книге дает очерк о том, как сбываются в Коми продукты охоты, заканчивая его выводом, что кулаки „получают более, нежели рубль на рубль. Таким образом и оказывается, что бесстрашные охотники работают и подвергаются неудобствам бродячей жизни и всевозможным опасностям лишь на пользу кулаков, которые за все это время пальцем о палец не ударят и, распоясавшись, сидят за кипящим самоваром. Охотники у них положительно в кабале... Даже крестьяне, ничего им не должные, боятся прогневить их и не сбывают товар на сторону: нельзя, надо задобрить кулака про черный день".* Картина ясная. Вот откуда та острая ненависть к купцам и кулакам, которой насыщена коми сказка! Но не только в фольклоре отражалась эта ненависть. Устькуломский бунт 1841—1843 гг. непосредственным поводом имел непосильные подати, наложенные на крестьян местным кулаком — волостным головой. Собранные таким путем деньги шли в карманы царских чиновников и на личное обогащение кулаков — служащих из волостного аппарата. „Бунтовщиков" усмиряли военной силой и поголовной поркой.

При Иване Грозном, в 1558 году было положено начало закрепощения камских коми Строгановыми, а указами Петра I это положение было закреплено „на вечные времена". Положение их под крепостным игом очень выразительно описал академик Лепехин. Повидимому, знали коми и рабство. Об этом можно судить по отражениям в языке и фольклоре. Фольклор сохранил плач девушки, забираемой в рабство татарами. Затем, надо думать, что исключительно-отрицательное отношение фольклора к местным феодалам имеет причиной также и то, что они обращали людей в рабство. Известно ведь, что древние русские феодалы (князья) были поставщиками живого товара в восточные страны, а мы видели, что торговля с Востоком в древности происходила и у коми (в „Житии Стефана Пермского" говорится, что пушнина из „Пермии" шла не только московскому князю, но и в Золотую Орду, „и в Царьград, и в Немци, и в Литву, и в прочая грады и страны и в дальныя языки".** Во всяком случае, отношения рабства были известны в Коми крае еще до Стефана Пермского, так как он мог понятие „раб" передать коми словом („вер"). Повидимому, были рабы из пленных, но было также долговое рабство.

Из русских исторических документов известно существование кабального рабства на Руси еще со времен „Русской Правды". Естественно предположить наличие тех же отношений и в Коми крае, так как работорговля с Востоком и для древней Руси, и для древнего Коми края одинаково служила образцом выгодного использования живого товара. О наличии кабального рабства у коми говорит то, что бумага по-коми названа словом „кабала", и словом же „кабала" названо у камских коми „прошение" на имя Вёрса, а известно, что всякое сношение с „нечистой силой" равносильно закабалению человека этой сверхъестественной силой. В селе Немдине сохранились предания о том, какой страх вызывало слово „вёлышта", сказанное заимодателем должнику: он падал на колени, умоляя смилостивиться, не губить душу, подождать, так как он взятое уплатит и т. п. Долг отмечался путем зарубки на деревянной палочке. Такая зарубка („вёлыштöм", повидимому, означала признание несостоятельным, а несостоятельный должник становится кабальным холопом, рабом у заимодателя.

Такой представляется действительная картина общественных отношений в Коми крае задолго до революции. Вот источник той острой ненависти, кото-

---

* „Лесное царство", стр. 105—106.

** „Памятники старинной русской литературы", вып. IV, стр. 141—142.

рой пропитан коми фольклор в отношении всех его врагов, до христианского бога включительно.

Только победа пролетарской революции смогла дать действительную свободу. Только в результате последовательного проведения ленинско-сталинской национальной политики смогли трудящиеся коми стать равноправными гражданами Союза ССР.

По окончании гражданской войны, в ходе которой были разбиты и уничтожены банды эсера Латкина (организатора коми-контрреволюции) и отряды генерала Миллера, 22 августа 1921 года в составе РСФСР образовалась автономная область Коми. Трудящимся Коми пришлось еще не мало бороться со сторонниками буржуазно-националистических идей, проповедниками „возрождения" никогда не существовавшей „Биармийской державы".

1929 год, год великого перелома, был для Коми области вдвойне значителен. В этом году Коми область вошла в состав Северного края, что обеспечило ей помощь пролетарских районов Севера. Результаты сказались сразу же в виде массового вступления крестьян в колхозы и на основе сплошной коллективизации успешного проведения ликвидации кулачества как класса. Пошло в гору и народное хозяйство области, объем лесозаготовок увеличился в несколько раз; зародились крупная лесохимия и промышленность в Печорском крае (нефть, каменный уголь, консервная фабрика, замшевый завод, промышленность редких элементов, фабрика наждачного камня, самая северная в мире железная дорога Воркута — Уса) и т. д.

Из достижений культурного порядка следует отметить организованные за эти годы два вуза, научно-исследовательский институт и большое количество техникумов, а также появление в свет настоящего сборника фольклора коми в русском переводе. Эти и все другие достижения оказались возможными лишь в результате разоблачения контрреволюционного коми-национализма и ликвидации последствий националистической и правооппортунистической практики националистического руководства области (Коюшев и др.), блокировавшегося с подонками контрреволюционного троцкизма.

Дальнейший рост Коми области нашел свое отражение в 122 статье великой Сталинской Конституции, по которой Коми область стала автономной социалистической советской республикой.

III. Дохристианская религия коми

С конца XIV века коми стали христианами. Стефан Пермский был человек очень энергичный и решительный: „Житие" его повествует, что как только он сумел войти в доверие к народу, то сразу же „идолы попра, кумиры сокруши, боги их раскопа, еже суть болваны истуканныа, изваанныа, издолбленныа, вырезом вырезаемыа,— сиа до конца испроверже и топором посече я, и пламенем позже я; сам по лесу обходя без лености с учениками своими и по погостом распытуя и в домех изыскуя, и в лесех находя я, и в привежкех обретая, и зде и онде, везде находя я, дондеже вся кумирница их испровати, и до основания искореняше я, ни едина же от них не избысть. А еже повешенное около идол или кровля над ними, или на приношение, или на украшение, или принесенное, или соболи, или куницы, или горностаи, или ласицы, или бобры, или лисицы, или медведна, или рыси, или белки,— то все собрав в едину кущу складе и огневи предасть я, кумира преже обухом в лоб ударяше ти, потом топором иссечаше я на малыя поленцы, и огнь взгнетив... сгораше огнем и куча с куницами и кумир в купе с ними". Стефан себе ничего не взял, и „учеником своим си и отроком своим, служащим ему, не повеле оти-

нюдь взяти что от кумирниц или златное, или сребреное, или медь, или железо, или олово, или иное что".*

Вследствие такой ретивой его деятельности, мы не имеем никаких материальных памятников для воссоздания картины дохристианской религии коми, и потому изложенное ниже, бесспорно, будет не всегда точно так, как это было более пяти с половиной веков тому назад. Но мы все же имеем возможность восстановить картину, более или менее близкую к действительности.

Все исследователи отмечают, что коми — христиане лишь по внешности. Так, Добротворский говорит, что коми „христианином назвать мудрено. У него две веры: своя собственная, перешедшая к нему по преданию от времен давно минувших, и церковная... Из смешений этих двух верований" и состояла религия коми.**

В этом отношении христианство было чрезвычайно удобной религиозной системой. Лафарг отмечал, что „христианство образовалось из мифов всех народов, которые при римском владычестве утратили свою национальную самостоятельность и составили очень пеструю смесь... Именно потому, что христианская религия была смешением различных бывших в ходу мифов, она могла быть принята различными народами".*** Эти народы вносили в понимание ими христианства многое от своей предшествующей религии, и потому можно под христианской внешностью обнаружить прошлое.

Язык и фольклор также дают много материала для восстановления дохристианского прошлого. Кроме того, мы имеем данные о религии родственных восточнофинских народов, сохранивших древнюю религию до очень недавнего времени, например, у марийцев. Характер народа мари воспитался так же, как и коми, в лесах, мифология порождена лесом, в языке много общего, поэтому вполне закономерна будет известная аналогия между древней религией мари и коми. Наконец, имеется такой ценный исторический памятник, как житие Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым вскоре после смерти Стефана. Кое-какие сведения дают скандинавские саги и русские летописи. Вот на основе всех этих источников и попробуем воссоздать дохристианское прошлое религии коми. Работа облегчается тем, что рядом исследователей собрано уже немало ценных наблюдений и материалов по данному вопросу.

Из жития Стефана Пермского узнаем: Пам в диспуте со Стефаном, говоря о преимуществах древней религии коми, ссылался на то, что „у христьян един бог, а у нас мнози бози, мнози поспешницы, мнози поборницы: те нам дают ловлю и все елико в водах, и елико на воздухе, и елико в блате, в дубравах, и в борех, и в лузех, и в порослех, и в чащах, и в березнике, и в сосняге и в ельнике, и в рамене, и в прочих лесех".****

Налицо картина религии народа, имевшего бесчисленных богов. Аналогичное имеется у мари и у других финских народов. Из русских летописей узнаем о поклонении зверям, деревьям, огню, солнцу, воде и Золотой Бабе. Из послания митрополита Симона князю Михаилу Пермскому узнаем о существовании бога Войпеля. Очевидно, коми до принятия христианства имели религией одну из разновидностей шаманства, до последнего времени сохранившегося у многих народов Сибири. Если обратиться к коми нашего времени, то в его языке, фольклоре, мифологии, суевериях, обычаях и т. п. мы можем проследить пережитки прежней религии.

---

* „Памятники старинной русской литературы", вып. IV, стр. 136—137.

** „Вестник Европы," 1883 г., № 4, стр. 574.

*** П. Лафарг. Очерки по истории культуры, 1926, стр. 190.

**** „Памятники...", стр. 136.

Установлено наукой, что анимизм являлся у всех народов одной из древнейших форм религии, хотя и не самой древней. В эпоху палеолита (древнекаменного века) человек, вполне зависимый от окружающей природы и еще не выделявший себя из ее (природы) состава, всю природу воспринимал как совокупность всевозможных живых сил. Это всеобщее обожествление природы считается древнейшей религией человечества. За ней следует культ предков (причем жизнь после смерти представляется как прямое продолжение реальной жизни) и как следующий этап — анимизм, представление, что за каждой видимой вещью имеется ее двойник — дух, сходный с реально-существующим предметом, но невидимый. Пережитки всех этих этапов развития религиозного мышления человечества мы можем проследить у коми. При этом следует снова подчеркнуть, что „религиозное мышление" нужно понимать весьма условно, ибо это было, как указал Максим Горький, „чисто художественное творчество", художественное отражение реальных успехов труда или же стремление познать непознанное, освоить неосвоенное и тем облегчить свой труд, усилить его продуктивность.

Ко времени, с какого мы имеем первые сведения о религии коми, мифотворчество народа коми было уже на значительной высоте. Повидимому, складывалось оно под воздействием восточной мифологии. Первые известия о древности коми мы имеем в сагах, из рассказов о „Биармии", и оттуда узнаем, что биармийцы имели богиню Йомалу. Думается, что она тождественна с Золотой Бабой, об обожествлении которой говорят русские летописи и Герберштейн. В современном фольклоре эта богиня действует под тем же именем (Йома), но уже с чертами русской бабы-яги. Повидимому, богиня Йома возникла в условиях борьбы между матриархатом и патриархатом и изображалась с атрибутами мужского пола. Из истории религий древнего Востока известно, что там нередко было изображение мужского пола богов с атрибутами женского пола, а женские особи изображались с атрибутами мужского пола. Были и боги-гермафродиты, производившие и рожавшие без посредства особей другого пола. Лафарг показал, что эти мифы — отражение борьбы между патриархатом и матриархатом. Думается, что такой же представляли себе коми и богиню Йому. Указание Герберштейна на то, что Золотая Баба изображалась с двумя детьми мужского пола (на спине и сбоку), можно также рассматривать как символ двуполости Йомы. Она была злым божеством. На это указывает сохранившееся до сих пор выражение „Йомакодь льок" (зла, как Йома). Так говорят о сердитых, сварливых пожилых женщинах. Из этих представлений можно заключить, что Йома представлялась чем-то вроде Лоухи — „севера хозяйки" из „Калевалы":

Унесу в утес я месяц,
Я в горе запрячу солнце,
Я морозом заморожу,
Застужу я сильной стужей
Что ты вспашешь и посеешь,
Все посевы и запасы".*

Повидимому, Йома управляла погодой, могла насылать голод и болезни.

Божеством, со своим определенным именем вошедшим в исторические источники древности, был также Войпель. Точных указаний на то, что представляло собой это божество, нет, в фольклоре оно также не отразилось. Этимологически название состоит из слов „вой" — ночь, север и „пель" — ухо, т.-е. ухо

* „Калевала". Изд. „Академия", 1933. Стр. 252.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

8476 к. 17419. 160539.

севера, ночи. Ухо и ветер у коми сближаются: про погоду говорят: „пельвундэ-тӧла". Этнографы указали на сходство Войпеля по этой этимологии с божеством Шуа, будто бы обретавшимся на одной из вершин Северного Урала, горе Тӧлпозиз, что в переводе на русский язык означает „каменное гнездо ветров". Указание русских летописей на то, что древние коми обожествляли камень, повидимому, также следует связывать с этой горой. На Тӧлпозиз, будто бы, обитает грозный бог Шуа, который не любит шуму, и потому, проходя мимо этой горы, надо соблюдать полную тишину, иначе Шуа пошлет ветер, буран и засыплет снегом. В Новгородскую летопись вошла легенда — рассказ Гюраты Роговича о горе на Печоре, в которой был „клич велик и говор". Повидимому, эта легенда относится именно к Тӧлпозиз и к божеству Войпелю — Шуа.

Обожествление северного ветра у коми, бесспорно, было. По представлениям коми, болезнь всегда насылается либо божеством, либо злым человеком. Ревматические судороги названы, „войтэв кыскалэм", т.-е. „дергает, сводит северный ветер". На обожествление ветра же указывает и то обстоятельство, что в верховьях Эжвы ветер представляют человеком высокого роста с прозвищем „Кузь Иван" (Иван Длинный). Когда на гумне просеивают зерно и нет ветра, то его специально приглашают свистом и приговариванием: „тэлэ, тэлэ, пӧчыд кулы", т.-е. представляют, что ветер имеет бабушку, которую очень любит, и, услышав весть о ее смерти, он моментально понесется к ней. Чтобы утихомирить его, нужно сказать, что бабушка его здорова, и ветер тогда успокоится. На основании всего этого можно считать, что ветер действительно обожествлялся, и Войпель был главным божеством севера, зимы, ветра и ночи.*

Главным божеством коми являлся „Ен". Между исследователями, писавшими о древней религии коми, имеются разногласия по вопросу о Ен. Большинство считает, что он существовал до христианства. Другие же (например, Красов) говорят, что Ен в древней религии коми отсутствовал, что слово введено Стефаном Пермским для обозначения христианского бога и произведено от „Йон" — сильный, как для противоположного („дьявольского") начала использовано слово „омель" — слабый. Соображение это не лишено основания.

И все же Красов не прав. Выражения вроде „енмануа костын" („между небом и землей") говорят о том, что под „Ен" понималось небо. В религии Ирана также было обожествление неба. У удмуртов центральное божество „Инмар" также значит небо. Обожествлялось, повидимому, не небо вообще, а солнце.

Культ солнца был очень распространен у всех северных народов в глубочайшей древности. Еще византийский летописец времен Юстиниана — Прокопий описал праздник появления солнца у скандинавских народов, как величайший из праздников их религии. Культ солнца был и у славян до принятия ими христианства. Да и само христианство является не чем иным, как отражением, очеловеченной переработкой древнего культа солнца. Бесспорно, культ солнца существовал и у коми. Фольклор коми сохранил очень много сказок и легенд, где фигурируют солнце, мать солнца, сын и дочь солнца, также бык солнца. Смирнов приводит сказку, где солнце представлено человеком в красной рубашке, купающимся в молоке перед тем как выйти на небо, и потому оно такое яркое.

Споривший со Стефаном „патриарх" древней коми религии Пам носит звание „сотника". Совершенно очевидно, что это звание нельзя производить от русского понятия „сто", считать Пама возглавляющим какую-то „сотню". Очевидно, название это надо производить из языка коми. У марийцев верховное

---

* Ветер, зиму и месяц коми представляли родственными и обозначали одним словом „тӧл" — зиму и ветер, а „тӧлысь" — месяц.

божество Юма, в числе множества эпитетов, имеет эпитет „сотня" — от „сота" — свет. В языке коми слово „сота" означает „жечь", „палить". Солнце как раз и обладает этим качеством. Следовательно, „сотник" будет означать служителя бога солнца.

Так как единобожие у коми еще не имело реальных корней в земных отношениях, поэтому и „Ен" представлялся чем-то весьма отвлеченным: очень могущественным, живущим высоко в небе, в самой лучшей керке (избе) и самым богатым, но очень далеким от людей. Все же практические житейские заботы коми крестьянства обслуживают и удовлетворяют боги меньшего масштаба, заведующие определенными отраслями. За века христианства эти боги хотя, и потускнели, но еще не вполне уступили своих мест христианским богам. В древней коми религии бесспорно существовал бог-громовник. Возможно, что он носил название „мор": до сего времени сохранилось выражение „мор лыйас", т.-е. „мор выстрелит" (застрелит, убьет). Бог-громовник во всех религиях представляется мечущим громовые стрелы, т.-е. распоряжающимся молнией. Позже он был вытеснен пророком Ильей, который (наряду с Николаем-угодником) был популярнейшим из христианских богов у коми.

Популярность Ильи можно видеть в следующей легенде, приводимой Добротворским: „В одной керке — избе собрались на пирушку пророки. Тут же был и Илья пророк. Все другие — пророки как и быть: жирные да толстые такие, что твои коровы яловые, а Илья — худенький, ровно бы спичка какая. Вот и стали пророки смеяться над ним: „Что-де ты за пророк! И сил у тебя нет, да и худ ты, как ветла середь поля. Не на пророка ты похож, а на карамору, по стенам бы тебе лазить, а не с нами сидеть". Горько стало Илье. Вышел он из избы да и взмолился Ену: „Господи,— говорит,— ты меня любишь, а суседи-пророки обижают. Не дал ты мне красоты пророческой, дай же хоть силу". И услышал его Ен, дал ему огниво и кремень: „Вот,— говорит,— тебе сила, Илья". Стукнул Илья огнивом о кремень,— как загремит, загремит у него, самому страшно сделалось. Пророки, что сидели в избе, так и попадали все. Вышли они и Илье поклонились: „Сильный ты пророк, Илья; любит тебя Ен, будь же ты нам набольшим отныне до веку". И стал Илья во старшие им. И гремит он с тех пор на небе на страх дьяволам и грешным людям".*

Имя Ильи пристегнуто здесь к древнему богу грома религии коми, но характерно, что Илья рисуется тощим бедняком, тогда как все другие пророки „жирные да толстые". Быть может, это обстоятельство и явилось источником особой его популярности у коми. Именно в день его памяти (20 июля) до очень недавнего времени справляли коми свой праздник, древнее происхождение которого было очевидно всем, кто об этом писал, а писали многие, начиная с Лепехина. Праздник отмечался охристианенным жертвоприношением у церкви, по окончании которого присутствующие съедали мясо жертвенного животного. Бесспорно, что этот обряд ведет к глубочайшей древности, когда в жертву богам приносились люди. В статье „Зырянская мифология" проф. А. Н. Грен утверждает, что в верховьях Эжвы „существовало религиозное людоедство, сохранившееся урывками вплоть до эпохи Николая I". Приходится сомневаться в последнем. Со времен Стефана коми очень тесно общались с русскими, но никто ни разу не отмечал у них людоедства. В глубокой древности, повидимому, с культом Йомы были связаны человеческие жертвоприношения, при которых жертвенное мясо поедалось участниками. Это не представляет какой-либо особенности древней религии коми, а было присуще всем религиям древности. По этому поводу Лафарг говорит: „Кровь, в особенности челове-

* „Вестник Европы", 1883 г., № 4, стр. 575—576.

ческая кровь, была тем нектаром, который связывал людей с божеством и между собой. Человеческой крови всегда приписывались таинственные особенности, человек был приятнейшей жертвой для божества. Обрезание и другие увечья были смягченной формой первоначальных человеческих жертвоприношений. Подобно животным жертвоприношениям, обрезание также обозначает и смягчение первобытного культа,— прежде приносили в жертву людей, потом стали заменять их животными или довольствоваться незначительными увечьями".* Христианское причастие — символическое поедание „тела и крови христовой"— также пережиток древнего религиозного людоедства.

У коми христианство повело к замене человеческого жертвоприношения животными. На это указывает чрезвычайно распространенное (на Вишере, в верховьях Эжвы, у камских и у вятских коми) предание, что в древности в Ильин день к церкви прибегал олень, которого закалывали, варили и с величайшим благоговением поедали. Но вот однажды олень не явился во-время. вместо него закололи и стали варить корову. В это время прибежал олень и, по одним вариантам, тут же упал замертво, по другим — увидев, что обошлись без него, повернулся и убежал обратно в лес. С этого времени олень перестал бывать, и тогда стали закалывать домашних животных.

Имелось поедание и других культовых животных. Так, Ф. Ежов в статье „Заметки и воспоминания заезжего о зырянах" описывает сохранившийся в древности обряд ловли и поедания священной щуки. Щука в древности, бесспорно, почиталась божеством. На это указывает то обстоятельство, что крестовидная кость в голове щуки и челюсти щуки являются принадлежностями колдовства у коми знахарей. О культовом почитании щуки говорит также выражение „сьир пинь горшад" („щучий зуб в глотку"), выражение, употребляемое в целях предохранения от „вомидз" (о котором ниже).

В указанной статье Ежов пишет: „Многие отдаленные зырянские деревни еще и до настоящего времени заражены языческими предрассудками и питают особое уважение к различным животным и рыбам. Так, крестьяне, живущие за селом Усть-Кулом по дороге к Печоре, приписывают необыкновенное целебное свойство щуке, которая ловится у них в озерке Кадомском, и почитают это озеро и рыбу, которая ловится в ней, святыней... Местные крестьяне рассказывают, что озеро это во время сильного ветра бывает иногда чрезвычайно тихо и, наоборот, в тихую погоду бурливо. В это время уж ни один из жителей не согласится переехать через него ни за какую цену, потому что в нем, говорят они, в это время играют злые духи. Когда же буря стихает, утром следующего дня, при восходе солнца, прибрежные жители приходят на это озеро, молятся там, а иногда даже, по прежним своим языческим обычаям, приносят натощак жертву водяным богам и усаживаются на берег ловить рыбу. Тут они закидывают невода и сидят в молчании и без движения на большом расстоянии один от другого с час времени, выжидая знаменитую щуку. Щука эта, говорят, бывает довольно крупной, весит иногда с полпуда и более. Голова ее очень велика и толста, хвост чрезвычайно длинен и широк, зубы очень большие и острые, расстояние же в длину между головой и хвостом весьма незначительно, и потому зыряне уверяют, что она совсем не имеет ни спины, ни брюха.

„Когда рыболовы выловят эту необыкновенную щуку, то с величайшим триумфом несут ее в избу и кладут в сухую, чистую кадку, покрытую сверху холстом. Рыбу эту держат до первого предстоящего праздника, в который варят ее и едят натощак, как святыню. Мясо ее, говорят, очень приятно и по-

* П. Лафарг. Очерки... Стр. 237.

ходит больше на мясо стерляди, чем щуки. Крестьяне употребляют его как целительное средство от многих болезней".*

Таким образом, жертвоприношения с поеданием жертвенного мяса (будет ли это человек, олень, корова или щука) в древней религии коми бесспорно были. Илья заместил прежнего бога-громовника, и потому именно в день его чествования происходили эти жертвоприношения.

Кроме бога-громовника, было божество ясной, теплой погоды, пережиточно сохранившееся в названии радуги „Ӧшка-мӧшка" — буквально „бык-корова". Судя по этому двойному названию, это божество тоже было двуполым Также двуполым, повидимому, было божество урожая. Об этом можно судить по тому, что вычегодские коми представляли его божеством мужского рода („Пӧлудь-айка" или „Сю-пӧлудь", где „айка" — мужчина, свекор), а камские коми представляли его женщиной („вуншӧрика" — полудница).

Было также божество молочного скота. Леса и населяющие их звери и птицы были подвластными божеству „вӧрса". Это самый популярный в коми мифологии и фольклоре персонаж, как это можно видеть и из нашего сборника. Н. Добротворский пишет, что к церковному богу коми обращается редко, что вӧрса им „и заступник, и покровитель, и вместе страшно карающая сила".

В воде особое божество — васа, бауса, вакуль, куль-васа (различное в различных местностях произношение одного и того же названия), о котором также писали все исследователи. Коми-бывальщины дают возможность с достаточной полнотой представить себе эти божества (вӧрса и васа). Каждый лес, каждая река, каждое озеро имели свое особое божество.

Обожествлялись не только лес и воды как целое,— обожествлялись отдельные представители животного и растительного царства. О культе щуки уже говорилось. Из приведенных в сборнике материалов читатель видит, что медведь тоже может превращаться в человека, может жить семьей и т. п. Из этого можно вывести заключение, что медведь также обожествлялся, есть представление, что он был человеком и может в него обратиться, как и человек может подчас превращаться в медведя.

Вообще у коми широко распространено представление о возможности превращения из одного состояния в другое: в животное, растение, в какой-либо предмет и т. п. Этой способностью пользуются-де „еретники" — люди, знающиеся с „нечистой силой". Они могут человека испортить, наслать на него болезнь, могут превратить в „вежэм" — подмененного. Чаще всего в вежэм превращаются грудные дети от неосторожного, грубого слова матери. Вежэм хил не растет, или же от рождения урод (то мохнатый, то с шестью пальцами и т. п.). Чтобы вежэм вновь стал человеком, надо его накрыть корытом и под этим корытом проделывать манипуляции, будто рубишь вежэм на части. Это представление было очень живучим. Пишущий эти строки помнит о подобном случае в своем детстве. У одного из соседей родился ребенок, покрытый шерстью, его сочли за вежэм и подвергли указанной операции (после которой ребенок умер). Другим способом из вежэма вновь превратиться в человека является согласие лица другого пола вступить с ним (вежэмом) в брак, даже если этот вежэм превращен в „рос" (метелка).

Повидимому, было религиозное почитание и других животных и птиц, почитавшихся тотемами, о чем можно догадываться по прозвищам у коми. Деревья также почитались божественными. Ольха, например, носит название „сӧспу" — чистое, священное дерево, или „ловпу" — дерево жизни, души. Можжевельник и до сих пор считается обладающим свойством очищать, поэтому несомненно

* „Вятские губернские ведомости", 1857 г., № 30.

он тоже обожествлялся. Священными деревьями почитались также рябина, черемуха. Но особенно почитаемым деревом у коми, как и у мари, была береза.

На основе местных рукописей, собранных А. И. Поповым, М. Михайлов приводит следующую легенду о „прокудливой березе", будто бы почитавшейся одной из величайших святынь народа коми и уничтоженной Стефаном Пермским. „По прибытии в Усть-Вымь, Стефан поселился на горе, в месте лесном и пустынном, подле чтимой зырянами кумирницы, куда они приходили на поклонение идолам. Близ кумирницы находилась необыкновенной величины береза, толстая в объеме и широковетвистая: „бе бо древо то велико зело, яко и трием человеком едва обняти возможно бысть: вельми прокудливо". Идолопоклонники почитали березу как божество и приносили ей в дар дорогие шкуры пушных зверей; навешивая их на ветви, совершали свои обряды, вопрошали березу о будущем и получали пророческие ответы". Стефан решил уничтожить ее. Когда он рубил березу, „за каждым ударом разносились в воздухе жалобные стоны и крики: „Стефане, Стефане, зачем нас гониши? Сие наше есть древнее пребывание"; за каждым ударом струились из дерева разноцветные ручьи смрадной крови". За день Стефан не успел повалить березу и ушел, оставив в дереве свой топор, а на следующий день оно вновь было цело, топор же лежал на земле. Лишь на третий день свалилось дерево „с ужасным грохотом и воплем, земля под ним потряслась, и воды реки всколыхались. Стефан велел разрубить березу на части, разломать кумирницу, наносить сухого хворосту, сделать высокий костер и поджечь его. „Береза запылала неестественными огнями. Черное облако дыму клубом поднялось на воздух и омрачило землю, треск и шум раздавались далеко в окрестностях". Когда все сгорело, „небо покрылось тучами, ударил гром, полился проливной дождь, поднялась сильная буря, и ветер развеял пепел от кумирницы и березы прокудливой". Предание утверждает, что место, где высилась береза, находится под дьяконским амвоном в нынешней церкви архангелов в Усть-Выми. „При построении каменной церкви, когда начали разбирать ветхую, деревянную церковь, действительно нашли под престолом ее сгнивший пень большого дерева", который целиком разобрали местные жители, как реликвию.*

Пережитком древнего культа растительности, несомненно, является веник, которым парятся накануне Иванова дня (24 июня старого стиля). Веник этот составляется из веток березы, черемухи, рябины, ольхи, только что распустивших листья, и цветка лютика (называемого у коми „купальница"). Такой веник, по представлению коми, дает силы и здоровье, которыми обладают указанные деревья. После бани эти веники всех членов семьи несут на реку и бросают в воду. Чей веник утонет, тот в этом году умрет, а чей отделится от остальных, но поплывет,—тот в этом году отделится от семьи (выйдет замуж, уедет и т. п.).

Остались у коми и пережитки тотемизма. Белка и медведь, бесспорно, были тотемными животными. Известно, что — по воззрениям тотемистов — человек данного рода происходит от своего тотема. Представление о человечности медведя, несомненно, восходит к тотемическим воззрениям. К ним же следует отнести и представление о дереве — двойнике человека. В древнеиранском культе бога Митры человек, как двуполое существо, возник из древа жизни, т.-е. дерево считалось родоначальником человечества. Аналогичное этому мифу можно найти и у народа коми. Так, например, ольху коми называли „Ловпу",— т.-е. дерево жизни. У коми существовало представление о том, что каждый человек имел свое дерево-двойник. Если человек наткнется на своего двойника-дерево и сделает себе что-нибудь из этого дерева, то будет счастлив. Если, например, из

* М. Михайлов. Опис е Устьвыма. Вологда, 1851, стр. 63—68, 338.

него сделать стол,— то он всегда будет полон яств; если лыжи,— то они будут нести своего обладателя с быстротой ветра, куда нужно, как только человек об этом подумал. Фольклор сохранил имя одного из обладателей таких лыж — Иркапа.

Кроме этих элементов обожествления разнообразных сил природы и покровителей человека в различных отраслях его труда, у коми имеются ясно выраженные пережитки культа предков. Из культа предков у удмуртов развилось родовое божество воршуд. Коми также имели слово „вор" в смысле род (на что указывает двусложное слово „кыввор", где „кыв"— язык, речь и „вор"— род. „Кыввор"— значит разговорчивость, следовательно, речь коми считали результатом родового строя, орудием общения членов рода между собой). Отсюда можно думать, что в дохристианском прошлом коми также имели родовых богов, аналогичных удмуртскому „Воршуд" (сохранившемуся до революции). Несомненным пережитком этих родовых божеств являются сохранившиеся представления об олыся (буквально „живущий"), бубыля (или титимера, от русской кикиморы), пывсян-айка, рыныш-айка, кутьтя-войса. Олыся имеет другое название —„дед", чем и выдает свое происхождение из культа предков. Он во сне душит, но вообще довольно мирное существо. Например, когда видит вдову с малыми ребятами, бескоровную, то насылает ей в хлев корову (правда, если к этой корове войти с кем-нибудь посторонним, то коровы не окажется). Когда скотина голодает, то дед посылает вязанку сена, которая сама будет катиться по улице и оказывается под носом у скотины, хотя двери кругом закрыты. Таким образом, это божество — покровитель дома. „Бубыля" (титимера) — враждебное существо, насланное злыми людьми. Чаще всего насылают его плотники, обделывавшие внутренность избы. Им это легко сделать: стоит на щепку накапать несколько капель крови из мизинца левой руки, и бубыля готов: покоя в доме не будет, придется его забросить (будет пугать). Повидимому, эти несколько капель крови оживляют „дух" злобного предка.

Пывсян-айка — дух, живущий в бане, рыныш-айка — в овине. Кутьтя-войса— злые божества, активно враждебные человеку от рождества до кануна крещения, когда крещенской водой всех их изгоняют из домов, а затем топят в иордани во время водосвятия. У камских коми аналогичное кутьтя-войса божество называется чудьдез, а племя чудь считалось предками современных коми.

Есть еще враждебные человеку существа „шева-пийан". Их хранят в „шева-чуман" (посуда из бересты) „еретники" или „щыкедчиси". Шева-пийан — маленькие злобные существа, доставляющие человеку тяжелую нервную болезнь „шева" (кликушество). Наиболее обстоятельно описание „шевы" (у камских коми аналогичная болезнь называется „икота") дал С. В. Мартынов в вышедшей в 1905 году книге „Печорский край". Автор — очень добросовестный исследователь, врач по образованию, был в крае ссыльным. Он пользовался материалом района Печоры, но картина болезни такая же и в других районах Коми края. Повидимому, шева-пийан (т.-е. „сыновья шевы) считались порождением божества шева, от чего и болезнь получила название „шева".

Итак, вся природа для древних коми представлялась населенной различными духами, живущими и на небе, и под землей, и под водой, и, конечно, на самой земле. Душа человека признается существующей в трех видах. Под первым понимают внешнее проявление жизни организма: дыхание, рост, способность двигаться („ловья"). Этим качеством наделена вся органическая, а по некоторым воззрениям и неорганическая природа, например, камень. Под вторым понимается душа в абстракции („лов"), как особое существо, могущее отделяться от человека и жить особо. При смерти тела душа выходит в виде пара и начинает отдельное существование. В течение сорока дней живет в доме на прежнем положении, затем, повидимому, отправляется на суд Ена, который,

смотря по тому, как человек вел себя в жизни, приговаривает его вести и в дальнейшем земную (но невидимую живым) жизнь: или добродетельную (покровительствовать живым и т. п.), или враждебную людям (вредить им, пугать, воплощаться в болезнетворные существа и т. п.). Живые за это должны угождать мертвым, например, при каждой еде приглашать к столу („вошйедем"; представляют, что при этом приглашаемые подходят к столу и питаются паром горячей пищи), а от враждебных предохраняться всеми возможными способами до жертв включительно. Под третьим понимается „орт" — двойник человека, и при его жизни живущий отдельно. „Орта" может видеть каждый, он всегда и во всем (до деталей одежды, походки, привычек и т. п.) походит на свой живой прообраз. Появление орта чаще всего предвещает смерть. Весть об этом орт дает материально: посредством синяков на теле или же разных звуков (треск матицы, падающие горшки, кринки, звуки работы топором и т. п.). По этим звукам стараются угадать, кто должен умереть: если это связано с женским трудом и обязанностями — умрет женщина, если с мужским — мужчина, обычно хозяин или хозяйка (у детей орта, повидимому, еще нет, он имеется только у взрослых).

Вот из этих воззрений и родились представления об „олыся" (или „дед", „суседко"), „пывсян-айка", „рыныш-айка", „чудь-дез", „кутьтя-войса". Первые три — покровители дома и хозяйственных построек, очевидно, произошли из предков рода, ничем отрицательным при жизни не отмеченных; остальные же — из тех, кто и при жизни были враждебны людям или только данному роду („еретники", „тёдыси", „щыкедчиси" и т. п.). У мари также имеются категории богов из умерших людей, отмеченных при жизни чем-либо положительным, а чаще — отрицательным, например, „вадыши". П. Знаменский в религии мари, как поразившее его явление, отмечал „отсутствие всякого идеализма... какой-то сухой практицизм, далекий от всего того, что не относится к обыденной жизни". В этой религии „на первом месте стоят обряд, примета, жертва", которой можно добиться у божества чего-либо нужного. „Отношение к богам чисто утилитарное". Этот же практицизм выразился в особом культе злых божеств во главе с „Кереметем". Так как „религиозное чувство особенно проявляется в случае грозивших несчастий, злые божества жертвы получают чаще и богаче, чем добрые, хотя добрые и злые — понятия весьма условные: „Все добрые божества добры из корысти, из-за жертв, добры до тех пор, пока их ублажают; осердившись, и они не уступают в злости Кереметю, а если этого последнего ублажать жертвами, то и он не вредит человеку". Т.-е. „добро и зло" происходят из отношения человека к божеству".

Этот характер свойствен всякой первобытной религии, и он в особенности подчеркивает правильность положения о том, что мифология вырастает из стремления познать и подчинить себе стихийные силы природы. О религиозно-мифологической форме освоения мира человеком можно сказать словами Ленина, что „... она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания".*

Утилитарный характер дохристианской религии коми также подчеркивается исследователями. Отношение божеств к людям определяется исключительно тем, как сам человек отнесся к богу, и если человек не сумел угодить, то и бог-покровитель накажет строго. Дух дома „олыся" — существо бесспорно добродушное. Но и он может напугать до безумия, может душить во сне и даже убить. Например, в Немдине, примерно в 1910 году, во время подъема сруба избы был

---

* Ленин, Сочинения, том XIII, стр. 304.

убит свалившимся сверху бревном домохозяин (которому возводили постройку) Никифор Егорович Попов. Избу эту он купил в дер. Краснояре и доставил рекой в Немдин. Это был очень увлеченный обогащением крестьянин, перераставший из крепкого середняка в кулака. По поводу его смерти односельчане говорили, что его убил олыся — дух дома за эту жадность, за стремление к обогащению, ради которой был разрушен жилой дом в Краснояре, и местный олыся остался бесприютным. Про „васу" гозорят, что для любимого им человека он превращает лодку, наполненную рыбьей чешуей, в лодку, наполненную серебряными деньгами, и таким путем помогает ему разбогатеть, жить в достатке.* Но тот же васа может утопить человека. Вёрса может наслать дичи и промысловых зверей видимо-невидимо, но он же может напугать, украсть дорогу, увести скотину и т. п.

Вообще каждое божество может быть источником несчастья, поэтому до недавнего времени сохранились всевозможные способы распознавания источников несчастья и меры их умилостивления. Для распознавания причины несчастья у камских коми существовал обряд „черёшван" („вешание топора"), очень обстоятельно описанный проф. Яновичем.** Это —„заклинание, при помощи которого можно вполне достоверно узнать, какой бог или какой покойник рассердился" (Янович). У вычегодских коми узнавание происходит, главным образом, путем смотрения на воду. Одним из способов умилостивления у камских коми была „кабала". Это — прошение, адресованное к вёрса. Пишут его в случаях пропажи скота. По просьбе пострадавшего, пишет „тёдысь" на бересте, особыми иероглифами. Пишется всегда в двух экземплярах: один — гвоздем, другой — углем. Написанный гвоздем экземпляр податель прошения сам сжигает в печке (огонь и у мари был способом общения с богами, как показал П. Знаменский), а написанный углем экземпляр тёдысь и податель „кабалы" несут в лес, в котором пропала скотина. Здесь, на перекрестке двух лесных троп, тёдысь передает кабалу своему спутнику через левое плечо; а тот левой же рукой кладет ее на пень или бросает в кусты. В кабале содержится просьба вернуть пропавшую скотину с обещанием жертвы.

Таков основной круг мифологических существ, отразившихся в фольклоре коми. „Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения".*** Суровая природа севера, постоянно угрожавшая жизни, здоровью и благополучию человека, породила их, и потому Олимп коми — не лучезарный Олимп древней Греции, хотя с последним есть несомненное родство, заключающееся в том, что тот и другой — порождения „детства человеческого рода". В Греции, как и везде в древности, предпосылкой искусства явилась „мифология, т.-е. природа и общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом в народной фантазии". В Греции, в силу благоприятных географических условий, детство человеческого общества „развилось всего прекраснее", греки были „нормальными детьми", и потому их мифология и искусство сохраняют „значение нормы и недосягаемого образца".**** Мифология коми не может претендовать на это, но и она ценна для нас, как почти единственный источник, проливающий свет на „дела давно минувших дней, преданья старины глубокой", отразившиеся в фольклоре, составившем содержание настоящей книги.

---

* Хотя, рассердившись, может обратно превратить эти деньги в рыбью чешую. Повидимому, следствием такого воззрения и объясняется одинаковое название рыбьей чешуи и денег: „сьӧм".

** „Живая старина", 1903 г., вып. I—II, стр. 51—63.

*** К. Маркс. К критике полит. экономии. 1933. Стр. 36.

**** Там же.

IV. История занятий фольклором коми

Первым человеком, обратившим внимание на фольклор коми, был известный русский критик Н. И. Надеждин. Как известно, он в 1836 году в своем журнале „Телескоп" напечатал знаменитое „Философическое письмо" Чаадаева, за что автор по приказу Николая I был объявлен сумасшедшим, а Надеждин сослан в Устьсысольск. Так назывался официально (так как народ звал по своему названию, узакопенному ныне) современный город Сыктывкар, столица Коми АССР. Надеждин три года жил в сердце Коми края и внимательно наблюдал, изучал нравы, обычаи, характер, язык и фольклор народа коми. Результатом этих занятий явился ряд его статей. Из них особенно ценна статья „Народная поэзия у зырян" (1839 г.). Эта статья и явилась первой работой, обратившей внимание на народ коми и его фольклор.

Он пишет: „Живя между зырянами, я не знал другого средства занять себя, как и з у ч а я моих сожителей. Это было занятие благотворное, которое содержало душу мою в непрерывной деятельности, неистощимой и неизнурительной... Изучая зырян, я с ними сблизился, подружился. Они составили для меня общество, все же более живое, а потому больше и оживительное, чем сообщество мертвых книг... По счастью, это общество не имело самых обыкновенных слабостей живых обществ — принужденности, подозрительности, взыскательности". К Надеждину, как к ученому, отношение было особенно внимательным, так как коми „не только не пугаются учености, но даже питают к ней какое-то особое благоговение". Коми, по словам Надеждина, приняли его „очень радушно, охотно дозволили изучить себя".

При своих занятиях Надеждину, исходившему из тезиса: „где жизнь, там и поэзия", удалось открыть оригинальную форму фольклора коми „бэрд-кыв" — плачи при выдаче невесты замуж. В своей статье он приводит в русском переводе два таких плача. По поводу плачей автор пишет: „Право, я могу показаться смешным, но признаюсь: когда... я слышал этот плач..., распеваемый жалобными, заунывными голосами, сопровождаемый драматическими сценами настоящего благословения и прощания, когда видел, как под эти печально-торжественные звуки судорожный трепет колебал изукрашенный наряд невесты, азиатское покрывало ее волновалось тяжкими рыданиями, как на дряхлых лицах благословляющих стариков нарезывались свежие, глубокие морщины, как полные, румяные щеки поющих красавиц действительно обливались потоком девичьих, невыплаканных еще слез, признаюсь,— я испытал тогда на себе все очарование поэтической магии, увлекался непреодолимым сочувствием, погружался в такое чистосердечное умиление, какого не производили во мне ни вздохи, ни стоны, ни завывания книжной элегической поэзии".

Надеждину не удалось выявить всего богатства и многообразия фольклора коми, но и то, что он сделал, было делом большой важности, и за это народ коми всегда будет ему признателен.

Надеждин „открыл" Коми край для русской науки: с тех пор исследователи уже не переставали заниматься вопросами, касающимися коми. В местных изданиях (Вологодские, Архангельские, Вятские и Пермские губернские ведомости; краеведческие сборники, издания статистических комитетов и т. п.) напечатано не мало статей о фольклоре коми. Появляется ряд солидных этнографических работ о коми, где отводится место и фольклору и мифологии (см. библиографию).

Но все, что написано о фольклоре коми, было отрывочно, поверхностно и, по существу, перепев одного и того же. Типична в этом отношении легенда о „Яг-морте", с 1848 года воспроизведенная многократно со всеми опечатками

первой публикации почти во всех последующих публикациях. Кроме того сильно сказывались великодержавнические взгляды большинства авторов. Фольклору коми не повезло: им серьезно не занимался ни один из крупных, известных в русской науке собирателей и исследователей. Причиной этого выставляли „бедность" фольклора коми и то, что он — будто бы — целиком усвоен от русских. Ниже будет видно, что это представление не соответствует действительности.

В 60-х годах XIX века вышли первые ученые из самого народа коми: И. А. Куратов (1839—1875 гг.) и Г. С. Лыткин (1835—1907 гг.).

Куратов — человек, воспитанный революционно-демократическим движением эпохи 60-х годов, материалист по философским воззрениям, демократ по политическим взглядам. Он — человек высокой культуры (знал античные языки, все основные европейские и ряд восточных), крупный лингвист и талантливый поэт. Он явился основоположником литературного языка коми, хотя его поэтическое и научное наследство только за последнее время становится известным. Демократ Куратов и в своем поэтическом творчестве опирался на фольклорные мотивы. Кроме привлечения отдельных фольклорных мотивов, им записан в стихах ряд сказок и обработан сюжет о Яг-Морте. Повидимому, „Ягморт" Куратова представлял большую драматизированную поэму, но до нас дошли всего несколько отдельных отрывков вступительной главы к этой поэме. Куратов явился и первым человеком, действительно серьезно занявшимся фольклором коми.

Буржуазные коми-националисты считали основоположником коми-литературного языка и фольклористики Г. С. Лыткина, но это не соответствует ни фактам, ни роли и значению Лыткина в истории культуры коми. В тот период, когда Куратов уже добрый десяток лет занимался языком коми и творил на нем, Лыткин еще был в числе людей, „профессорски" третировавших язык коми и считавших занятия этим языком делом, не стоящим внимания. Об этом сообщает Куратов в одной из своих записей по коми языку, где пишет, что „адъюнкт-профессор Егор Лыткин... написал (повидимому, в связи со статьями Куратова о языке коми, печатавшимися в „Вологодских губернских ведомостях" в 1865—1866 гг., в которых ясно выразились материалистические и атеистические взгляды автора. *А. П.*) без обиняков, что он жалеет драгоценное время, которое я употребляю на составление зырянской грамматики; что он, Егор Лыткин, думает, что я, нижеозначенный, вероятно, еще не столько стар и негоден к иному делу, чтоб заниматься подобными вещами". Автору подобных высказываний Куратов вполне резонно напоминает надпись, которою казнил Байрон шотландского лорда Эльджина, гонителя классиков и древнего искусства..." Далее Куратов приводил английский текст, в переводе означающий: „чего не сделали готы, то сделали скоты", т.-е. он откровенно назвал Лыткина за такой „взгляд" на изучение коми языка „скотом". Лыткинскому высказыванию Куратов противопоставляет свое, в котором считает вопрос об изучении языков тождественным „с вопросом об изучении народов во всех отношениях... Язык такой логической постройки, каков зырянский..., достоин внимания уж потому, что изучение его развивает способность мышления".

Лыткин занялся языком коми в связи с 500-летием превращения Коми края в колонию России. Церковные и придворные верхи сочли нужным отметить эту годовщину в „христианском и патриотическом духе. И не случайно, что именно Лыткину было поручено представлять народ коми на официальном праздновании. Вот какие обстоятельства вызвали к жизни основной труд Г. С. Лыткина — большую (324 страницы большого формата) книгу „Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык" (1889 г.).

Как видим, заслуги Лыткина достаточно скромны и не могут итти ни в какое сравнение с Куратовым, который — как поэт и языковед — только еще

получил свое признание. Причина этого в том, что Куратов — демократ, лицо почти опальное в условиях царизма, и выражал он революционные настроения коми крестьянства. Лыткин же выражал патриархально-крестьянские настроения, с надеждой на „бога и царя". По существу, он обслуживал великодержавнические интересы самодержавия, и не случайно, что ему покровительствовали лица из царской фамилии и Синода, и что книга его была бесплатно разослана по школам Коми края, тогда как Куратов только в стране социализма получил доступ к массовому читателю.

С начала XX века буржуазия угро-финских народов активизируется в своих буржуазно-автономистских устремлениях и для их обоснования обращается к фольклору. Этим объясняется работа по собиранию коми-фольклора И. Вихмана, К. Ф. Жакова и др. И. Вихман — финляндский ученый. В 1901—1902 гг. он изъездил все углы Коми края для изучения языка и фольклора. Результатом этой поездки в 1903 году явился „Краткий отчет" (где приведены образцы фольклора), а в 1916 году издан в Гельсингфорсе коми-фольклорный сборник.

На ряду с Лыткиным, коми-националисты особенно превозносили фольклористические заслуги проф. К. Ф. Жакова (1866—1926 гг.). Так как это очень существенно политически, необходимо подробнее остановиться на роли и месте К. Ф. Жакова в истории коми-культуры. Жаков — выходец из зажиточного коми-крестьянства, ставший профессором философии в Психо-Неврологическом Институте в Петербурге. После пролетарской революции, вместе с Юрьевским университетом (где в последние перед революцией годы он работал) остался за советским рубежом и в Советскую Россию не вернулся. Умер в 1926 году на положении белого эмигранта, не пожелав вернуться к своей семье, оставшейся в Советской России. Эмигрантство Жакова не явилось случайностью: это было закономерным завершением его пути.

В философии Жаков известен как создатель философской системы „лимитизма". Название это — от „limitis" — взятого в родительном падеже латинского слова limes, что значит „предел". Лимитизм — продукт кризиса естествознания, замаскированная естественно-научной и математической терминологией философская поповщина, религиозно-мистическая форма идеализма. Корни ее — в страхе буржуазной интеллигенции перед нарастанием революционных настроений пролетариата и крестьянства. Своей религиозной мистикой, проповедью социального мира и вселенской церкви лимитизм был орудием для отвлечения внимания масс от классовой борьбы. Совершенно ясно тут сказался идеолог коми-буржуазии, во что бы то ни стало стремившейся удержать свое господство над трудовыми массами крестьянства. Если от философских работ перейти к статьям, непосредственно относящимся к коми, без труда можно увидеть такую классовую основу писаний Жакова.

Наиболее выразительно они сказались в его статье „Этнологический очерк зырян". В этой статье он сравнивает коми с западными финнами (финляндцами), и все его симпатии на стороне последних, так как те — „любят свою страну", свою самобытность, тогда как коми — „космополиты", люди „увлекающиеся", „материалисты", способные забыть, недооценить свое „самобытное" и стремящиеся усвоить более передовую русскую культуру. В этой статье ясна установка на буржуазно-демократическую западнофинскую государственность.

Впоследствии Жаков в своих буржуазно-националистических целях усвоил трактовку вопроса о Биармии К. Ф. Тиандером. В неопубликованной поэме „Биармия" он превозносил западных финнов, как древнейших учителей народа коми. Тогда как нет абсолютно никаких указаний на общение коми с западными финнами. Напротив, с древнейших времен коми сотрудничали с русскими, о чем Жаков говорит очень туманно.

Классовая подоплека этой предвзятости Жакова становится понятной, когда читаешь его сожаления о „неспособности к большим торговым оборотам" народа коми, сожаления об отсутствии у коми крупных капиталистических акул. Положительной фигурой в коми деревне Жаков считал кулака типа Пильваня из его собственного рассказа „Пильвань" и очень скорбел о том, что „не стало прежнего идеализма", что „народ стал материалистом", и нет уважения „бедного к богатому", а лишь „злоба" в отношении к богатым. Автор упомянул о склонности народа коми к усвоению русской культуры, замалчивая, что в течение многих веков коми общались с великим русским народом, учились у него, и это усвоение более передовой русской культуры было явлением прогрессивным (что было ясно уже Н. И. Надеждину, который писал, что „для зырян мы, русские, служим высшим идеалом человеческого совершенства"). Народные массы коми хорошо разбирались, кто их друзья и кто — враги: они по классовому признаку выбирали себе друзей и, в своем фольклоре остро бичуя попов, купцов, кулаков, чиновников и царя, нигде не говорят о национальных преимуществах какого-либо народа. Их чувства хорошо выразил И. Куратов:

Что вы спорите и в ругань
Фигой дразните друг друга?
„Коми будет русским скоро...
Ждете вы чего от спора?
Может быть, и станет коми
Русским, ненцем иль суоми.
Все равно себя не сломим,
Об одном мечту лелеем:
Быть культурней, быть умнее. *

Жаков не мало занимался фольклором коми, но то, что он опубликовал под наименованием народных сказок и легенд, в большинстве представляет даже не вольный русский перевод, а собственную интерпретацию фольклорных мотивов, интерпретацию, определявшуюся его философскими и классовыми позициями и исходившими из установки повернуть историческое развитие вспять. Отсюда поиски Биармии, отсюда идеализация коми древности и образа Пама, названного Жаковым „бурмортом". Идеальным человеком вывел он Пама в своей книге — „На север, в поисках за Памом-бурмортом". То, что эта книга вышла в 1905 году, столь богатом революционными событиями, особенно выразительно подчеркивает идейно-политический смысл обращения Жакова к древности. Для Куратова же было ясно, что Пам — трусливый фигляр, который предпочел позорный удел изгнанника почетной гибели во имя своей идеи, на что звал его Стефан Пермский, хотя первый эту мысль (пройти сквозь огонь и воду) подал сам Пам, чтобы напугать Стефана.

Таким образом, деятельность Жакова и как философа, и как фольклориста, и как писателя была не прогрессивной, а реакционной, играла отрицательную роль и была наруку лишь коми-буржуазии да русскому царизму. Она была глубоко чужда трудовому большинству народа коми. Из этого следует, что Жаков ни в какой мере не является предшественником современной советской культуры коми, чуждой всех тех элементов, какие культивировал Жаков.

В 1913—1914 гг. А. А. Цембер, по заданию и на средства Архангельского Общества изучения русского севера, издал два небольших сборника фольклора коми с весьма „почтенным" намерением спасти язык коми от забвения наукой, так как-де этому языку „скоро предстоит быть забытым", как сказано было в предисло-

* Перевод Ив. Молчанова.

вии. В наши дни небывалого расцвета национальных по форме, социалистических по содержанию культур и языков, на основе осуществления Ленинско-Сталинской национальной политики, такое „предвидение" звучит дико и смешно.

С 1918 года коми язык получил литературное оформление и полиграфическую базу и к двадцатилетию великой социалистической революции СССР пришел со значительными успехами в формировании литературного языка и художественной литературы. Вырос уже ряд писателей. Правда, они еще недостаточно оценили значение фольклора для своего творчества и мало работали для его собирания и публикации. Все же силами писателей выпущен один сборник сказок коми и подготовлены к изданию еще два сборника, объемом около 20 печ. листов.

Почти сто лет уже прошло с того времени, как Надеждин „открыл" фольклор коми. За это время собрано и частично издано около 70 печ. листов фольклорных текстов. Бесспорно, это — далеко не все. Систематическая, планомерная работа в области собирания и публикации фольклора коми только намечается, и несомненно, что она даст много больше того, что известно до сих пор. Издание настоящего сборника сказок коми и легенд в русском переводе, бесспорно, будет большим толчком к усилению работы по собиранию и изданию фольклора в ближайшем будущем. Надо спешить, ибо фольклор, отражающий дореволюционное прошлое народа, вымирает, поскольку вымирают его физические носители — старики. Поколению, выросшему в советских условиях, этот фольклор в значительной мере уже чужд и непонятен, так как счастливый советский народ коми создает свой фольклор,— фольклор, отражающий нашу прекрасную социалистическую действительность. Этот фольклор, как говорят наблюдатели, только еще начинает складываться и оформляться. Несомненно, что в ближайшем будущем его первые всходы также любовно будут собраны и изданы. Жаль только, что его не догадались собрать и издать во-время — к двадцатилетию Великого Октября.

V. Виды, жанры и особенности фольклора коми Исполнители фольклорных произведений Социальное и идейное содержание фольклора коми

Выше уже отмечалось, что фольклором коми серьезно ни один русский исследователь не занимался. Причину указывали ту, что он „не интересен", „заимствован от русских". Тут не все верно, но доля истины есть: на фольклор коми русское влияние исключительно велико. Из материала, идущего в нашем сборнике, найдется много, что известно и в русском фольклоре.

Правда, это не значит, что все они заимствованы коми от русских: при многовековом сотрудничестве народов каждый из них влиял друг на друга, и вполне возможно, что многое из фольклора коми вошло в русский. Затем безусловно прав Лафарг, говоря, что люди из разных наций, „получившие впечатления одинаковых явлений, передадут их в схожих песнях, сказаниях и обычаях".* Ведь известно, что подавляющее большинство сказочных сюжетов однородно у народов разных стран и эпох. Лафарг говорит, что „сюжет порой может быть занесен извне, но он принимается только в том случае, когда соответствует духу и обычаям тех, кто его усыновляет".** Если даже сюжет усвоен от другого народа, то и тогда вносятся такие изменения, переработки, которые приближают этот заимствованный сюжет к своеобразным социально-экономическим, историческим и бытовым условиям данного народа.

---

* П. Лафарг. Очерки по истории культуры. 1926. Стр. 53.

** Там же.

Далее, если заниматься причинами исключительно большого заимствования сюжетов фольклора коми из русского фольклора, то мы столкнемся также с деятельностью духовенства. Все исследователи, говорившие о том, что фольклор коми целиком заимствован от русского, в то же время свидетельствуют, что народ коми очень любит петь, слушать и рассказывать сказки, стало быть,— заключают эти исследователи,— этот народ не лишен склонности к поэтическому творчеству.

Житие Стефана Пермского свидетельствует, что в то время, как к ним явился Стефан, коми имели развитую мифологию и фольклор: „Преже крещениа пермяне не имеяху у себя грамоты и не разумеваху писанна и отынюдь не знаяху, что есть книги, но точно у них баснотворцы были, иже баснными баяху о бытьи и о миротворении, и о Адаме, и о разделении язык, и прочая бяху бающа и лжуща паче, а не истинствующе".* (Подчеркнуто мною. *А. Л.*). С точки зрения ортодоксальных христиан, какими были Стефан и автор его жития Епифаний, древняя мифология коми была „ложь, а не истина", и потому Стефан ретиво принялся вытравливать ее из сознания масс. В последующем православное духовенство энергично продолжало эту традицию вытравливания внехристианской мифологии и фольклора. Н. И. Надеждин приводит свой разговор о фольклоре коми со служителем устьсысольского собора, и тот говорил, что коми —„грешный народ, любит тешить беса и песнями, и плясками, и всяким сатанинским скоморошеством... Мы, однако, не потворствуем соблазну: и увещеваем, и грозим, и запрещаем". (Подчеркнуто мной. *А. Л.*) Это чрезвычайно ценное сообщение помогает понять причину, почему, например, сравнительно беден песенный фольклор коми. У коми преобладают русские песни, которых они не понимают и потому коверкают слова невероятно. П. Г. Доронин в повести „В сердце пармы" приводит пример, во что превращается русская народная песня „Как поросла в поле трава зеленая" при исполнении не понимающими русского языка коми-певцами:

Как поросла политра,
Как поросла политра,
Ек дай вазеленая,
Ек дай вазелена.**

Пример приведен удачно и типично. Словами одного из персонажей повести автор так объясняет причину, почему поют эти не понятные никому (ни русским, ни коми) песни: „В песне слова неважны, лишь бы мотив был хорош, да бодро и весело пелось". Пение на родном языке преследовалось, запрещалось, тогда как пение на русском языке не преследовали, быть может, даже и поощряли. Вот потому и привилось оно.

Все же фольклор коми достаточно богат как по разнообразию видов и жанров, так и чисто количественно. В нем можно наметить такие группы: мифы, предания и легенды, заговоры, сказки, песни, пословицы и поговорки, загадки и разные виды детского фольклора; к этому надо добавить прежде всего — „бӧрд-кыв" — плачи, и затем бытовые (и бытующие) небылицы, рассказы о „вӧрса", „васа", „олыся", „шева" и т. п. Последние — самый развитой вид фольклора коми, причем рассказчики и слушатели твердо убеждены в том, что все рассказываемое — чистейшая реальность. Это — не мифы, не легенды и не сказки, в реальность которых уже не верят, а вот в эту бытовую небылицу еще твердо верят. Точнее — верили до революции, в послереволюционной действительности они уже значительно поблекли, хотя не совсем еще забылись.

---

* „Памятники старинной русской литературы", вып. IV, стр. 151.

** „Ударник". Сыктывкар, 1936 г., № 10, стр. 29.

Кроме того, необходимо отметить поверья, приметы (в первую очередь — сельскохозяйственные и всякие иные, которых так много у коми), народную медицину (не только путем заговоров лечили, было еще много иных приемов народной медицины). Все это крайне важно собрать и изучить как памятники, отразившие многовековое прошлое народа. Как особый вид фольклора можно также выделить образные слова и выражения, которыми так богат язык коми, и которые придают ему такую выразительность и эмоциональную насыщенность.

Данный сборник посвящен только мифам, преданиям и сказкам. О каждой отдельной записи предания или сказки читатель найдет подробные комментарии в конце книги. Здесь же ограничимся общими сведениями о фольклорном материале, составившем сборник, и о сказителях-коми.

Мифы — древнейшие памятники конкретного мышления древних людей. Приводимый в сборнике миф „Как сотворилась земля", несомненно, весьма древнего происхождения, в нем отразились наслоения различных этапов мифологического мышления, в частности тотемического. Известно, что тотемисты производят все от тотема своего рода. Очевидно, один из коми родов своим тотемом имел лягушку и от нее производил всю космогонию. Затем, когда уже появилось дуалистическое представление о двух началах, то лягушки стали олицетворять: одна — Ена, другая — Омеля. Далее, носители этих двух начал стали представляться очеловеченными и произвели Йому и Войпеля, как своих детей. В истории же, очевидно, культ Йомы и Войпеля более древний, чем культ Ена и Омеля.

Добротворский и Красов приводят миф, по которому прародителями человечества оказываются овцы и быки. Повидимому, миф родился среди рода, занимавшегося скотоводством и этих двух животных имевшего тотемами. Есть мифы, производящие все сущее то от утки, то от гагары. Таким образом, еще до настоящего времени можно прослеживать обломки прежде существовавшей космогонии и мифологии, о которой говорится в житии Стефана Пермского.

Предания обладают чертами большей исторической конкретности, отражают более близкие от нас периоды времени. Так, несомненно, древнейшим из преданий народа коми является „Кӧрт-айка". Оно отражает явления IX—XII вв. (наезды скандинавских викингов). Большая группа преданий отражает борьбу отдельных выборных служителей общины с родовой общиной, с целью превращения в феодалов, хозяйничающих над членами общины, превращающих их в рабов (Райда у Яг-Морта), а общинную собственность — в личное достояние (Иркап и др.), но погибающих от руки своих же сообщинников. Таковы, думается, и Шипича, и Зук, и Тунныр-Як, и многие другие. Основное, чем характеризуется эта группа образов,— это стремление к личному обогащению в ущерб интересам коллектива, в конечном итоге оказывающегося победителем (зачастую — путем использования неверности жены, как Шипича, Иркап, Тунныр-Як).

Все они характеризуются как разбойники, грабители с большой дороги, но именно таковы были феодалы на ранней стадии. Наделение героев грабежа чертами фантастическими, колдовскими типично для раннего феодализма. Аналогичное мы можем проследить и в скандинавских сагах, и в „Нибелунгах", и в других памятниках эпохи раннего феодализма. Несмотря на то, что эти элементы были враждебны родовому коллективу, многих из них фольклор рисует как людей большой силы воли, больших страстей. И, действительно, эти люди должны были быть такими, иначе они не решались противопоставлять себя родовому коллективу, не рискуя быть выброшенными из него, что было почти равносильно смертному приговору, ибо в одиночку человек был бесси-

лен против сил природы и хищных животных. За смелость и отвагу народная фантазия и наделяет их чертами сверхъестественного могущества. Таков один ряд героев преданий этой неписанной истории народа.

Но есть другой ряд — положительные герои преданий. Правда, их пока мы знаем гораздо меньше, чем героев первого рода: это Перя, бедняк Габов и Ӧртя (Артемий). Несомненно, их гораздо больше. Известны следующие имена героев преданий: Юан-ыб (Удора), Седзон (Ертом), Самей (Лоптюга), Фома-Ваполкаса (Мыс), Елка (Палевицы), Ягвывса (Удора). Следует озаботиться скорейшей записью текстов преданий об этих и других героях.

Очень интересно предание о Пере, относящееся ко времени Ивана Грозного. Перя совершил подвиг в деле обороны родины от внешнего врага и в награду за это получил грамоту, освобождавшую его род от закрепощения. Известно, что именно Иван Грозный начал закрепощение камских коми, превращение их в крепостных Строгановых. К чему приводило это господство Строгановых, хорошо показывает предание об Ӧрте.

Но трудовому человеку жизнь грабителя-душегуба противна, и потому Ӧртя предпочитает под конец лечь живым в могилу, чем вести позорную жизнь крепостного раба или же героя ножа и кистеня. Образ этот — обобщение большой силы, символизирующее судьбу масс крестьянства в эпоху крепостничества. Только на путях революции, под руководством пролетариата, крестьянство нашло правильный выход к счастью через колхозы. Образ Ӧрти зародился не ранее XVIII века. Образы богача Бабина и бедняка Габова относятся к первой четверти XVII века. Как и Шипича, Бабин убит „разбойниками" (из кого рекрутировались они — говорит легенда об Ӧрте) при содействии своих слуг, возможно — из кабальных рабов. Габов использует деньги Бабина на общественнополезное дело, и потому память о нем также сохраняется в народных массах. Образы Иркапа, Зука, Бабина и Габова, Туннур-Яка имеются лишь в отрывочных весьма несовершенных записях. Проф. А. Н. Грен упоминает еще ряд имен „былинных" героев (как он называет героев легенд коми: Федор Кирон, Сила и Выла, Велигор и Ведидуб), но никаких подробностей не дает, а тексты преданий о них нигде не опубликованы. Думается, что это — чисто сказочные герои, а не герои легенд — этой неписанной истории народа.

Сказки („мойд-кыв") у коми, бесспорно, самый популярный и самый распространенный вид фольклора. Это любимейший жанр: хорошие сказочники очень популярны и чтимы на селе. Имеются они в каждом селе. Талантливые сказочники знают до десятка солидных и несколько десятков небольших сказок.

Лабораториями сказки являются места, где собираются люди в часы досуга и отдыха. Тяжелый труд и жизнь в нужде требуют забвения в царстве вымысла — в красивой, волшебной сказке, но еще более требуется отвести душу, излить свою ненависть сказкой типа новеллы, высмеивающей классовых врагов, обрекающих трудового человека на эту безрадостную, скотскую жизнь. Тут и нужны сказочники, могущие удовлетворять этой потребности трудовых масс.

Сказки рассказываются в лесных избушках, на лесозаготовке и охоте, на мельнице, на „войпуках" (вечеринках молодежи), в избушках у речных перевозов и т. п. В районах промыслового рыболовства (на Печоре) особенно широко принято рассказывать сказки во время осенней рыболовной путины.

Сказки были очень распространены среди коми-отходников на уральских заводах, архангельских лесозаводах и других местах отходничества. Там же сказители-коми знакомились с русской сказкой и приносили домой сюжеты из русского фольклора. Если сопоставить коми сказки со сказками из собраний Зеленина, Иваницкого, Ончукова, то факт взаимопроникновения сюжетов можно

проследить совершенно отчетливо. Затем, проникновению русских сюжетов в коми-фольклор сильно способствовали солдаты коми. Известно, что в царской казарме фольклор был чрезвычайно популярен, солдат стал одним из наиболее популярных героев русского фольклора. Бесспорно также, что школа (где до революции преподавание велось исключительно на русском языке) через свою ученическую библиотеку, также лубочные издания русского фольклора служила делу проникновения русских сказок и песен в фольклор коми. Таковы основные пути проникновения русских сказочных сюжетов в фольклор коми. Следует также отметить, что русские былины на языке коми нередко превращались в сказки.

Большая часть произведений настоящего сборника (да и дореволюционного фольклора коми вообще) — это сказки фантастические, волшебные. Возникла волшебная сказка в глубочайшей древности и тогда отражала совершенно реальную веру людей во все то, о чем сказка повествует.

Отнесенные нами к бытовой (и бытующей) небылице произведения даны нами в приложении. Но они мало чем отличаются от собственно сказок: фантазия человека, стоящего на очень низкой ступени развития, живущего примитивной жизнью первобытного охотника, породила и те и другие. Но в реальность первых (т.-е. собственно сказок) коми уже перестали верить, в реальность же вторых верили еще очень недавно. Это лишний раз подтверждает возникновение волшебной сказки из мышления первобытного человека, из его мифологии.

В. Г. Короленко в одном из своих рассказов высказал замечательный афоризм: „Человек создан для счастья, как птица — для полета". Вот это стремление к счастью — основной стержень сказок. Но счастье не дается само в руки, оно всегда сопряжено с борьбой, с преодолением препятствий, и поэтому тема счастья вместе с тем и тема борьбы. В древнейших волшебных сказках это борьба с противостоящими человеку силами природы. Сказка тогда играла магическую роль. Путем магического воздействия словом человек в древности хотел добиться своего счастья. Отсюда и возникли сказки — мечты о чудесных мельницах, мелющих без зерна, чудесных горшках, доставляющих богатство и сына, самоиграющей чудо-гармонике, ковре-самолете, скатерти-самобранке и т. д.

Классовое деление общества породило мечту о чудесной палке, которая может оградить интересы труженика от его врагов. Мечта о счастьи начинает выступать уже как мечта о расправе с классовыми врагами. Таким образом, под влиянием изменения социальной действительности, происходит переформирование волшебной сказки. В сказках типа „Емеля-дурак", „Поп и его батрак Момэт" от традиционной волшебной сказки нет почти ничего: решающую роль в развертывании этих сказок играет именно мечта о расправе с врагом.

Счастье трудовые массы не представляют чем-то неопределенным, туманным: это именно зажиточная трудовая жизнь, и если даже в сказке говорится о царе, то царь этот мыслится исходя из идеалов трудовой жизни крестьянина. Политический идеал сказок — демократия, обеспечивающая честную трудовую жизнь всем. Такова же идейная направленность и русского фольклора, что отметил Ленин по поводу сказок сборника Ончукова: чаяния народные в русских сказках подтверждали правильность Ленинской установки на крестьянство как на союзника пролетариата в революции. От реальных царей массы не видят пользы в сказке совершенно определенно выступает стремление избавиться от них („Дочь солнца" и другие сказки).

В сказках-новеллах, уже совершенно лишенных сказочного облика волшебных сказок, мы еще более определенно видим эти же стремления. Наиболее типична в этом плане „Макар и семеро братьев". Макар этой сказки — тот

самый Макар, на которого „все шишки валятся", как говорит русская поговорка: это — крестьянин-бедняк, а семеро братьев — кулаки. Но кроме кулаков у Макара еще много врагов: поп, купец, исправник и т. д., и Макар, выпутываясь из всякого положения, расправляется со всеми врагами. Это стремление к расправе с врагами в сказке-новелле является наиболее типичным, определяющим развитие действия. Особенно ярко это видно на сказке „Богатый и бедный братья". В этой сказке налицо пародирование представлений о том, что колдуны после смерти своей мстят живым: бедный брат и избирает веру в эти представления у брата-кулака и попа в качестве орудия для расправы с этими ближайшими классовыми врагами крестьянина-бедняка. Так действительность классового общества ведет к переформированию и переосмысливанию того, что дают волшебные сказки. Сказка становится реалистической новеллой, устным коротким рассказом, чрезвычайно густо насыщенным сатирой: здесь форма сказки дает большие возможности, и не случайно величайший сатирик революционной крестьянской демократии М. Е. Салтыков-Щедрин так широко использовал форму сказки в целях революционной пропаганды.

Биографиями мастеров сказки коми мы пока не располагаем. Профессионального сказочничества (т.-е. людей, живущих только сказками), понятно, нет: в какой-либо мере в каждой деревне знают сказки несколько человек, но крупные мастера известны далеко за пределами своего села.

Все же сведения о мастерах легенд и сказок весьма обрывочны и незначительны. Дело ограничивается только несколькими именами.

Самым крупным из известных до сего времени мастеров коми-сказки должна быть признана Евдокия Ивановна Дровняшина (умерла осенью 1936 года в глубокой старости). С ее слов знатоком коми-сказки, писателем Андреем Никифоровичем Зубовым в 1934 году записано 13 больших сказок, причем это было сделано за одну неделю, пока Дровняшина (специально приглашенная тов. Зубовым к себе на квартиру) жила в Кудымкаре. Е. И. Дровняшина происходила из деревни Видяевой, Демпинского сельсовета, Кудымкарского района, Коми округа, Свердловской области. Репертуар этой сказочницы еще далеко не был исчерпан, и тов. Зубов еще намеревался продолжить с ней работу, но этому помешала смерть Дровняшиной.

Крупным мастером сказки коми была также Варвара Тихоновна Зубова — бабушка А. Н. Зубова, от которой тов. Зубов вспомнил и ввел в литературу ряд замечательных сказок. Кроме того, А. Н. Зубов записал легенды и сказки от следующих сказителей: Терентьева Платона Андреевича (с Печоры, от него летом 1934 года на пароходе, идущем из Котласа в Сыктывкар, записано три больших сказки); Кудымова Сергея Михайловича (старика из Кудымкара); Четина Дмитрия Кузьмича (колхозника Внуковского колхоза, Кудымкарского района); Аграфены Ивановны Хозяшевой (давно уже умершей. Тов. Зубов по памяти записал сказки, слышанные от нее в 1908, 1910 гг.).

А. А. Цембер в своем сборнике называет сказителей М. Д. Колегова и Егора Безносикова. Большим мастером сказки называют Алексея Жилкина из деревни Средние Кони (Устьвымского района Коми АССР).

По воспоминаниям своего детства, пищущий эти строки может назвать следующие имена: 1) Алексей Адрианович Попов (отец автора статьи); 2) Иван Михайлович Напалков и 3) Александра Георгиевна Сладкоштиева.

Первый из них не выделялся как сказочник, но он прекрасно оправдывал то положение, что фольклор — живая летопись народа, отражающая все наиболее значительные происшествия и трудовой опыт: он имел прекрасную память и очень хорошо запоминал пережитое, виденное и слышанное и хорошо умел рассказывать об этом. Это он рассказал легенду о Зуке, Бабине и Габове,

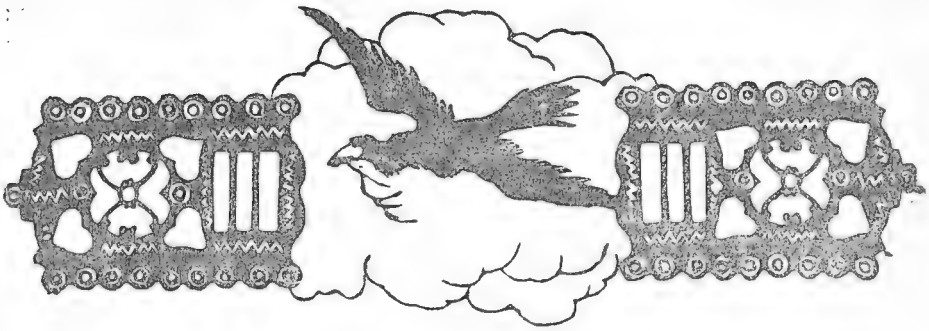
с его слов (запомнившихся с детства) пишущий эти строки мог разобраться во всем том, что написано этнографами о древней религии коми: рассказы о вӧрса, васа, олыся, вомидз, шева, разнообразнейшие приметы, поверья и т. д.

Иван Михайлович Напалков (из дер. Парч, Усть-Куломского района Коми АССР) в молодые годы был церковным сторожем. Повидимому, это определило выбор его сказок (он сказывал их в церковной сторожке собиравшейся туда молодежи): это были преимущественно антипоповские сказки.

Александра Георгиевна Сладкоштиева, тогда еще молодая девушка, любила рассказывать волшебные сказки со всякого рода необыкновенными происшествиями, от которых дух захватывало. Вспоминается, что она рассказывала что-то родственное приведенной в сборнике сказке о Фоме (только там Фома был незадачливым конюхом: у него несколько раз спрашивали: „Фома, все ли здравы кони?" — на что каждый раз следовал меланхолический ответ: „Ӧтик абу" (одного нет). Это единственное, что из ее сказок запомнил один из ее слушателей — пишущий эти строки).

К сожалению, пишущий эти строки уже около двух десятилетий, как оторвался от той обстановки и не может вспомнить всех обстоятельств, связанных с техникой исполнения сказок. Наблюдать коми-сказочников, как исследователю, тоже не приходилось. Это, бесспорно, очень существенный пробел данной статьи, который, надеемся, будет восполнен другими авторами на основании опыта начинающей сейчас развертываться планомерной и научно-правильной работы по собиранию фольклора коми.

ПРЕДАНИЯ
И
СКАЗКИ



1. Как сотворилась земля

Прежде земли и неба не было, а было — болото и на нем — кочки. Ни зверей никаких, ни птиц, ни человека тоже не было. Не было и солнца с луной, но все-таки было светло.

Однажды под писк комаров вылезают из болота две лягушки, очень похожие друг на друга, тощие и голодные, заквакали от голода. Услышали их кваканье комары, набросились на лягушек тучей. Лягушки едва успевали раскрывать рты — комаров глотать.

От того, что жили лягушки прежде в болоте, они плохо видели, а одна была вовсе слепая, стояла сзади своей подруги, и в рот ее попадало мало комаров, только остатки. Зрячая наелась и повернулась к своей подруге задом,— комары налетят, ударятся об ее зад, отлетят в сторону. Как ни охала от голода слепая лягушка, но так и не наелась.

Скоро комары поняли свою беду и перестали летать к лягушкам. Тогда и зрячая начала голодать. Но задумала зрячая перехитрить комаров. Позвала свою подругу, и забрались они на кочку повыше, где летали комары. А комары полетели низом, меж кочками. Рассердилась тогда зрячая лягушка, ухватила свою подругу за лапу, бросились они вниз к комарам, когда упали, ударились обо что-то твердое с зубцами и превратились в людей.

Зрячая выбила себе два зуба, они выросли ей в голову возле ушей. Пробовала вытащить их — больно, зубы зажили, так и остались возле ушей навсегда.

Зрячая лягушка была хитра, а слепая — глупа. Но на глупых, говорят, весь свет держится. Слепая и глупая стала называться Еном, зрячая и хитрая — Омолем.

Когда упал Омоль на острие и повредил себе зубы,— у него потекла кровь, из капель той крови выросли звери. Большие и маленькие, красивые и некрасивые. Меж теми зверями один, самый красивый, стал женщиной.

Скоро Омоль хитростью переманил всех зверей на свою сторону. А красавица стала ему женою, и племя Омоля быстро

увеличивалось. Скучно стало одному Ену. Не мог стерпеть он скуки. Однажды, когда Омоль куда-то ушел,— Ен похитил его жену и прожил с нею три дня и три ночи. Омоль рассердился на свою жену, долго искал ее, наконец, догадался и пошел к Ену. Видит — лежит его красавица рядом с Еном. Со злостью вырвал Омоль кочку и с такой силой кинул ее в Ена, что тот три дня и три ночи лежал, как мертвый. А когда очнулся — заметил возле себя стаю голубей. Он переловил их, приручил и забавлялся с ними. Но к Омолю больше не показывался, боясь его рассердить. Да и голубей не на кого было оставить,— невдалеке летали вороны Омоля и могли их истребить.

Тогда Ен решил создать небо. Готово оно было скоро, в середине его сделал Ен небольшую дыру и пустил через нее на небо своих голубей. Вороны Омоля подлетали к самой той дыре, но та была такая маленькая, что они пролезть не могли и со злостью улетали назад. Тогда Омоль сделал на небе другую дыру, вороны в нее влезли, истребили всех голубей. Только один голубь и остался, чуть живой успел прилететь к Ену. Очень огорчился Ен, выпустил того голубя через дыру на волю, а когда голубь прилетел обратно на небо — в клюве у него торчала тина. Омоль заметил летящего голубя и пустил ему вдогонку ворона, и тот ворон догнал голубя возле самой дыры и отнял тину.

Успел Ен ухватить ворона за глотку левой рукой и так сдавил, что тот разжал клюв, и тина упала вниз.

Из тины выросла земля. А из воды, пролившейся из клюва ворона, образовались моря и океаны.

Обозлился Омоль за смерть ворона. Ходит хмурый, как туча. И один раз, когда Ен куда-то отлучился, залез Омоль на небо, схватил избушку, в которой жил Ен, и заткнул ею дыру. Как теперь Ену попасть назад на небо? Долго стоял он возле заткнутой дыры и думал. А потом отошел в сторону,— никак невозможно было стоять возле той дыры, такое вокруг нее пылало яркое пламя, далеко все вокруг освещая. Отошел в сторону и встретил ту красавицу, жену Омоля.

— Пламя это,— сказала она ему,— принесено шелковой рукавицей, а рукавица сшита из моего платья,— и передала ему лоскуток своего платья.

Ен сшил себе рукавицу, подошел к пламени и отбросил его от своего жилища, а пламя так и сыпало искры. Понеслись искры к дому Омоля, и спящий Омоль со всеми своими воронами, животными и домашним скарбом свалился на землю. Красавица же осталась на небе и стала женой Ена. Она родила ему двух детей-близнецов: девочку, которую назвали они Йомой, и мальчика Войпеля.

Так Омоль стал жить на земле. Падая с неба, он сильно ударился и оглох, и все раздумывал: как бы ему отомстить Ену? Попасть на небо никак нельзя,— Ен запер все дыры, а новую дыру пробить—не под силу. Разве лишь хитростью можно что-нибудь сделать. Вот однажды подошел он к дыре, через которую посылали с неба голубя за водой, и стал караулить того голубя. Голубь улетит и прилетит, а в руки Омолю не

дается. Слышит Омоль — заскрипела на небе люлька, и красавица запела хорошую песню. Не вытерпело сердце Омоля, выступили на его глазах слезы, и стал он ласково просить красавицу:

— Открой хоть немного двери — послушать твое пение.

Долго не открывала красавица, однако сдалась, наконец, на уговоры Омоля и открыла вход. Буйным ветром ворвался на небо Омоль. Скинул красавицу и детей на землю. Отыскал в жилище Ена шелковый лоскут, в один миг сшил себе рукавицу, взлез на дерево и схватил солнце. Но, оказывается, схватил он только половину солнца, а, когда стал спускаться с дерева, запутался в его ветвях: один сучок вонзился в зад Омоля и не пускал его.

В эту минуту проснулся Ен и заметил, что жена его и дети пропали. Громко закричал он, выбежал в сад и увидел там Омоля. Тот притворился смирным и просил Ена помочь слезть ему с дерева.

Но Ен не помог, а проклял его:

— Вечно сидеть тебе на этом дереве! — закричал он, и слова его прогремели, как гром. Но расслышал глухой Омоль эти слова, рассердился, вытащил из-за пазухи половину солнца, дунул на нее и выбросил. Половина солнца полетела и остановилась рядом с другой своей половиной, и тогда обе половины закружились и сделались круглыми. На одном круге остались от пальцев Омоля темные пятна, Ен назвал этот круг дунутым, Толысь.

Долго сидел Омоль на суку, а сидеть было больно, обломал он сук, упал с тем суком на землю. От того сука и вырос у Омоля хвост.

Так прошло много времени. Ен жил один и скучал. Наконец решил он спуститься на землю и проведать своих жену и детей. Сына своего Войпеля он застал за работой, тот лепил горшки из глины. Очень понравилась Ену работа сына, сел он с ним рядом, обратившись в седого старика. Поглядел немного и принялся помогать делать кирпичи.

А тут как раз прилетела шумная орда во главе с Омолем. Омоль не узнал Ена, приняв его за простого старика, начал хвастать своей силой и хитростью:

— Моя орда сильная! Нас много! Можем мы затуманить солнце, если развернемся во-всю! А если нам надо скрыться — поместимся хоть в четырех таких горшках!

И тут же орда показала свою силу. Развернулась во-всю,— солнце перестало сиять, и на земле наступила темнота. Затем Омоль приказал старику поставить четыре горшка,— тот поставил. Орда со свистом влезла в горшки и уместилась в них. Старик тут же закупорил те горшки и стал закапывать их в землю.

Но один горшок с бесенятами разбился, бесенята вылезли и бросились к старику драться. Одной рукой старик бросал в бесенят камнями и глыбами, другой — оберегал горшки, торопясь зарыть их в землю.

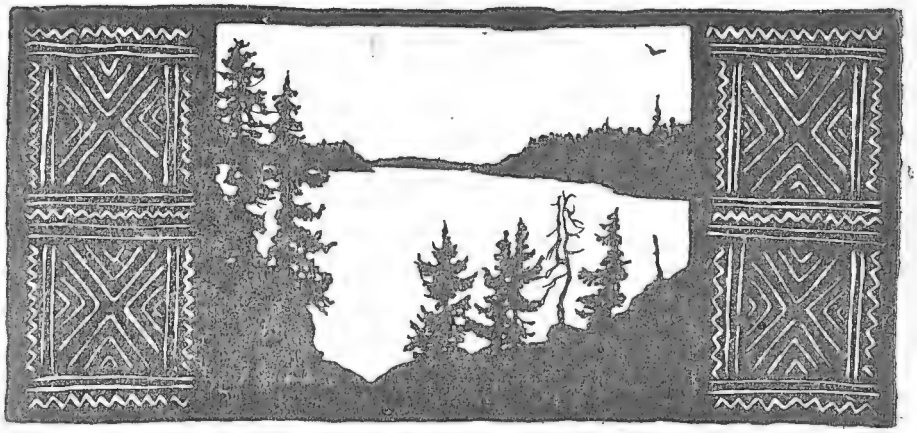
Камни так и летели направо и налево.

Струсили наконец бесенята без главного своего хозяина, который оказался запечатанным в одном из тех горшков, и силы у них поубавилось. Пустились бежать, а Ен за ними вдогонку.

Разбежались, кто куда успел: кто в воду — стал водяным, кто в лес — стал лешим, кто на вершину горы; кто бежал по берегу реки и пообломал пальцы,—от них-то чортовы пальцы на берегах рек и остались. Один из помощников Омоля застрял на вершине ели, в больших волосах его бороды запутались и погибли остальные бесенята, не успевшие никуда убежать. Так пришел конец орде Омоля.

А в земле томился в горшке сам Омоль, главный бес. Как ни пытается он выбраться на волю, вылезти из горшка,— не дает великий Ен ему увидеть ни кусочка белого света. Не дает Омолю воли мутить народы на земле. А народы на земле произошли от Войпеля и Йомы.

Иногда гудит под землей. Пыль и камни летят из сердцевины земли. Это — вздохи и работа Омоля. Это он пытается вырваться на землю. Но не может. Однако когда-нибудь да вырвется он на белый свет, освободит свою орду и поборется с Еном.



2. Откуда пошел наш народ

Далеко отсюда, на самом восходе солнца, жили когда-то два брата—Остъяс и Ошъяс. Оба они были вождями большого народа. И жилось этому народу очень хорошо: не надо было ни пахать, ни сеять, все в той земле само родилось, само в рот валилось.

И был у тех братьев бог Йомаль, страшный бог. Питался он человечьим мясом, запивал человечье мясо теплой овечьей кровью. Пока братья приносили ему раз в семь дней жертвы,— бог любил и защищал их. Но как-то однажды они забыли принести обычную жертву: двух мальчиков, двух девочек и трех овец, и свирепый Йомаль разгневался и напустил на братьев большого черного коршуна.

Коршун своими крыльями производил гром, а из клюва у него выходило пламя.

Он напал на братьев, народ весь погубил и сжег, а братьев прогнал далеко на запад. А чтоб они не смогли вернуться назад к себе на родину, он провел своим толстым когтем борозду, и в той борозде потекла вода,— образовалась глубокая и широкая река. Йомаль думал, что братья не смогут переправиться через эту реку, но случилось не так. Лишь только черный коршун улетел к Йомалю, братья сделали плот, крепко перевязали его тонкими прутьями и вернулись на родину: туда их звало сердце.

Коршун увидел, однако, братьев и снова погнался за ними, гнал их пустынями, лесами, опять пустынями и снова лесами... Наконец, выдернул тот коршун перо из хвоста и положил его на землю: из пера выросли большие горы, покрылись и зазеленели лесом.

Видят братья, что теперь уже не пробраться им до родной земли, и остались жить в лесу.

Сказывают старики, что мы и народились от этих самых братьев.

3. Корт-Айка

Этот колдун уж давно поселился на Эжве, но никто не знает, откуда он пришел. Старые люди говорили, что пришел он из новгородской земли и сначала не понимал по-нашему, но потом выучился.

Сначала жил он мирно и спокойно, ловил птиц и зверей, но потом вдруг поссорился с людьми селения, в котором жил, и все селение сжег до последней избы. Тогда-то и принялся он разбойничать. Сделал себе одежду из железа, надел на голову железную шапку, а через Эжву протянул железную цепь, которую сковал сам. Тогда никто у нас не умел ковать железо, только он один это умел. Делал он железо из какой-то твердой земли, сгибал его, ковал,— что хотел, то с ним и делал. Изба у него была тоже железная, лодка железная, лук и стрелы железные, все у него было из железа.

От того люди с Эжвы и прозвали его Корт-Айка—Железный Свекор. И в самом деле он — Железный Свекор, железо его слушалось.

Начал он грабить встречного и поперечного. Никому прохода не давать. Железная цепь перегородила всю Эжву с берега на берег,— никому не проехать. А где ж эжвинским людям и ездить-то, как не по реке? Дорог-то ведь нет по берегам. Кто едет в лодке, тот и попадает в руки Железному Свекру. Иного он оберет, иного отпустит, а иного и утопит. Без всякой пощады.

Разбойничал он так не только по Эжве, но и по селам вокруг. Людей убивал, а скотину к себе волок. Говорили, что по целому быку в день съедал. Да и как не съесть—туша у него была непомерная: в плечах—косая сажень, голова—как пивной котел, силы на сто человек хватит. Колдовство его самое страшное: по одному его слову меркнут солнце и луна, день превра-

щается в ночь, а ночь — в день, река течет вверх, засуха сушит землю; или скажет слово, — польет такой дождь, что все избы несет в Эжву. Много бед терпел от него народ, и не было на него ни суда ни расправы. Никто не смел померяться с ним силой.

Однажды плыл Пама по реке, из Княжпогоста домой возвращался и наехал на железную цепь Железного Свекра. А меж ними до того дружба была: оба — великие колдуны.

Увидел Железный Свекор, что Пама плывет, крикнул:

— Цепь, на дно!

Цепь, натянутая над водой туго-туго, так была устроена, что по его слову сейчас же опустилась на дно. Пама в лодке проплыл над цепью, и она снова поднялась кверху.

Поглядел Пама на Железного Свекра, видит: он варит сусло, из железных корчаг в железные ушаты его сливает, да и рассердился на Железного Свекра, почему он поклона ему не отдал. А он уж за цепь-то переехал, не боится, что Железный Свекор дороги ему не даст. И закричал громким голосом:

— Сусло, стой!

И сусло у Железного Свекра остановилось: не варится и не льется.

— Ну-ну, — отвечает Железный Свекор, — раз сусло стой, то и лодка стой! Обоим обидно не будет!

И лодка Памы остановилась на самой середине реки. Никак ее с места не сдвинешь. А Железный Свекор сидит на берегу да посмеивается.

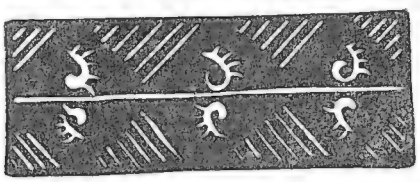
Просидел Пама в лодке до тех пор, пока ему не наскучило, и крикнул на берег:

— Сусло, беги!

— Сусло беги, так и лодка плыви! — отвечал Железный Свекор.

Тогда сусло побежало в ушаты, а лодка поплыла по реке.

Вот какой могучий колдун был Железный Свекор.



4. Яг-Морт

В очень давние времена появился на берегах Кучи, что течет в Ижму, страшный человек, такой страшный, что, если он по лесу шел, руками сосны раздвигал, чтоб проходить не мешали, полным голосом говорил, — сильный ветер заглушал.

Ужасную образину имел Яг-Морт: лицо черными волосами заросло, глаза налитые кровью, одежда из медвежьей шкуры, — зверь, а не человек. Никто не знал, откуда появилось на Куче это чудовище. Говорили, что вырос Яг-Морт в запечорских лесах, и лет ему было столько же, сколько тем лесам. Жил он одиноко — в местах неприступных, за непроходимыми болотами, и в селах Коми появлялся, чтоб убивать и грабить.

Выберет ночь потемнее, зажжет деревья и в суматохе пожара делает, что только его кровожадная душа хочет. Уводит жен, уводит детей, угоняет скот, режет его на месте. И так ненавидел Яг-Морт все живущее на свете, что убивал каждого встречного и поперечного. Выведенные из терпения коми всеми способами старались извести разбойника: ловили его, как дикого зверя, строили засады, выкапывали ямы, — ничто не помогало, а померяться с ним в открытую никто не решался. Во всем Запечорье не находилось молодца ему по плечу. К тому же слыл Яг-Морт великим колдуном. Оспу, болезни, падеж скота, бездождие, безветрие, летние пожары — все насылал он на народ.

Однажды у старшины одного из селений пропала красавица-дочь Райда. Это была девка, какой и не видывали еще между коми. Проходит день, проходят два, неделя прошла, — нет Райды. Мать глаза выплакала. Отец с женихом все селение вокруг исходили, все леса исходили, — нет, не нашли Райды. Кликнули они клич, созвали народ на совет, объявили свое горе, — и все, от малого до старого, порешили, что негде самой Райде потеряться, а похитил красавицу Яг-Морт, уволок в свою звериную берлогу. А на Яг-Морта кого просить будешь? Где на него суд найдешь? Погибла Райда! Потолковали, пошумели и разошлись по домам, ничего путного не придумав.

Да не так порешил удалой жених Райды. Собрал он своих товарищей, все Запечорье поставил на ноги и порешил отыскать жилище Яг-Морта во что бы то ни стало, схватить окаянного колдуна живого или мертвого, либо самим погибнуть. Вооружилась молодежь стрелами, копьями, пешнями, вилами, кто чем мог, и двинулась в поход. Хоть и много их было, но со страхом ожидали они встречи с силачом-разбойником. Так бродили они несколько суток по лесам, искали тропу Яг-Морта, по которой уходил он к Ижме, и в темном дремучем лесу напали, наконец, на дорогу, вытоптанную чудовищными ногами колдуна. Коми решили, что по этой тропе Яг-Морт должен ходить часто, и засели в засаду возле самой тропы, в густом лесу на угоре реки Ижмы. Долго ли, коротко ли таились они в засаде, но только однажды видят: переходит Яг-Морт Ижму вброд, прямехонько против того места, где они притаились. Только Яг-Морт вступил на сухой берег, — копья, стрелы, камни так на него и посыпались. Остановился было разбойник, посмотрел на противников грозным своим кровавым взглядом, взревел и кинулся в самую их гущу, размахивая палицей. И началось страшное побоище. Много голов размозжила палица Яг-Морта, многих изуродовала, но изнемог и сам он: безустали разили его коми копьями, стрелами и камнями. Изнемог он и грохнулся наземь. Тут навалились на него коми, отрубили ему обе руки, пригрозили снести голову, если он не покажет им своего жилища.

И покорился колдун, повел в самую гущу леса, где на высоком берегу Кучи выкопана была просторная пещера. Рядом с пещерой на куче всякого хлама и костей лежал полусгнивший труп человека, — это была красавица Райда.

В самой пещере нашли много всякого добра, сложили все найденное в кучу и сожгли, а пещеру засыпали камнями. Потом привели Яг-Морта к месту, где они бились с ним, отрубили ему голову, вогнали в спину осиновый кол, чтоб встать не мог, и закопали в глубокую могилу...

5. Шипича

Славный атаман Шипича сидел однажды над рекой Сысолой и грустил. Думал он о том, какая в этом году будет осень. Думал о том, что уже третий год живет без жены, а за три версты от него живет красавица-вдова; и о сокровищах, какие награбил он вместе со своими сообщниками, а зарыл в глухом месте один.

И все сны ему снились в последнее время самые страшные. То видит во сне каких-то людей в кольчугах, с ружьями, каких никогда не видел прежде. То лодки с большими веслами, каких никогда не видели на реке Сысоле.

Загрустил Шипича и решил нарушить обет вдовства и пошел по знакомой тропинке к той красавице-вдове. А в отдельном тереме над Сысолой жили его дочери. Одна была с белыми волосами и голубыми глазами, другая — темноволосая и с глазами, как осенняя ночь. Первая еще не знала любви, вторая испытала любовь с черным туном хитрым Сизьяком из-за речки Чев-ю. Имя первой было Шондиныл — дочь солнца, и родилась она в день праздника солнца. Имя второй — Толысь-бан, потому что лицо ее было бледно, как лицо месяца в середине неба в зимнюю холодную ночь.

Они сидели у окна, когда мимо проходил отец, смотрели на облака и на воду и в воде и облаках видели смерть отца, потому что все это было написано в книге, лежащей в золотом тереме на крыше неба у великого бога Ена. Сыновья Шипичи ходили далеко вверх по Вычегде собирать ясак для своего страш-

ного отца. Но не думал о своих детях Шипича, когда шел к вдове. Он подошел к тыну избушки, в которой сидела Сизь-ю, чесала волосы и приговаривала:

Не заяц идет в петлю,
Не медведь идет в капкан,
Не волк лезет в яму,
Не лиса ищет стрелу из лука,
Сам атаман Шипича
Спешит к бедной вдовушке —
Сизь-ю-готыр-йоме.

Она была йомой.

И, открывая дверь Шипиче, подумала йома:

— Я служу Ену и брату его Омолю. Пусть будет все, что бывает после греха...

Вошел к ней Шипича, поздоровался, она усадила его в красный угол, положила его голову к себе на колени и своими волосами, как шелком, окутала его шею. Потом она запела о Войпеле и о близкой смерти Шипичи,

И Шипича слушал ее сладкий голос.

Так прошли три дня и три ночи. Совсем обессиленный вернулся Шипича домой от вдовы, дома налил в чашку воды, хотел принести очистительную жертву богам, чтоб вернулись к нему прежние силы, но не успел, как то и было написано в книге Ена на крыше неба. Тремя отрядами напали на дом Шипичи новгородские разбойники, закованные в железо.

„Ослабел я сейчас,— подумал Шипича,— не отражу удара!“— и, подняв руки над водой, произнес заклятие:

— Море, седой старик, родивший много дочерей — рек и маленьких детей — звенящих ключей, вспомни своего сына Шипичу!

Не успел он докончить заклятья — поднялись из чаши высокие фонтаны, и все разбойники оказались в воде по колено, но все-таки пошли с оружием на Шипичу.

— Мать облаков, Кымор-мам,— сказал тогда Шипича,— помоги мне!

Поднялась вода разбойникам по грудь. Назад повернули два отряда к своим лодкам, но третий отряд с атаманом во главе храбро поднялся на крыльцо.

Тогда третье заклинание произнес храбрый тун:

— Отец льдистых гор, живущий на севере, Саридзь-айка, приди ко мне на помощь. Я зову тебя!

По шею оказались разбойники в воде. Все бросились назад вплавь, но атаман с двумя разбойниками уже двигался к Шипиче в сенях. Нехватило Шипиче очистительных заклинаний после объятий йомы-вдовы. Схватили его разбойники за бороду, начали рубить топорами. И с каждым ударом топора — воды все убывали и убывали, стекая назад в Сысолу.

Дочери колдуна также обратились к матери облаков, но сами броситься на помощь к отцу не посмели.

— Не смеем мы итти против слов,— так сказали они друг другу,— записанных у белоусого бога, живущего на крыше неба.

Долго рубили разбойники Шипичу, но убить его не смогли.

— Неумные вы дети,— закричал он им,— если я вам сам не скажу,— вам меня не убить и сокровищ моих не найти. Но мне жизнь надоела, любовь меня утомила,— я хочу умереть сам. Разрежьте мой пояс, и тогда я усну смертным сном.

Разрезали разбойники пояс Шипичи, и тотчас все воды вытекли из его дома. А сам грозный атаман Шипича умер. Тогда разбойники убили обеих его дочерей, ограбили дом Шипичи и ушли с богатой добычей.

А когда сыновья Шипичи стали подъезжать к дому, ольхи и березы им пели:

— Куру-кура, нет Шипичи, нашего друга. Погасли Шондиныл и Толысь-бан!

6

Однажды отважный Шипича отправился из Архангельска в Чонью, чтобы убить могучего разбойника Елику, жившего на месте теперешнего города. И отправился Шипича не водой, а под водой, и три раза, пока плыл он под водой, должен он был выходить на берег.

И первое место было — Орленской залив на Двине. Тут помешал ему плыть Васа, и вышел Шипича на берег, спасаясь от преследования злого бога. А место тут страшное, такой водоворот, что плотовщики его боялись,— целые плоты бились в том водовороте.

Второе место, где выходил на берег Шипича, до сих пор осталось неизвестным.

А третье место — возле Слободы Яг-ув. У Яг-ува скопилось так много налимов, что они загородили Шипиче его подводный путь.

А в то время жители Слободы жили на другом берегу Вычегды, и к ним-то и попросился переночевать подводный странник. И остановился он ночевать у моего деда. Переночевал, а наутро снова отправился под водой к Чонью, где жил Елика со своими слугами.

Елика, разгадав намерения Шипичи, велел своим слугам занести на ночь в дом воду в кадках, чтоб можно было залить водой пожар, когда Шипица подожжет дом. Но слуги забыли исполнить приказание Елики, и на рассвете, когда подошел Шипича и поджег дом, Елика не успел выскочить и сгорел вместе со своим домом.

А сам Шипича поселился на месте, где прежде жил Елика, долго жил там вместе со своей семьей и многочисленными слугами. Место это было то самое, где теперь стоит наш город Сыктывкар, но тогда на месте теперешнего большого города стояло всего лишь несколько избушек. И вот жил он так много лет, а потом, никто не знает — почему, приказал своим слугам вырыть большую яму, вошел в нее вместе со всем своим семейством, подрубил столб и похоронил и себя и семейство заживо.

Яма эта и теперь существует, и маленькие дети боятся играть возле нее...

7. Перя - богатырь

В лесу возле лупьинского лиственника, рядом с Пермской стороной, жил со своим братом Перя-богатырь. Силы у Пери было чересчур много, а жил он тем, что ловил лесных зверей и птиц. Брату Пери надоело жить в лесу, он покинул берега Лупьи и отправился в Комму служить ее князю. Остался Перя один.

Прошло время — долгое ли, короткое ли! — на пермского князя пошел войной южный царь и стал побеждать пермского князя своей хитростью.

Сам южный царь умел ездить на колесах, которыми разбивал войска пермского князя. Некуда стало податься пермскому князю от нападения южного царя.

И тогда пришел к нему брат Пери и сказал:

— Есть у меня дома брат, зовут его Перя, и силы он — очень большой. Если и Перя не поможет,—не устоять нам против южного царя.

Посылает князь звать к нему Перю. А сильный Перя был вот какой: камнями величиной с баню играл, как мячиками. И на лыжах был проворен. Возьмет, бывало, двенадцатисаженный ремень, обвернет вокруг головы, свяжет,— так концы ремней до земли не достают,— вот какая большая была у него голова.

Пришел к Пере брат посланцем от князя, говорит:

— Меня за тобой князь послал просить тебя воевать, защищать его от злых людей.

Жалко было Пере оставлять родные леса, но защищать своего брата и князя он согласился и вместе с братом отправился из дому.

Отправились вместе, но Перя,— как только вышли,— как стрела, исчез за деревьями, далеко за собой брата оставил. Домчался до самого поля сражения, а бить кого — не знает. Но тут как раз подоспел брат и указывает ему:

— Видишь вон — колеса едут. Если сможешь,— задержи их и разбей!

Перя ухватил одно колесо, разорвал его на части. Ухватил второе колесо. Третье. Все колеса, всех людей разбил вдребезги. Все войско южного царя перебил, и тогда только оба брата повернули назад. Повернули назад, и увидел Перя, сколько он людей перебил, сам ужаснулся тому, что наделал, и говорит брату:

— Вот сколько я людей убил! За это меня судить будут. Убегу-ка я отсюда в свои леса!

— Не горюй, брат Перя,— успокаивает его брат, не думай, что худое сделал нашему князю. Наоборот, ты сделал для него очень хорошее дело. Князь будет рад тебя видеть и наградит.

Пришел брат Пери к князю, докладывает ему:

— Вот твой избавитель. Если бы не Перя,— всех бы нас перебил южный царь.

— Удалой ты молодец,— говорит Пере князь,— проси у меня, чего хочешь! Возьми золотом, возьми мехами...

Отвечает Перя князю.

— Золота мне не надо, а зверей я сам ловлю.

— Если ты охотник,— опять говорит князь,— подарю я тебе шелковую сеть зверей ловить. Дам тебе кроме того во владение любой участок леса, какой хочешь. И никто в нем не посмеет тебя притеснять.

Попросил Перя для лесования лупьинский лиственник и вернулся на родину. А в том лесу злой Ворса давно уже искал случая погубить богатыря.

Вот по возвращении Пери Ворса у него и спрашивает:

— В какое время ты, Перя, спишь и крепко ли спишь?

— Я сплю,— отвечает Перя,— будто березовый кряж лежит, сплю тихо, не дышу и не храплю.

Подошла ночь. Поджидает Ворса, когда Перя заснет. А Перя постлал себе постель, уложил на нее березовую ступу, а сверху покрыл ее одеялом. Сам же залез в передний угол на полати. Зашел Ворса в избу Пери, видит: Перя на середине избы лежит. Кинулся на него, пронзил его копьем и говорит:

— Третий раз иду на тебя! Наконец-то ты мне попался!

А в это время Перя с полатей выстрелил в Ворсу из лука и говорит:

— В третий ты раз пришел, да не я попался! А я в первый раз на тебя иду, и ты попался!

Побежал раненый Ворса от Пери на восток, на Камень, а богатырь погнался за ним следом. Настиг его Перя на Болвангоре, как раз в то время, когда Ворса уже к своему дому подбегал. Упал Ворса на пороге дома и умер.

8

Жили-были два брата, один служил в солдатах, а другой — Перя — охотничал, белок ловил. Бродит Перя целый день по лесу, добредет до своего чома, наломает пихтовых елок под себя, костер-нодью разведет, да и спит себе возле избушки. Обладал тот же Перя неимоверной силой.

Как-то однажды он сказал своей жене:

— Чего-й-то у меня сегодня глаз чешется?

Посмотрела та под веко мужа, вытащила оттуда пару еловых игол.

Однажды в столицу пришел очень сильный богатырь, начал в ней людей мучить, колесом их убивать. Никто не осмеливался померяться с тем богатырем силой, любого смельчака убивал он на месте. Испугавшиеся жители начали посылать людей по очереди биться с тем богатырем, и, когда очередь дошла до брата Пери, который служил в солдатах, он и сказал:

— Есть у меня дома брат Перя, силы он непомерной. Не вызвать ли нам его сюда?

Послали солдата на родину, чтоб привез он брата-богатыря.

Однажды возвратился Перя в свой чом с охоты, видит — висят на стене лук со стрелами,— и выругался:

— Кто же это, чортова мать, забрался в мой чом?

А брат ему и отвечает:

— Это я пришел. К нам в столицу богатырь заявился, и весь народ от него погибает. Давит тот богатырь людей колесом.

— Иди в столицу назад,— говорит брату Перя,— я приду на помощь.

— Мне,— отвечает брат,— недели две до столицы придется ехать. А тебе сколько?

— А мне и двух дней хватит. Приду и никому не покажусь. Если понадоблюсь — ищите меня в бане.

Подоспел Перя в столицу как раз к самой схватке с тем богатырем, замешался в толпу, видит — катится богатырь в колесе, людей давит. Подъехал и к Пере, ударил его в поясницу, сорвал с Пери кожаный ремень.

— Ах, ты, чортов сын,— рассердился Перя,— да я тебя в грязь превращу!

Да как схватит того богатыря вместе с колесом, да как шваркнет его об землю,— на земле только кровавая полоска от того богатыря и осталась. Испугался Перя, побежал прочь и кричит:

— Человека убил! Человека убил!

Потом позвали, однако, Перю к царю, угощают его, в мягкую постель спать укладывают. Но только не нравится Пере такое житье, скучает он по родной парме, по речке своей Лупье, вздыхает:

— Нодья-матушка! Березовое изголовье! Пихтовая постель! Вот оно, красивое солнышко моей жизни!

— Проси, чего хочешь!— говорит Пере царь.

— Ничего мне не надо! Лишь одно — свободно лесовать в родных моих лесах.

Подарил Пере царь во владение Лупью-парму да еще шелковую сеть — куниц ловить. Вернулся Перя в родимые места, принес еще с собою четыре дубовых полоза. Хорошо ему охотиться в Лупье-парме, верст пятьдесят до паужина обойдет.

Вот однажды расставил Перя шелковые сети на куниц да и попал на ту самую тропу, на которой охотился сам Ворса. Пришел к нему Ворса, заговорил с Перей, заспорил с Перей, а Перя ему и отвечает:

— Ты на мои угодья не суйся!

А Ворса ему и отвечает, что надо, мол, потягаться на палке: кто кого перетянет — того и владения. И отправился искать подходящую палку. А Перя перевязал ту палку крепким ремнем, а концы его обернул вокруг дерева, сел и держит палку за концы в руке. Напрягся Ворса изо всей силы, даже по дереву треск пошел. Удивился тому треску Ворса, спрашивает:

— Что это трещит?

— А это у тебя хребет трещит,— отвечает Перя.

— Если так,— испугался Ворса,— давай, лучше перестанем тягаться.

Перестали. Ворса и спрашивает:

— Как ты спишь?

— А ты как спишь?— спрашивает Перя в свою очередь.

— Я храплю так, что деревья гнутся,— говорит Ворса.

— А я сплю, как кряж!— отвечает Перя.

— А какого удара ты больше боишься?— опять спрашивает Ворса.— Какой удар для тебя смертелен: удар копья или удар топора?

— Для меня смертелен удар копья с серебряным наконечником.

Улеглись они возле костра-нодья: Ворса — по одну сторону, Перя — по другую. А, как только улеглись, Перя потихоньку вместо себя положил березовый кряж, покрыл его лазом, а сам забрал свои стрелы и лук и спрятался. Встал ночью Ворса, накалил на костре свое копье, ударил Перю,— насквозь пронзил накрытый лазом березовый кряж.

— Ух, и крепкий же был этот Перя!— удивился Ворса. И ударил по кряжу еще два раза.

Тогда из своей засады послал Перя в Ворсу первую стрелу. Бросился бежать Ворса, бежал-бежал до самого своего жилища, и до самого жилища преследовал его Перя. Настиг, а Ворса уже мертвый лежит на пороге.

Вошел Перя в жилище Ворсы, всех его домочадцев перебил, одна только девушка уж очень просила Перю не убивать ее:

— Я,— говорит,— крещеная! Я была похищена Ворсой из дому.

Не убил ее Перя, зажил с нею, как с женой.

Жили они несколько недель, а, может быть, и месяц. Вот новая жена вдруг и предупреждает Перю:

— Ты без стука никогда ко мне в баньку не заходи.

Однажды Перя подкрался к баньке да без всякого стука и заглянул в нее. Видит: сняла его жена кожу вместе с волосами со своей головы и, как зверь, зубами в волосах ищет вшей и давит их.

Убил свою жену Перя тут же на месте.

9

Давным-давно когда-то жили в Важгорте три брата — Антипа, Перя и Мизя. Старший брат Антипа служил у московского царя. Младший — женился, занимался хозяйством. А средний — Перя — был такой великан, что не находил себе по росту девушку и оставался холостым. Жил он вместе с Мизей и помогал ему хозяйничать. На охоту он уходил со штыком, луком и стрелами, а лыжи у него были длиной в три сажени. Увидит

след лося, оленя или медведя — в один миг догонит, поразит штыком. Так дичь на штыке и приносит до дому. А ловушки его расставлены были на сотни верст вокруг,— все успевал осмотреть до обеда.

Затеялась у московского царя война с одним королем, и тот король одерживал над московским царем победу за победой, угрожал завоевать все московское царство, потому что был у того короля в войске необыкновенный герой. Сидел тот герой в середине железного колеса, и где бы то колесо ни прокатилось, там убивал он всех солдат московского царя. И стал московский царь искать богатыря, чтоб сразился с тем героем. Половину всего своего царства обещал отдать тому богатырю.

Тут Антипа и доложил царю о своем брате Пере, что может, мол, Перя победить вражеского богатыря. Обрадовался царь и тотчас послал Антипу за братом на девяти тройках с самыми лучшими и умными людьми своего царства.

Приехали московские люди в Важгорт, где жил Перя, да не застали его дома: он был на работе. Сели они ждать Перю, Мизя ухаживает за гостями, его жена кормит их лучшими кушаньями, угощает заморскими винами. Был уже поздний вечер, когда вернулся домой Перя. Принес он с собой двенадцать полозьев для саней, поставил их к стенке дома, да так неловко, что ударились полозья о стенку, весь дом задрожал, рюмки и стаканы посыпались со стола на пол, и вино пролилось. Испугались московские гости, дрожат от страха, а Мизя с Антипой спешат их успокоить: ничего не случилось особенного,— это Перя с работы пришел. Он хоть и великан, а человек мирный и добрый. Поуспокоились гости да вдруг опять задрожали от страха — услышали, как заскрипели под ногами Пери ступеньки лестницы, и совсем со страху онемели, когда Перя вошел в дверь...

Но сумел, однако, Антипа убедить Перю выручить из беды московского царя и отправиться с ними. Гости ни за что не хотели отпускать Перю от себя, говорили, что тройки мигом домчат их до Москвы, а Перя отказывался, говорил, что на лыжах с компасом он дойдет скорее. Тогда царские послы спросили: а по какому знаку они опознают его в городе? Перя объяснил, что по лыжам: будут стоять его лыжи возле дома, где он квартировать станет, упрутся лыжи в стреху концами, а его самого узнают по росту и по рукавицам,— всегда будут его рукавицы за поясом. Царские послы с тем уехали, а Перя пробыл дома еще дня три, встал на лыжи и на несколько дней прибыл в Москву раньше, чем царские послы.

В Москве попал Перя на поле сражения и увидел там огромное войско. В первый же день вражеский богатырь, катясь на своем колесе и истребляя московское войско, подкатился к Пере, но Перя оттолкнул от себя колесо. В этой схватке потерял Перя мизинец левой ноги и сказал только:

— Здесь, оказывается, сильно комары кусаются!

А тут подошел к нему брат Антипа и стал говорить, что если Перя не сразится с врагом, а будет только защищаться,— враг его обязательно убьет.

На третий день сражения стал Перя на том же месте. Прямо на него покатился вражеский богатырь на своем колесе, оставляя после себя широкую кровавую улицу. Дождался Перя, пока подкатится он вплотную, схватился обеими руками за колесо, поднял выше головы да как бросит о землю. Только одно кровавое пятно и осталось на земле.

Все московское войско закричало от радости:

— Ура! Добро пожаловать!

А Перя не знал по-русски ни одного слова. Услыша тот крик и видя, что к нему бегут, он так испугался, что кинулся бежать, и вся московская армия за ним следом, а кавалерия пересекла ему дорогу. Подбежал Перя к одному деревянному дому, приподнял его за угол, выдернул из середины бревно подлиннее, машет тем бревном вокруг себя, кричит грозно:

— Не подходи,— убью!

Тут Антипа объяснил ему, в чем дело. А царь пригласил Перю в свои палаты, пировал с ним трое суток, пообещал ему дать все, что он ни попросит, хотя бы даже полцарства. Перя попросил дать ему грамоту на земли по Каме и на север от Камы и навсегда освободить от воинской повинности его родню.

Царь исполнил его просьбу, подарил ему еще шелковые сети и отпустил домой. А на прощанье спросил: хорошо ли Пере спалось в царских его покоях, и доволен ли он царским его угощением?

Перя ответил царю, что в царских его покоях спать ему, Пере, не давали клопы да блохи, а дома его, Перю, никто не кусает, и спать в лесу на мху и хвое пихты много мягче...

Вернувшись домой, отправился Перя осматривать землю, какую получил он по царской грамоте. И вот идет он как-то в сумерки по лесной тропе и слышит лай собаки и чей-то свист. А скоро увидел и незнакомца, высокого молодого мужчину с небольшими усиками. Незнакомец сердито посмотрел на Перю, и спросил: чего он ходит по его владениям, и кто позволил ему это?

Перя ответил, что, наоборот, это он, незнакомец, ходит по его владениям, и показал ему царскую грамоту. Незнакомец посмотрел на бумагу и сказал, что и грамота московского царя для него — не закон, и предложил Пере померяться силой: кто из них окажется сильнее, тому и владеть областью.

Долго спорили они, не заметили, как подошла ночь, как земля закуталась сумраком. Незнакомец говорит, что пора сделать нольду и ложиться спать. Свалили они большую сосну, сделали нольду, поужинали, а после ужина незнакомец предложил тянуться за палку, — кто кого поднимет. Набросили они оба на пень по ремню, начали состязание в силе. Незнакомец тянул с такой силой, что поднимал Перю вместе с пнем вверх да так, что затрещали корни у соснового пня. Услышал тот треск незнакомец, спрашивает:

— Что это у тебя слышно?

— Я с последними силами собираюсь, — отвечает Перя.

— Ты меня победил, — отвечал незнакомец, — я уж выбился из последних сил.

После этого легли они спать. Незнакомец по одну сторону огня, Перя — по другую.

— Как ты спишь ночью? — спрашивает незнакомец.

— Сплю, как чурбан! — ответил Перя и тоже спрашивает у него, как спит он.

Незнакомец отвечает, что он спит так, что от его храпа земля дрожит, а из ноздрей у него летят искры.

В скорости незнакомец заснул и в самом деле захрапел со страшной силой. Посмотрел Перя через огонь на противника, — верно: летят у него из ноздрей искры. Испугался тут Перя, снял с себя шабур, покрыл им сосновый чурбан, возле которого лежал, а сам взял свой лук и стрелы и отошел от огня в лес, спрятался за деревьями, наблюдает за незнакомцем.

Вот просыпается незнакомец, видит чурбан под шабуром Пери и говорит:

— А и вправду спит, как чурбан!

Взял свое копье, положил в огонь, накалил докрасна, да как прыгнет, будто хищный зверь, через огонь, как пронзит тем копьем чурбан под шабуром.

— Двадцатый! — говорит.

Тут Перя пустил в него стрелу и отвечает:

— Второй!

Попала та стрела незнакомцу в грудь. Крикнул он:

— Перехитрил ты меня, Перя!

Пошел прочь от огня, обливаясь кровью.

С рассветом отправился Перя по кровавому его следу и вышел скоро на поляну, где стоял красивый треугольный дом. В сенях того дома он нашел мертвого незнакомца. А в доме увидел на кроватях трех спящих юношей, сыновей незнакомца. Незнакомец-то тот был, оказывается, лешим.

Перестрелял Перя всех трех юношей, а с полатей раздается вдруг женский голос:

— Перя, милый, не убивай меня! Я не из леших! Я — дочь священника! Меня леший маленькой похитил!

Не убил ее Перя, стал с ней жить.

Сам ходил на охоту, а она хозяйничала. Но только случилось все же, что обнаружила она однажды свое лукавство и бесовские свойства. Тогда Перя застрелил ее, а дом покинул.

10

Большая и широкая наша страна Коми, и живут в ней люди с давних пор.

За Гайной — селом есть Лупья — деревня. Затерялась она среди болот и лесов. Зимой проехать туда можно, летом, быть может, на лодках по речкам доберешься, а так — болота не пустят. И жил-был когда-то в этой деревне один человек, звали его Перу. Жил он небогато, зато сам был очень сильный и могучий. Хоть росту-то был и небольшого, да в плечах — сажень шириной.

Вот однажды как-то его сосед устроил помочи: возить бревна — керку построить. Поехали в лес, и Перу поехал.

Нарубили бревен и вывозят на дорогу. А у Перу то ли лошадь была слаба, то ли бревна чересчур крупные срубил, но только лошадь дергала-дергала, а воза стронуть с места не смогла. А соседи смеются над Перу: такой-де ты сам сильный человек, а лошадь держишь слабенькую, как кошка. Сменял бы ее лучше, чем позорить свою голову. Смотри-де мол — вот у нас лошади, так лошади!

Рассердился Перу — со злости земли под собой не видит, а бить лошадь, гнать ее через силу — жалко. Посмотрел он, подумал, распряг лошадь, сам ухватился за воз и вывез полный бревнами воз на дорогу. Удивились соседи силе Перу, — медведю — и тому не сделать, что Перу сделал.

С того времени Перу ни разу не запрягал лошади, когда надо было вывозить бревна, а таскал бревна из лесу домой на себе.

Услыхала хозяйка, что на помочи пошел и Перу, задумалась: беда-де, чем я Перу только накормлю? — а поесть Перу любил много, за один присест десять фунтов хлеба съедал.

Понял Перу беду хозяйки, пришел к ней и говорит:

— Ты не горюй о том, как накормить меня досыта, а сходи в лес и принеси побольше мху, свари и посоли, вот мне и ужин.

Хозяйка так и сделала. Принесла из лесу мху, посолила, сварила и ждет помочан к ужину. Пришли помочане, и Перу с ними. Хозяйка всем брагу кружками подносит, а для Перу ведрами таскает. Сели за стол, все кашу да то и другое едят, а Перу свой мох в рот тащит да похваливает, тащит да похваливает.

За столом кто-то и пошутил над Перу: у нас-де и свинья к хлебу привыкла, вареный-де мох принесешь, так она и не посмотрит!

Услыхал эти слова Перу, разгневалось его сердце: досмерти не любил он, чтобы кто-нибудь вышучивал его, смеялся над ним. Сам пальцем никого не трогал, а заденешь его — берегись!

Поднялся Перу из-за стола и слова не сказал, только лицо его покраснело — огнем пылает, да из глаз искры сыплются. Рукавицы и шапку взял — да на улицу.

Всем гостям не по себе стало, — но Перу они знают, драться с ним не полезешь. Посидели помочане еще сколько-то времени и разошлись по домам.

На другое утро вышел хозяин на улицу, а из бревен, что накануне привезли, нет ни одного. Куда делись, понять нельзя, — ни следов саней нет, ни бревен. Пошел он на деревню, спрашивает одного-другого, — никто ничего не знает. Тут кто-то догадался, — это, мол, Перу работа. Вчера, мол, его за столом Милю-Мишка раздразнил, вот он и мстит.

А у Милю-Мишки поставлен был новый сруб для керки, еще не отделанный. Вошли в сруб, а в нем полно бревен. Поняли тогда все, куда девались вывезенные вчера из лесу бревна. А что делать? Как вынести из сруба засунутые туда бревна? Поговорили, — подумали, решили пойти к Перу.

Пришли к Перу, а он сидит за столом, соленый мох ест да под нос себе бурчит. Стали просить Перу помочь вынести

бревна из сруба, а Милю-Мишка готов на коленях ползать: из-за меня-де все это вышло. Не умел ломаться Перу, когда его добром просили. Поел-попил, встал из-за стола, взял рукавицы и шапку и пошел к срубу Милю-Мишки. А люди смотрят — выжидают, что-де он делать будет?

Перу вошел внутрь сруба, взял в каждую руку по два бревна, вынес из сруба и положил туда, где они прежде лежали. И, пока соседи стояли да от удивления руками похлопывали, Перу все бревна из сруба отнес на старое место, а когда кончил — погрозил им пальцем и сказал: вот-де, в следующий раз не вздумайте смеяться надо мной.

Служил в солдатах дядя Перу. Давно уж был он в солдатах, Перу и не помнил, когда дядя ушел в солдаты. Как-то раз после многих лет службы приезжал дядя на родину, навестить родных. Одежда была на нем хорошая, на голове парик, на ногах сапоги. Рассказывал — у самой царицы-де слугой живу. Вот ведь до чего может возвышаться человек! — удивлялись все в деревне.

Только один Перу не удивлялся: что мне за дело-де до царя и его слуги, я сам в лесу — царь, меня-де и медведь боится.

Через сколько-то времени уехал дядя обратно служить царице. А тут началась война между русской царицей и каким-то другим царем. Кто знает, чего они не поделили, только война пошла не на шутку. Тот царь был хитрый. Он устроил какую-то машину особую, чтоб убивать людей. Вот идет та машина на русское войско и в грязь превращает людей, и ничем не проймешь ту машину — ни пулей, ни пушкой.

Повесила голову русская царица. Беда-де пришла, затеяла войну самой себе на погибель. А старый слуга ее, дядя Перу, и говорит:

— Не горюй, царица, я тебе помогу!

— А как? Чем ты мне поможешь?

— У меня дома, в деревне, племянник есть, он эту машину одной рукой вверх тормашками поставит.

Как услыхала это царица, так с места и вскочила. Выдала старику бумагу за царской печатью, чтобы весь длинный путь до его родной деревни везли его на трех лошадях, и чтоб не мешкая вез на войну племянника.

А Перу живет дома, стреляет да охотится. На охоту уходит далеко на север, куда и нога человеческая еще не ступала. А чтобы скорее передвигаться туда и обратно, и чтобы снег его держал,— Перу выворотил в лесу дерево с корнем и сделал из него себе лампы (лыжи). На этих лампах и ходил на охоту. Домой вернется, лампы к стене керки приставит,— острый их конец выше крыши торчит, такой длины были лампы у Перу.

Вот едет-гремит дядя Перу по царской бумаге. Приехал он к Перу и разговор повел издалека:

— Слыхал я, племянник, что ты большим охотником стал?

— А что же таким, как я, и делать-то? — говорит Перу,— Коли ничего другого руки делать не умеют. И охотой бывает сыт живот.

— Ты, говорят, весь Коми край обходишь на своих лампах?

— А коли надо — обхожу...

— Ты, говорят, завел себе хорошее охотничье снаряжение?

Разгневался тут Перу, стал ругать-проклинать свое охотничье снаряжение: моим-де снаряжением только мышей ловить. В прошлом-де году сплел сети на зайцев, а в этом уже сгнили, а про пищаль и говорить нечего: сколько выстрелов, столько и шишек на лбу. Старому хитрецу-дяде этого только и надо было. Знает он характер племянника: если сказать ему прямо, что царица его на войну зовет,— ни за что не пойдет. А на удочку со снаряжением попадется.

— А надо бы тебе завести хорошее-то снаряжение,— опять говорит старый,— молодой охотник с плохим снаряжением только время зря теряет...

— Надо бы, дядя, только где его возьмешь!

— Где возьмешь? Добудь...

— Да где его в темном лесу добудешь-то? Я бы и рад добыть...

— Слушай же, Перу. Если хочешь, я тебе шелковые сети на птиц и зверя достану, а ружье — английское,— медведя сразу уложишь им, вот какое ружье достану...

Перу и рот раскрыл, услышав такие слова.

А старик продолжает:

— Только бы сел ты со мной рядом на повозку, и понеслись бы мы с тобой...

— Куда? — спрашивает Перу.

— На войну! Да ведь ты не пойдешь, побоишься, что убьют.

— Кто? Это я-то побоюсь!— вскричал Перу.— Ну, давай, поедем, покажу я тебе, каков я есть человек! Я столько медведей убил, а тут войны стану бояться!

Столько и понимал Перу насчет войны-то!

Старику больше ничего и не надо. Если уж Перу рассердится на что-нибудь,— обязательно напротив сделает.

Сел старик на тройку и Перу зовет сесть рядом. А тот отвечает:

— На своих лямпах я тебя догоню и обгоню.

И правда. Встал Перу на свои лямпы и понесся стрелой — все прямо и прямо. В какую сторону и через какие страны ехать на войну, дядя растолковал племяннику как следует. Вот приехал дядя в один город, видит — у стены одного дома стоят лямпы Перу, в другом городе — тоже, и в третьем — тоже... везде своими лямпами опережал Перу своего дядю. Оставалось дяде только руками хлопать себя по бокам да удивляться.

И вот ночью прибыл Перу на войну. Видит — народу побито видимо-невидимо. А неприятельская машина все ходит то в одну сторону, то в другую да убивает и убивает. У Перу сразу-то и голова закружилась от непривычки. Никогда на своем веку не видел он столько пролитой крови, никогда и людей убитых не видел. За что же это проклятая машина столько народу убила?

И пошел Перу прямо против машины с голыми руками. Окружили его неприятельские солдаты, вот-вот на штыки поднимут. Сильно обозлился на них Перу. И увидел он, что неподалеку стоит изба, схватился за один ее угол и выдернул

снизу бревно, что потолще да потяжелее. Схватил то бревно в руки да начал им размахивать. Махнет — и десяток неприятелей валит с ног, еще раз махнет — еще десяток. Так он всех их смахнул с дороги, ни одного не оставил. И только тогда смог он подойти к человекоубойной машине и поставить ее вверх тормашками. И видит — из той машины выходит с поднятыми руками сам неприятельский царь. Схватил его Перу и перед всем войском наступил ему на ногу, схватил за другую ногу и разорвал его надвое. Смотрит войско, удивляется силе Перу. А Перу, как сделал свое дело, встал опять на лямпы и повернул обратно домой.

Идет домой и видит: в одном городе на базаре дубовые полозья для саней продаются. Посмотрел на эти полозья Перу да так и ахнул,— мне бы такие-то полозья очень пригодились, уж не сломаются, мол, такие полозья в лесу, какое хочешь, такое и клади на них бревно. Подошел Перу к продавцу, спрашивает о цене. Продавец ему и отвечает со смехом:

— Если пару таких полозьев до дому на себе донесешь,— даром отдам.

— Ладно,— говорит Перу,— донесу. Давай, клади, сколько можешь, на плечи, а что не уместится — к кушаку привяжу.

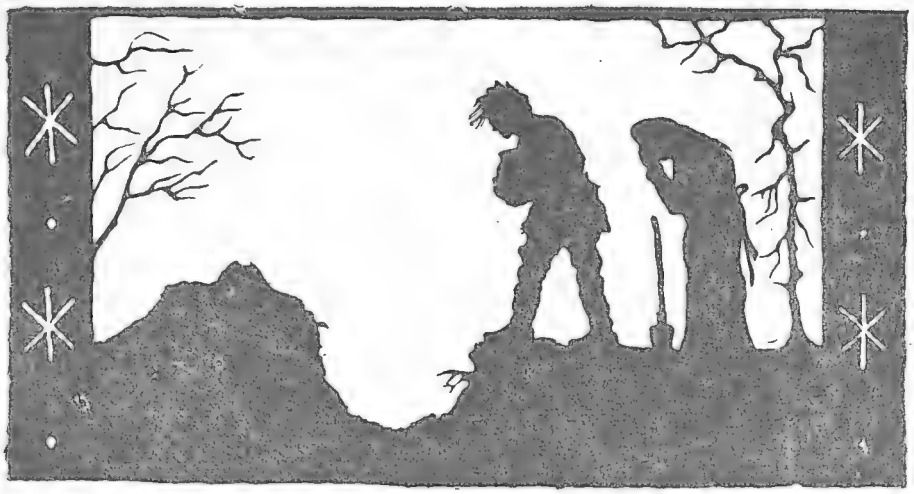
Продавец и глаза раскрыл. Клал он, клал полозья на плечи Перу, на одно положил двадцать пять полозьев, на другое — столько же, а для Перу все еще мало. Вторые пять десятков привязали к кушаку, и тогда только сказал Перу — хватит-мол.

Встал Перу с сотней полозьев на свои лямпы и тронулся в путь, а люди смотрят ему вслед да удивляются. Так и донес Перу на себе с русской стороны сотню полозьев для саней.

А старик-то ведь каков был! Вернулся обратно к своей царице, рассказал ей: так-мол и так, доставил племянника на войну, и он царя, твоего врага, разорвал надвое, а человекоубойную машину вверх тормашками поставил. За такую весть царица своему слуге, дяде Перу, медаль на грудь повесила, а для Перу так ничего и не послали. А если говорить по правде, Перу не очень-то и нуждался в царских подарках и не искал их: ходил он не ради подарков, а по своей доброй воле, чтобы кости расправить да силу свою показать.

Сделал он сам себе новые силки и стал поживать попрежнему.

Когда пришла смерть,— умер и Перу,— бессмертного-то ведь никого нет. Похоронили его там в парме, на бору, и много-много народу до сего времени бывает на его могиле и чтит его память. И еще совсем недавно дубовые полозья от саней стояли на его могиле, а теперь уж, говорят, сгнили они...



11. Ортя

Встарину люди жили не так, как теперь. И луга, и пашни, и леса — все было в руках у графа, господским прозывалось.

А господин всюду наставил своих приказчиков да бурмистров, в руках которых и было все управление. Что захотят, то с человеком и сделают. Никто не смел и слова сказать им напротив. Сами они были большими, а крепостных людей за собак считали. У господина работ было очень много, и все работы делались руками коми-крестьян. Четыре дня в неделю приходилось работать господину, два дня — себе, а в воскресенье обязательно иди в церковь. А много ли человек наработает за два-то дня!

Ой, нелегки были господские работы: то заготовляй бревна и дрова, то иди с лямкой, тяни барки,— ой, тяжела была эта работа.

Про пароходы тогда еще не знали, и, как придет весна,— навалят всякого груза в большущие лодки, десятка два людей запрягут и велят тащить барку против течения. От Кудымкара до Астрахани тащились бедняги изо дня в день, день-деньской в воде, день-деньской впроголодь. Многие в глубоких местах тонули, многие от простуды умирали, многие надрывались и калеками навек становились.

А, как открылся Кувинский завод, начали посылать работать и в рудники. Работать приходилось в земле. Работа была урочная, и, если кто не выполнял нормы, тому вечером надо было ожидать розог и плетей на спину. А что у человека делалось дома,—до этого никому не было дела, хотя у многих дома дети от голода умирали, но кому об них было кричать-беспокоиться: пусть-де мрут, этого навоза хватит.

Вот какие были времена!

Понятно, люди по своей охоте никак не ходили на господскую работу, постоянно их подгоняли сотские да десятские розгами да плетьми. Если кто замешкается — поймают и досмерти изобьют. Упорных ослушников ссылали в солдаты, а имущество их распродавали. В солдаты же все равно, что в каторгу итти! Человек двадцать пять и тридцать лет домой не возвращался, так долго длилась солдатская служба. Пойдет молоденьким пареньком, а домой возвращается седым стариком, изуродованным, искалеченным, ни к чему не пригодным.

И вот некоторые люди не могли вынести всего этого — покидали свои дома и шли в лес. А пошел в лес — стал зверем-разбойником. Такому человеку показаться перед людьми было нельзя. Его каждый человек мог убить, как собаку или как зайца.

Жили в те поры в одной деревне два брата. Одного звали Ортя (Артемом), другого — Фролом. Житье-бытье-богачество у них было плохое: всегда свой пот отдавали господину да богатым людям. А таких за людей не считали.

Однажды осенью пришел наряд посылать молодых парней в солдаты. А новобранцев в ту пору выбирали на сельских сходах. Кого выбрать? Уж, конечно, не из богатых семей,— они всегда могут откупиться деньгами. Тогда можно было тому, кто не хотел итти в солдаты, покупать вместо себя какого-нибудь бедняка за деньги.

Общество порешило отправить в солдаты двух братьев-бедняков — Ортю и Фролку. У них-де ни роду, ни племени, оставить им некого, плакать по ним некому.

Стали братья отказываться перед сходом, но кто слушает бедняков? И тогда дали они друг другу слово в солдаты не итти, а лучше уйти в лес разбойниками. Если уж и придется-де умирать прежде веку, так будешь по крайней мере знать за что. Да и жизнь будет привольная, будут деньки веселые, будут и ночки разудалые.

Вот ночью приходят к Орте сотские и десятские, руки вязать ему с братом, чтоб от солдатчины не убежали. Вырвался Ортя, выхватил пест, убил им двоих, а сам — в лес, а Фролка — за ним. В лесу, на перекрестке двух дорог распрощались они и разошлись в разные стороны. И началась у них жизнь горькая и соленая: светлый день настанет — забивайся в щель, ночка темная подходит — выходи на промысел.

И живут так братья год, живут другой. Временами сходятся, чаще же живут порознь. Зимой в приуральских лесах да на больших дорогах почту и богачей грабят, а придет лето,— сердце в родимое гнездо тянет, придут домой и, прячась, живут. Соседи знали про то, но кто боялся объявить про них, а кто и сам следом за ними готов был пойти.

Так прошло семь лет. Много плохого и мало хорошего узнали за эти семь лет сердца Орти и Фролки. И под конец невмоготу стало Орте жить такой жизнью. Пришел он раз в родную деревню, попрощался со всеми перекрестками дорог и тропинок, со всеми памятными местами, в полночь пришел к своей двоюродной сестре и говорит ей:

— Много ты, сестрица, сделала мне добра, хранила-берегла меня от глаз людских, стирала-мыла мне, когда от грязи и пота рубахи и портки мои лопались. И в ночь и в заполночь кормила ты меня, поила меня, когда я приходил к тебе голодным, как волк. Ты, сердечная сестра моя, как могла, как умела, облегчала мою жизнь, тягостную и горькую. Дай же мне, родная, последнюю помощь в эту последнюю мою ночь...

— Что ты, Ортя, родной мой, надумал сделать с собой?— заплакав, спрашивает сестра.

— Опротивела, сестрица, мне звериная эта жизнь, когда бегаешь от людей, как заяц. Надумал я похоронить себя навеки, чтоб узнали уж покой мои кости, да чтоб не тосковало больше горячее мое сердце,

С этими словами внес Ортя горшок с деньгами, и со звоном посыпались деньги на стол.

— Вот, сестра, все, что я мог накопить своей волчьей жизнью. Это тебе за то, что берегла меня от людских глаз,— и насыпал в передник сестры целую пригоршню меди и серебра.— Это возьми за то, что поила и кормила,— и насыпал вторую пригоршню.

— А это возьми за последнюю услугу, за то, что навеки похоронишь меня,— живого зароешь в могилу.

Высыпала сестра деньги из передника назад и сказала Орте:

— Ты не суди меня, Ортя, а лучше убей на месте, не поднимется у меня рука на своего брата, чтоб убрать его с этого света. Не может мое сердце взять на себя такой великий грех.

Тогда Ортя вынул из-за голенища нож в четверть аршина длиной, поднял его над головой сестры и воскликнул сквозь слезы:

— Ну, сестра, попрощайся тогда со светлым днем! Если не поднимается твоя рука на мою просьбу, то поднимется мой нож на твой отказ. Не бойся греха, сестра, его я возьму с собой навеки. В последний раз тебя спрашиваю: исполнишь ли ты мою просьбу или нет? Освободишь меня от этой поганой жизни или и теперь откажешься?

Дрогнуло женское сердце под длинным да отточенным и острым ножом, задрожали у сестры руки-ноги, ни слова не смогла сказать она в ответ, взяла лопату молча и следом за Ортей вышла на улицу.

Через огороды, мимо бань, согнувшись, пошли по деревне брат с сестрой,— как бы уйти от острых людских глаз, как бы избежать собачьего лая. Будто собрался Ортя в последний раз обокрасть кого-нибудь, в последний раз напоить свои руки черной человеческой кровью. Вот спустились они под высокий обрыв и подошли к берегу Кувы. Перебрались через реку. Тут-то недалеко за стогом сена была выкопана Ортей для себя могила в сажень глубиной.

— Вот, сестра, здесь меня и закопаешь,— сказал Ортя, как только подошли они к яме. И с этими словами схватил сестру, прижал к своей груди, сколько было силы, три раза поцеловал и перекрестил.— Ну, а теперь прощай, да лихом не поминай!

Горьким и печальным взглядом острых глаз своих окинул Ортя все кругом в последний раз, кринку с деньгами взял в руку,

спустился в яму, внутри ямы вырыл сбоку небольшую дыру для себя, чтобы сразу придавила земля, кринку с деньгами поставил в изголовьи и крикнул:

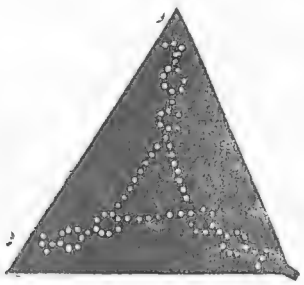
— Готово, сестра! Не поминай же лихом!

Заплакала сестра и стала кидать землю в яму. Спросила у брата: какой завет кладет он на свою казну?

— А кто первый распашет сохой мою могилу, тому и пользоваться моей казной,— и звук Ортиного голоса прозвучал из земли, как из трубы. Вырвались эти слова в тишину летней ночи, тройным эхом откликнулись в темном зеленом бору. Это были его последние, заветные, страшные слова.

После этих слов никто не мог безнаказанно взять казну Орти: ее охраняет невидимая сила, которую нельзя побороть ничем. А если кто и попытается взять казну Орти, у того неведомая сила или голову возьмет, или пожаром уничтожит хозяйство.

Так похоронил себя навеки Ортя вместе с награбленной казной. И никто не знал об этом, знала одна лишь сестра, но она дала страшную клятву и не смела сказать никому. И лишь тогда, когда исполнилось ей девяносто лет, и перестала она бояться смерти, рассказала она эту страшную правду своему правнуку за рюмкой водки. Давно уж было это дело, а люди до сих пор все вспоминают об Орте.



12. Юрка

На берегу Эжвы шумит гремучая парма. На косогоре маджинского кэрэса стоял когда-то небольшой дом маджинского богатыря Юрки. Юрка был человек необыкновенной силы, но очень добродушный и даже придурковатый. Понадобится, скажем, Юрке в лес по дрова, возьмет он свой большущий топор, вырубит шестивершковую сухостойную конду во всю длину дерева, положит на плечо, несет домой. Понадобится ему рыбу удить,— вырубит в лесу семисаженную жердь для удилища. Коса у Юрки была саженная. А жил он холостой,— для такого богатыря не находилось жены ни в Маджe, ни по всей верхней Эжве. Так жил Юрка, трудился честно, промышлял охотой, своей силой не злоупотреблял, пока не вышел один неприятный случай.

Однажды вскочил Юрке на поясницу чирей и стал мучить богатыря. День лежит он в своей избе, неделю лежит, месяц лежит,— не может работать. Вышел у Юрки весь хлеб, другие запасы тоже подобрались, а соседи на беду не помогают. Пошел Юрка из своей избы, прихрамывая, доплелся кое-как до поскотины, ухватил в стаде одну овечку и унес к себе домой.

А, когда поправился Юрка,— привычка красть чужой скот так за ним и осталась навсегда. Принялся он сначала воровать у своих соседей мелкий скот, а в скорости дошел и до крупного. Узнали, конечно, соседи про дело Юркиных рук, пошумели меж собой, но поделать ничего не могли: нельзя было взять Юрку ни силой, ни огнем. Одним щелчком мог он разбить череп любому соседу. А Юрка меж тем все воровал и воровал, не щадил никого, кроме своего старика-крестного.

Наконец соседи решили, что, если нельзя взять Юрку силой, надо взять хитростью. Уговорили старика-крестного позвать Юрку в гости, напоить, как говорится, встельку, связать веревками руки-ноги и известить соседей, а там видно будет. Юркин крестный долго не соглашался, он хорошо знал силу Юрки, и что в случае неудачи Юрка одним щелчком может размозжить

ему череп, однако в конце концов согласился и зазвал Юрку в гости. Ничего не подозревая, Юрка пришел в гости. Крестный сварил ему целый чан крепкого пива. Охмелел Юрка, глаза ко сну клонит, а крестный все подливает и подливает. Свалился Юрка от тяжелого хмеля, растянулся на полу, и богатырские силы его подкосились от маджинской крепкой браги. Захрапел так, что весь дом задрожал. А старик известил соседей, что лежит у него Юрка беспомощный, по рукам и ногам связанный.

Вооружились соседи, побежали.

А Юрка во сне начал потягиваться, двинул легонько руками, и веревки сразу лопнули. Со страхом кинулись соседи по домам, а Юрка даже и не проснулся еще, только во сне повернулся с боку на бок. Принесли тогда соседи новые веревки, снова связали Юрку, да так крепко, что только одно лицо ему и оставили, всего укутали веревками. И только было двинулись, чтоб расправиться с Юркой, как крестный потребовал, чтоб казнь Юркина была без крови. Он, мол, с тем и согласился помогать соседям, если Юрку утопят или повесят, а не иначе.

Подумали соседи, как тут повесить Юрку: ни одно дерево в парме не выдержит его большого тела, и решили утопить его в Маджинском озере. Притащили к озеру два жернова, перевезли к нему Юрку, вывезли на самую середину и привязали жернова к ногам.

А могучий Юрка все храпел и храпел, даже не подозревая, что смерть носится над его головой.

Опрокинули маджинцы лодку с Юркой, а сами поскорее поплыли к берегу. Заволновалось озеро, приняв в свою пасть могучего богатыря маджинского кэрэса. Но от всплеска холодной воды вытрезвился Юрка, изорвал веревки на себе, принялся работать руками.

Вот появился он на поверхности озера и погрозил стоящим на берегу соседям кулаком: все одно, мол, в этом озере ему не тонуть.

Соседи разбежались в страхе. Но могучему богатырю уже не суждено было больше гулять в маджинском кэрэсе. С распростертыми объятиями ожидала красавца-богатыря Куль-Васа в своем подводном царстве: тяжелые жернова тащили Юрку на дно. Обессилевший Юрка утонул, не доплыв до берега.

Но как загладить вину? Гостем убит Юрка, у гостеприимного хозяина и при помощи самого хозяина. Собрались старики и решили: чтобы душа богатыря не стала мстить за такую обиду, ему нужно всем селением принести жертву. Со всех жителей села собрали по горсти муки, развели на берегу озера большой костер, в большом котле сварили кашу.

А потом обратились лицом к озеру и крикнули:

— Не сердись на нас, могучий Юрка, мы на тебя тоже не сердимся!

А кашу всем селом съели.

Так помирились маджинцы с богатырем, которого сами же коварно убили. Навеки заснул богатырь маджинского кэрэса, а за маджинцами навеки осталась кличка:

— Маджинские кашееды.

13. Медведь и три его жены

Жили-были старик со старухой, и было у них три дочери. Пришла весна, пришло время пахать и сеять. Пошел старик пахать, а три сестры гряды поднимать вышли.

Вдруг около борозды шелковый клубок появился. Катится и катится. Старшая сестра погналась за ним, а возле межи — медведь.

— Садись на меня,— говорит он девушке,— а не сядешь — съем.

Плача, села девушка на медведя, и унес он ее к себе в жены.

На второй день вторая дочь начала поднимать гряды, и опять возле гряды покатился шелковый клубок, за которым погналась девушка. А у межи вместо клубка — медведь. Посадил тот медведь девушку на себя, умчал ее в жены.

Наконец, третья дочь вышла гряды поднимать и так же, как старшие сестры, погналась за клубком. Медведь и ее умчал к себе в жены. Привез медведь третью девушку, радуется:

— Уф, третью жену себе привез!

Однажды и говорит он трем своим женам:

— Ну, вы живите тут, а я промышлять пойду!

Ушел он, а сестры начали меж собой говорить, что пора отцу с матерью подарки посылать, и, когда вернулся медведь, пристали к нему, чтобы он сделал им сундуки для свадебных подарков отцу с матерью. Медведь сделал очень большой сундук, сестры наложили в него всякого добра, посадили младшую сестру и говорят медведю, чтобы он отнес тот сундук.

— Только смотри,— в сундук не заглядывай,— сказали они медведю.

Понес медведь тот сундук.

— Очень тяжело что-то,— думает он про себя,— дай, посмотрю!

Только было спустил сундук-то,— как раздается голос:

— Не смей! Не смей! Вижу своими жгучими, вижу своими кошачьими глазами, что ты собираешься делать!

Понес медведь дальше. Нес-нес, опять захотел посмотреть, и опять раздался голос:

— Не смей! Не смей! Вижу своими жгучими, своими кошачьими глазами... Все вижу!

„Однако, как далеко она видит!“ — удивился медведь.

Донес сундук к старикам, бросил на крыльцо:

— Берите сундук, тесть и теща!

Внесли старики сундук в избу, а в нем — младшая дочь. Очень обрадовались тут старики.

Вернулся медведь домой, ему второй сундук велят нести. Положили в него опять всякого добра много, среднюю сестру в нем спрятали.

Понес медведь и все хотел взглянуть по дороге. Чуть приостановится, а громкий голос кричит:

— Не смей! Не смей! Все вижу, все вижу жгучими своими, кошачьими глазами...

Донес до крыльца, бросил:

— Тесть и теща, дочери еще гостинцев прислали!

Старик со старухой открыли сундук, а в нем — средняя дочь.

Велит и старшая дочь медведю нагружать подарками сундук, наложила доверху добром, сама в него влезла. А прежде сделала три ступы, одела их в красивые рубашки и сарафаны, плюнула в три места и приказала медведю нести. Понес медведь. Ужасно тяжелый сундук оказался, и три раза пытался медведь его открыть, чтоб посмотреть, что такое наложили в него тяжелое, и три раза его останавливал голос:

— Не смей! Не смей! Все вижу жгучими своими, кошачьими своими глазами...

Донес до крыльца, бросил:

— Тесть с тещей, вот от дочерей гостинцы.

Открыли старик со старухой, а в нем — старшая дочь.

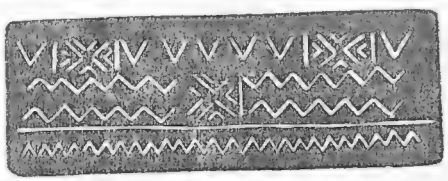
Воротился медведь домой, видит — все три его жены в красивых платьях с красными рукавами рядом стоят. Приказывает он им:

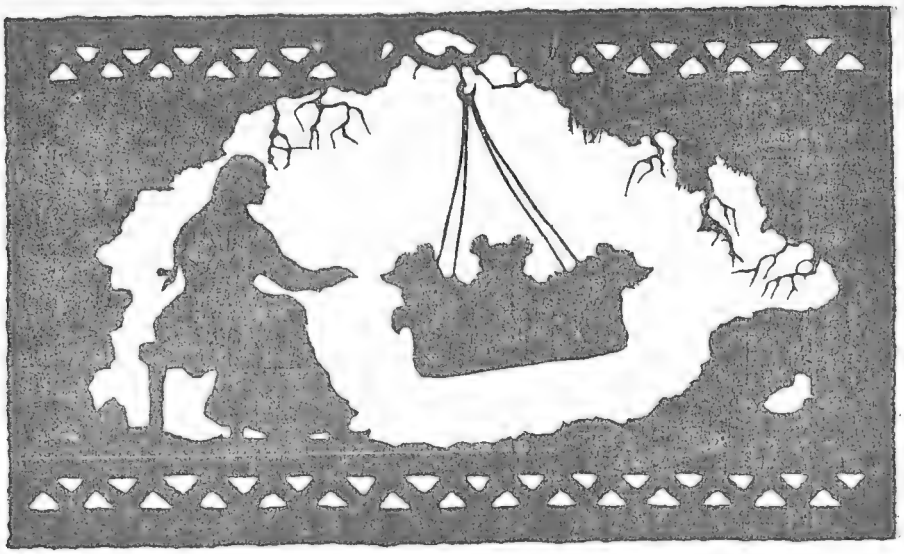
— Давайте обедать, жены! Очень есть хочу.

— Сейчас принесем,— отвечают жены, а сами с места не двигаются. А это слюни за них говорят.

Медведь рассердился, начал толкать своих жен, они попадали и придавили медведя.

Три дочери еще и сейчас у отца живут, медведево добро проживают, но слышно, что замуж выходить собираются.





14. В батрачках у медведицы

Жили-были старик со старухой, было у них две дочери,— старшую дочь выдали они замуж далеко за темный лес. Однажды младшая дочь стала проситься у родителей сходить к сестре с прялкой. Мать и говорит:

— Куда ты одна пойдешь! Зайдешь в темный лес — заблудишься!

— Да ведь куда-нибудь выйду же! — отвечает дочь.

— Ну, хочешь,— так иди... Дам я тебе клубок, куда будет катиться клубок, и ты туда иди...

Взяла девушка прялку, сунула за пазуху льняной кудели, взяла данный матерью клубок и вышла за деревню. На поле пустила с руки клубок, катится клубок по дороге,— девушка за ним идет. Прошли поля, прошли луга, подошли к густому, темному лесу. Клубок все катится и катится, и девушка за ним идет. Наконец, среди леса и дорога пропала. Клубок катился-катился и закатился меж корней. Девушка нагнулась за клубком, и вдруг ее кто-то схватил за ногу. Видит — перед ней медведица.

— Как ты смела, девушка, в мою чащу забраться?

— Так и так,— отвечает девушка,— иду к сестре с прялкой, да вот клубок застрял в корнях, достать хочу.

— Как под корнями клубок доставать? Это мой дом!

Схватила медведица девушку за руку, втащила к себе в дом: будешь-де мне няней, будешь за моими медвежатами ходить.

Живет девушка у медведицы день, живет два, медведица велит ей делать одно, другое. На третий день медведица собирается итти на охоту.

— Мясо,— говорит,— все вышло, есть нечего.

А уходя наказывает девушке:

— Ты, девушка, получше смотри за моими ребятами; заснут они,— без дела не сиди, в избе и в сенях прибери, присмотри кругом.

— А как укачивать твоих ребят? — спрашивает девушка.

— Будешь качать да приговаривать:

Баю-баю, дитятко, баю-баю, золотко...
Оша-Миша спать ложится!
Оша-Миша спит...
Дитятко, ложись,
На бочок перевались!
Вот он, дятел, тут!

Медведица ушла. Девушка, пока медвежата спали, подмела пол, перемыла посуду, одно-другое возле топившейся печки прибрала. Медвежата проснулись, стали просить есть. Девушка пошла в чулан,— у медведицы там собраны всякие съедобные корни. Принесла корней девушка, медвежата их со смаком поели. Наконец, нашла девушка соски из коровьего вымени, сунула их во рты медвежат, уложила их в люльки, качает да поет песню, которую велела петь медведица. Медвежата скоро уснули.

Пошла девушка подметать сени. Подметает сени, а сама горько плачет, заливается слезами и поет:

Где ты, где ты, жизнь моя,
Жизнь моя у матушки,
Теплое гнездо.

Как ушла от матушки,
Все, что есть тяжелого,—
Пало мне на голову,
И, как птичка певчая
В сеть летит к охотнику,—
Я в гнездо медвежье
Угодила, бедная...

Угодила, бедная,
Я в берлогу темную,
Где не видно солнышка.
Где глаза веселые
Дня весенне-ясного
Никогда не светятся.

Никогда не высушит
Слез моих девических,
Ветер с юга ласковый!

Никогда на родину
Не вернуться девушке
К матушке родименькой
В теплое гнездо!
Как цветочек осенью,
Я завяну, девушка,
Повалюсь под инеем,
Свянув навсегда...

Бежит мимо медвежьей берлоги баран, слышит — кто-то жалобную песню поет, причитает. Видит — плачет девушка.

— О чем плачешь, девушка?

— А как мне не плакать! Две сестры нас было, старшая вышла замуж, мне без нее скучно стало, взяла прялку, пошла к ней, а вот куда попала.

— Перестань плакать. Слезами тут не поможешь. Садись на меня, держись за мои рога, я тебя до дому отвезу.

Села девушка на барана верхом, держится за рога, и поскакал баран,— девушку из леса повез. А тем временем медведица домой вернулась, оглянулась,— нет девушки, вышла из берлоги, видит — бараний след от берлоги к опушке ведет. Заревела медведица, и давай гнаться за бараном. Барану остается только из лесу выйти, вот-вот выйдет, а медведица тут как тут. Барана задавила, вскинула девушку к себе на спину, притащила назад в берлогу. А дома девушку била-колотила, била-колотила:

— Вот тебе! Другой раз не бегай, если тебя оставили домовничать!

Тряслась-тряслась девушка от слез, но делать нечего, опять живет у медведицы. Живет день, живет другой, на третий медведица опять на охоту собирается. Оставляет девушку домовничать и наказывает:

— Смотри у меня, берлогу прибери, медвежат уложи, в сенях подмети, да не вздумай опять бежать. Все равно поймаю. Опять попробуешь медвежьей лапы...

Ушла медведица. Девушка подмела пол, у печки прибрала,— проснулись медвежата. Накормила-напоила их девушка, уложила в люльки, опять укачивает, поет медвежью колыбельную, как ее учила медведица.

Медвежата заснули. Вышла тогда девушка в сени, подметает и опять жалобно поет, слезами заливается, поет свою песню.

Шел тут поблизости бык. Жалко ему стало девушку. Подошел и говорит:

— Перестань, девушка, причитать да убиваться. Плачем ничего не сделаешь. Садись на меня, держись за мои рога, я тебя вывезу из лесу, домой доставлю.

— Ох, бычок, бычок, доброе сердечко,— отвечает девушка,— где уж тебе вывезти меня из лесу, у медведицы меня украсть. Баран собрался так сделать, даже до опушки не добрался, под медвежьей лапой жизнь оставил. Не доведи ты себя до зла.

— Что будет, пусть то и будет,— отвечает бык,— а иди, садись на меня. Если что и случится,— рога у меня крепкие, медведице не дамся, живот ей продырявлю, кишки выпущу...

Села девушка на спину быка, держится за рога,— и понесся бык. Вот-вот выбежит из леса, украдет у медведицы девушку. А медведица вернулась с охоты домой, оглянулась вокруг, заметила, что у крыльца следы быка, сразу поняла — опять-де няню мою украли. Рявкнула — понеслась вслед за быком. Быку вот-вот из лесу остается выбежать, да попалось на пути дерево. Бык под дерево да рогами и зацепился, застрял. Тут его и нагнала медведица. Быка задавила, девушку опять на себя кинула, вернулась домой. И тут опять избила девушку,— вот-де тебе, знай другой раз, как нужно делать. Поплакала девушка, да так со своим горем и осталась.

Проходит день, проходит другой, опять медведица собирается на охоту. А девушке и ласково и со злом наказывает:

— Ты у меня как следует живи! Не пробуй бежать! Поймаю если,— жизнь твою наполовину возьму.

Ушла медведица. Девушка опять одно-другое по берлоге сделала, медвежат покачала, вышла в сени и плачет-заливается, поет.

А мимо лошадь бежала. Услышала лошадь жалобное пенье девушки, подбежала к крыльцу

— О чем плачешь, девушка?

— Я плачу о том-то и о том-то,— и рассказала девушка лошади о том, как попала она к медведице, как два раза пыталась убежать и не смогла.

— Молчи! Не плачь! Слезами не поможешь!— говорит лошадь.— Садись на меня лицом к хвосту, держись за хвост,— я-то уж украду тебя у медведицы и довезу до дому.

— Не доводи ты себя до зла,— отвечает девушка,— меня уж баран пытался украсть и не смог, бык пробовал — не смог, и тебя медведица задушит, живой из лесу не уйдешь.

— А мы вот что сделаем,— говорит лошадь,— ты иди в берлогу, собери в печке золу и положи мне под хвост. Когда будет золы много — забей тув.

Девушка в берлоге выгребла из печки золу, лошади под хвост набила, тувом закрыла задний проход, сама села лицом назад, держится за хвост,— понеслась лошадь по лесу.

Медведица вернулась с охоты, оглянулась вокруг, видит — сторожиха ее берлоги опять удрала. Кинулась медведица из берлоги,— от крыльца лошадиный след идет.

— Ну,— говорит медведица,— в третий раз моя домовница сбежала! Если нагоню,— полжизни у нее возьму, чтобы наперед знала, как убегать! — И кинулась следом за лошадью.

А лошадь, что есть духу, несется. Спешит из лесу выйти. Вот только бы выйти,— а медведица тут как тут. Лошадь кричит:

— Девушка, вынь тув! Вынь тув!

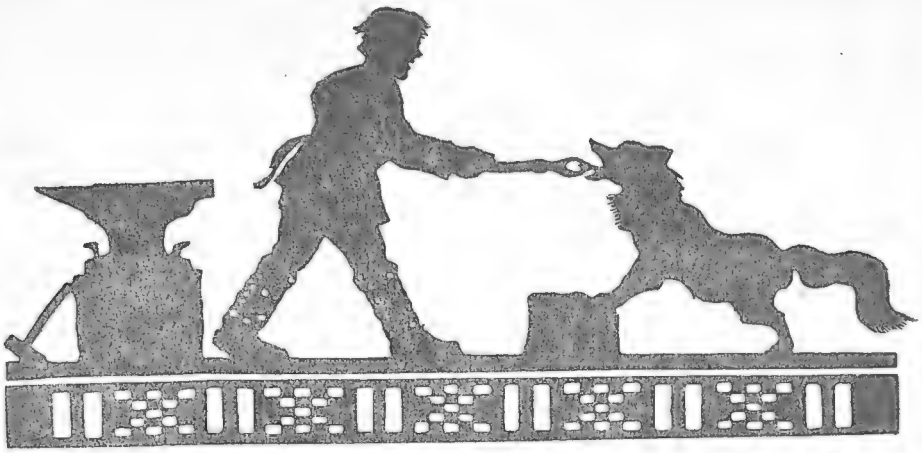
Не понимает девушка, что надо сделать. Забыла...

Медведица вот-вот лапами своими лошадь расчесывает, хватает за кончик хвоста. Лошадь изловчилась да как махнет хвостом медведице по глазам,— медведица отстала, глаза лапами протерла, опять в погоню бросилась. Опять вот-вот настигает, а опушка-то вот она, еще несколько прыжков,— и лес позади! Медведица же выйти из лесу не смеет, боится, что собаки ее растерзают. Лошадь из кожи вылезает, а медведица все ближе и ближе. Наконец, медведица ухватила лошадь за хвост, у лошади хвост долой,— и медведица через пень полетела. Вскочила и еще быстрее в погоню бросилась. Кричит лошадь:

— Тув, девушка, вынь! Тув вынь!

Как от сна проснулась тут девушка. Схватила да как дернет тув из-под хвоста. Лошадь пометом своим вместе с золой как пустит, как пустит,— у медведицы глаза залепило. И тут только она отстала, принялась глаза расчищать. А лошадь тем временем вместе с девушкой вынеслась из леса.

Привезла девушку лошадь на дорогу, спустила с себя, сама побежала в сторону пастись, а девушка по дороге вернулась домой.



15. Лисица и мерин

Давным-давно когда-то жили-поживали вместе лисица и мерин. Вышел у них весь хлеб,— мерин и говорит лисице:

— Давай жребий бросать, — которого из нас резать, чтоб другой сыт был.

Выпал жребий мерина резать.

— Меня,— говорит мерин,— резать надо, будем у Пама нож просить.

Пошла лисица к Паму, просит:

— Пам, Пам, дай нож, мерина надо резать — меня кормить!

А Пам ей отвечает:

— Нож у меня тупой. Надо точильный брусок попросить у Ена.

Пошла лисица к Ену:

— Ен, Ен, дай точильный брусок, Памов нож наточить, мерина зарезать, меня, лисицу, накормить.

— Мой брусок,— отвечает лисице Ен,— очень тяжелый. Ступай, приведи с луны быка, тот брусок с неба стащит.

Отправилась лисица к месяцу:

— Месяц, месяц, дай быка брусок с неба стащить, Памов нож наточить, мерина зарезать, меня, лисицу, накормить.

Отвечает ей месяц:

— Не пойдет мой бык без солнцева сына.

Побежала лисица к солнцу:

— Солнце, солнце, дай своего парня месяцева быка погнать, божий брусок с неба стащить, Памов нож наточить, мерина зарезать, чтоб меня, лисицу, накормить.

— Не пойдет мой сын без заячьего молока,— отвечает солнце.

Побежала лисица к зайцу:

— Зайчик, зайчик, дай молока, сына солнца напоить, месяцева быка погнать, божий брусок с неба стащить, Памов нож наточить, мерина зарезать, чтоб меня, лисицу, накормить.

— Не надоить мне молока без осинового подойника!— отвечает заяц.

Отправилась лисица к осине:

— Осинушка, осинушка, дай мне подойник, заячьего молока подоить, сына солнца напоить, месяцева быка погнать, божий брусок с неба стащить, Памов нож наточить, мерина зарезать, меня, лисицу, накормить.

— Мой подойник без зубов белого песца не сделать! — отвечает осина.

Побежала лисица к песцу:

— Песец, песец, дай мне свои зубы, сделать осиновый подойник, заячьего молока надоить, солнцева сына напоить, божий брусок с неба стащить, Памов нож наточить, мерина зарезать, меня, лисицу, накормить.

Отвечает песец:

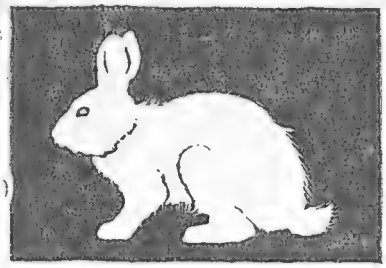
— Не достать мне зуба без клещей кузнеца!

Побежала лисица к кузнецу:

— Кузнец, кузнец, дай клещи, зуб у песца выдернуть, осиновый подойник сделать, заячьего молока надоить, солнцева сына напоить, месяцева быка погнать, божий брусок с неба стащить, Памов нож наточить, мерина зарезать, меня, лисицу, накормить.

— Открывай рот,— говорит кузнец,— язык-то вытяни!

Открыла лисица рот, вытянула язык, а кузнец как схватит ее клещами за язык да тут же и убил.



16. Бобэ

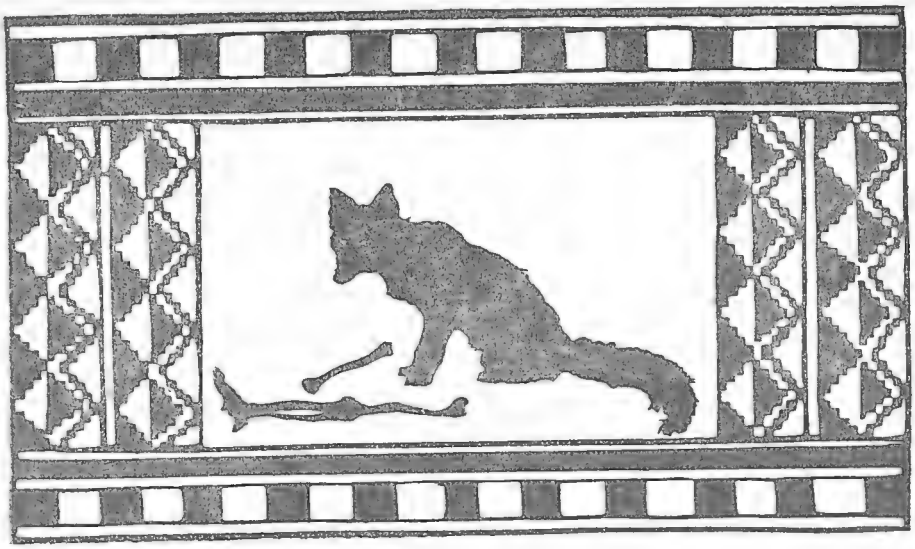
— Бобэ, бобэ, куда ходил?
— В погреб ходил.
— Что ел-пил?
— Ел оладьи с маслом.
— Оставил ли мне?
— Тебе оставил.
— Куда положил?
— Положил на край жерди.
— На краю жерди нету!
— Черная собака съела.
— Где та черная собака?
— В кострику легла.
— Где кострика?
— Сгорела огнем.
— Где огонь?
— Водой погашен.
— Где вода?
— Быком выпита.
— Где же бык?
— На поляну ушел.
— А поляна где?
— Мышь изрыла.
— Где мышь?
— В ловушку попала.
— Где ловушка?
— Изрублена злым топором.
— А злой топор где?
— Иступлен злым бруском.
— А злой брусок где?
— Брошен на банную каменку.
— Банная каменка где?
— Сгорела банным огнем.
— Где банный огонь?
— Залит банной водой.
— Где же банная вода?
— Бык Ена выпил.
— Где же бык Ена?
— К Ену взошел...

17

— Бобэ, Бобэ, куда ходил?
— Ходил в погреб дяди.
— Что ел-пил?
— Ел хлеб с маслом.
— Оставил ли мне?
— Оставил.
— Куда положил?
— Положил на край приступки.
— Да где же? Тут нет ничего...
— Черная собака съела.
— Где же та черная собака?
— В изгороди застряла.
— А изгородь где?
— Сгорела...
— А где же огонь?
— Водой погашен.
— А вода где?
— Бык выпил.
— Где же бык?
— Поднялся в ыб.*
— Где же ыб?
— Мышь изрыла.
— А мышь где?
— Попала в ловушку.
— Где же та ловушка?
— Порублена топором.
— А топор где?
— Иступился об камень.
— А камень где?
— В крапиву упал.
— Где же та крапива?
— Затоптана двенадцатью лошадьми с жеребятами:
Первый — с соломенными ногами,
Второй — с травяными,
Третий — с железными,
Четвертый — с деревянными,
Пятый — с каменными,
Шестой — со стеклянными,
Седьмой — с хрустальными,
Восьмой — с медными,
Девятый — со стальными,
Десятый — с серебряными,
Одиннадцатый — с золотыми,
Двенадцатый — с жемчужными...
— А тринадцатый?
— Столько и было.

---

* Ыб — поле на высоком открытом месте.



18. Лиса-плачея

Посеяли раз старик со старухой на чердаке репу. Пошел потом старик смотреть, как она выросла? Выросла мало — величиной с пятак. Посмотрел второй раз — величиной с чайное блюдце. А в третий раз поднялся — большая репа выросла. Полезли оба выдергивать ту репу, а старуха взлезть не может, он посадил ее в мешок, чтобы поднять. Мешок прорвался, старуха упала и померла.

Пошел старик плачею искать, а навстречу — медведь.

— Куда, дяденька, направляешься? — спрашивает.

— Плачею искать. Может быть, ты умеешь плакать?

— Умею,— отвечает медведь.

— Коли так, поплачь.

Начал медведь плакать:

— Улю-улю-улю!

— Тьфу! — отвернулся старик.— Не умеешь ты плакать.

И пошел дальше. А навстречу — волк.

— Не умеешь ли ты плакать? — спрашивает его старик.

— Умею,— отвечает волк и начал плакать:

— Рав-рав-рав!

— Тьфу! Ты не умеешь!

Пошел старик дальше, встречает зайца.

— Куда, дяденька, направляешься? — спрашивает заяц.

— Старуха умерла, плачею искать иду. Может быть, умеешь плакать?

— Умею.

— Ну, поплачь!

Заплакал заяц:

— По-по-по, ло-ло-ло...

— Нет! — говорит старик.— И ты не умеешь.

И пошел дальше. Шел-шел, лисица повстречалась.

— Куда, дяденька, идешь?

— Плачею ищу. Умеешь плакать или нет?

— Умею,— отвечает лисица.

— А ну, поплачь!

— У старика,— заплакала лисица,— умерла старушка, некому старику рубаху выстирать...

— Ну, ты, видать, умеешь,— говорит старик,— пойдем ко мне.

Пришли домой, старик принялся гроб делать, а лисице сказал, чтоб плакать шла.

— Погоди,— отвечает лиса,— дай снег стряхнуть...

— Да плачь же! — кричит старик со двора.

Но в избе попрежнему тихо.

— Сейчас вот умоюсь! — отвечает лиса.

— Да когда ж ты, наконец?

— Вот только вытрусь!

И опять тихо.

— Скоро ли? — кричит старик.

— Вот только волосы расчешу.

И все не плачет. Пошел старик в избу, лиса как бросится из нее прочь, только ее и видел. А от старухи одни лишь косточки остались.

19

В давние времена жила когда-то мерзлая пара. Померла у мерзлого жена. Мерзлый человек отправился искать гробовщика и обмывальщика. Шел-шел мерзлый человек, навстречу ему — лиса. Остановила мерзлого, начала с ним разговаривать, расспрашивать.

— Куда идешь?

— Ах, помолчи, лиса,— отвечал мерзлый человек,— померла у меня жена, иду искать обмывальщика и гробовщика...

— Давай, я пойду...

— Молчи, молчи, лисичка, какой толк из тебя может получиться?

— Получится,— отвечает лиса,— я пойду... И не ищи больше никого, пойдем назад потихоньку.

Мерзлый человек подумал-подумал и согласился.

— Пойдем, пожалуй! Умеешь, нет ли,— увидим, а что-нибудь да получится.

И отправились назад мерзлый человек и лиса. Шли-шли, пришли наконец к дому. Лиса и говорит ему:

— Я пойду в избу, буду обмывать, а потом плакать. А ты делай гроб и слушай мой плач...

Как договорились, так и поступили. Мерзлый человек принялся гроб делать, лиса взялась обмывать покойницу, а потом оплакивать очень жалобно:

— У мерзлого человека жена померла, не стало у него мойщицы-утиральщицы, швеи не стало, стряпухи не стало...

Поплакала лиса и перестала, а мерзлый человек и говорит:

— Лиса-лисичка, что ж ты плакать-то перестала?

— Дай, милый человек, отдохнуть немного.

И отъела одну грудь у покойницы, а потом начала плакать снова:

— У мерзлого человека жена померла, кормилицы не стало, кто его вкусным хлебом накормит?— и опять замолчала.

— Опять ты, лисичка, плакать перестала,— говорит мерзлый человек.

А лиса тем временем и вторую грудь у покойницы отъела. Отъела и снова взялась плакать:

— У мерзлого человека жена померла, не стало ему хорошего житья, некому его беречь, некому его охранять!

Поплакала и замолчала да одну руку у покойницы и отъела.

— Что-й-то ты, лиса-лисичка, часто останавливаешься?— простонал мерзлый человек.

— Сейчас, сейчас,— отвечает лиса,— сейчас опять начну,— а сама вторую руку прикончила. Прикончила и снова заголосила:

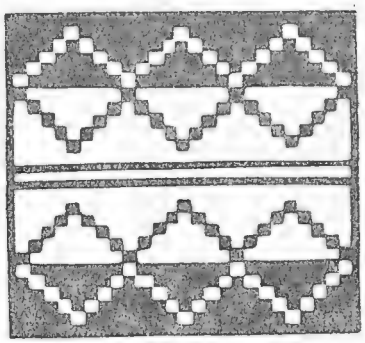
— Некому плачущего одеть! Некому вкусной пищи ему приготовить!

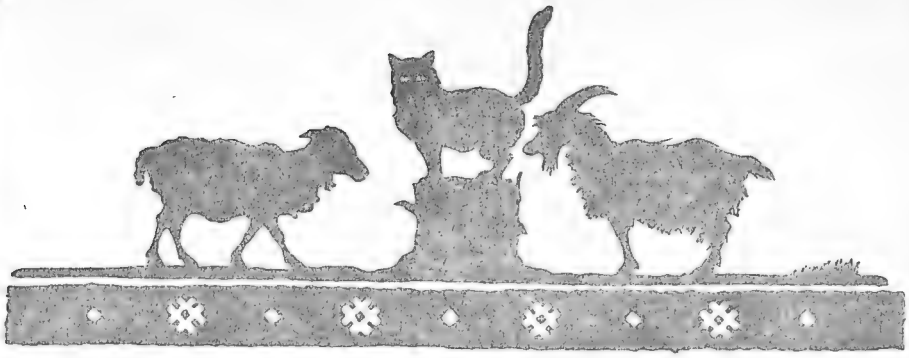
Опять помолчала немножко и ногу отъела у покойницы.

— Опять ты перестала плакать, лисичка!

— Только отдохну немного...

Вторую ногу отъела, пока отдыхала, а мерзлый человек и гроб уж кончает. Кончил наконец гроб, заходит в избу, видит: лиса вторую ногу как раз доедает. Рассердился он, ухватил лису за горло и давай душить. Сделал петлю, накинул на перекладину и повесил лису. А потом похоронил жену, а из лисы себе шапку сделал. Сделал шапку, второй раз женился, в лисьей шапке новую жену привел. И теперь еще живут-поживают, хлеб водой запивают...





20. Коза, баран и кошка

Жили-были старик со старухой, и были у них коза, баран да кошка. Однажды перед праздником старуха и говорит мужу:

— Мяса у нас нет. Надо козу или барана зарезать.

— Зарежем,— отвечает старик.

А кошка услыхала этот разговор, побежала к козе и барану и предупредила их. Думали баран с козой, думали, надумали бежать да и кинулись в лес. Бежали баран с козой, бежали, оглянулись, а сзади — волки. Зарылись они в мох, а волки так торопились, что не заметили и пробежали мимо. Вылезли баран с козой и пошли дальше. Шли-шли,— а навстречу медведь. Коза помогла барану рогами — взлезть на дерево, а сама укрылась в чаще,— прошел медведь, не заметил. Прошел мимо медведь, и встречаются ему волки.

— Вы видели,— спрашивает их медведь,— я вам мясо на обед отправил?

— Видели, видели,— отвечают волки,— перед самыми глазами пробежали, но куда подевались — не знаем... Хотели у тебя спросить!

— Погадать надо, по какой из этих трех дорог пошли,— отвечает медведь,— принесите шишек, трижды по девять штук...

Бросились волки за шишками, принесли их медведю. А медведь подошел к дереву, на котором сидели коза, баран и кошка (кошка тоже в лес пошла), сел под деревом, разложил шишки на три кучки, перекладывает их из одной кучки в другую. А кошка кидает с дерева, и очень удивляется медведь, что кучки все увеличиваются. Вдруг одна шишка угодила медведю в лоб. Испугался медведь, бросил гадать, а волки не понимают,— почему медведь испугался. Вторая шишка угодила медведю в глаз. И вдруг баран сорвался с дерева и свалился на гадальщика. Бросились удирать медведь и волки кто куда, а кошка кричит с верхушки дерева вдогонку:

— Гадальщика-то ловите! Гадальщика!

Совсем перетрусил медведь и удрал за три реки. А три друга отправились дальше. Шли-шли, пришли в охотничью баньку. Зажили в ней и сейчас поживают, за зайцами охотятся.

21. Петух и жернов

Жили-были старик со старухой, и были у них один сын и одна дочь. Когда старики померли,— брату с сестрой остались только дом, и больше никакого имущества. Вот скоро брат захотел есть и посылает сестру в голбец поискать хлеба. Пошла сестра в голбец, нашла там заплесневелый кусок хлеба и какую-то траву, очень острую. Сестра вынесла хлеб наверх, и оба они его съели. На следующий день опять посылает брат сестру в голбец поискать хлеба. Сестра пошла, поискала, нашла заплесневелую корку и увидела, что трава за ночь выросла на целую четверть. Опять они ту корку съели. И на третий день пошла искать сестра хлеба в голбец, а трава-то уж выросла до самого пола. А потом пробила и пол,— так сильно росла. И оказалось, что трава-то была кочаном капусты.

Наконец, пробило растение потолок,— таким высоким оно стало. Брат взобрался на его вершину и внутри кочана капусты нашел жернов, спустился с ним и положил его перед печкой. Тот жернов был волшебным: он сам молол, зерна и не надо было класть, молол муку без зерна.

Начали они молоть хлеб и скоро разбогатели.

И однажды пропал вдруг волшебный тот жернов. Отправился брат его разыскивать и встретил петуха:

— Куда идешь?— спрашивает петух.

— Жернов искать.

— Возьми меня с собой.

Брат согласился, и пошли они вместе. Шли-шли, повстречалась им лиса, петух ей и говорит:

— Лиса, влезай в меня.

Влезла лиса в петуха. Повстречали волка, и волк влез в петуха, повстречали медведя,— и медведь влез. Идут дальше. Приходят в село. Петух и говорит брату:

— Проси и ешь, что дадут, но не воруй.

Брат ушел в избу, а петух залез под лестницу и закричал:

— Ку-ка-ре-ку! Дядя, отдай жернов!

Дядя и говорит своему батраку:

— Пойди, отыщи того, кто кричит, заверни его в солому да принеси сюда.

Батрак нашел петуха, завернул его в солому, положил и набросал на него камней. А петух недолго думал, вылез из-под камней, пробежал под лестницу и опять за свое:

— Ку-ка-ре-ку! Дядя, отдай жернов!

— Да сунь ты его в овин и сожги! — приказывает дядя.

Батрак схватил петуха, сунул его в овин и зажег, а петух стал посредине овина, завертелся на одной ноге и давай брызгать водой во все стороны. Огонь-то и погас. А погас огонь,— петух опять под лестницу и за свое:

— Ку-ка-ре-ку! Подавай жернов, дядя!

— Засунь его в хлев к овцам, они его затопчут! — приказывает батраку дядя.

Засунули петуха в хлев к овцам. Петух стал в углу, приказал выйти из себя лисе, она и перерезала всех овец, перерезала и убежала в лес.

— Засунь его к коровам! — кричит дядя батраку.

Засунули петуха к коровам, а петух отбежал в угол и велит волку из себя выходить. Волк вышел, всех коров перерезал. Пошел батрак на коров взглянуть,— а коровы-то все мертвые.

А петух из-под лестницы знай кричит:

— Дядя, отдай жернов!

К лошадям велит дядя засунуть петуха. А петух стал в угол, велел выйти из себя медведю, медведь всех лошадей и задрал. Пошел батрак лошадей смотреть, а ему навстречу медведь.

— Дядя, отдай жернов! — кричит опять петух.

Рассердился дядя, говорит батраку:

— Дай-ка мне сюда этого горлана! Я его слопаю.

Принес батрак петуха, дядя так целиком с перьями и проглотил его,— уж очень жадный был.

Через некоторое время пошел дядя до ветру, а петух высунулся у него из заду и орет:

— Ку-ка-ре-ку! Дядя, отдай жернов!

— Принеси,— приказывает дядя батраку,— топор и отруби у петуха голову.

Батрак принес да как саданет топором, по петуху-то не попал, весь зад у дяди отрубил.

— Руби! — кричит дядя.— По другой стороне руби!

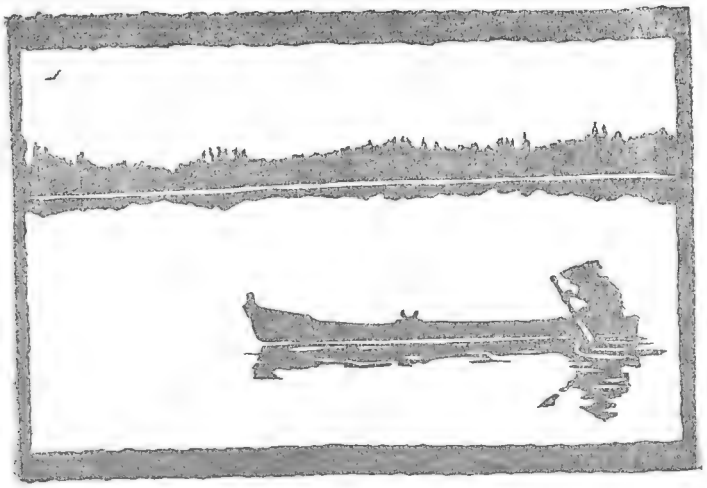
Рубанул батрак еще раз, дядя упал и умер. Тогда петух вылез из дяди, говорит работнику:

— Что тебе делать с жерновом? Давай его мне, а себе бери все имущество своего хозяина.

Отдал батрак петуху жернов, петух забрался на крышу и закричал:

— Ку-ка-ре-ку! Иди за жерновом.

Пришел брат, забрал жернов, унес к себе домой, и они с сестрой еще больше после того разбогатели,— и теперь еще живут, очень хорошо поживают.



22. Мышь и сорока

Жили-были мышь да сорока. Однажды мышь и говорит сороке:

— Я пойду за сеном, а ты суп свари!

И отправилась за сеном, а сорока принялась варить суп. Сварила, села возле печки да и задремала. Задремала и свалилась в суп. Приехала мышь с сеном. Стучала-стучала, звала-звала: не открывает сорока.

— Что случилось такое? — думает мышь.— Или ушла куда?

Обошла кругом дома несколько раз, отыскала дырку и заходит в дом. Нет сороки нигде. Села мышь обедать, а сорока— в супе. Ну, обглодала она сороку, а с сорочьими костями спустилась к речке и запела:

Плывет мышь по реке вверх и вниз
В лодке из костей сороки,*
С веслом из бобровой лапы,
С шестом из хвоста норки,
Где поглубже — веслом гребет,
Где помельче — шестом отталкивается!

А навстречу ей медведь идет:

— Мышенька-сестричка, уж очень ты хорошо поешь. Пусти в лодку послушать!

— Не пущу. Лодка моя маленькая,— оба потонем.

— Я очень осторожно сяду...

— Ну, садись.

Уселся медведь, поплыли они дальше, и мышь опять запела.

Плывет мышь по реке вверх и вниз
В лодке из костей сороки,
С веслом из бобровой лапы,
С шестом из хвоста норки.
Где поглубже — веслом гребет,
Где помельче — шестом отталкивается!

---

* Точнее—из грудной кости сороки.

Идет навстречу им волк:

— Мышенька-сестричка, уж очень ты хорошо поешь. Пусти в лодку послушать!

— Не пущу. Лодка—маленькая, а нас и так двое. Утопишь!

— Нет! Нет! Я очень осторожно сяду!

— Ну, садись.

Волк сел в лодку, поплыли, и мышь опять запела:

Плывет мышь по реке вверх и вниз
В лодке из костей сороки,
С веслом из бобровой лапы,
С шестом из хвоста норки.
Где поглубже — веслом гребет,
Где помельче — шестом отталкивается!

Глядь, а навстречу им — лиса.

— Мышенька-сестричка, уж очень ты хорошо поешь. Пусти в лодку послушать.

— Нет-нет, ты всех нас потопишь!

— Я очень осторожно сяду...

— Ну, садись...

Села лиса в лодку, а мышь всех их поубивала и начала петь:

Плывет мышь по реке вверх и вниз
В лодке из костей сороки,
С веслом из бобровой лапы
С шестом из хвоста норки.
Спит на шкуре медведя,
Одеяло из лисьей шкуры...
Где поглубже — веслом гребет,
Где помельче — шестом отталкивается!

А навстречу ей — мужик. Все отнял у мыши мужик, а она испугалась и убежала. Теперь мышь чуть живет, перебивается, а мужик очень разбогател: за сто рублей все продал, а может быть и больше.

23

Жили-были мышь и сорока. Однажды ушла мышь за сеном и наказала сороке мешать щи. Принялась сорока мешать да и свалилась в самые щи. Мышь вернулась, стучится, зовет:

— Сестрица-сорока, отвори! Отвори!

Не отворяет сестрица-сорока. Поискала мышь дырку в дому, нашла и пролезла сквозь нее. Открыла двор, втащила воз сена, скидала его и пошла в избу. Вошла в избу, села щи есть, попалась в щах сорока, съела сороку, сделала из костей сороки лодку, опустилась к реке, уселась и запела:

Вверх и вниз по реке мышь плывет
В лодке из костей сороки,
С шестом из костей выдры,
С веслом из бобрового хвоста.
От песчаного берега шестом отпихивается,
От крутого веслом правит!

А навстречу — заяц:

— Мышка-сестричка, возьми меня!

— Не возьму, лодка мала...

— Я только одну лапку положу...
— Ну, что ж с тобой поделаешь! Садись!
А сама опять запела:

Вверх и вниз по реке мышь плывет
В лодке из костей выдры,
С шестом из костей сороки,
С веслом из бобрового хвоста,
От песчаного берега шестом отпихивается,
От крутого веслом правит!

Идет навстречу лиса.
— Мышка-сестричка, возьми меня.
— Не пущу, лодка мала, и так нас двое...
— Я только лапку положу...*
— Ну, что ж с тобой делать! Садись!
И опять запела:

Вверх и вниз по реке мышь плывет
В лодке из костей сороки,
С шестом из костей выдры,
С веслом из бобрового хвоста.
От песчаного берега шестом отпихивается,
От крутого веслом правит!

А навстречу — волк.
— Мышка-сестричка, возьми меня.
— Не пущу, лодка мала...
— Я только лапку положу...
— Ну, что с тобой делать! Садись!
Запела еще громче мышь:

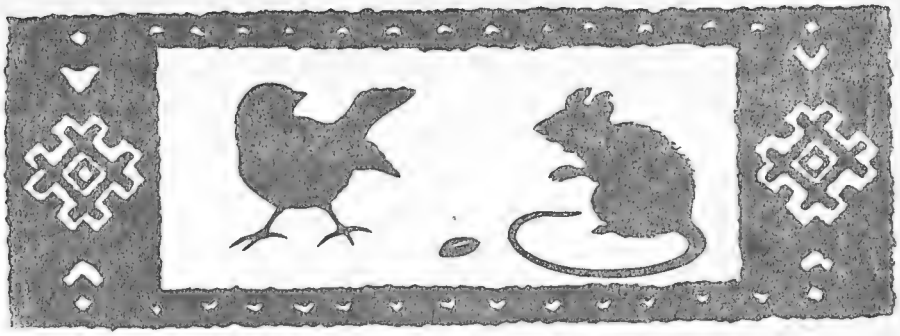
Вверх и вниз по реке мышь плывет
В лодке из костей сороки,
С шестом из костей выдры,
С веслом из бобрового хвоста.
От песчаного берега шестом отпихивается,
От крутого веслом правит!

Идет навстречу медведь.
— Мышка-сестричка, возьми меня.
— Нас и так много. Тебе и сесть негде!
— Я только лапку положу...
— Ну, что ж с тобой делать! Садись!
Уселся медведь, и все опрокинулись и потонули. Остался медведь один и запел:

Вверх и вниз по реке мышь плывет
В лодке из костей сороки,
С шестом из костей выдры,
С веслом из бобрового хвоста
От песчаного берега шестом отпихивается,
От крутого веслом правит.

---

* Точнее: „Только на величину лапки пусти...“



24. Мышь и воробей

Жили вместе мышь и воробей. Жили они плохо, голодали. И задумали посеять хлеб,— расчистили лес под пашню, мышь зубами вспахала поле, а воробей собирал зерна для посева на гумнах. Ну, и попадало же бедному воробью! Чем только не угощали его мужики на гумнах — и цепами, и чем под руку подвернется.

Посеяли они зерен с горсточку, а хлеб уродился хороший.

Начали мышь и воробей делить урожай, все поделили,— одно зернышко оказалось лишним.

Взяла себе то зерно мышь и говорит:

— Когда я вспахивала поле,— у меня сильно болели зубы, лишнее это зерно — мое зерно.

А воробей не соглашается.

Спорили-спорили, передрались, и дело дошло до царя.

А царь разделил то зерно пополам.

25. Мышь и воробей

И все дело началось из-за мыши и воробья. Если бы не они,— ничего бы и не было. Но что уж поделаешь,— вышло, так вышло, назад не вернешь.

Жили-были как-то в одном лесу мышь и воробей. Все у них было хорошо в жизни, пока однажды они не стали делить урожай с пашни, рожь, которую натаскали они к мышиной норе. Все они разделили пополам, но осталось одно зерно.

Мышь говорит:

— Воробей, тебе делить пополам это зерно. У тебя клюв крепкий. Клюнешь раз — и зерно пополам.

— У тебя, мышь,— отвечает воробей,— зубы острые, возьми зерно в рот и раскуси пополам.

Но мыши не хочется свои зубы тупить из-за воробья, а воробью неохота свой клюв из-за мыши тупить. Начали ругаться, ругаться, ругаться, ни тот, ни другая зерно разделить пополам не берутся. Напоследок воробей смотрел-смотрел, клюнул зерно, улетел на дерево,— только мышь его и видела. Принялась тут мышь стыдить воробья:

— Бесстыдник! Вонючий хвост! Не стыдно тебе — чужим трудом жить. Мою долю присвоил.

А воробей точит свой нос о ветку дерева и отвечает:

— А ты бы безносым дятлом еще дольше жила...

Мышь на эти слова из кожи вон лезет, от злости себя не чует. Бегает под деревом туда и сюда, а воробью это и любо. Любо ему смотреть, как мышь чуть не лопается от злости. И дразнится воробей:

— А я и твою долю проглотил! И твою долю проглотил! Достань-ка меня! Да где тебе. А я вот он! Поймай меня, поймай!

И сам с дерева как будто ниже спускается, мышь вот-вот его ухватит, а все-таки достать не может.

— Ладно,— говорит мышь,— я тебя проучу ужо! Погоди! Помолчи! Я каждого зверя отовсюду позову, соберу и на твое проклятое воробьиное племя войной пойду.

А воробей в ответ:

— Ты будешь зверей собирать и войной на нас итти, а я что? Смотреть буду? Я всех птиц, какие только есть на земле, соберу и сам первый начну войну против тебя и твоих зверей.

И вот мышь бегает по лесам, полям, лугам, всю землю обегала, каждому зверю говорит:

— Птицы на зверей войной собираются итти.

А воробей с дерева на дерево перелетает, кричит во весь голос:

— Звери на нас, на птиц, войной собираются итти.

И вот собираются отовсюду звери, собираются птицы, друг на друга войной готовятся итти. Звери точат свои зубы, когти, медведь коготь о коготь пробует, волк длинными зубами скрежещет, и даже заяц встал под елку и во весь голос кричит, а сам задние лапы наготове держит... Собираются отовсюду птицы,— столько их, что солнце закрыли. Каких-каких только птиц здесь нет: и гуси, и лебеди, и орлы, и коршуны, и журавли, и вороны.

Звери выбрали в лесу широкую поляну и зовут туда птиц. Птицы накинулись на зверей, и начался бой. Кто кого может, кто чем может,— тем звери и птицы друг друга и колошматят. Так шел тот бой день, шел ночь, еще день, еще ночь, идет целый месяц, еще месяц и год. Ни на какой стороне все победы нет. Кровь отовсюду льется ручьями, из ручьев образовались речки, из речек — большое кровавое море. И так бой продолжался целых три года. И все звери и все птицы в том бою отдали свои жизни, никто из боя живым не вышел. Остались напоследок еле живыми медведь и орел. Орел — на дереве, медведь — под деревом, сидят и как только умеют — друг друга ругают.

— Если,— говорит медведь орлу,— попадешься ты мне под лапу,— живым уж не уйдешь.

— Я,— отвечает ему орел,— раньше тебе глаза выклюю...

Взлетел орел в небо, скрылся за тучами и, расправив там крылья, бросился на медведя. Тут медведю и конец пришел. Но и орел свое крыло сломал. Так живым от этого трехлетнего боя живым остался только орел, да и тот с одним крылом.

Живет орел день, живет второй, около кровавого моря, жизнь орлу не особенно хороша,— того и жди, что с голоду подохнешь, а есть трупы душа орла не позволяет, никогда в жизни орел трупов не ел. И вот ходит орел около кровавого моря, здоровым крылом помахивает,— либо смерть, либо жизнь! Вдруг из-за кустов показался, на кровавой воде плывет рыбак. Плывет потихоньку около берега и думает: „А куда это я попал? Откуда эта новая вода появилась на знакомом месте?“

Заметил тут рыбака орел с обломленным крылом, подошел к нему и говорит:

— Возьми меня, добрый человек, к себе домой. Подкорми, пока у меня крыло не заживет.— Если не возьмешь,— придется мне с голоду помирать.

— А где и как ты поранил себе крыло?— спрашивает рыбак у орла.— В капкан крылом попал, или же сверху об землю ударился?

И рассказал ему орел, как у них было дело, как мышь и воробей из-за ржаного зерна ругань подняли и втянули в войну всех птиц и зверей, как война между птицами и зверями продолжалась целых три года, как образовалось это кровавое море, и как он в последнем бою с медведем остался с одним крылом.

— Возьми,— просил орел,— добрый человек, меня к себе домой, корми, пои, пока не заживет крыло. В другой раз и я тебе добро сделаю. От дружбы со мной не проиграешь.

Подумал рыбак и велел орлу лезть в лодку.

Вот привез рыбак орла домой, держит его день, другой, целый месяц держит. Орел живет, что попадется, то и ест, съел у рыбака кур, съел гусей, уток съел. Жена рыбака стала наконец ругаться:

— Какого это ты постояльца привел на свою шею? Он нас совсем разорит. Все и так уж поел у нас. Выведи его на улицу да из ружья в грудь ему выстрели, чем с ним без конца возиться.

Призадумался рыбак: что делать? Убивать орла — жалко, и держать — нельзя! Жена поедом ест. Взял ружье, посадил орла на изгородь и собирается стрелять ему в грудь. Видит орел,— плохи его дела, стал просить рыбака:

— Не убивай меня, добрый человек, подержи еще один месяц. Поправится крыло мое,— все твои убытки верну.

Жалко стало рыбаку убивать орла, привел его обратно домой и опять поит-кормит.

Вот прошел еще месяц, орел съел последнюю корову, а жена рыбака из кожи вон лезет: велит убить орла.

— Ой,— кричит,— нас и без птиц и без коровы оставил!

Вывел рыбак орла опять на изгородь, думает:

— Ну, все же придется сейчас убить его! Нельзя дальше держать!

Взял ружье и целится орлу прямо в сердце. А орел ни жив ни мертв на изгороди сидит, дрожит, и вот рыбаку только-только спустить курок осталось, начал орел опять со слезами молить его:

— Ты не убивай меня, хозяин! Ты покорми меня еще последний месяц. У меня крыло уже поправляется. Через месяц я все твои расходы с лихвой верну.

Что делать? Думает опять рыбак: убивать или нет? Убить недолго, да хорошего в этом что? Птиц орел всех уже поел, корову также. Если убить — все эти мои траты будут напрасными. А если оставить, пока выздоровеет,— кто знает, может быть, когда-нибудь и отплатит. И жалко рыбаку орла опять стало. Взял обратно его в избу и кормит третий месяц, кормит последней лошадью.

Прошел месяц, и орел опустошил его хозяйство: не стало ни птиц, ни коровы, ни лошади, но зато орел поправился.

Вывел орел хозяина на улицу и говорит:

— Ну, хозяин, хорошо ли, плохо ли, все же ты меня держал, крыло мое поправилось. Подходит время расплачиваться мне с тобой. Только я от тебя улечу на три дня к дальней горе, ударюсь я своим раненым крылом о кремневую гору; если сломается мое крыло снова,— не видать тебе меня. Кинусь я тогда вниз головой с вершины горы вниз, даже костей моих не останется ни одной целой. Одно кровавое пятно от меня останется. Не житье птице, живущей под облаками, с раненым крылом. Не таскаться ей по земле червем поганым. Ударю я крылом о кремнистый камень; если не обломится крыло,— счастье мое вместе с тобой. Жди тогда от меня хорошей расплаты.

Поклонился тогда орел своему хозяину до земли, крыльями взмахнул и взлетел под облака, как стрела из лука.

Проходит день, проходит другой,— орла нет. На третий день быстрее ветра, сильнее камня — из-под высоких облаков прямо к дому рыбака со сложенными крыльями упал орел.

— Ну,— говорит,— хозяин, мое счастье и твое счастье... Поправилось твоими заботами мое крыло. Пробовал я его у крутой горы о кремень. После первого раза из камня огонь высекся, после второго раза — камень треснул, после третьего раза — камень раскололся. Могу я теперь попрежнему плавать и реять в чистом небе. Настало время тебе с меня расплату требовать. Настало время мне хорошо отплатить тебе. Давай — садись ко мне на спину, держись за шею, понесу я тебя прямо-прямо над широкой землей, покажу тебе ясный день.

Сел рыбак на орла, руками за шею стал держаться, во всю мочь старается удержаться, а орел сильными крыльями взмахнул и очутился под облаками. Вот летит орел и спрашивает у рыбака:

— Ну, что, хозяин, видишь землю?

— Вижу,— отвечает рыбак.

— А как широка она кажется твоим глазам?

— С пятак будет,— отвечает рыбак.

— Ну, так берегись,— говорит орел.

И вдруг орел как кувырнется вниз головой да встряхнется,— рыбак не удержался и камнем полетел вниз. Вот летит, падает рыбак,— до земли вот-вот осталось, на высоту дерева не достиг,— как орел снова поймал его и посадил к себе на спину.

— Ну, что,— спрашивает рыбака орел.— Хорошо ли было тебе падать?

— Лучше не говори,— отвечает рыбак.—Чуть сердце через рот не выскочило.

— Так вот, добрый человек, знай: когда ты в первый раз вывел меня на изгородь да из ружья принялся целиться мне в грудь, мне было тогда так же, как тебе, когда ты падал.

И опять летят они вперед.

Летели-летели: у невысокой горы хорошая-хорошая изба стоит. Крыша у избы железная, всеми цветами на солнце отсвечивает.

— Здесь,— говорит орел рыбаку,— моя старшая сестра живет. Опустимся на часок, я давно уже с ней не видался. Поговорим, побеседуем,— не знаю, может быть, накормит-напоит нас чем-нибудь.

Опустились. Зашли к сестре орла, а та сидит прямо за столом, охорашивается: она — не она, не поймешь, кто она такая и есть...

— Живешь-поживаешь, сестра,— говорит орел, как только вошли.— Ну, что хорошего? Давно ведь не видались.

А та из-за стола отвечает:

— Подумаешь, какой гость явился! Ты бы еще где-нибудь дольше шатался!

— Я, сестра, не шатался попустому, а был на войне, у меня там обломали правое крыло, да вот спасибо этому человеку,— кормил-поил меня, вылечил.

— Надо было тебе, потерявшему род, свернуть голову на войне,— отвечает сестра.

— Я, сестра, не потерял своего рода. На войне я держался, как следовало держаться орлу.

— А что мне твоя война? Я живу своим домом... Хоть вы там все в воду ушли бы, мне это все равно... Нашел тоже, чем хвастаться! Нет у меня никакого брата. Уходи, откуда пришел.

И вышел орел от сестры, не услыхав доброго слова, не облегчив сердца.

— Ну,— говорит,— пусть этот приход мой будет и первым и последним. Лучше было с медведем в лесу встретиться, чем со старшей сестрой-богачкой.

И посадил опять орел рыбака к себе на спину. Стрелой поднимается под облака. Пролетели они один ряд облаков, вошли в другой ряд. Прошли этот ряд, вошли в третий. Все выше и выше поднимается орел. А у рыбака уж голова кружится,— так высоко летят они над землей.

— Ну, что,— спрашивает орел у рыбака,— видишь черную землю?

— Вижу еще,— держит ответ хозяин.

— Широкую ли видишь?

— С пуговку на рубашке...

— Ну, хорошо, если так...

И опять орел кинулся вниз головой, и опять рыбак камнем полетел вниз к земле, и только-только не ударился о землю, меньше высоты избы лететь осталось, орел опять подлетел под него и посадил рыбака к себе на спину.

— Ну, каково?— спрашивает орел у хозяина.

— Ой, чуть-чуть не умер со страху... Падал-падал, прямо одурел...

— Так знай: так и я чуть не одурел, когда ты во второй раз вывел меня на изгородь и целился из ружья мне в грудь и собирался пустить мне пулю в сердце... Я так же, как и ты, ни жив ни мертв сидел на изгороди, когда палец правой твоей руки ухватился за курок... Сейчас мы расплатились с тобой за злое. Не говори, что я в злом должен тебе. Остается расплатиться за доброе.

И летят они опять вперед.

Летели-летели. На крутой горе избушка видна.

— Здесь моя младшая сестра живет,— говорит орел.— Старшая сестра, богатая сестра не приняла; зайдем к младшей, узнаем, может быть, она примет...

Спустился орел на крутую гору, видит: младшая сестра дрова колет. Заметила брата да на шею к нему. Ах, куда-де ты потерялся? Почему-де младшую сестру забыл? Почему-де так долго не показывался?

Взяла сестра брата и рыбака к себе в избушку, накормила-напоила и в постель уложила. Рассказал брат ей, где и как столько времени провел, как он на войне был, как сломал там крыло, как его держал-кормил у себя рыбак, и как он должен сейчас заплатить рыбаку за его доброе дело.

Сестра и отвечает орлу:

— Помолчи уж, братец. Отдохнем, тогда увидим, как и чем платить доброму человеку.

И живут-гостят орел и рыбак так у сестры орла день, второй и третий. Потом рыбаку стало скучно, начал он собираться домой. А сестра орла и говорит:

— Коли ты, добрый человек, моего брата хорошо, как следует, кормил-поил, и я не останусь в долгу перед тобой. Вот тебе от меня коробок, который я достала в стране за широким морем. Положи этот коробок за пазуху и до дому не доставай и не раскрывай. Придешь домой, позови жену и только тогда открой. Откроешь,— не испугайся того, что увидят твои глаза. Все будет тебе на пользу.

Поблагодарил рыбак сестру орла, попрощался с орлом, сунул коробок за пазуху, идет по дороге домой. Шел-шел, вдруг ему захотелось открыть коробок, посмотреть, что он несет за пазухой. Что ж это за подарок, если нельзя его средь дороги посмотреть? Хотел уж достать коробок из-за пазухи — не решился: вдруг что-нибудь плохое станется. Ведь почему-то сестра орла не велела открывать до того, как придет домой. Не открыл. Пошел дальше. Шел-шел, опять вспомнил про коробок, опять захотелось достать и посмотреть. И так три раза. На четвертый раз не вытерпел — достал.

Как только чуточку открыл коробок,— начало оттуда течь золото. Вот и течет золото, вот и течет, текло-текло, перед человеком целая гора золота выросла. Что сейчас человеку делать? Как столько золота обратно в коробок запереть? Как такое богатство на дороге оставить? И тут только понял рыбак, почему сестра орла не велела ему доставать коробок из-за пазухи, пока он не придет домой.

И вот сидит рыбак у кучи золота, жалко ему оставить такое богатство; ведь много он на своем веку с женой жил не евши, много наработался в людях, не видел ни светлого дня, ни вкусной пищи. И помощников у него не было. Жили двое, как два пальца. И только впервые открылся ему счастливый день. И вот придется по своей вине оставить его на широкой дороге прохожим-проезжим. Каждой сороке-вороне. И никто ему за это ни спасибо не скажет, никто не будет знать, как и за что досталось ему столь большое богатство.

Очень обидно стало рыбаку, до слез обидно. Сидит день возле золотой кучи, сидит второй, слезами поливает свое богатство.

Вдруг на дороге показался старый-престарый седой старик. Подошел он к рыбаку и спрашивает:

— Ты чего, добрый человек, сидишь, плачешь? Или у тебя умер кто? Или радость сердца потерял?

— Как мне не плакать, дружище,— отвечает рыбак,— жил я всю жизнь плохо, нет у меня ни роду, ни племени, только одна жена дома осталась... Кто знает, может быть, сейчас и она уж с голоду умерла. Ходил я сам к орлу в гости, и дала мне младшая сестра орла счастье, да вот по своей вине не сумел владеть им. Вот эту золотую кучу, которая вытекла из подаренного мне коробка,— приходится оставить на дороге сорокам-воронам.

— Ты не плачь, не горюй, добрый человек. Все это можно вернуть,— отвечает ему старик.

— Я бы половину счастья своего отдал тому, кто бы мог это сделать,— говорит рыбак,

— А что ты обещаешь мне,— спрашивает старик,— если я верну тебе твое богатство?

— Что попросишь, то и обещаю, только верни.

— Ой, добрый человек, так ты обещаешь?

— Так я говорю, дорогой дедушка.

— Тогда обещай мне то, что ты дома забыл, чего не вспомнил.

Рыбак думал-думал, что он мог забыть, ничего не вспомнил. Сети свои он все помнит, лодки тоже помнит, хозяйство у него маленькое,— тут и забыть нечего. У жены также забыть нечего. А, может быть, за это время она и с голоду померла... Обдумал рыбак еще раз со всех сторон и обещал старику то, что он дома забыл, то, о чем не вспомнил.

Старик этот был тун. Взял он в руки коробок рыбака, стал около кучи золота и три раза дунул в коробок. И куча золота начала уменьшаться. Видит рыбак — течет золото назад в коробок. Запер старик коробок, наконец, отдает его рыбаку и еще раз просит пообещать дать ему за это то, что рыбак дома забыл и о чем не вспомнил.

Рыбак и на этот раз обещал.

Взял коробок в руки и сунул за пазуху, попрощался со стариком и пошел по дороге, а старик крикнул ему вслед:

— Через три года приду за обещанным. Пусть у тебя будет готово. Если не захочешь дать,— плохо будет тебе.

И затем старика на дороге не стало.

Идет рыбак домой с радостью на сердце. Коробок у него попрежнему полон золота. Вот будет жить с женой богато и хорошо! Рыбачить не будет,— этим голову не прокормишь! Откроет торговлю, выстроит себе хороший дом, заведет хороших лошадей и будет разъезжать купцом. Приближается рыбак к дому,— навстречу ему жена.

От радости заливается жена слезами: где-де ты сколько времени был, домой не приходил, целых девять лет где-то пропадал? Всего рыбак, оказывается, дома не был пятнадцать лет.

Принялся рыбак рассказывать жене, где он был, как летал на орле, как орел два раза его ронял со спины, как они у младшей сестры орла были в гостях, и, наконец, что ему дала младшая сестра орла. А что с ним было на дороге, не рассказал,— стыдно стало.

И тут открыл рыбак свой коробок. И начало опять из коробка течь золото, большая куча натекла. Жена рада при виде золота:

— Вот,— говорит,— когда настанет нам жизнь!

И тут же, чтоб еще больше порадовать мужа, говорит:

— Без тебя у меня сын родился. Только успел ты улететь орле, через три месяца у меня и сын родился. Вот смотри, какой большой, какой бойкий и удалой растет.

Оглянулся рыбак, видит мальчика, выходящего из лесу. На плече у мальчика висят лук и стрела, а на спине — убитая дичь.

Все эти годы, как только мальчик покрепче встал на ноги, оказывается, он охотничал в лесу и кормил себя и мать. Тем и жили. Сын очень похож был лицом на отца.

Сердце родителей полно радостью,— только теперь открылась им светлая, радостная жизнь. Но не радуется вместе с родителями сын. Он не знает золота. Он не знает жизни лучше теперешней своей. Что ему обещают родители, что они ему говорят,— все ему безразлично. Но сердцем чувствует мальчик, что плохое для него наступает время.

И живет семья рыбака день, живет два, неделю и год. Построил рыбак двухэтажный хороший дом под железной крышей, кругом выкрасил его, купил пару хороших лошадей. По дому завел все необходимое. И впрямь стал жить, как купец. Только с сыном ничего не может поделать. Что ему ни дарит отец, чем ни кормит, ни поит, сохнет сын со дня на день, как сохнет цветок посреди осеннего поля. Выберет минутку — сейчас же и в лес. Бродит по лесу без дела; дичь ему убивать не для чего, пищи дома и так некуда девать. Заросли молодой порослью лесные угодья. Жалко ему оставлять свою прошлую охотничью жизнь. Бродит он по лесу, прощается с деревьями, со знакомыми пнями, с красивыми лесными полянами. Чует его сердце, что идут плохие дни. Кто знает, куда свернет жизнь. Может быть, придется ему в воде утонуть, или в дороге погибнуть, или еще что. Вот и прощается он с родными лесами. Вот и выходит он из леса.

А отец с матерью живут, наслаждаются. Рыбак перестал и на воде бывать. Рыболовные снасти у него так под кустами и гниют. Самая лучшая и самая легкая лодка вместо корыта для поросят лежит.

И так прошел еще год. Кончился, наконец, и третий год,— год расплаты.

Вдруг вспомнил рыбак свое обещание старику. Вдруг он понял то, что просил старик, и что он ему обещал. Догадался он, что просил старик у него единственного его сына, радость его сердечную. Вот что рыбак, сидя на дороге у кучи золота и плача у богатства, никак не мог вспомнить. Он про сына забыл. Опечалился тут богатый рыбак; день ему — не день, ночь ему — не ночь, пища ему — не пища, жизнь ему — не жизнь. Лучше

было бы все это золото оставить среди дороги сорокам-воронам, чем с единственным сыном навеки расстаться! Тут только понял рыбак, на что он променял своего единственного сына, но вернуть уже поздно.

Но держит свое горе у себя на сердце рыбак, ничего не говорит жене.

А сын попрежнему ходит в лес и из лука стреляет дичь. И выстрелил как-то раз он в рябчика да не попал. Стрела между деревьями воткнулась и где-то пропала в лесной чаще. Жалко ему стало стрелы, пошел искать ее, видит: под крышей из хвои стоит маленькая избушка, стрела застряла в стене избушки. Подошел парень вынуть стрелу, а из избушки навстречу ему выходит старая-престарая старушка.

— Ты здесь, сынок, что делаешь? — спрашивает парня старуха.

— А я, бабушка, с родным лесом прощаюсь. С птицей-дичью прощаюсь, видимо не жить мне больше прежней жизнью, сердце мое чует плохое... Стрелял вот в рябчика да не попал, стрела вот застряла в стене твоей избушки... Прости меня, молодого парня, несмышленыша, что я нарушил твой покой.

— Так, сыночек родимый,—отвечала ему старушка.—Иди же, зайди ко мне, старой бабке. Старая бабка тебе в воду посмотрит, твое будущее тебе скажет.

Зашел парень к старухе, налила она воды в чашку, смотрит:

— Ох, ты, сыночек миленький, и правда: твое молодое сердце не даром тоскует. Тебя ищет старик, злой, старый тун. Черным коршуном ходит-летает он над лесом, твое горячее сердце собирается выклюнуть. А живет он возле широкой реки, и стережет он своих двенадцать дочерей. Отец твой, оказывается, обещал ему тебя за кучу золота, за то, чтобы богатым быть. Через несколько дней придет за тобой черный коршун седым, старым-престарым человеком к твоему отцу, чтобы тебя, бедненького, унести да в своем коршуновом гнезде запрятать. А ты вот что сделай. Домой уж не возвращайся, брось свою стрелу, выходи к верхней поляне да пусти свою стрелу по ветру. Куда полетит стрела,—за ней и ты иди. Куда упадет она,—там и ты остановись. А когда выйдешь ты к широкой реке,—зайди в густой ивняк и сиди, пока не придут на речной песок двенадцать белых лебедей. Эти лебеди—дочери злого туна. Они придут, будут в воде купаться, ты выходи потихоньку да у самой последней белое платье возьми себе, а там видно будет, что тебе нужно будет делать.

Как холодной водой облили парня, в дрожь его кинуло холодную. Так вот отчего его молодое сердце так тосковало-печалилось! Вот почему вместо светлого дня была черная мрачная ночь.

Поблагодарил парень старую бабку, поклонился лесной чаще на все четыре стороны, взял стрелу и вышел на лесную поляну. Узнал, откуда дует ветер, и пустил стрелу по ветру. Летит стрела по ветру, а парень за ней идет, не отставая. Идет он день, идет он другой день, на третий день опустилась стрела на землю. Вышел парень к широкой реке, видит: по берегу густой ивняк вырос. В самую гущу забрался парень и присел на корточки, ждет, когда двенадцать лебедей прилетят.

Прошел день, прошла тут ночь, и, только поднялось солнце на высоту деревьев, слышит: идут двенадцать лебедей, друг с другом громкими голосами переговариваются. Опустились они на речной песок, машут крыльями, от их белизны глаза на раннем утреннем солнце слепнут. Вдруг самая старшая из лебедей об речной песок ударилась и обратилась в очень красивую, круглолицую, белую, как сахар, молодую девушку. Все остальные следом за ней, друг за другом также ударились о речной песок и также превратились в молодых девушек. И зашли молодые, красивые девушки в быстро текущую реку купаться, а одежду оставили на песке. Купаются молодые, красивые девушки, по-всякому играют в воде, а молодой парень сидит да из-за кустов ивняка на них смотрит. Молодое сердце его радостью наполняется, никогда еще в своей жизни не видал он тела молодой девушки. Больше всех нравится ему самая последняя, молодая-премолоденькая девушка, которая оставила свою одежду недалеко у куста ивы. Это у нее старая бабка велела парню украсть одежду. На эту одежду сердце парня особенно зарится.

И подкрался парень тайком к ее платью. Купающиеся девушки и не заметили, когда он украл платье, утащил в ивняк.

Вот красивые девушки кончили купаться, выходят из воды. Вышли все, оделись, а самая молодая девушка среди них не нашла своей одежды. Бегает по берегу, ищет и нигде не находит. А другие девушки подождали ее, потом повернулись кругом, опять ударились о речной песок и превратились в белых лебедей. Взмахнули они крыльями, полетели над водой, и только их и видели. Самую младшую сестру так и оставили на берегу одну. Ходит нагая по берегу, плачет красивая девушка, говорит:

— А куда же я сейчас неодетая денусь? Да откуда же это плохое время ко мне пришло? Какой злой стервятник склевал мое платье? Кому понадобилось мое сахарное тело, мое горячее молодое сердце?

И показывается тут из-за кустов молодой парень с ее одеждой. Подошел к девушке, поклонился до земли, подал платье и с добрым сердцем держит ласковый ответ:

— Ох, ты, молодая девушка, прекрасный цветок! Ты прости меня, парня-недолетка, не злой стервятник я перед белой лебедью, я помощник тебе в горькие дни-ночи. Скажи, вели мне за тебя свою жизнь отдать, голову положить, я глазом не моргну, сердцем не дрогну! Красное солнышко не дает столько радости, сколько ты мне дала собой. Когда ты впервые попала мне на глаза,— забыл я обо всем на свете. Не стал милым мне тогда веселый лес. Не стала дорога мне молодая моя жизнь.

Улыбнулась ему молодая девушка, небесными глазами на него взглянула, быстрее забилось ее горячее сердечко, круглое ее лицо стало малинового цвета.

— Ох, парень,— говорит она,— парень-лесная травинка, да откуда ты и как на молодую мою голову упал, как снег летним утром? Кто из людей указал тебе дорогу ко мне? Почему на меня, бедную девушку, польстился ты?

Рассказал парень красивой девушке, что с ним было раньше, чей он сын, какого роду-племени, как необдуманно продал его отец за кучу золота незнакомому человеку, как старая бабушка послала его вслед за стрелой и велела украсть одежду у девушки. Поняла тогда девушка, с кем у реки она разговаривает. Наступило то долгожданное время, которое молодое сердце уже давно предчувствовало. Кинулась парню на шею, прижалась к его груди.

— Пусть,— говорит она,— потемнеет это утро, пусть же не показывается радостное солнце, пусть же треснет здесь сырая земля, и пусть проглотит она нас обоих, только не отстану я от тебя,— куда ты пойдешь, туда и я пойду. Что будешь делать ты, то буду делать и я. Придет конец тебе,— и мне не жить. Только слушай же, недро моего сердца, злая туча собирается над нашими головами, много плохого придется нам перенести. Но не пугайся ты горьких дней, как не испугался притти сюда.

И рассказала тут девушка, что она — того старого, злого туна младшая дочь; что у этого злого туна три жены было, и всех троих он поедом ел да раньше времени в гроб их загнал; что эти одиннадцать лебедей, которые улетели сейчас с берега, его любимые дочери, только-де она — дочь третьей его жены — кажется ему медведем. День и ночь-де, как и мать ее, поедом он ест девушку, в гроб загоняет. И вот-де от него слыхала девушка, как среди дороги купил он тебя у твоего отца за кучу золота, чтобы женить тебя на мне и на всю жизнь сделать рабами, чтобы выполнять для него тяжелую работу, чтобы мы добывали ему легкую жизнь своей кровью. Теперь же ищет он тебя повсюду, отца и мать твоих за обман разорил он вконец, в дым-пепел превратил их дом, пустил их по миру нищими ходить. Ищет тебя он повсюду. Точит день и ночь острые зубы, чтобы, как стервятник, тебя ухватить. Но ты не пугайся старого, злого туна. Что бы ни случилось, а впереди — только хорошее. Пошлет он стражу поймать тебя,— не убегай, а отдайся ей в руки. Приведет тебя стража к нему, стой прямо, чтобы не было у него в голове черной мысли, что мы с тобой познакомились тут у чистой, быстрой реки утром на ранней заре. А когда черная ночь падет на землю — ты тогда зайди ко мне в жилье мое. В дому мы в двенадцати комнатах двенадцать сестер живем, в самой последней — двенадцатой комнате живу одна я. Вот тебе на безыменный палец золотое кольцо. Придешь ты к моему жилью и в дверь два раза постучишь этим кольцом. Дверь откроется сама. До утра тогда мы с тобой поговорим, что делать дальше.

Взял парень у нее на безыменный палец золотое кольцо. Еще раз прижал ее к горячему своему сердцу и отпустил, сказав:

— Твоя жизнь, моя белая лебедь, мне, несчастному, есть большой закон. Твое приказание — всякому приказу приказ. Будет все так, как сказала ты. Жди, любимая, этой ночью меня.

И оторвалась красивая девушка от шеи парня, ударилась о береговой песок и стала белой лебедью. Поднялась тут лебедь, взмахнув крыльями, еще раз парню крылом махнула, жалобно прокричала и скрылась за темным лесом. Долго стоял па-

рень на том месте. Он не верил тому, что случилось. Казалось, что все это только сладкий сон. Но, взглянув на безыменный палец, увидел он золотое кольцо и словно проснулся.

А злой, старый тун в это время ходил со своей стражей по темным лесам, все чащи он оглядел, под каждым камнем смотрел, голодным волком искал он молодого парня, длинные зубы свои точил он на свою жертву день и ночь. И вот у широкой реки в парме стража нашла молодого парня.

Молодой парень под небольшой развесистой сосной лежал втихомолку на солнце и слушал пение птиц, ожидал наступающего плохого времени. Стража окружила парму, тайком идет она к этой сосне, как на медведя, все приготовились. Они боятся, что молодой парень будет бороться против стражи, покажет свои молодые силы, но парень не тронулся с места, пока стража не подняла его связанного по рукам и ногам. Он послушно выполнял слова своей любимой и только тайком поглядывал на свой безыменный палец.

Привели молодого парня к злому туну. Вышел к нему из своей комнаты злой тун. От злости волосы дыбом встали. Длинная седая борода трясется, как от ветра. Из глаз огонь сыплется. Старые пальцы — как клюв у коршуна — готовы. Подошел тун к парню и зло засмеялся:

— Ну, ты, сын мыши, лягушкино отродье, долго ли от меня по лесам бегал? Видимо, собирался сквозь землю пройти. Или же в небо за черные тучи от старого туна спрятаться? Но я мог бы тебя и с того света за ногу вытащить. Не для того я покупал тебя у отца твоего, чтоб утерять.

— Ты не ешь своих зубов от злости на молодого парня!— сказал тут парень ласково и разумно.— Что случилось, того уж не вернешь. Перед наступлением срока я сам ушел от отца и матери искать тебя да заблудился в темном лесу и до сих пор в лесу ходил. Делай со мной, что тебе угодно, не скажу тебе ни одного слова против.

Поклонился тут парень старому туну до земли.

— Ой, так ли, парень! Так ли ты старого туна хочешь обмануть! Так я тебе и поверил! А ну, смотри мне в холодно-пронзительные глаза мои! Буду читать я думы твоего сердца.

Поднял на старого туна молодой парень глаза, ласково-разумно остановил их и не мигает. Впился в них старый тун своими глазами, как буравом, впился через глаза в его мысли, словно сердце его вынимает. Но не меняет парень своих мыслей перед холодными глазами. И, сколько ни смотрел на него старый тун, не узнал, не украл мыслей парня. И опустился тун на свое кресло, как усталая черная туча, съежился,— впервые в своей жизни он не смог точно узнать мыслей человека. Не знает, что делать ему с молодым парнем. То ли разорвать его на четыре части. Оторвать руки-ноги. То ли сменить гнев на милость. Долго так думал свои черные думы старый, злой тун, наконец встал и на плечо молодого парня опустил свои сухие руки.

— Если так, то вот тебе, сын воробья, какой есть мой приказ: женю я тебя на своей дочери, от третьей моей жены, на

красивой девушке; только вот тебе и второй мой приказ: чтобы до утра успел ты выстроить около моего дома себе новый дворец, такой хороший, чтоб перед ним стыдно было всякому другому дворцу, чтобы другого такого дворца не было и не могло быть на всей широкой земле. Выполнишь это — поставлю зятем. Не выполнишь — голову долой.

И послал старый тун парня в приготовленное для него жилье. Идет парень по дому туна, про себя считает двери комнат, подошел к двенадцатой двери, а против этой двери оказалось его жилье. Опустился молодой парень около окна своего жилья, горькая дума у него в голове: как он сумеет приказ злого туна до следующего утра выполнить, окончить? Какая сила сможет выстроить прекраснейший дворец на просторном лугу? И пала голова его на широкую грудь:

— Должно быть,— думает,— не видать уж мне веселого солнца, не жить на широкой земле!

Но опять попалось ему на глаза золотое кольцо на безыменном пальце — подарок красивой девушки, и пропали темные мысли. Стал ждать, когда придет поздняя ночь. Вот и пришла долгожданная ночь. В дому злого туна — тишина. Только в жилье через дверь напротив слышно — не спит один дорогой ему человек.

Она также сидит у окна да красивой луне посылает свои сладкие думы. Настало время притти молодому парню в дорогое жилье. Как кошка, крадучись на пальцах ног, он со страхом пошел. Подошел к двери и стукнул два раза золотым кольцом. Без звука тут открылась дверь жилья, и зашел к золотой девушке долгожданный гость. Легкой пташечкой от окна порхнула девушка навстречу парню. Как и в первый раз, прижалась опять к сердцу парня, спрашивает, что и как случилось, не изменил ли он своих мыслей перед старым туном, не рассердил ли сильнее злого туна грубыми словами, все ли делал так, как было говорено у широкой реки на свидании с лебедью?

И рассказывает парень, с ласковым сердцем, своему дорогому цветку, что и как делал он перед туном, как тун ему свою милость оказал: либо дворец построить до утра, либо голову с плеч долой. А золотая молодая девушка парня успокаивает. Перед красивым лицом луны его кудрявые волосы гладит. Гладкое, малинового цвета лицо целует.

— А ты не тоскуй, нутро моего сердца; что бы ни случилось,— все к лучшему. Знай, верь мне. Где ты будешь, там и я буду. Что ты делаешь, то и я делаю. Выйди ты на улицу, на середину широкого луга и золотым кольцом, которое надела я тебе на безыменный палец, два раза прикоснись к земле. Тут явятся к тебе чудища, ты вели им до сегодняшнего утра на середине широкого луга поставить дворец, а теперь иди и не забудь, что и как сделать.

Вышел молодой парень от золотой девушки успокоенный, с веселым сердцем, отправился на середину луга, оглянулся кругом,— нигде ни звука, ни ветра. Нагнулся к земле, золотым кольцом на безыменном пальце два раза провел по земле. Вдруг тут поднялся большой шум, как бы от большого урагана деревья выворачивает. Это отовсюду чудища собираются. Ждут

от молодого парня приказа. И крикнул им молодой парень громким голосом:

— Эй, вы, чудища, помощники Ыджи-Вёрса, я дам вам один приказ, только знайте вы: с такими, как вы, я шутить не люблю; что скажу, чтобы было выслушано; что велю, чтобы было выполнено. Вы здесь посреди широкого луга к утру постройте мне дворец, да чтобы он был самый красивый и самый лучший, чтобы всякому дворцу перед ним было стыдно.

Приступили к работе чудища. Кто кирпич несет, кто стену кладет, кто окно выводит, кто дверь прорубает, а молодой парень только ходит да указывает, только показывает. Едва лишь небо стало синеть, а среди широкого луга уже был готов дворец. Стоит он красивый, с множеством окон, утренней заре навстречу смеется. А молодой парень прохаживается, да будто одно-другое под окнами подбирает, заканчивает.

Встал от сна нелюдимый старый тун, в свое окно одним глазом поглядел и не верит,— и не верит своим глазам. Посредине широкого луга за одну ночь встал-вырос, как из-под земли, веселый и очень красивый и хороший дворец. Зовет тун молодого парня к себе, опять сухие руки свои кладет ему на плечи, опять в глаза парню смотрит:

— Сумел ты выйти, паренек, из петли, только какой же силой вышел ты? Неужели своей силой ты собираешься со мной бороться? Неужели же колдовским знанием собираешься быть сильнее меня? Так вот же тебе, из вороньего рода сын: к утру чтобы за ночь около нового дворца появилась широкая река. И чтобы в этой реке рыба, как в чугуне, кипела, и чтобы берега реки были покрыты красивыми садами, и чтобы в этих садах по-всякому пели разные птицы. Выполнишь как следует — будешь зять мне, не выполнишь — голову свою потеряешь.

И пошел опять в свое жилье молодой парень, думает горькую черную думу: сможет ли — и как — у злого туна злое сердце умилостивить. Ждет опять ночного времени, чтобы сходить к любимой девушке, с ласковым сердцем ее приказание хорошо выслушать. Вот и пришла ночь, долгожданное время. Как кошка, выходит парень из своей двери, к знакомой двери опять приближается, два раза кольцом тихонько стучит, и дверь опять ему раскрывается. Красивая, молодая девушка парня встречает.

— Не тужи же ты, радость моего сердца,— говорит красивая девушка,— не грусти, не мучь себя страхом и боязнью; что бы ни случилось,— только к добру. Выйди ты, как и тогда, ко дворцу и прикоснись два раза золотым кольцом к земле, чудища придут,— знай, что им приказать делать.

Поблагодарил опять парень дорогую своему сердцу девушку, вышел на середину луга ко дворцу и прикоснулся золотым кольцом к земле. С шумом сильного урагана опять собрались чудища перед ним, и командует над ним молодой парень, и никто из них не смеет ослушаться его приказания. Гремят чудища около воды: кто скребет дно реки, кто воду пускает, кто сад садит, кто рыб и птиц собирает и в воду и в сад пускает. Опять начинает небо синеть, утренняя заря красным светом разгорается, а около дворца все уже готово. С быстротекущей реки

густой туман поднимается. В чистой воде всякие рыбы плавают, как в чугуне. В больших садах всякие птицы и дичь поют красивыми голосами.

Встал от сна старый тун, подошел к окну, в полглаза посмотрел на дворец. Смотрит и себе не верит. Все приказанное им исполнено. А молодой парень ходит по саду, да то-другое как бы доделывает, добирает.

Позвал старый тун парня к себе, опять свои сухие руки положил на плечи парня:

— Вижу я, сын ты коршуна, есть у тебя толк на то, на другое. Будешь мне зятем, если не спутаешься и выполнишь последнее мое приказание. Вот смотри сюда. Через эту реку от моего дома до дворца ты сделай мне хрустальный мост, и чтоб был он к завтрашнему утру готов. Сделаешь,— с дочерью будешь там гулять; не сделаешь,— голову потеряешь.

„Вот же ведь какой злой человек этой старый тун",— подумал, стоя перед стариком, парень.— Чем больше для него делаешь, тем больше требует". Но делать нечего, надо слушаться.

И снова ждет парень полночи, когда сможет он сходить к милой девушке. Любимая девушка опять научает парня:

— Не тоскуй, не горюй ты, нутро моего сердца, не кручинь своего мягкого сердечка черной думой. Выходи ты опять к широкой реке, золотым кольцом опять коснись земли два раза. Соберутся чудища, умей ими распорядится, работу заказать. Что бы ни случилось,— только к добру. Но не заполнится этим сердце старого туна, все новое и новое будет он приказывать тебе, молодому парню, задавать тяжелую работу. Видать, надо нам под утро бежать отсюда. Но как и что делать — я еще сама подумаю. Ты же сейчас иди и сделай свою работу.

Вышел парень к сделанной им реке, золотым кольцом два раза коснулся земли, и собрались вокруг него чудища опять. Парень указал им, что делать этой ночью. И закипела работа руками чудищ. К рассвету был готов мост через широкую реку, да не деревянный мост, а хрустальный, цветным бисером перед утренней зарей он заиграл, заблестел.

А в это время красивая девушка обратилась в птицу, влетела через окно в жилье старого туна и клюнула из его шевачумана, черный платок достала клювом. А в платке этом вся сила туна была. Много зла людям сделал тун этим платком. Кого превратил в сухую ель, кого пустил пылью по ветру, целые свадьбы пускал стаей волков, и никто ему не смел слова сказать, никто не смел побороться с ним. И лишь родная дочь сумела украсть его злую силу. Спит старый тун и ни о чем не догадывается, не знает, что делается возле него. Видит во сне, как по новому мосту, по хрустальному мосту идет он в новый дворец, как из быстротекущей новой реки ловит рыбу, как из большого тенистого сада слышится пение птиц. А в это время родная его дочь со своим любимым вышла на дорогу, и навстречу утренней заре бегут они из дому. У молодого парня с собой его стрела, которая привела его к старой бабушке у широкой реки.

Идут-летят они парой голубей, с радостным сердцем летят навстречу солнцу, крыльями машут.

Но проснулся старый тун. В окно взглянул,— хрустальный мост готов, а парня не видать.

Покликал тун свою младшую дочь,— жилье ее опустело. Поглядел в шевачуман,— от платка со всей его силой только нитка осталась. Только тогда понял злой тун, что случилось, сильно рассердился, со злобой крикнул:

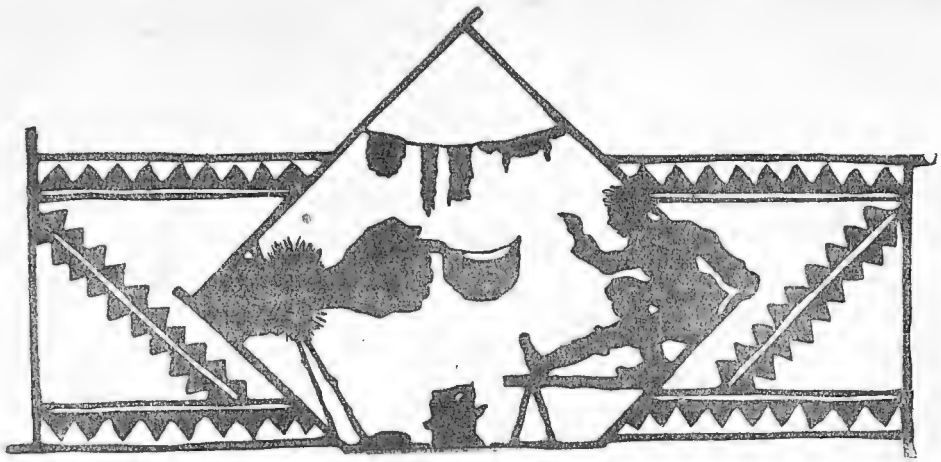
— Ой, вы, подчиненные мои! Кто видел, в какую сторону два червяка уползли?

Стража ничего ему не ответила.

Еще пуще рассердился тун; спрашивает у бледного месяца,— месяц за тучку спрятался; спрашивает у радостного солнца — солнце отвечает: я-де ничего не знаю, они в путь-дорогу ушли без меня. Тогда кинулся злой тун на дорогу и стал обнюхивать следы ног убежавших. Обнюхивал-обнюхивал и разузнал, в какую сторону ушли беглецы. Вот бросился он в погоню за беглецами. Вот-вот догонит, остается только цапнуть сзади, но девушка вынимает его черный платок, машет в сторону злого туна, и вдруг между ними дремучий лес вырос. Грызет-рубит густую лесную чащу старый, злой тун; зубы хоть и вгрызаются, да лес очень густ, а за это время молодая девушка с молодым парнем что есть силы летят на восток. Но вот опять злой тун за ними уже, совсем нагоняет, только схватить остается, цапнуть сзади, но не даются ему молодожены-голуби. Достала дочь опять черный тунов платок, махнула позади себя,— образовалась очень широкая и быстрая река. Злой тун остался за рекой прыгать в своей неистовой злобе. А молодая девушка с молодым парнем что силы есть летят на восток. Но и вода не помеха туну-ведуну. Легко проплыл он ее и снова гонится за парой голубей, и вот снова за ними он, только схватить остается. Молодой парень повернулся и пустил стрелу. Попала стрела туну в глаз, бросила его оземь, приковала к земле. Дергается на земле, трясется старый тун, а не может вырвать стрелы. Стрела, оказывается, была силой другого человека, а этот другой человек — старая бабушка из темного леса. Чувствует старый тун силу старой бабушки и не может ее преодолеть.

Молодой парень и девушка подошли к старому туну, парень пнул его в бок, злой тун ляскает зубами, но освободиться у него сил нет. Тогда дочь его достала опять черный платок, в котором была сила туна, и махнула этим платком в сторону туна. И тун превратился тут в одинокую сосну при дороге и остался стоять, пока не сгниет. А под сосной девушка разожгла огонь, и черный платок старого туна превратила в пепел. Пепел собрала и пустила по ветру.

И с того времени не осталось на земле ни одного туна, и жить стало всем хорошо и радостно. Никто не стал бояться злой силы злого туна, а молодожены вернулись на родину молодого парня, сделали себе на месте старого дома избушку и стали жить рыболовством и охотой. Узнали о их жизни люди, и разнеслась весть о них среди людей в разные стороны, далеко-далеко.



26. Охотник и ворса

Пошел один охотник далеко в лес, поставил силки и начал охотиться. Прожил он в лесу около недели и уж порядочно наловил дичи и зверей.

Однажды ходил он очень далеко по тропам, вернулся только к вечеру в свою баньку, затопил ее: сварил себе пищу и после ужина лег спать. Ночью проснулся, пить захотелось, а воды в баньке не оказалось. Вспомнил он, что возле самой баньки течет речка, но от усталости выходить не захотел да и сказал вслух:

— Хоть бы ворса дал мне напиться, что ли!

Не успел и договорить, как показалась рука величиной с бревно и подала ему ковш.

— Кто ты? — спрашивает охотник.

— Я тот, у кого ты просил пить.

Не мог в ту ночь охотник даже заснуть, а чуть рассвело — пошел домой и никому ничего не сказал о том, что случилось с ним в лесу.

Некоторое время спустя надумал он опять в лес итти охотиться, хотел было взять с собой кого-нибудь в товарищи, но потом решил, что одному лучше будет; взял ружье и хлеба, кликнул собаку и пошел.

К вечеру дошел до своей баньки, утром встал, позавтракал, обошел все свои силки,— ничего не попало в его силки. Вернулся в баньку, сварил пищу, сделал из очень крепкого каната петлю и лег спать.

А ночью опять пить захотелось, а на речку итти неохота; он и скажи во второй раз:

— Хоть бы ты, ворса, дал мне напиться.

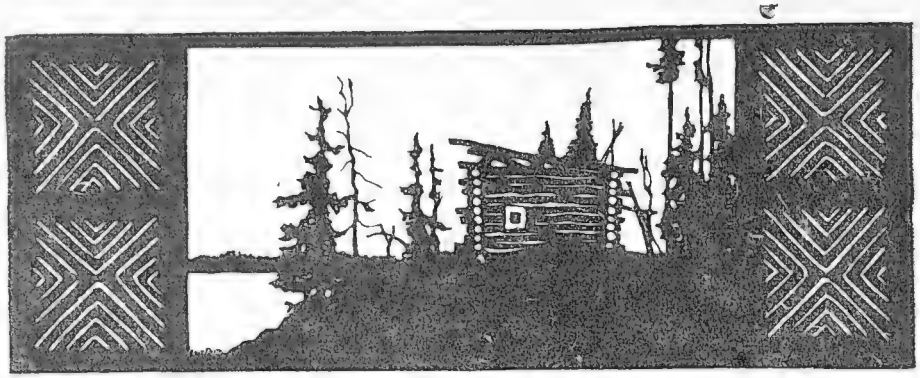
И не кончил еще последнего слова, как из дымника протянулась рука толщиной с бревно. Охотник вскочил, набросил

плетлю на руку, а конец очень крепко привязал к полу. Потом взял ружье, кликнул собаку. Набросилась собака на ворсу, стала его рвать. Испугался ворса, взмолился:

— Отпусти меня, добрый человек! Дам тебе все, чего ни попросишь.

— Сделай так, — отвечает охотник, — чтоб в лесованьи была мне всегда удача.

Ворса обещал, и охотник его отпустил. И верно: с той поры тому охотнику везло на лесованьи до самой его смерти.



27. Охотник и Чукла

Жили-были некогда муж с женой. Пошел однажды мужик на свои угодья лесовать. А угодья были далеко, запасов поэтому он взял с собой порядочно. Шел-шел, пришел, наконец, к своей баньке. И принялся для начала ловить рябчиков: по всем тропам поставил силки, ходит, собирает дичь. Поживы в лесу было много: рябчики, глухари, тетерева, белки. И добыча оказалась отличная.

Раз вечером как-то подходит он к своей баньке на ночлег. Очень он в тот день устал. Сел да и говорит про себя:

— Эх, если б у меня был товарищ, сколько б я дичи да зверей наловил!

Потом наколол дров, принес воды и принялся готовить себе ужин. Не успел даже еще и поужинать,— подошел кто-то к его баньке и окликнул:

— Эй, хозяин, не пустишь ли ночевать к себе в избушку?

Мужик испугался, однако сказал:

— Зайди и ночуй!

Зашел пришелец в баньку, раздевается, охотник ему и говорит:

— Садись, поужинай со мной... У меня суп сварен.

— Не откажусь...

Сели ужинать, охотник и спрашивает пришельца:

— Откуда взялся, как к моей баньке попал?

— Заблудился в лесу,— отвечал тот,— пришел к тебе за помощью, едва-едва до твоей баньки добрался.

Разговорились и дальше о том, о сем.

— Не возьмешь ли,— спрашивает пришелец,— меня с собой на охоту? Буду тебе помогать.

— Давай! Давай!— с радостью согласился охотник,— мне одному скучно стало без товарища...

Поговорив так, легли спать и спали до утра. Утром сварили кашу, поели, пошли по тропам ставить силки. Потом опять пошли по тропам силки поверять: охотнику много попало, а пришельцу — вдвое больше.

Даже удивился охотник.

— Как ты сумел наловить столько дичи!

— В силки попало,— отвечал пришелец.

Промышляли они так что-то около недели, и каждый день пришелец ловил дичи вдвое больше охотника. Очень удивлялся этому охотник и, наконец, надумал: „Вот погоди! Поставлю-ка я его промышлять на самые худшие тропы", и поставил, а про себя думает: „Теперь увидим, что у него получится?" А пришелец, как и прежде, несет дичи вдвое больше охотника.

Догадался тогда охотник, что перед ним не настоящий человек, а Чукла, житель лесов. Вспомнил, как он однажды перед ужином пожелал иметь товарища, вот Чукла из Яга и пришел к нему под видом мужика, и теперь охотнику добром от Чуклы не отвязаться. И стал охотник подумывать — как бы ему удрать из леса поскорее? Ничего уж ему не жалко, лишь бы поскорее отделаться от столь назойливого и опасного товарища.

Так и решил — убежать. Однажды утром встали, сварили завтрак, поели. Чуклу охотник послал ловить, обойти самые длинные тропы, а сам захватил кусок хлеба и айда домой! Бежал-бежал, присел на пенек поесть. Глядь — идет Чукла. Испугался охотник, стал звать на помощь, а товарищ его по баньке ходит и говорит:

— Ну, что ж! Убежать-то убежал да не сумел! А теперь я с тобой расправлюсь!

А в это время подошел еще кто-то, старик какой-то, рубит рябиновую дубинку и шепчет охотнику, чтобы тот зарядил ружье, но вместо пули положил в ствол крошку хлеба и выстрелил в Чуклу, задом, заложив ружье промеж ног. Мужик послушался совета и выстрелил. Чукла кувырком скатился на землю и бросился бежать от охотника. А старик нагнал его, принялся колотить рябиновой дубинкой, бьет правой рукой наотмашь и приговаривает:

— Будешь наперед охотников обижать? Будешь обижать?

Взмолился Чукла о пощаде, а старик — знай себе — бьет:

— Дашь обещание, что никогда наперед охотников обижать не будешь,— тогда отпущу, не дашь — забью досмерти...

Обещался Чукла никогда охотников не обижать и еле живой ушел от старика.

Охотник поблагодарил старика, спрашивает его — кто он будет? А тот и отвечает:

— Я — твой покровитель, Воршут. Иди, промышляй! Никогда больше не посмеет Чукла заглянуть на твои лесные угодья...

Вернулся охотник в свою баньку и очень много наловил дичи до весны.

28. Мохнатоухий

Мохнатоухий обычно называет охотников „голоухими". И любит он приходить к „голоухим" и померяться с ними силой на палках. Он хотел и сам про себя узнать,—силен он или нет?

Однажды некий „голоухий", идя на лесованье, захватил с собой очень крупкую веревку. Один конец той веревки привязал он к здоровенному пню, а к другому ее концу привязал крепкую палку.

И вот приходит к тому „голоухому" Мохнатоухий. Сели за палки. Тянули-тянули, напрягает Мохнатоухий все свои силы, никак не может перетянуть „голоухого". Удивляется Мохнатоухий — каким сильным стал „голоухий"!

Но не всегда был Мохнатоухий таким добродушным, придурковатым стариком.

Один охотник выстроил себе однажды баньку в лесу для лесованья. Жил он в лесу, ловил тетерок и белок. И не знал тот охотник, что баньку-то свою выстроил он как раз на дороге, по которой охотится житель лесов — Мохнатоухий.

И всячески начал досаждать тому охотнику Мохнатоухий, чтобы выгнать его из леса.

Долго не догадывался охотник, кто ворует у него дичь, думал на соседей, но, наконец, понял, в чем дело.

Была у того охотника четвероглазая собака. А четвероглазые собаки всегда могут видеть Мохнатоухого. Подойдет он к баньке,— у собаки шерсть дыбом, начинает сердито лаять. И ждет охотник — что будет дальше. Мохнатоухий толкнул дымовую задвижку, она с треском свалилась на пол.

— Ага! — догадался охотник.— Это Мохнатоухий ворса забавляется.

Встал охотник и выбежал из баньки. Он знал, как нужно спугнуть Мохнатоухого: повернуться к нему спиной, заложить меж ног ружье и выстрелить в Мохнатоухого. Зарядил охотник ружье и выстрелил прямо в Мохнатоухого.

— Сумел ты себя отстоять,— сказал после этого Мохнатоухий.

И никогда уже больше не приходил к баньке того охотника и даже свою тропу для лесованья покинул.

29. Буйныр

Жили-были муж с женой. Однажды пошел муж охотиться, а жена — собирать ягоды — и заблудилась. В лесу подошел к ней медведь и увел в свою берлогу. Жила она с медведем в берлоге три года, и родился у нее сын по имени Михайло. Долго ли — коротко ли, вырос Михайло, вылез из берлоги и убежал.

Идет по лесу, а по дороге — гора. Пнул он ту гору ногой, отлетела она в сторону, и вышел из-под горы человек:

— Меня,— говорит,— зовут Горынем, буду тебе за младшего брата.

Идут они вместе с Горынем около перевоза, а из-под берега выходит навстречу человек и говорит Михайле:

— Меня зовут Усынем, буду тебе за младшего брата.

Пошли они дальше втроем и пришли наконец к трехъэтажному дому. Зашли в тот дом, а в нем никого нет. Только в хлеву три быка стоят. Одного из тех быков они зарезали, зажарили и съели.

После обеда Михайло с Горынем пошли в лес, а домовничать оставили Усыня.

Спустя некоторое время после того как они ушли, вылезает вдруг из-под голбца старик с двухаршинной бородой, а сам ростом в аршин. Звали того старика Буйныр. Кинулся он на Усыня, бил его, бил, топтал его, топтал, затоптал его в щель на полу. А сам перевернулся кубарем, превратился в охапку сена и упал в дыру голбца.

Возвратились домой Михайло с Горынем, просят обедать.

— Я, братушки,— отвечает им Усынь,— сильно угорел и ничего вам не сварил.

Сварили они обед себе сами и поели.

На другой день отправляются на охоту Михайло с Усынем, а домовничать оставляют Горыня.

Как только они ушли, опять выскочил из-под голбца злой старик Буйныр:

— Второго,— говорит,— быка моего слопали! Давай состязаться, кто сильнее?

Да как кинется на Горыня, бил его, бил, топтал его, топтал, втоптал в щель в полу, а сам превратился в охапку сена и пропал в дыре голбца.

Вернулись братья домой обедать,— говорит им Горынь:

— Не мог я, братушки, вам сварить,— угорел сильно.

Сварили они обед сами и поели.

На третий день отправляются на охоту Горынь с Усынем, а домовничать остался Михайло. Братья между собой и подсмеиваются:

— Этого Буйныр непременно убьет!

Домовничает себе Михайло потихоньку; вдруг выходит из-под голбца старик с аршин ростом, а борода в два аршина, и говорит Михайле:

— Третьего моего быка сожрали. Сегодня я самого тебя съем. А сначала давай померяемся,— кто сильнее?

Схватились они биться, бились-бились, никто друг дружку осилить не может.

А во время драки уронил Буйныр ложку со стола и говорит Михайле:

— Подними ложку-то!

Нагнулся Михайло ложку поднимать, а Буйныр вскочил ему на спину и принялся колотить. Михайло как развернется, как стряхнет Буйныра со спины,— не удержался Буйныр, свалился к самой дыре голбца́ и чуть было в ней не скрылся, да Михайло успел схватить его за бороду.

Ухватил за бороду, потащил в сарай, сначала избил как следует, а потом привязал к бороде веревку и повесил за бороду на стропила.

Возвратились братья с охоты, спрашивают:

— Не угорел, браток?

— Нет, братушки, а угарную-то головню вытащил. Пойдемте, покажу.

Пришли они в сарай,— а на стропилах-то только Буйнырова борода висит, сам он убежал.

— Ну, что ж, братушки,— говорит Михайло,— придется нам из кожи ремень кроить.

Выкроили они из кожи ремень, и спустился на том ремне Михайло в голбец искать Буйныра. Спустился Михайло в голбец— видит зеленый луг и пошел по тому зеленому лугу, пока не пришел к избушке.

Заходит в нее, а там старик со старухой сидят, обедают, оба седые и слепые. Подошел к ним Михайло, взял ложку, тоже принялся хлебать из чашки. Ели-ели старики, не наелись.

Вот и говорят они между собой:

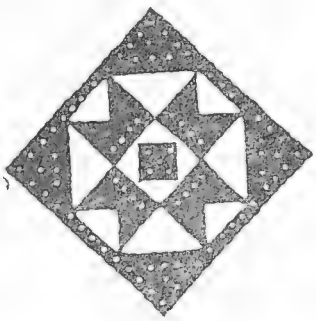
— Всегда этой чашки нам хватало, а сегодня нехватило. Кто-то крещеный с нами обедает. Если старый человек — пусть заместо отца нам будет, если молодой человек — пусть будет нам заместо сына.

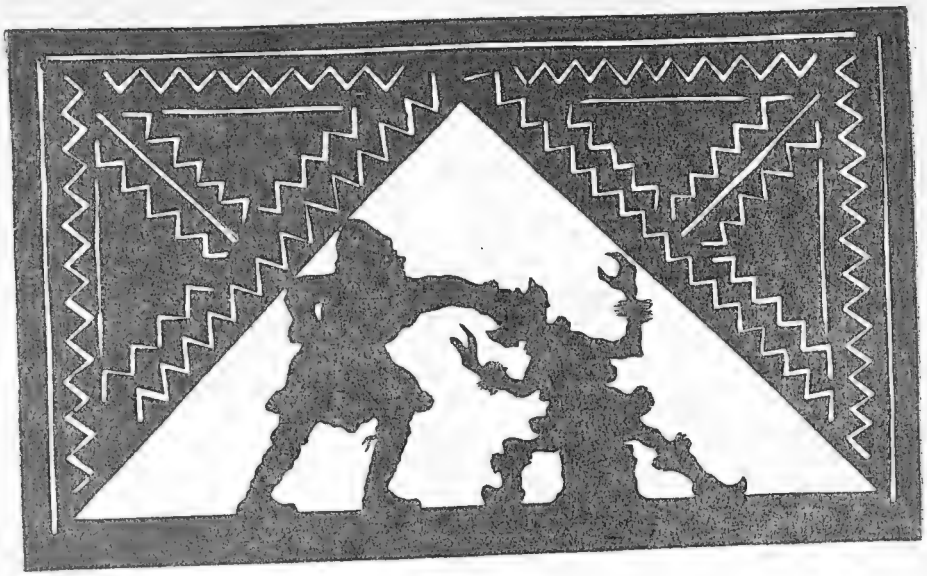
— Я — молодой,— отвечает Михайло,— я иду искать злого Буйныра.

— Этот Буйныр,— отвечают ему старики,— сильно нас обижает. Сорок быков у нас сожрал. Оставайся у нас вместо сына и стереги наш скот...

Остался Михайло у стариков и принялся пасти их скот. Пошел он стеречь коров, и в первый же день превратился Буйныр в медведя и подкрался к коровам нового пастуха. А старики на случай встречи Михайлы с Буйныром свили осиное гнездо. Выпустил Михайло ос на медведя, накинулись осы на него, принялись жалить. А Михайло подкрался к медведю, ухватил его за уши, ударил о землю и убил на месте. Потом повернулся он, видит — три сестры, три красавицы под замком сидят. Освободил он их из-под замка, повел с собой к дыре голбца, через которую спускался, встряхнул ремень, и братья подняли их наверх всех четверых.

Три брата женились на тех трех сестрах и теперь живут-поживают.





30. Три брата и леший

У одного охотника было три сына — очень сильных и здоровых. Пошли они все вчетвером как-то далеко в лес охотиться — на белку и на рябчика. И охотились удачно, много поймали и белок и рябчиков. Но вышел хлеб, домой за ним итти далеко, да и снегу нападало больше, чем на четверть.

— Что же будем делать? Кто до дому пойдет? — спрашивает отец сыновей.

— Не стоит ходить за хлебом, отец,— отвечает самый младший,— проживем и на мясе. Мяса-то ведь много есть, а хлеб и дома надо покупать.

Так они и сделали. А младшего сына отец похвалил:

— Ты — толковый. Хорошо посоветовал.

Живут они на мясе, белка же и рябчик все лучше ловятся. Десять дней так живут, еще и больше, а уж три месяца прошло, как ушли они из дому. Вышли спички, нечем стало огня развести. Погода студеная, есть нечего, до дому далеко, сварить мяса не на чем, спать холодно.

— Давайте жребий кидать,— говорит отец сыновьям,— кому достанется — пусть идет за хлебом и за огнем.

А младший сын опять совет подает:

— Взлезу я на самую большую ель, посмотрю, нет ли где жильца поблизости. Авось, лучше, чем до дому итти. А уж если и жильца поблизости нет,— придется кому-нибуд до дому итти.

Так и сделали. Полез самый младший на высокую ель, смотрит вокруг, видит — далеко, словно волчий глаз, светится огонь. И говорит братьям:

— В таком-то вот направлении очень далеко виден огонь, там какой-нибудь жилец есть.

Братья не поверили, слазали на ель сами, верно: светится далеко очень светлый огонь. Обрадованные спустились они с вершины, стали толковать, кому первому итти за огнем. Отец говорит: пусть старший сходит, он — самый сильный, быстрее всех сходит. Старший согласился, взял свое ружье, пошел за огнем и хлебом.

Пошел он напрямик, скоро стал виден огонь, шел очень долго и подвечер дошел до огня. Горел он в маленькой избушке, а на огне висел небольшой котелок, возле же огня никого не было. Взялся он развести огонь посильнее, чтоб унести его горящими головнями. Но тут вдруг кто-то закричал громким голосом; он так испугался, что свалился с ног. А когда поднялся — видит: стоит перед ним очень большой старик с седой бородой и спрашивает его:

— Зачем без спросу трогаешь чужой огонь? Скажи: кто ты и откуда пришел? Садись вот сюда и рассказывай.

Сел охотник, все рассказал: откуда пришел, с какого места, ни хлеба нет, ни огня.

— Ну, что ж,— отвечает леший,— а это был он,— если ты сумеешь мне рассказать такое, чего не бывает на самом деле,— дам тебе огня, не сумеешь — ремень из твоей спины вырежу.

Принялся охотник его обманывать. Обманывал-обманывал да и ошибся, сказал такое, что на самом деле бывает. Рассердился леший, ухватил его за волосы, зажал меж своими ногами, вырезал из спины его ремень шириной в ладонь. Еле вырвался охотник, а вырвался — кинулся бежать без оглядки.

Пришел к отцу и братьям, рассказывает, как его леший чуть не съел за то, что он тайком хотел унести огня.

Рассердился отец, посылает второго сына,— чтоб хоть огня принес.

Тот взял ружье, отправился, и с ним леший сделал то же самое: палец у него от ноги оторвал. Едва вырвался второй сын, чуть дорогу назад нашел. Рассказывает про свое горе, а младший сын и говорит:

— Что вы за люди такие, что лешего не смогли обмануть! Обмануть его надо было да побить впридачу!

— А ты сходи сам,— смеются в ответ братья,— и тебе достанется!

— Не умирать же нам с голоду без огня,— отвечает младший,— если пойду, так принесу.

Взял ружье и топор да и отправился. Пошел он прямо, очень скоро пришел к той избушке, входит, а в ней леший отдыхает: в одном углу — голова, в другом — ноги.

— Живешь-поживаешь, добрый человек,— говорит младший сын,— меня не пустишь ли переночевать?

— Что ж, переночуй,— отвечает леший,— полезай на печку да рассказывай мне сказки, да такое, чтоб было в них небывалое, а бывалое расскажешь — волосы до одного выдеру...

— Ладно,— отвечает охотников сын,— только слушай, чтоб не надоело, а если надоест, я тебе тогда волосы вырву.

— И то ладно,— соглашается леший,— а если волосы не сумеешь вырвать,— режь оба указательных пальца на моих руках.

Договорились они этак, залез охотников сын на печку, стал рассказывать:

— Как-то очень давно полетел один человек на небо, летел три года и долетел, а на небе все люди вверх ногами ходят. „Почему же это вы вверх ногами ходите?“ — спрашивает он у них. Ему отвечают — потому, что обуви у них нет, а достать неоткуда. И стал тот человек шить им сапоги, а вместо щетины для шитья собирал волосы у старых людей.

Как услышал про седые волосы леший, говорит:

— Этого нельзя!

Охотников сын ухватил его за волосы, сколько в руку попало, и дернул.

— Если еще что-нибудь скажешь,— говорит,— все волосы до одного выдеру.

Утих леший, а сын охотника продолжал рассказывать:

— Идет однажды какой-то дядя по дороге, видит — очень много мякины из-под овса летит. Взялся он ту мякину ловить, наловил много, веревок навил и такую большую веревку свил, что хватает уж ее перекинуть через озеро. И стал той веревкой всех ледяных ловить, выловил всех ледяных, а водяные сами идут. Вот они идут сюда!

Вскочил леший — и к дверям.

— Зачем же ты обманываешь? Да тут нету никого!

— А ты мне обманывать и велел! — отвечал ему сын охотника и опять выдернул у лешего целый пучок волос, приговаривая:

— Еще услышу твой голос — еще выдеру!

Испугался леший, сел, слушает дальше.

— Пошел я как-то на охоту,— продолжал сын охотника,— взял с собой ружье и топор. Вдруг вижу — сидят на вершине дерева мухи, очень много мух. Наловил я их порядочно, всех на ниточку привязал, сам за конец ниточки ухватился, мухи полетели и меня понесли и долго несли — меж деревьями да меж облаками, пока не перенесли через большое озеро, а тут на середине озера нитка как раз и оборвалась. Упал я в озеро, плавать не умею, стал тонуть. А на озере утки сидели. Поймал я одну за ноги, она меня к берегу притащила, и стал я тогда думать: куда ж мне пойти? А холодно, спичек нету, вот-вот замерзну. Смотрю — вдоль озера идет медведь, поднял я ружье, чтоб выстрелить, а медведь и говорит: „Ты в меня не стреляй, лучше скажи, что тебе нужно“. Я все еще целюсь, а медведь идет ко мне, ближе и ближе. Я положил ружье и говорю: „Разводи огонь, я мерзну“. Отвечает мне медведь: „У меня спичек нет, садись на меня, я тебя отвезу туда, где есть огонь“. Сел я на медведя, вез он меня по лесам, по болотам, по рощам, через реки и через озера, к тебе привез, а ты огня давать не хочешь! Мишка,— закричал вдруг охотников сын,— заходи в избу, давай, задавим этого лешего!

Ахнул леший, очень уж испугался.

— Что хочешь бери,— говорит,— только не дави.

— Задавить лучше,— отвечает сын охотника,— по крайней мере научишься не отказывать людям в огне.

— Все тебе дам,— опять говорит леший,— только жизнь мне оставь. Вот тебе огненный камень, вот тебе железка, будешь бить этой железкой по камню,— всегда у тебя будет огонь, вот тебе ружье, которое никогда не дает промаха, вот тебе кожаная сумка с припасами для стрельбы, которая никогда не истощается; вот тебе хлеб. А меня оставь живым.

— Этого мало,— говорит охотник лешему,— где пальцы с ног моего брата и кожа со спины другого?

— А пойдем в другую комнату...

Вошли они в другую комнату, охотников сын даже испугался,— так много в ней человеческих кож висит, шириной с ремень, и много отрезанных человеческих пальцев.

— Выбирай,— говорит леший.

Охотников сын выбрал кожу поновее и пальцы посвежее, а потом и спрашивает:

— Для чего ты ремни из человеческих спин кроишь да пальцы людям режешь?

— А это все люди, которые приходили ко мне за огнем и не смогли меня испугать. Такой, как ты, еще не приходил.

На прощанье дал ему леший еще лекарственной травы и даже проводить его пошел. Поблагодарил его охотников сын, пошел прямо к отцу и братьям. А те уж давно его поджидают.

Начал младший брат рассказывать, как он лешего обманул,— старшие братья только рты разинули. А когда при помощи огневого камня и железки добыли огонь, вскричали во весь голос:

— Вот он, вечный огонь!

Потом младший брат начинает спрашивать старших: не потеряли ли они чего-нибудь по дороге к лешему?

— Нет, мы ничего не потеряли!— отвечают братья.

— А покажите-ка свои спины да свои ноги...

Те молчат. Тогда младший брат вынул кожу шириной с ремень да пальцы от человеческой ноги,— и оба брата сознались. Приложил им младший брат кожу на старое место и пальцы на старое место, смазал лекарственной травой, приросло все, как было, и младший брат сказал:

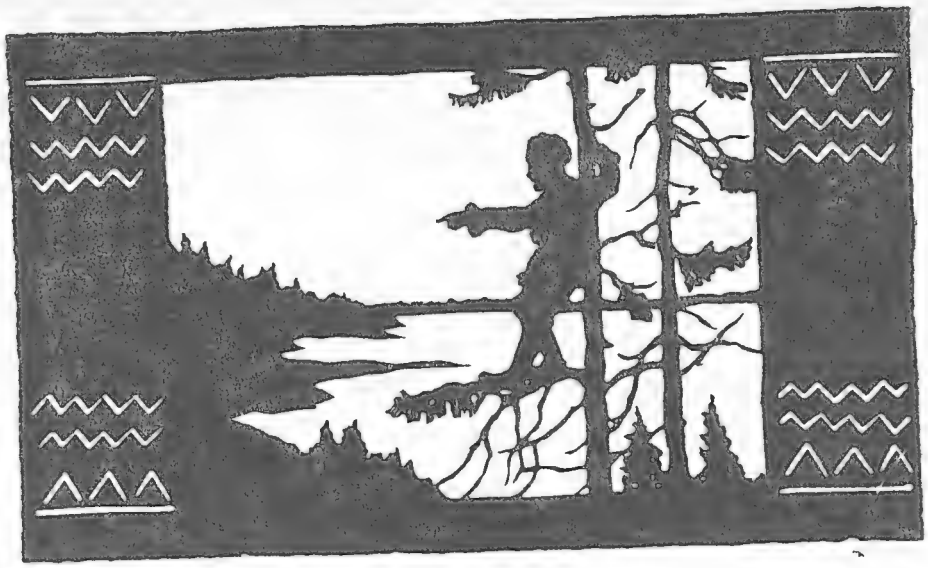
— Только уж никому не давайте больше резать кожу из спины да пальцы от ног отрезать.

Все это видел отец и такое сказал своим сыновьям:

— Так, сыны мои, дальше вам жить нельзя. Вы, старшие, пойдете еще куда-нибудь,— пожалуй, совсем домой не воротитесь. А тебе, младший, оставляю я все свое охотничье имущество, будешь ты охотничать и жить, как захочешь...

Впрочем в лесу прожили они еще долго, наловили много белок и рябчиков, привезли домой, продали, нажили много денег. Вскоре после этого отец умер, перед смертью оставил старшим сыновьям все свое домашнее имущество. Но и дома старшие братья землю начали обрабатывать плохо, урожаи становились все хуже и хуже, и пришлось им землю бросить, все имущество отцово распродать, а самим пойти в батраки, чтоб добывать себе кусок хлеба.

А младший сын, получивший в наследство лесное хозяйство, начал заниматься охотой, сильно разжился и зажил очень хорошо.



31. Небылица

У одного старика со старухой было три сына. Пошли они однажды в лес на заработки и заблудились. Один из братьев и говорит младшему, Ивану, придурковатому:

— Браток, взлезь на дерево и посмотри, не увидишь ли где-нибудь огня?

Взлез Иван на дерево, видит: очень далеко где-то горит огонь. Пошел за огнем старший брат. Дошел до костра, а возле него сидит сердитый старик с большой бородой, огонь охраняет.

— Дедушка, дай огоньку!

— Небылицу расскажешь — дам.

— Я не умею.

Избил его дед до полусмерти и прогнал прочь.

Пошел за огнем средний брат:

— Дедушка, дай огоньку!

— Небылицу расскажешь,— дам.

— Я не умею.

Избил его дед до полусмерти и прогнал прочь.

Пошел за огнем Иван придурковатый.

— Дедушка, дай огоньку!

— Небылицу расскажешь — дам.

И начал Иван-дурак рассказывать небылицу:

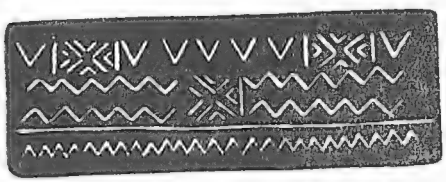
— Варили мы раз пиво. Чан опрокинулся, и потекло из него сусло. Подошла лошадь, выпила все сусло и лопнула. Сделали мы из березового прута обруч и стянули ей брюхо, а из обруча вдруг начала расти береза. Росла-росла и выросла до самого неба. Поднялся я по ней на небо, а там мух на быков выменивают. Наловил я мух и наменял на них небесных быков. Захотел обратно на землю слезть, а негодная лошадь ушла куда-то вме-

сте с березой. Что же мне делать на небе? Зарезал я всех быков, из них скроил длинный-длинный ремень и начал спускаться на землю. Спускался-спускался, ремень кончился, а до земли еще далеко! Ну, что тут делать? Почесал у себя спину, блоху поймал. Снял с нее кожу, накроил ремней, опять начал спускаться. Спускался, спускался, а до земли еще далеко. А в это время на гумне мужик веял хлеб лопатой. Наловил я мякины, свил из нее веревку, стал дальше спускаться. Опять до земли не достал. Прыгнул тогда на землю, угодил в болото. Ну, что мне делать? А тут прилетел журавль и принялся у меня на голове гнездо вить. Схватил я журавля за ноги: поднимет, — думаю,— из болота, а журавль рванулся, и ноги у меня в руках остались. Что мне делать? А по болоту проходит в это время старик с большой бородой, вот этот самый костер он стерег. Ты, значит! Ухватил я тебя за ногу и вылез из болота...

— Врешь ты!— перебил старик.— Не было этого! Я тебя не вытаскивал.

— Ага!— сказал парень.— Попался! Вот тебе небылица. Давай теперь огня.

Дал огня сердитый старик Ивану и отпустил его домой.



32. Йома и две сестры

Жили-были муж с женой, и родилась у них дочь. После этого жена умерла, и он женился на второй. Вторая жена тоже родила ему дочь. Невзлюбила мачеха свою падчерицу, возненавидела ее, била чем ни попало. А однажды прямо сказала мужу:

— Куда хочешь, убирай свою дочь с моих глаз. Давай, бросим ее в колодец.

Увели они девушку и бросили в колодец.

Упала она в колодец — попала на какой-то зеленый луг. Пошла по тому лугу, видит: пасется табун лошадей. Подошла она к коням, похолила их, почесала, и кони ей сказали:

— Пойдешь ты дальше,— придешь в избу йомы-бабы. Она прикажет тебе затопить баню, принесет тебе красное и синее лукошки, возьми себе красное.

Пошла девушка дальше, повстречала стадо коров. Похолила она тех коров, почесала, и коровы ей также рассказали, как держать себя у йомы.

Пришла, наконец, к дому йомы. Входит в дом, йома ей и говорит:

— Кажется, у меня прислуга появилась. Поди-ка поскорее, затопи баню, наколи дров да так, чтоб ни звука не было слышно, да так, чтоб ни дыму ни огня не было видно.

Затопила девушка баню, а йома принесла туда полное лукошко лягушек, ящериц да водяных насекомых.

— Вымой,— говорит,— выпарь моих детей.

Вымыла девушка всех йоминых детей. После бани принесла йома синее и красное лукошки и говорит девушке:

— Выбери из этих двух лукошек какое-нибудь себе и отправляйся домой.

Взяла девушка красное лукошко, пошла домой. Шла-шла, пришла к колодцу, в который ее бросили, и стала кричать. Отец

взял да и поднял ее наверх. А когда открыли лукошко, нашли в нем отличные платья, много денег, и чего только в нем не было.

Увидала мачеха, говорит мужу:

— Неси скорее мою дочь в колодец.

Отнес старик дочь и бросил в колодец, шла она, шла ко дну, вышла на зеленый луг. Встретила табун, обругала и избила коней, а те ей сказали в ответ:

— Встретится тебе на пути дом йомы, и даст она тебе два лукошка на выбор, так ты бери синее.

Встретила попути девушка стадо коров и стадо овец и тех избила и изругала, и те в свою очередь посоветовали ей то же самое. Наконец, подошла к дому йомы.

— Уф,— сказала, увидя ее, йома,— откуда-то прислуга ко мне пришла.

И велит ей йома сейчас же затопить баню, дров наколоть без звука, чтоб ни дыма ни огня не было видно. Стала девушка колоть — только эхо заливается: кущ-кащ! Затопила баню — пару и дыму полно. Принесла йома в баню в берестяном лукошке лягушек, ящериц, разных водяных насекомых и говорит:

— Выпарь, вымой моих детей хорошенько!— а сама ушла.

Избила их мачехина дочка, изругала, вымыла их оплеухами.

После бани спрашивает йома своих детей:

— Ну, как вас новая служанка попарила-помыла?

— Ой,— жалуются йомины дети,— она нас била, она нас ругала!

Тогда принесла йома девушке два лукошка — синее и красное:

— Выбирай себе, которое понравится, и иди домой!

Взяла та синее лукошко и пошла домой. Очень обрадовалась мать возвращению дочери, и, чтоб никому не показать, что принесла в лукошке девушка, зашли они вдвоем в голбец и там открыли йомин подарок. Чуть приподняли крышку,— вырвался оттуда огонь и спалил обеих — и мать и дочь.

33

Жили-были муж с женой, и была у них дочь. Вот жена померла, отец женился на другой и привел в дом тетку. Начала та тетка кормить девушку помоями, а родную свою дочь — холить.

Однажды посылает тетка девушку выполоскать на реку моток ниток. Стала она полоскать, а моток-то и потонул. Она и коромыслом доставала и так старалась зацепить,— утонул моток. Пришла домой, рассказывает тетке.

— Я,— отвечает ей тетка,— душу из тебя вышибу, где хочешь, доставай моток.

Пришла девушка опять к реке, нырнула в воду. Нырнула и очутилась на очень красивой улице. И по той улице пошла. Идет-идет, приходит к ручью из меда, тот мед она даже пальцем не тронула. Снова пошла. Идет-идет, приходит к ручью из сметаны. Ту сметану и пальцем она не тронула. Приходит, наконец, к маленькой избушке, которая на ветру вертится,

— Избушка, избушка, остановись! — попросила девушка.

Избушка остановилась. Девушка вступила сначала на иголку, потом на крыльцо и взошла в избушку. А в ней — водяная тетка сидит.

— Тетка, тетка,— говорит девушка,— у меня моток ниток потонул.

Отвечает ей тетка:

— Возьми моих девятерых щенят, выпарь их в бане хорошенько,— найдешь тогда свой моток ниток.

Взяла девушка тех щенят, отлично вымыла их на мягком жару в бане, поднялась с ними назад в избу. Тогда в награду дала ей водяная тетка маленький ящик и сказала:

— Неси этот ящик к себе домой, открой его на зеленом лужку, найдешь свой моток ниток.

Пошла девушка домой, опять по красивой улице, мимо ручья из меду и ручья из сметаны, остановилась напротив своего дома, вынырнула к нему и, найдя зеленый лужок, открыла тот ящик. Из ящика вышла очень большая и красивая изба, а когда вошла в нее девушка — нашла и моток ниток и много еще всякого добра.

Посмотрела на все это тетка, гонит на следующий день родную свою дочь полоскать моток ниток. Та пришла к реке, нарочно уронила моток и пошла жаловаться матери.

— А ты, дорогая моя дочка,— говорит ей мать,— нырни за тем мотком.

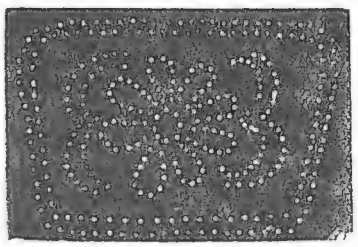
Девушка воротилась к реке и нырнула. Нырнула и попала на красивую улицу и по той улице пошла. Попался ей ручей из меда,— отведала того меда, попался ручей из сметаны,— и сметаны попробовала. Пришла, наконец, к избушке, хотела войти, да не хочется на иглу наступать. Думала-думала, кое-как вошла наконец. Вошла и говорит водяной тетке:

— У меня моток ниток утонул.

— Выпаришь в бане девятерых моих щенят,— отвечает ей тетка,— найдешь свой моток ниток.

Положила девушка тех щенят в берестяной коробок, понесла, потряхивая, в баню, в бане всех девятерых веником отхлестала, вымыла кое-как. Возвращается к тетке, а та дает ей большой ящик, велит нести к себе домой и там открыть. Пошла девушка назад по красивой улице, опять сметаны отведала и меду наелась.

А дома открыла ящик. Вырвался из него огонь — спалил избу.



34. Девочка ростом с веретено

Жили-были старик со старухой, и была у них дочь, уже девушка, а ростом с веретено.

Пришла к старикам йома и говорит:

— У вас дочь ростом с веретено, у меня сын — ростом с палец. Отдайте вашу дочь замуж за моего сына. А не отдадите,— так я вам дымоход закупорю, а двери снаружи припру.

— Что ж с тобой сделаешь,— отвечают ей старик со старухой,— отдадим дочь за твоего сына.

И увела старикову дочь йома с собой. А сына-то у нее, оказывается, никакого и не было. Привела молодуху домой и говорит:

— Молодуха, сходи-ка, посмотри моих овец да постриги их!

Пошла девушка стричь овец йомы да по дороге и зашла к одной знакомой тетке, а та ей и рассказывает:

— У йомы овцы-то — волки. Как зайдешь в лес, взлезь на дерево да крикни погромче:

Овечки, овечки мои,
Собирайтесь поскорее,
Сами себя остригите,
А мне шерсть оставьте...

Девушка с веретено так и сделала. На ее крик прибежали овцы, сами себя выстригли, свалили свою шерсть в кучу. Принесла девушка шерсть йоме,— удивляется та.

— Вот диво дивное! Как же это так не съели тебя мои овечки? Ну, так беги скорее к моим коровам, подои их и принеси мне молока...

Пошла девушка разыскивать йоминых коров, а по дороге опять зашла к знакомой тетке, и та открыла ей, что йомины коровы — медведи, и научила, как поступать с ними: взлезть на дерево и закричать:

Коровушки, коровушки,
Собирайтесь поскорее,
Подоите себя сами,
А мне молоко оставьте.

По крику девушки пришли йомины коровы, сами себя подоили, молоко оставили девушке, а сами разошлись по лесу. Принесла девушка молоко,— йома глазам своим не верит:

— Как же тебя мои коровушки не съели? Ну, так беги скорей к моей сестре и попроси у нее берестяное лукошко...

Побежала девушка к тетке, та дала ей корзину со смолой, льночесалку и брусок и научила, как с ними поступать.

— А придешь к сестре,— рассказала девушке тетка,— так ей и скажи: „Йома-тетка, йома-тетка, твоя сестра просит берестяное лукошко".

Пришла девушка к йоминой сестре, а та ей и говорит:

— Ты приляг, отдохни, а я схожу в голбец.

Зашла йомина сестра,— сама она была тоже йома,— в голбец и принялась там точить зубы. Услыхала это девушка да поскорее бежать; бежать-то бежать, а двери не открываются. Тогда помазала она петли маслом,— двери сами собой открылись. Выбежала на улицу, а на нее со всех сторон накинулись птицы и давай глаза клевать. Бросила она тем птицам квашни — улетели они. Тогда девушка побежала.

Наточив зубы, вышла йома из голбца,— хвать, а девушки-то и нету! Бросилась к дверям, ругает двери:

— Зачем выпустили?

А двери в ответ:

— Мы тебе вот уж сорок лет служим, а ты ни разу еще петли ничем не помазала.

Бросилась йома на улицу, ругает птиц:

— Зачем выпустили?

А птицы ей в ответ:

— Мы у тебя вот уж сорок лет живем,— ни разу ты нам не дала даже выскрести квашню.

Запрягла йома берестяное лукошко в ступу, молчаном погоняет, шумит-гремит по лесу, гонится за девушкой. Вот уж настигать начинает. Бросила девушка наотмашь чесалку, сказала:

Льночесалочка моя,
У меня позади,
У йомы впереди
Вырасти густым лесом!

Щетиной вырос лес позади девушки, впереди йомы. Билась-билась йома, ища прохода, нечего делать,— домой за топором вернулась. Вернулась с топором, прорубила тропу, а куда топор девать?

Прячет топор в кусты, а птицы ей кричат:

Ты спрячешь,
Мы увидим,
Сыну аксы скажем,
Сыну бояра поклонимся...

Выругалась йома:

— У-у, гвоздевые глаза!

А куда в самом деле от птичьих глаз спрячешь топор? Решила она бросить его назад домой, бросила,— упал как раз топор возле самого дома йомы. Опять погналась за девушкой, опять настигать ее стала.

Тогда девушка бросила наотмашь позади себя брусок и воскликнула:

Брусок ты, брусок,
У меня позади,
У йомы впереди
Каменной горой свернись!

Выросла большая брусяная гора у девушки позади, у йомы впереди.

Опять пришлось йоме ехать домой за топором, вернулась она с топором к брусяной горе стала пробивать в ней проход, пробила, а куда девать топор? Птицы уж тут, старую песню поют:

Ты спрячешь,
Мы увидим,
Сыну аксы скажем,
Сыну бояра поклонимся!

Опять забросила йома топор к своему дому, погналась за девушкой, вот уж догоняет ее, вот-вот догонит.

Тогда кинула девушка наотмашь корзину со смолой и воскликнула:

Корзина со смолой,
У меня впереди,
У йомы позади
Смоляной рекой раскинься!

А слова-то и перепутала. Обе — и девушка и йома — и застряли в смоляной реке. А в это время над головой девушки пролетала ворона:

— Воронушка моя,— обратилась девушка к ней,— лети ты к моим родителям, скажи, что дочь их застряла в смоле вместе с йомой. Пусть возьмут с собой трехпудовый железный лом и огонь и бегут сюда.

Прилетела ворона к окну стариков, передала слова девушки, но старики от старости уже глуховатье, не расслышали слов вороны.

Ждала-ждала дочка помощи от родителей, не дождалась. А в это время над головой ее пролетал ворон.

— Ворон, ворон,— взмолилась к нему девушка,— скажи моим родителям, что я завязла в смоляной реке.

Полетел ворон к окну стариков, кричит:

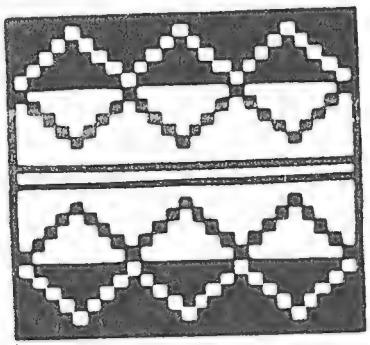
— Курк-курк, ваша дочка упала в смоляную реку, за ней гонится йома, тоже упала в смоляную реку, она просит лом железный и огонь!

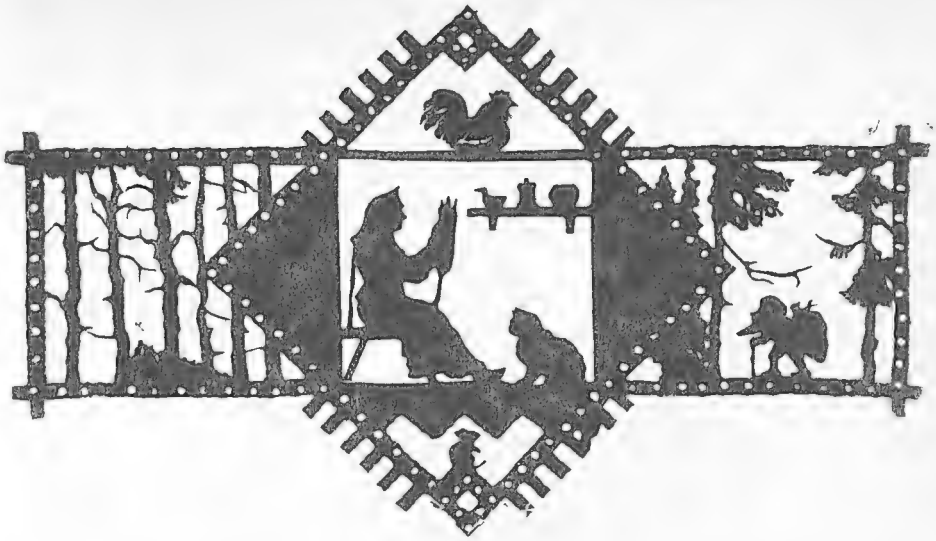
У ворона голос-то был покрепче,— глуховатые старики расслышали, взяли трехпудовый железный кол, огонь и пошли к смоляной реке свою дочку выручать.

Увидала старика и старуху йома, еще издалека кричит:

— Сват и сватья, вытащите нас отсюда... собрались мы с дочкой к вам в гости да обе и упали в смоляную реку...

Железным ломом заколотил старик злую йому в смоляную речку, а дочку вытащил и отогрел. Еще и теперь они живут, хорошо поживают.





35. Девушка и человек с четверть аршина ростом

Жили-были старик со старухой, и было у них две дочери. Старик любил одну, старуха — другую.

Однажды старуха говорит своему мужу:

— Забирай свою любимицу и вези в лес!

Старик забрал дочь, отвез ее в лесную баньку и оставил для нее скот: кота, петуха и мышь.

Вот дочка затопила печь, поставила в нее кашу, замесила хлебы, поджидает отца, а он все не идет.

Зовет она отца:

— Иди поскорее!

А кто-то ей и отзывается:

— Иду, дочка, иду! Сам я с четверть аршина, сопли у меня с палку, котомка с хлев!

Вошел тот человек и спрашивает:

— Куда котомку опростаю?

— В голбец! — отвечает девушка.

Потом они сели ужинать, поели горячего хлеба и каши, и девушка накормила петуха с котом и мышь. После ужина легли спать. Девушка легла у голбца, а пришелец полез на полати.

Ночью подбежала к девушке мышь и говорит:

— Плюнь на свое место, а сама отойди.

Девушка плюнула и отошла. Тут пришелец встает и начинает искать девушку. Искал-искал, нашарил кошку, кошка укусила его за руку. Наткнулся на петуха, а тот как закричит:

— Ку-ка-ре-ку!

Испугался гость и убежал.

А утром встает девушка, смотрит в голбец, а в нем — денег доверху. Приехал к ней отец, погрузили они те деньги и отправились домой.

— Ну,— говорит старуха,— теперь вези мою любимицу туда же!

Старик отвез старухину любимицу в лесную баньку и там ее оставил. Девушка подождала немного, сварила ужин да одна и съела кашу с хлебом, ни кота, ни петуха, ни мышь не покормила.

А ночью опять человек с четверть аршина ростом пришел, девушка легла в голбце, а гость полез на полати. Вот ночью проснулся человек с четверть и отъел у девушки груди. Очень заплакала она, а гость ей и отвечает:

— Я пшеничного хлеба наелся.

Вечером, как легли спать, человек с четверть опять на девушку накинулся, съел ее всю, а кости разложил на окошках. А наутро приехал отец, собрал те кости и отвез домой. Как увидела старуха, что осталось от ее любимицы, очень она заголосила громко...

36. Арсений и черти

Собрались как-то в одной деревне мужики поговорить. Одни говорят, что есть на свете черти, другие говорят — нет на свете чертей. А один мужик очень упрямо говорит, что есть. А ему один парень, по имени Арсений, также упрямо отвечает, что нет.

На другой день после беседы Арсений взял ковригу хлеба и отправился в лес. Шел он целый день, и уж стемнело, когда пришел он к очень бурному ручью. Тут он решил переночевать и развел под елью костер. Только смотрит — на ели босой мужик сидит.

— Слезай,— говорит ему Арсений,— вместе переночуем.

А тот не откликается.

Тогда Арсений вынул нож, отрезал у того мужика пятки и лег спать.

А выспался, посмотрел на ель,— никакого мужика нету. И пошел дальше. Шел целый день; когда стемнело — пришел к реке. Около речки — маленькая избушка. Вошел в нее, нарубил дров, затопил печь, а потом сел на лавку и принялся есть хлеб. А хлеба-то у него всего ничего оставалось. Вот один кусочек хлеба упал у него на пол, попал в щель,— пол-то дыроватый был,— да и свалился в голбец. Жалко Арсению хлеба, полез он в голбец,— а в нем гроб стоит, и лежит в гробу старик с раскрытым ртом: хлеб-то прямо в рот ему попал. Вынул у него изо рта Арсений тот кусок хлеба, а старик вдруг и говорит:

— Сколько лет здесь в гробу лежу,— первый раз в рот хлеб попал, да и тот отнимают. Я ведь раньше и сам умел, сюда меня загнали по заговору, и не могу я отсюда уйти.

— Разве тебе хочется есть?— спрашивает Арсений.

— Хочется.

Принес Арсений весь остаток хлеба и накормил старика.

Поел старик и говорит:

— Если тебя застигнет когда-нибудь беда,— вспомни обо мне или приходи ко мне...

Вышел Арсений из голбца, лег спать, и вдруг к нему приходят десятеро чертей.

— Почему ты,— говорят,— у нашего отца вчера все пятки изрезал? Мы тебя съедим за это.

— Подождите,— отвечает Арсений,— дайте мне прежде в голбец сходить.

Спустился к старику, рассказывает:

— Пришли черти меня слопать.

— Ладно,— отвечает старик,— дай-ка, я к ним выйду.

Вышел к чертям, говорит:

— Ну, что ж! Ешьте!

Кинулись черти к Арсению, а старик как начал на них огнем дуть,— все в разные стороны разбежались. Старик обратно спустился в голбец, а Арсению сказал:

— Ну, теперь спи!

Выспался Арсений, наутро отправился снова в путь. Шел-шел, пришел в деревню, и стоит в ней большой, красивый дом. Он в него постучался,— никто не открывает. Тогда он стал стучаться в такой же большой дом, но старый, что стоял рядом с новым. Его впустили.

— Стучался,— говорит он хозяевам,— в новый дом, да не пустили.

— А дом-то этот наш,— отвечают ему хозяева,— только черти в нем не дают жить...

— Ладно,— говорит Арсений,— я завтра в нем переночую, а сегодня сделайте мне железного человека, молот, железные руки, железное брюхо и железную шапку. Еще мне понадобится полотенце, четверть вина, колода карт да свечки.

Все это ему сделали хозяева, и на другую ночь отправился Арсений ночевать в новый дом. На стол поставил вино, свечку, колоду карт, железного человека поставил перед печкой на голову, железное брюхо прицепил себе под грудь, железные руки надел на свои руки, как варежки. Взял колоду карт, тасует, будто играет.

Приходит чорт.

— Я тебя,— говорит,— съем! Зачем ты мне все пятки изрезал?

— Что хорошего, что съешь! Садись лучше водку пить,— отвечает чорту Арсений.

Сели. Выпили. Чорт запьянел.

— Давай, в карты сыграем!— говорит Арсений.

— Почем кон?— спрашивает чорт.

— А денег-то ведь у нас нет, так давай в дураки. Кто дураком останется, тому брюхо чесать, три раза одно и то же место!

Начали играть. Остался Арсений в дураках. Зажал чорт живот Арсению,— как взялся чесать, весь железный живот его вырвал. Вырвал и выбросил.

— Кожи,— говорит он Арсению,— и той на брюхе у тебя не осталось.

— Врешь!— отвечает Арсений.— Мое брюхо еще крепче стало. Давай, еще кон сыграем.

Сыграли другой кон, чорт в дураках остался.

— Ну-ка,— говорит ему Арсений,— давай, я тебе брюхо почешу.

Да своей железной рукой всю кожу у чорта на брюхе и содрал. Все кишки чортовы наружу вылезли.

— Ну, что ж,— спрашивает Арсений,— еще раз сыграем?

— Нет, очень живот болит...

Собрался чорт уходить.

— Еще-то придешь или нет?— спрашивает Арсений.

— Завтра приду!— отвечает чорт.

Арсений отлично выспался, наутро пошел к купцу, провел с ним день очень хорошо, и купец даже не спросил его ни о чем. А как подошел вечер, Арсений и говорит купцу:

— Давай еще четверть вина.

Взял ту четверть вина и свечку и опять пошел спать в новую избу.

Ночью приходит чорт.

— Я тебя съем, Арсений.

— А зачем ты меня съешь?

— Ноги ты мне изрезал, за то и съем.

— Давай вино пить,— это лучше будет.

Сели и выпили как следует, и очень опьянел чорт, опьянел и сам Арсению предлагает:

— Давай опять на почесывание брюха в дураки сыграем.

— Нет,— говорит Арсений.— Вчера ты мне все кишки изорвал, сегодня желудок вырвешь. Давай на щелчки играть.

Стали играть на щелчки. Арсений в дураках остался. Чорт три раза стукнул Арсения по голове, а тому хоть бы что,— у него на голове железная шапка. Но только от последнего чортова щелчка упала та шапка на пол, а чорт как вскочит, радуется:

— Я тебе весь череп снес!

— Череп-то еще остался,— отвечает Арсений,— это у меня кожа слетела. Ну, садись второй кон играть.

Сыграли второй кон, чорт в дураках остался.

— Я,— говорит ему Арсений,— в кого ни щелкал — всегда глаз вышибал. Завяжи-ка ты лучше глаза полотенцем.

Завязал чорту глаза полотенцем, взял молот да как треснет по чортовой голове три раза под ряд. Весь лоб чорту разбил.

— Давай еще!— предлагает Арсений.

— Нет, чего-то не хочется,— отвечает чорт,— голова болит...

— Завтра придешь ли?

— Завтра я не один приду,— сказал чорт и вышел.

Арсений выспался, а наутро купец зовет его чай пить. Попили чаю, прошел день, наступает вечер. Арсений просит у купца:

— Сегодня три четверти вина давай.

Взял то вино, пошел опять в новую избу ночевать. Только расположился спать — вдесятером приходят черти.

— Теперь мы тебя съедим.

— За что?

— Ты у нашего отца пятки отрезал, за это.

— Невкусный я,— говорит Арсений,— давайте лучше вино пить.

Сели черти пить водку, так напились, что с лавки повалились. А Арсений с набольшим чортом опять сел в дураки играть. И тому, кто в дураках останется,— итти к старику, что в гробу лежит, и помешать у него во рту пальцем. Арсений в дураках остался, пришли они в ту избушку, Арсений засунул палец в рот мертвого старика и помешал.

Рассмеялся чорт:

— Чего ж тут такого?

Сели играть второй раз, и чорт остался в дураках.

— Ну, помешай ты вот этому!— и подводит чорта к железному человеку.

Сунул чорт палец железному человеку в рот, начал мешать, а Арсений зажал винты сверху, и палец-то у чорта во рту и завяз. Прикусил ему железный человек палец-то!

Завопил чорт на-голос:

— Ой-ой-ой! Палец откусил!

Повскакали чертенята, испугались.

— Вели ему, пожалуйста, отпустить!— просит чорт.

Арсений же зажимает винты, что хватает силы, а сам говорит:

— Отпусти, старик!

Чертенята бежать собрались,— так сильно их отец кричит.

— Ой-ой-ой!

— Он,— говорит Арсений,— не хочет тебя задаром отпустить. Большие деньги просит!

— Много ли?

— По одной столовой ложке золота с каждого чорта!

Принесли чертенята девять полных ложек золота, высыпали на пол.

— Старик-то хочет всех вас съесть,— говорит опять Арсений.

— Неужели?— испугались черти.

— Если,— говорит,— будете в этот дом шататься,— обязательно всех съем.

— Не будем больше в этот дом ходить,— отвечают черти.

Тогда отпустил Арсений чортова отца, и все черти побежали прочь, куда глаза глядят. А сам завалился спать, очень хорошо выспался. На другой день приходит купцов казак звать Арсения чай пить.

— Ты скажи купцу,— отвечает Арсений,— чтоб сам ко мне пришел, да всех, кого по дороге ни встретит, чтобы с собой приводил...

Пришел к нему купец и привел с собой мужиков, которых по дороге встретил.

— Вот,— обратился к мужикам Арсений,— берите это золото, сколько в горсть сумеете взять. Это — ваше. А чего не захватите — купцу останется.

Взяли мужики золота по горсти, и купцу еще много осталось.

И с тех пор поселился Арсений в том новом купцовом доме и стал жить. А у купца дочь была очень красивая, и стал свою дочь купец Арсению сватать:

— Бери дочь у меня, да бери.

— Нет,— отвечал ему Арсений,— я сначала по свету поброжу, чего люди боятся, посмотрю. Вот если испугаюсь чего-нибудь,— тогда обязательно возьму.

На другой день взял он ковригу хлеба, огонь, топор, пошел в лес. Проходил целый день,— стемнело. Увидел маленькую охотничью баньку, зашел в нее ночевать. Только было расположился — слышит: кто-то ломает крышу.

— Кто там?— спрашивает Арсений.

Оказался медведь.

— Я тебя хочу съесть!

— Как же ты меня съешь с крыши?— говорит Арсений.— Ты подними баньку да заходи в нее, тогда, может быть, и съешь.

Медведь слез с крыши, подрылся под баньку, подлез под нее да и просовывает голову. Арсений голову-то ему и отрубил, шкуру снял, отнес купцу.

Очень обрадовался купец, когда ему Арсений шкуру медведя принес, и опять за свое:

— Женись на моей дочери.

— Не испугался еще покуда,— отвечал Арсений,— вот испугаюсь чего-нибудь, тогда обязательно женюсь.

Задумался купец,— как же испугать Арсения?

И решил так: напоил Арсения вином, сделал большое корыто, налил его до краев студеной водой и поставил под кровать. А кровать подстроил так, чтоб Арсений обязательно свалился в корыто с водой, едва приляжет.

И в самом деле сильно опьянел Арсений.

— Ты бы прилег, что ли!— говорит ему купец.

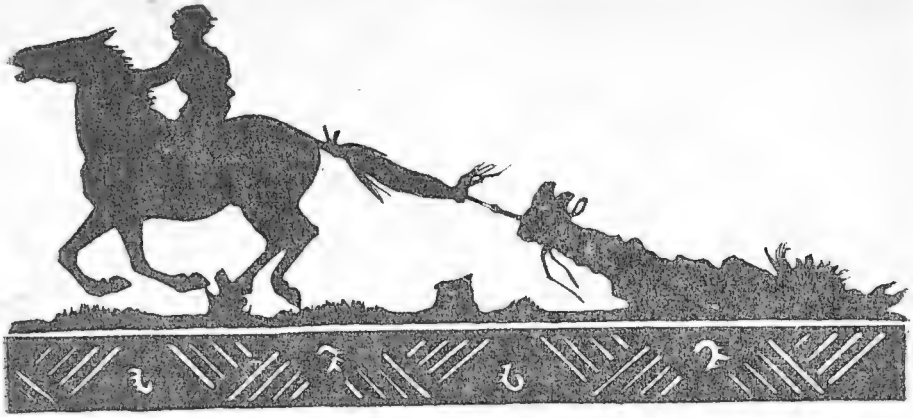
Лег Арсений на ту кровать, свалился прямо в корыто со студеной водой да как закричит:

— Задохнулся! Задохнулся! Задохнулся!

— Разве испугался?— спрашивает купец.

— Очень испугался,— отвечает Арсений.— Теперь женюсь...

Взял купцову дочь замуж, попировали хорошо, а зажили еще лучше.



37. К Каму за огнем

Жили-были старик со старухой. У них были дочь и сын. Дочь — старшая, сын — младший. Раз погас у них огонь, а добыть нечем. Мать и говорит дочери:

— Сходи, дитятко, к Каму, принеси от него огня под полой!

— А ведь Кам меня съест,— отвечает дочь.

Мать говорит:

— А ты, доченька, с собой зу возьми и тряпку из-под хлеба. Если Кам за тобой будет гнаться — кинь зу! Будет сзади гореть — расстели платок из-под хлеба.

Девушка взяла за пазуху зу, а тряпкой из-под хлеба повязалась, как платком, и собирается в дорогу, к Каму за огнем. А брат и говорит:

— Ты, сестра, старше меня. Останься ты с отцом и матерью, а за огнем к Каму пойду я. Дай мне зу и платок из-под хлеба. Я не боюсь Кама.

Взял мальчик за пазуху зу; свернул платок из-под хлеба, тоже за пазуху положил и бежит-несется к Каму за огнем. Бежал-бежал, навстречу ему горшок.

— Ты куда бежишь?— спрашивает его горшок.

— Я к Каму за огнем.

— Вернись, не ходи, Кам тебя съест!

— Не посмеет,— отвечает мальчик,— подавится,— и бежит дальше.

Бежал-бежал, попадается ему навстречу доннез.

— Ты куда бежишь?— спрашивает мальчика доннез.

— К Каму за огнем!

— Кам тебя съест.

— Не сможет, подавится,— отвечает мальчик.

Бежал бежал опять мальчик, а навстречу ему тортаез.

— Ты куда бежишь?— спрашивает тортаез.

— К Каму за огнем!

— Кам тебя съест!

— Не смеет, подавится,— отвечает мальчик и бежит дальше.

А навстречу ему шердын.

— Ты куда бежишь, паренек?

— Я к Каму за огнем!

— Он тебя съест!

— Не съест, подавится...

Попадаются мальчику в дороге навстречу сельнича, потом грабли, толчея, и все велят мальчику вернуться обратно: Кам-де тебя съест. А мальчик ничего не боится. Бежит-несется вперед к Каму за огнем. Вот и добежал мальчик к Каму. Кам сидит у огня, скрестив ноги. В каменке горит огонь, Кам на него дует.

Подошел мальчик к Каму, стал рассказывать, зачем пришел, а Кам в ответ спрашивает:

— Горшок тебе навстречу попался?

— Попался.

— А доннез попался?

— Попался.

— А грабли, а тортаез, а шердын, сельнича, а толчея

— Все попадались.

— А что они тебе говорили?

— Все они не советовали мне ходить к Каму, он-де меня съест.

Кам длинными зубами своими скрежещет и опять спрашивает:

— А скажи мне, что такое горшок? Что такое доннез? Что такое шердын? Что такое грабли, сельчича, толчея? Если не сумеешь сказать, сырым съем.

И опять длинными своими зубами заскрежетал.

Мальчик подумал-подумал и говорит:

— Горшок — твоя голова, доннез — глаза, тортаез — уши, шердын — спина, сельнича — живот, толчея — ноги, грабли — руки.

Кам засмеялся, спустился от огня и зачем-то вышел на другую половину избы. Мальчик в это время самую большую головню схватил, под полу спрятал и — на улицу. И бежит-несется обратно домой. Кам вернулся в избу, огляделся вокруг, мальчика нет. Посмотрел в каменку,— самой большой, лучше всех разгоревшейся головни нехватает. Догадался,— мальчик унес головню.

— Ну, попадется он мне, сырым съем!

Вышел Кам на улицу, на улице подпрыгнул и превратилась опять его голова в горшок, глаза — в доннез, руки — в грабли, ноги — в толчеи, живот — в сельнича, спина — в шердын. Прыгает-несется Кам по дороге всеми своими частями, вот уж только-только догнать, поймать остается. Что делать!.. Вспомнил мальчик про зу, достал его из-за пазухи, бросил наотмашь к Каму. И зу превратился в густую чащу леса.

Кам грыз-грыз своими зубами лес, ничего не может поделать. А мальчик в это время бежит и бежит вперед, что есть силы. Видит Кам,— не перегрызть ему густой чащи леса зубами, и подул на лес: изо рта у него вырвалось пламя объемом со сноп овса, и лесная чаща загорелась. Поднялся тут ветер и горящие головни на целых пять верст стал кидать, все ближе и ближе к мальчику. Что ему делать? Вот-вот изжарит его, опалит

его пламя. Кинется он в одну сторону — давится дымом, кинется в другую — огнем палит,— вспомнил тут мальчик тряпку из-под хлеба. Взял он ту тряпку в руку и постлал на дороге.

Вдруг из-под тряпки полилась вода и целой рекой потекла к горящему лесу. И только тут лесной пожар потух.

Подошел Кам к реке, не мог переплыть ее, тонет голова-горшок. Прыгал-прыгал он на берегу да с тем и остался.

Так освободился мальчик от Кама.

Насвистывая и напевая, бежит он домой, несет под полой головню. Пришел домой, а отец с матерью уж умерли от холода. Сестра их похоронила, одного — под полом, другую — под печкой. Плакали-плакали брат с сестрой над отцом с матерью и стали жить одни. Работать как следует еще не могут — маленькие. Пока хлеб есть,— до весны проживут. А когда хлеба не будет,— хоть с голоду помирай. Видят: рядом с ними горох вырос, длинный-предлинный, верхушка упирается в облако. Вот сестра однажды и говорит брату:

— Поднимемся, брат, по гороху, кто знает, может быть, что-нибудь хорошее увидим!

— Поднимемся.

Полезли. Лезли-лезли, — избушка стоит. Зашли в ту избушку. В ней баба-яга живет, старая-престарая женщина. Зубы во рту — как жерди. Волосы — как мочала. Сама слепая. Сидит яга-баба, на ручной мельнице мелет горох.

У входа в избушку сестра говорит брату:

— Войдем,— не смей смеяться. Не будь дураком. Как захочешь смеяться,— прикуси нижнюю губу. А если засмеешься,— яга-баба нас обоих поймает, только мы с тобой и жили.

Зашли в избушку, крадучись подошли к яге-бабе, сели у мельницы и муку из-под жерновов собирают себе в мешок. Мололамолола яга-баба, попробовала муку рукой и говорит:

— Мелю-мелю, а муки все нету. Видать, жернов притупился, крупно мелет.

Взяла, поправила жернов и опять мелет. А брат с сестрой все собирают и собирают: полный мешок набрали гороховой муки. И так же крадучись вышли из избушки, яга-баба и не слыхала.

— Ну,— говорят,— теперь живем покудова.

Спустились опять по гороху домой и стали жить. Жили сколько-то времени, всю гороховую муку съели. Что делать? Опять приходится по гороху к яге-бабе подниматься. Взяли мешки, поднялись.

У входа в избушку сестра опять говорит мальчику:

— Не будь дураком, не засмейся, как бы ни хотелось смеяться. Если засмеешься,— нашей жизни конец.

Зашли в избушку, яга-баба попрежнему на ручной мельнице мелет горох. Брат с сестрой крадучись подошли к мельнице, сели на корточки и опять стали собирать гороховую муку. Пробует яга-баба, говорит:

— Ну-у! Мелю-мелю, а муки все нету... Видать, очень крупно мелет.

Взяла жернов, поправила и опять мелет, старается. А брат с сестрой всю мелкую муку, какая выходит, собирают в мешки.

Набрали полные мешки гороховой муки и собираются уходить из избушки. А в это время на печке лежала большая черная кошка. Вдруг кошка прыгнула через голову брата, и давай же на полу по-всякому играть. Мальчик смотрел-смотрел и чуть-чуть не рассмеялся, как-то все же успел прикусить нижнюю губу. Заметила сестра, что дело может плохо повернуться, поскорее схватила брата за руку и вывела на улицу. Спустились обратно по гороху брат с сестрой и живут, пока есть гороховая мука.

Но вот через некоторое время в третий раз надо подниматься им по гороху к яге-бабе. Когда лезли, сестра опять сказала брату:

— Не будь дураком, не рассмейся, когда будешь смотреть на кошку, что бы она ни делала. Прикуси нижнюю губу, не издавай ни звука.

Зашли они опять в избушку. Яга-баба все еще мелет горох. Сели брат с сестрой около мельницы, собирают у нее мелкую муку. Попробовала раз яга рукой:

— Но-о, мелю-мелю-мелю, а мелкой муки все нет...

Поправила жернов и опять мелет. Потом опять попробовала:

— Ну, где ж тут толк! Муки все нет!

А черная кошка опять с печки прыгнула, и давай играть посреди пола. То вдвое она изогнется, то подпрыгнет, то ниже головой перекувырнется. Брат смотрел-смотрел на нее, да как расхохочется. И тогда догадалась баба-яга, куда у нее мука девается.

— Гости, оказывается, у меня есть. Давно уж не слыхала запаха мяса.

Встала она от жерновов и кликнула:

— Избушка-матушка, будь о трех углах.

И один угол пропал.

Яга-баба брата с сестрой ловила-ловила, поймать не смогла.

— Избушка-матушка, будь о двух углах,— говорит яга-баба.

И второй угол избы пропал.

Ловила-ловила яга-баба брата с сестрой, опять не может поймать. Они то из-под руки у нее, то иначе как вывертываются, а выйти из избы не могут,— дверь пропала.

— Избушка-матушка, будь об одном угле!— в третий раз крикнула яга-баба.

У избушки третий уголок пропал, только один угол остался. И тогда яга-баба поймала брата с сестрой. Ощупала у них руки-ноги, говорит:

— Что же с вами сделать? Худенькие очень. А все же придется к обеду одного изжарить, которого-нибудь!

— Ой-ой-ой, что же ты нас будешь есть?— говорит девочка,— никакого вкусу в нас нет.

Во второй раз яга-баба ощупала детей,— правда, ребята, как сухие корки.

— Ну, лезьте тогда под пол, с неделю подкормлю я вас, а уж тогда испеку.

Заперла яга-баба брата с сестрой в подполье; а сама опять села молоть гороховую муку. Прошел день, прошел второй,

яга-баба старается кормить ребят, жир им накапливать. Ковриги, кашу, гороховый кисель с маслом им под пол дает. Прошла целая неделя.

— А ну-ка, который-нибудь оторвите палец да подайте мне пощупать, какими вы стали,— говорит яга-баба.

Ребята подали ей кусок лучины. Яга-баба бросила лучину в горящую печку, слушает, как будет гореть, а лучина сгорела в печке без всякого звука.

— Совсем еще сухие! Жир еще не шипит! Видать, еще придется подкормить! — говорит яга-баба.

Опять старается кормить ребят. Кормила-кормила целую неделю, открыла дверь в подполье, говорит:

— А ну-ка, который-нибудь оторвите палец и подайте мне попробовать, жирными ли стали.

Ребята нашли под полом горлыс и подали ей. Опять яга-баба бросила в печку, горлыс сгорела с шипением, словно горел жир.

— Ну,— говорит,— видать, жир уже накапливается, скоро будете готовы.

И опять откармливает брата с сестрой. Кормила-кормила сколько-то времени, открыла дверь в подполье, опять велит оторвать палец и подать ей. Ребята нашли кусочек бан. И подали. Бросила его яга-баба в печку и ждет. Горит бан, а яга-баба говорит:

— Денька через два-три готовы будете. Сало уже поджаривается.

Еще два-три дня кормила ребят, открыла дверь в подполье и говорит:

— Ну, хватит вас кормить. Давайте — выходите. Обоих испеку. Одного — сегодня, а другого — завтра съем.

Девочка, вылезая из подполья, наказывает брату:

— Будет тебя яга-баба в печку сажать,— ты садись так, будто не входишь в устье печки. Мы ее самое испечем.

Вот яга-баба принесла с улицы в избу хлебную лопату, поставила ее у печки, велит девочке сесть на лопату. Девочка садится и так и этак, а в устье печки никак не лезет. Рассердилась яга-баба.

— Слезай,— говорит,— с лопаты, если не умеешь садиться. Сначала я брата испеку.

Садится мальчик на лопату и так же, как сестра, старается-старается, но никак не пролезет в устье печки. То нога заденет, то руки поперек раскинет, то голова упирается в шесток. Яга-баба и этак и так ему говорит, учит,— никак мальчик не поймет.

Девочка и говорит яге-бабе:

— А ну, бабушка, садись ты сама на лопату и покажи нам, как нужно сесть, чтобы в устье печки войти.

Яга-баба, сердясь, стащила мальчика с лопаты, села сама, съежилась,— вот-де как-нужно. А брат с сестрой ее в это время на лопате в печку и сунули. Закрыли печку заслонкой и приперли заслонку. Вот печется, закипает яга-баба в печке, жир каплями течет, девочка брату и говорит:

— Ты, братец, не пробуй поесть жира яги-бабы, как бы худо с нами не было.

А сама одно-другое из вещей яги-бабы кладет себе в котомку. У брата же слюни текут,— так ему охота попробовать жиру яги-бабы. Выбрал минуту, когда сестра отошла, взял с залавки кусочек хлеба, обмокнул в жир яги-бабы и в рот. Сестра и не заметила. Наполнили они добром яги-бабы свои мешки, по гороху спустились вниз, идут по дороге искать хорошей жизни, а день был жаркий-жаркий. От жиру яги-бабы мальчик пить захотел.

— Ой, сестричка, пить хочу. Попил бы!— говорит мальчик сестре.

— Ой, братец, ты, братец, а зачем ты ел жир яги-бабы? Где ты сейчас будешь пить, когда кругом ни капли воды нет?

А на дороге — ямка от лошадиного копыта, в котором собралась вода.

— Вот здесь и попью,—говорит брат.

— Не пей, лошадью станешь.

Послушался брат, пить не стал. Идут дальше. Опять попадается ямка — из-под копыта коровы.

— Сестра, не могу больше терпеть, напьюсь отсюда!

— Нет, нет, не пей братец, быком станешь!

Опять не попил мальчик.

Напоследок попалась им ямка из-под копыта барана. Мальчик не мог терпеть больше, отстал от сестры, нагнулся и напился.

Обернулась сестра, а сзади баран бежит и блеет. Заплакала сестра:

— Напился-таки брат из бараньей ямки! Куда я денусь теперь?

Но делать нечего. Поймала девочка барана за рога, идет дальше. Шла-шла, подошла к реке. Переплыть на ту сторону не на чем. Девочка привязала рога барана веревочкой за березку и оставила, а сама пошла вниз по течению реки посмотреть, нет ли где лодки. Уходя, барану наказывала:

— Ты меня здесь жди потихоньку. Не заблей, если даже и скучно будет.

Лежал баран, лежал,— нет сестры. Наконец, очень уж ему стало скучно и — бя-бя-бя-бя!— во весь рот. На этот звук из лесу вышел волк. Барана схватил, оторвал веревку и, бросив барана себе на спину, умчал в лес.

Вернулась девочка, тащит за собой лодку. Подошла к березе видит: от брата-барана только кусок веревочки остался. Что делать? Стала опять плакать. Утащили-де брата волки! Беда пришла. Где мне теперь его искать? Как я буду без него жить?

А на березке над самой головой девочки сидела птичка и весело распевала. Подняла на птичку девочка глаза и спрашивает сквозь слезы:

— Пташечка ты моя, нутро моего сердца, а не знаешь ли ты, кто утащил моего братца-барана?

Отвечает ей птичка человечьим голосом:

— Знаю, знаю, девочка-красавица... Молчи, не плачь, не убивайся. Иди за мной.

Вот пичка с дерева на дерево прыгает, а девочка за ней. Птичка остановится, и девочка остановится. Птичка летит дальше, и девочка вперед. Шли-шли так, у лесочка — избушка. Птичка села на черемуху и распевает-говорит:

— Пойди туда! Пойди туда! Здесь живет бабушка-шева. Она в воду смотрит. Она будущее знает!

Девочка зашла в избушку, и правда — в избушке за столом сидит старая-старая седая бабушка. Смотрит в воду в чашке. Девочка подошла к ней и стала рассказывать, как было дело. Старая бабушка и головы от чашки не поднимает. Сидит, в воду смотрит и говорит девочке:

— Вижу, вижу, девочка, брата-барана большой волк утащил и к Каму отнес! Кам собирается его съесть. Вот тебе клубок, и вот тебе горметчан, кинь клубок, а горметчан возьми в руку и — куда покатится клубок — туда и иди. Где остановится, там и ты остановись. Придешь к Каму и горметчаном три раза махни в правую сторону, а когда откроется дверь Кама — не испугайся и заходи к нему. Если будет он тебя ловить, не давайся и старайся из каменки у него достать самую большую головню. Если достанешь, столько и жил Кам. Не достанешь, он и тебя вместе с братом съест.

Поблагодарила девочка бабушку-шева, взяла клубок и горметчан и вышла из избушки. На улице поблагодарила и птичку, пустила с руки клубок и собралась в дорогу. Вот катится клубок, идет девочка за ним. Шли-шли, клубок остановился, видит девочка,— в чаще темного леса стоит изба. Дверь железная, заперта наглухо. Девочка горметчаном вправо один раз махнула,— у двери один крючок соскочил; второй раз махнула — слышно, как другой крючок соскочил; третий раз махнула — дверь настежь открылась. Зашла девочка в избу, видит — Кам сидит у каменки и острый нож точит. А у порога под лавкой баран лежит. У рогов его болтается веревочка, и по ней узнала девочка, что это — ее брат.

Кам заметил девочку и заляскал зубами, говорит:

— Вот счастье! Точил нож для одного, а Ен привел вторую!

А девочка ему в ответ:

— Не подавись же, Кам, когда будешь есть! У меня ведь кости-то жесткие!

Кам еще злее зубами заляскал и соскочил от каменки на пол. Стал посреди избушки и размахивает руками, девочку ловит. Девочка из-под руки его вывернулась на другую половину избы. А Кам у дверей второй половины избы стал, расставив ноги, и опять зубами заляскал. Девочка нагнулась — и между ног. Кам хотел схватить ее, а девочка приподнялась, и Кам вниз головой полетел. Девочка в это время подбежала к каменке и горметчаном выхватила самую большую головню. Тащит к себе, но совсем вытащить не могла — руки жжет. Кам же поднялся и опять за девочкой. Видит девочка — делать нечего, открыла дверь в подполье и сама на голбец. Кам за ней. Но с приступка ноги его поскользнулись, и упал он под пол.

Девочке это и нужно было. С голбца соскочила она на пол и заперла дверь в подполье. А чтобы Кам не мог открыть, что под руки попадается, что только нашла, то и кладет на дверь. И опять к каменке, самую большую головню захватила горметчаном,— вот-вот вытащит,— руки обжигает головня. Кам вот-вот дверь откроет-приподнимет. Что делать? Если выйдет — поймает. Девочка так и сяк старается вытащить горящую головню да не может. Посмотрела девочка назад, видит — на лавке у Кама сапоги лежат, схватила сапог, надела на руку, вытащила головню из каменки.

Вытащила и хочет спрятать головню под полу,— пола загорается. Подумала-подумала и сунула головню в сапог. Сапог в одной руке, горметчан — в другой, собирается она убежать. А Кам выставил голову из подполья в щель приоткрытой двери, вот-вот вылезет,— девочка наотмашь ударила Кама по лбу горметчаном, а у него из глаз искры посыпались. Второй раз ударила,— лоб у Кама лопнул. Третий раз ударила,— полетел Кам по лестнице под пол. Подошла тут девочка к брату, достала из-под лавки, повернула его кругом, видит — вместо барана перед ней опять человек стоит, ее брат. Что тут делать?

Кама девочка убила. Надо итти домой. А брат и говорит:

— Мы, сестра, Кама так не оставим, а то он оживет и может нас догнать. Как бы опять чего плохого не сделал: у него в карта стоялый жеребец находится, мы Кама к хвосту этого жеребца привяжем и пустим, чтобы уж навек погиб Кам.

Вышел мальчик, надел на лошадь узду, Кама вытащил из-под полу, к хвосту лошади за ногу привязали. Вскочил мальчик на лошадь, ударил ее, и стоялый жеребец пустился во весь дух. Волочится Кам по дороге, а мальчик все сильнее бьет лошадь, несется туда, где стоят обгорелые дочерна пни. Когда домчались до черных горелых пней,— тут Каму и конец пришел. Куда голова, куда рука, куда нога, так он и рассыпался! Куски тела застряли между пнями.

Вернулись брат с сестрой в избу Кама, подумали-подумали и надумали: до дому далеко, да и не к чему туда итти: ничего в нем нет, а у Кама всего много. Остались у Кама жить: его огонь хранить и людям огнем его добро делать...

38. Фаддей и колдун

Жила-была в Шугоре на Печоре одна женщина и имела сына. Когда сыну исполнилось двадцать лет, женщина прокляла его за непослушание.

Пошел после проклятья сын в лес и обратно уже не вернулся, а куда пропал — никто не знает; больше никто его не видел и о нем не слыхал.

А женщина та наделала в своей жизни столько греха, что, когда пришло ей время умирать,— никак не могла умереть та женщина, а только лишилась ума, руки-ноги у нее ослабели, и пришлось ее положить в люльку, качать, как ребенка, и кормить. Построили для нее на конце деревни отдельную избушку, там ее и держали, а лицо у нее было такое страшное, что взглянуть боялись. Редко заглядывал народ в ту избушку, а молодежь — никогда.

Как-то осенью шугорский мужик Фаддей собрался в свою лесную баньку на лесованье. Припасов он взял с собою много и отправился на лодке. Плыл он в той лодке пять дней и на шестой приплыл. Расположился, как надо, в избушке. На другое утро пошел в лес поправить свои ловушки, вернулся поздно, сварил ужин, поужинал и только хотел было лечь спать, как растворилась дверь, и в избушку вошел человек в синем зипуне, еще нестарый, сел на порог и говорит:

— Завтра придет к тебе человек, твой сосед, и будете вы с ним дружно промышлять целую неделю, а на восьмой день твой товарищ умрет. Отрежь у него голову и положи под ноги, а руки ему ты должен связать назад, и, если ты этого не сделаешь,— плохо тебе будет, Фаддей!— и с этими словами человек в синем зипуне пропал.

Долго думал Фаддей: что за человек к нему приходил, почему велел ему отрезать голову у человека, что придет и умрет, и почему связать ему руки назад? Думал-думал да и уснул.

На третий день пошел он в лес и воротился поздно. Воротился домой — видит, верно: пришел к нему человек, его сосед.

Вечер провели они хорошо, разговаривали об охоте, о домашних, и Фаддей забыл про вчерашнее. Начали они вместе охотиться и зажили очень дружно. Но слова неизвестного человека в синем зипуне сбылись: на восьмой день умер сосед Фаддея. Положил его Фаддей, как следует, на лавку под икону и думает: „Неужели такому хорошему человеку я буду резать голову? Я ведь жил с ним так дружно и хорошо". И лег спать на лавку напротив покойника.

Вот проходит сколько-то времени,— у мертвеца упала с груди одна рука. Испугался Фаддей, попятился назад, а мертвец встал и говорит:

— Не послушался ты совета доброго человека, а теперь уж не пеняй на меня! Я тебя съем!

И кинулся на Фаддея. Но тут в баньку явился человек в синем зипуне и спас Фаддея. Свалил он мертвеца на пол и приказал Фаддею резать ему голову.

— А нето он тебя съест. Ведь он колдун.

Фаддей поводил по шее мертвеца тупой стороной ножа, но головы ему не отрезал. Бросил он свою баньку, все имущество, лодку, побежал домой. Бежал-бежал, добежал до другой охотничьей избушки, зашел в нее отдохнуть, чтоб потом бежать дальше. А колдун уж тут — ждет Фаддея. Заскрипел зубами и говорит Фаддею:

— Ты меня пожалел, не отрезал мне голову. Тогда я был слаб, твой хранитель одолел меня, теперь у меня силы вдвое прибавилось,— сказал и бросился к Фаддею в избушку.

А человек в синем зипуне вдруг появился на пороге и сел. Сел и говорит:

— За что ты его съесть собираешься? Он тебе ничего худого не сделал.

Колдун словно не слышит этих слов, лезет в избушку, и опять они схватились бороться, и боролись долго, но у колдуна руки сложены на груди, как у мертвеца, не мог он сильно защищаться, и свалил его опять человек в синем зипуне на землю. Свалил и просит Фаддея отрезать ему голову, так как сила у колдуна все прибавляется, а до дому Фаддею еще далеко, и мертвец его обязательно съест.

Опять не послушался Фаддей, потер тупым концом ножа колдуна по шее, побежал от него прочь. Бежал-бежал, несколько охотничьих банек уж пробежал, остается до дому верст двадцать; устал Фаддей, зашел опять в избушку отдохнуть, думая, что колдун его уж не нагонит. Не успел Фаддей и отдохнуть как следует,— опять тут колдун, скалит зубы, хвастает, что теперь его никакая сила не одолеет, и никаким ножом головы ему теперь уже не отрезать.

Кинулся колдун на Фаддея, а человек в синем зипуне — откуда ни возьмись — явился и схватился с колдуном бороться. Боролись боролись — не могут одолеть друг друга, и стал просить человек в синем зипуне Фаддея, чтоб помог ему. Бросился Фаддей помогать,— одолели они вдвоем колдуна. Но опять не отрезал колдуну головы Фаддей, а только потер тупым концом ножа его шею и бросился бежать дальше.

Человек в синем зипуне поставил мертвеца на голову, ногами кверху, а сам догнал Фаддея и говорит:

— Теперь мертвец тебя не догонит, не бойся. Он идет на голове вверх ногами и идет тихо. Я тебе послужил, но теперь и ты мне послужи.

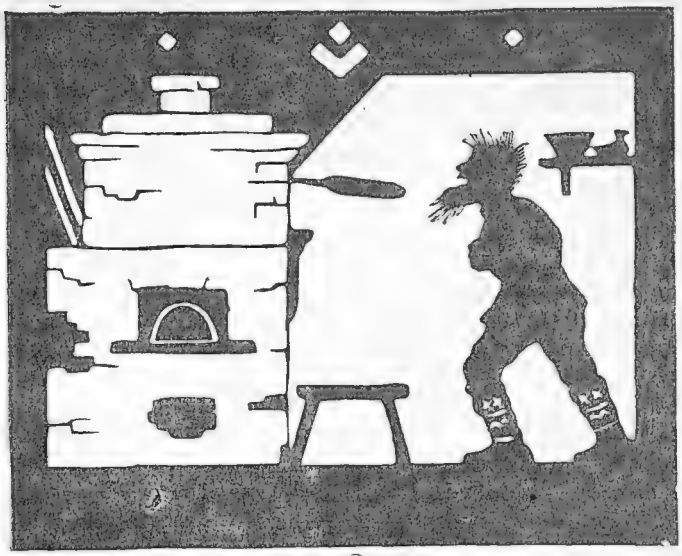
И рассказал человек в синем зипуне, что он — сын той старухи, что держат в маленькой избушке на окраине деревни, что он однажды пошел в лес, влез на дерево, упал с него и умер, но его тело не приняла земля, так как он был проклят. Проклята его мать. И велел человек в синем зипуне Фаддею взять из дому краюху хлеба, итти к его матери, покачать ее, взять у нее из груди молока и принести ему на той краюхе. И еще просить старуху, чтобы она три раза сказала „прости".

Фаддей так и сделал. Старуха дала из своей груди молока, сказала три раза „прости" и сразу же умерла. А Фаддей вернулся к тому месту, где расстался с сыном уже мертвой старухи. Но увидел он не его, а мертвеца, который шел на голове. Тогда Фаддей созвал народ, и мужики кто с вилами, кто с чем был кинулись останавливать идущего на голове мертвеца, но остановить его никак не могли. Тут опять явился человек в синем зипуне, ударил мертвеца палкой, пробил ему голову и сказал:

— Довольно тебе пугать людей!

Мертвец упал.

Тогда Фаддей отдал хлеб с молоком старухи своему спасителю. Тот немного поел хлеба и тут же умер. Фаддей похоронил его.



39. Колдун и его жена

Встретились однажды два знахаря и стали состязаться, свою силу пробовать. Один говорит: — я, дескать, больше твоего знаю, сильнее тебя, потому что я — над семью нечистыми набольший. А другой не сдается: я, — говорит, — хоть и над одним маленьким нечистым набольший, а тебе не уступлю. Спорили-спорили, порешили, наконец, взять по ковшу воды и проверить, кто из них в самом деле сильнее?

Вот первый и говорит второму:

— Выпьешь эту воду и сейчас же захлебнешься.

А второй отвечает:

— А ты выпьешь — до дому дойти не успеешь — помрешь.

Выпили. Первый тут же упал, умер. Второй добрел до дому, успел сказать своей жене: — не держи, мол, после смерти возле моего тела ни кошки ни собаки, — тоже упал и умер.

А дело было уж к вечеру. Положила жена его тело в передний угол, под божницу, прикрыла холстом. Много плакала с горя, потом легла на печь и уснула: собака с кошкой так и остались в избе.

Наступила полночь. С грохотом встал с лавки мертвец, подошел к печке, а жена его, оказывается, спала головой наружу. Мертвец и откусил у нее ухо. Проснулась от боли баба, видит: стоит муж против печки, пытается влезть на нижний приступок, да руки на груди сложены крестом, без помощи рук влезть не может.

— Ну, — говорит он ей, — попалась теперь ты мне, если меня не послушалась!

А баба схватила хлебную лопату, принялась его отталкивать, толкнет — упадет мертвец, опять поднимется, опять карабкается

на печку. Так провозилась она с мертвецом всю ночь, и всю широкую часть лопаты мертвец изгрыз. Но вот прокричал петух, с шумом грохнулся мертвец на пол, а в это время открывается в избу дверь, входит какой-то старик и говорит:

— Слезай с печки... Теперь уж ничего он тебе не сделает...

Долго не решалась слезть баба, однако все-таки слезла в конце концов. У мертвеца даже пена выступила изо рта. Взял незнакомый тот старик мертвецовы руки, связал их обгорелой прядью льна, уложил мертвеца назад на лавку под божницу и пошел прочь.

А баба ухватила его за полу кафтана:

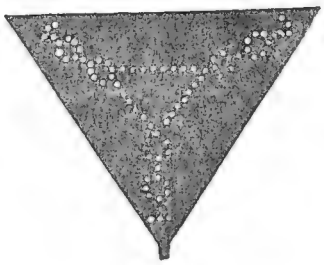
— Не оставляй меня здесь! Не смею я здесь остаться!

— Со мной тебе,— отвечает старик,— итти никак нельзя, ты останься, не бойся, он теперь не встанет, а ты его в избе все три ночи, как нужно, продержи...

— Как же тебя зовут? — спросила баба.

— Никола милостивый,— ответил старик и пропал.

Две ночи продержала баба в избе мертвеца,— не вставал, на третий день похоронила. А как стали опускать гроб в землю, так он сквозь всю землю и прошел,— только дыра осталась. Колдуны, говорят, после смерти всегда сквозь землю проваливаются...



40. Мальчик-колдун

Был колдун один, годами очень старый. Однажды он заболел: не ест, не пьет, ни с кем слова не говорит, только вздыхает да на каждом вздохе приговаривает:

— На! На! На!

Пошли как-то его сын и сноха молотить, а дома остался их десятилетний сын.

Он играл игрушками, присматривал за больным, делая кое-что по хозяйству.

Услыхал мальчик, как колдун приговаривает, и обратился к нему:

— Дедушка, кому ты все время даешь? Дай лучше мне!

— На! — ответил ему старик, вздохнул поглубже и умер.

А сын побежал на гумно к родителям.

— Мама, — закричал он им, — я теперь все умею делать! Коровам уши резать! Напускать порчу на овец! Ездить на одном месте! Даже месяц могу украсть!

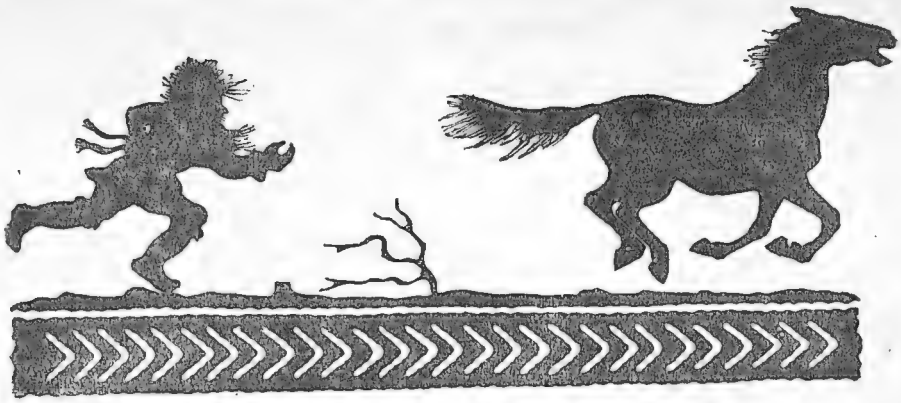
— Где ж ты всему этому научился? — спрашивают мальчика родители.

— А дедушка, бывало, все говорил кому-то: „На! на! на!“ Я и попросил: „Дай мне, дедушка...“

Бросили тут родители молотьбу, вернулись домой и очень жарко затопили печь. А, когда дрова разгорелись, сунули своего сына в огонь и печь плотно прикрыли.

— Ну, — сказал отец, — ты, в святую ночь портящий скотину, крадущий месяц и солнце, посиди теперь в печке...

Мальчик сгорел в печке.



41. Ох-ох!

Жил-был когда-то один крестьянин и помер. Очень сильно горевала его жена, пришла к нему на могилу вместе с сыном и говорит:

— Зачем же отец-то помер? Надо теперь к какому-нибудь ремеслу тебя приспособить. Ох! Ох! — и заплакала.

Подъехал тут какой-то человек в телеге к самой могиле:

— Зачем меня звали?

— Я тебя не звала...

— Ты сказала: Ох! Ох! Я самый и есть Ох-ох... Какому надо ремеслу выучить твоего сына,— такому и выучим. А через три года обратно приведем.

Назавтра привела крестьянка своего сына и опять заплакала:

— Ох! Ох! Сегодня отдаю я своего сына,— увижу ли его когда-нибудь?

Ох-ох пришел и взял ее сына.

Но прошли, наконец, и три года. Опять пришла на могилу к мужу крестьянка и заплакала:

— Увижу ли я своего сына? Ох! Ох!

А Ох-ох и появился тут.

— Сейчас,— говорит,— придут твои дети...

И прилетело тут двенадцать голубей:

— Выбирай своего сына,— говорит Ох-ох.

Смотрела-смотрела женщина, указала на одного — этот вот! Указала на другого — и этот вот!

— Приходи через три года,— говорит Ох-ох женщине,— если теперь не узнала.

И снова прошли три года. Сильно за это время молилась женщина богу, последние гроши в церковь снесла,— лишь бы узнать своего сына. Пришла, наконец, к мужниной могиле и заплакала:

— Ох! Ох! Увижу ли я своего сына?

А Ох-ох тут как тут:

— Сейчас,— говорит,— придут сыновья...

Прилетели двенадцать гусей. И опять женщина начала указывать то на одного, то на другого и опять не узнала.

— Придется тебе,— говорит ей Ох-ох,— притти еще раз через три года; если и тогда не узнаешь,— не увидишь своего сына никогда больше.

Вот близко к тому сроку шла однажды женщина мимо церкви; у церкви стояла серая лошадь и вдруг говорит ей:

— Мама, завтра я буду стоять шестым по счету с правой стороны...

Назавтра пошла мать на могилу, заплакала, заохала,— Ох-ох тут как тут:

— Сейчас,— говорит,— придут твои сыновья.

Приходят двенадцать лошадей. Встали лошади в ряд, женщина отсчитала шестую лошадь с правой стороны и говорит:

— Эта! — взяла лошадь за привязь и вывела.

Ох-ох только и сказал на прощанье:

— Не поднимайтесь слишком высоко.

Когда могила осталась позади, лошадь вдруг вырвалась из руки женщины, перевернулась на боку и встала с земли юношей.

— Теперь, мамаша,— говорит тот юноша,— мы с тобой заживем!

Однажды подошла ярмарка.

— Я,— говорит сын,— обернусь в лошадь, красивую серую, а ты меня продавай. Только узды не продавай,— иначе мне пропадать!

Настала ярмарка, обернулся сын в красивую серую лошадь, и мать повела ее продавать. Ее спрашивают, сколько она хочет, а жеребенок так и играет около женщины.

— Пятьсот рублей прошу,—говорит женщина,— только узды не отдаю. У меня дома есть еще две лошади на продажу.

Отдала жеребенка покупателю, а узду себе назад взяла. Пришла она домой, слышит: что-то загремело в хлеву. А это лошадь. Покаталась лошадь на спине, опять стала человеком. А тот, кому она продала лошадь, очень удивился: лошадь у него не пропала, а исчезла совсем, будто ее никогда и не было.

Вскорости наступила вторая ярмарка, и сын опять говорит матери:

— Я обернусь в карюю лошадь, а ты меня продай!

И продала она ту лошадь опять за пятьсот рублей, узды опять не дала, вернулась домой, и снова загремело в хлеву, а она уж знает, говорит:

— Это мой сын идет!

— Теперь,— говорит ей сын,— есть у нас тысяча рублей, и мы славно заживем. Продай меня еще раз, и тогда я женюсь. Возьму Анну...

Наступает, наконец, и третья ярмарка.

А перед ярмаркой сын вдруг говорит матери:

— Мне что-то грустно очень... Пожалуйста, не отдавай узду...

И опять обернулся конем, и опять мать привела его продавать на базар, куда прибыло много купцов, и они стали спрашивать цену лошади.

— Пятьсот рублей!

Но купцы тут ее узнали, говорят, что покупали уж лошадей у нее, и отошли прочь. А вместо них подходит один очень маленький дядя в красном кушаке и спрашивает:

— Почем лошадь?

— Пятьсот рублей.

— Отдам и пятьсот рублей...

— Только узды я не дам...

Отсчитал дядя деньги и говорит:

— Как это не дашь!

Взял лошадь с уздой и увел. Сделалось тут женщине дурно, и упала она: ведь сын-то не велел с уздой продавать! Подняли мужчины ее и отвели домой, а через некоторое время, когда она пришла в себя, стала она молить бога, чтобы сын нашелся.

А лошадь-то купил Ох-ох.

Однажды шла она опять мимо церкви, а впереди нее шла невеста ее сына Анна. И опять возле церкви стоит серая лошадь, которая, когда Анна проходила мимо, сказала ей:

— Сними с меня узду, Анна.

Анна сняла с лошади узду, а лошадь как бросится прочь. Ох-ох был в это время в церкви, но только сейчас же обо всем догадался и бросился за лошадью в погоню. Лошадь обернулась в собаку, Ох-ох—в волка. Собака — в гуся, Ох-ох — в орла, все его нагоняет. Подлетели они к морю, гусь обернулся в ерша, а Ох-ох — в щуку. У какого-то царского дворца прислуга полоскала белье, ерш бросился в белье и обернулся в золотое кольцо. Щука как бросится к белью, даже прислуга испугалась, схватила белье и побежала домой. Пришла и говорит царю:

— На меня большая щука кидалась!

А когда начала развешивать белье, нашла в нем золотое кольцо.

Вернулась к царю и говорит:

— Посмотрите, что мне щука принесла!

— Возьми,— отвечает ей царь,— и надень на палец!

Однажды пришел во дворец некий дядя и спрашивает:

— Ваша девушка нашла кольцо. Что попросите за него, то и отдам...

Стали у той девушки просить кольцо, а она не дает. А как стали очень приставать — отдай да отдай! — взяла та девушка кольцо да и бросила на пол. Кольцо разбилось вдребезги, но одна половинка попала в девушкин башмак. А тот дядя сейчас же обернулся петухом, поклевал осколки и говорит:

— Кого хотел, того и съел.

Не успел сказать, как из башмака выпрыгивает половинка кольца, оборачивается в ястреба и заклевывает петуха. После того ястреб обернулся в молодца. Очень испугался царь, но молодец ему все рассказал, как он жил.

Царь выслушал и говорит:

— Отдаю за тебя свою дочь! Бери!

— Нет,— отвечает молодец,— я не возьму. Я обещал жениться на одной бедной девушке. Ее и возьму...

Подкрепился он у царя на дорогу и пошел домой свадьбу справлять. И теперь они хорошо живут...

42

В давние времена жили старик со старухой, и был у них сын Вот как-то сели отец с сыном ужинать, отец и стал спрашивать:

— Чему же тебе, сынок, учиться охота? Портняжить, сапожничать или плотничать?

А сын молчит.

— Или, может быть, книжному делу?

— Вот книжному делу,— ответил сын,— я, отец, выучусь.

Поужинали они, оделись и отправились в школу. Шли-шли, приходят к ручью, а спуск к ручью был очень крутой и подъем также. Спустились они благополучно, а как перешли ручей и стали подниматься, старик поскользнулся и упал.

— Ох-ма!— воскликнул он.— Упал.

Откуда ни возьмись перед ними — мужик. Оказывается, его звали Охма.

— Что ты меня поминаешь?

— Да вот видишь,— отвечает старик,— упал.

— Куда путь держишь?

— Сына веду учиться в школу.

— Дай его мне, я его обучу.

Ну, договорились. Отдал старик сына в ученье Охме, а сам вернулся домой. Перешел через ручей, поднимается в гору да и задумался: „Ох, и парень же я! Взял да и отдал сына незнакомому человеку! Может быть, и не увижу его больше никогда!“ И стало ему сына жалко. В кручине и печали вернулся он домой.

Но жене так и не сказал ни полслова, куда и как отдал сына, и знали о том только его сердце да рубаха.

Прошел год. Обедали как-то старик со старухой у окна, а окно, как прежде это делалось, приподнималось в вышину. Откуда-то прилетел голубь и забился крыльями в окно.

— Что-й-то с голубем делается,— говорит старик,— одурел он, что ли?

Схватил ухват, открыл окно и хотел голубя оттолкнуть, а тот влетел в избу, трижды ее облетел, бросился на голбец и превратился в человека. Посмотрел на него старик, узнал сына.

— Моему ученью,— сказал тут ему сын,— исполнился год. Пойдем со мной к Охме и веди себя посмелее. Учатся у него двенадцать человек. Как пойдешь к его дому,— проси построже, чтобы он тебя впустил; он тебя впустит, а нас тут же превратит всех в одинаковых. Но ты смотри внимательно и примечай. Я буду сидеть за углом стола, ложку буду класть на стол вниз донышком. Если ты меня не узнаешь,— пропадать мне. Сейчас я тайком убежал, чтобы рассказать тебе все это.

Сказал, обратился в голубя и улетел.

Спустя некоторое время отправился старик к Охме. Шел-шел, пришел, наконец, к Охминому дому. Дом большой, кругом на запорах. Старик принялся с силой стучать.

На стук вышел Охма, спрашивает строго:

— Кто стучит?

— Я за сыном пришел, что не впускаешь так долго?— отвечает ему старик.

Охма открыл и привел его в дом. Там стоял большой стол, уставленный яствами. Вдруг откуда-то вошли двенадцать мальчиков, все как один сели за стол.

— Узнал, который твой сын?— говорит Охма старику.

— Подожди,— отвечает ему старик,— обогреюсь, осмотрюсь, тогда и узнаю.

И видит старик, как один из мальчиков кладет свою ложку при еде вниз донышком.

— Вот,— говорит,— мой сын!

— Узнал,— отвечает Охма,— если б не узнал,— никогда бы уж не увидел своего сына... Оставишь ли его еще у меня в ученьи?

— Поучи уж второй год,— согласился старик.

Воротился старик домой и прожил еще год. Как-то вдруг прилетел опять голубь к окну. Старик уж не схватился тут за ухват, а впустил голубя в избу. Голубь опять трижды облетел возле стен, сел на голбец, обратился в старикова сына и говорит:

— Теперь Охма обратит нас в гусей, мы будем клевать зерна. Я буду клевать, вытягивая шею. Если не узнаешь,— не увидишь меня больше. Я украдкой сбежал, рассказать тебе.

Сказал, обратился в голубя и улетел.

Старик снова отправился к Охме. Охма впустил его и спросил:

— Ты за сыном пришел?

— За сыном,— отвечает старик.

Охма ввел его в дом, и пришли в дом двенадцать гусей. Насыпал им Охма ржи, гуси принялись клевать. Охма и говорит:

— Узнавай своего сына. Узнаешь — отдам его, не узнаешь — не отдам.

Старик пригляделся, видит — один гусь клюет, вытянув шею. На него и указал: вот, дескать, мой сын.

— Узнал,— говорит Охма,— оставляй уж на третий год. Проучится еще год,— все ученье пройдет.

— Пусть поучится,— согласился старик.

И опять прошел год, и прилетел к старику голубь, трижды облетел у стен, сел на голбец, обратился в старикова сына и сказал:

— Я украдкой сбежал предупредить тебя. Придешь ты к Охме,— он обратит нас в серых уток. Когда мы примемся клевать зерна, я одно крыло опущу к земле. По этому знаку меня узнай. Не узнаешь — пропадать мне...— Сказал и улетел.

Отправился старик к Охме, застучал в дверь, загремел. Охма впустил его и спрашивает:

— За сыном?

— За сыном.

Только ввел его Охма в свой дом,— откуда ни возьмись, прилетели двенадцать серых уток и начали клевать зерна.

— Которая — твой сын?— спрашивает Охма.

Одна из уток клюет, опустив кончик крыла на землю.

— Вот этот,— говорит старик.

— Ну, что ж,— отвечает Охма, возьми и неси...

Взял старик утку подмышку и отправился домой. Шел-шел, пришел к ручью. Не успел спуститься с кручи, утка выпорхнула у него из-подмышки и улетела. „Вот теперь,— подумал старик,—

я уж совсем потерял своего сына, не видать мне его больше". Глядь, а утка уже за ручьем, села на горе и обратилась в старикова сына. Заторопился старик к сыну, порадовались они вместе и пошли домой. А над их головами ворон летит и кричит:

— Кури, кури, кури!

— Ты вот три года учился,— обернулся старик к сыну,— а знаешь ли, что сказал ворон?

— Я-то знаю, что он сказал, только тебе не смею сказать. Если скажу — ты сильно рассердишься...

— Скажи. Я не рассержусь.

Сын все отнекивался, как ни настаивал отец, наконец сказал:

— Ворон говорит: всем вы оба довольны, да только придется отцу напиться обмывками сыновних ног...

Старик и в самом деле рассердился:

— Я буду пить обмывки твоих ног! Нет, этого не будет!

И до самого дома они промолчали.

Пожили-побыли они дома, сын однажды и говорит отцу:

— Надо поднажить денег. Я превращусь в лошадь, а ты веди меня в город и продай на базаре за сто рублей. Дешевле не отдавай и дороже не проси. Только узду при продаже не отдавай...

Сказал и вышел из дому. Отец ждет его, ждет, а он все не возвращается. Вышел, наконец, в конюшню, а в ней — красивый серый конь. Взнуздал его старик и повел в город. И даже до базара не дошел, как повстречался с красивой девушкой.

— Куда, дедушка, идешь?— спрашивает она.

— Коня веду на базар продавать.

— Продай его мне.

— Почему ж нет! Я продам... Давай сто рублей.

— Возьми двести,— говорит девушка.

— Нет, больше не надо!

Взял старик сто рублей, отдает девушке коня и говорит:

— Только я узды тебе не отдам...

— Ничего, я узду на базаре куплю, небось, найдется...

Купила она на базаре новую узду, села на коня, поскакала. А девушкой-то оказался Охма. Скакал-скакал и прискакал к болоту.

— Я ж тебя,— говорит,— проучу за то, что хотел быть больше меня. Заведу в болото, все бока корягами пообдеру...

Понукает Охма коня, хлыстом ударил, глядь — сидит на муравейнике, а в руке узда. Только одна узда и осталась.

На следующий день опять говорит сын своему отцу:

— Обращусь я еще раз в коня, а ты продай меня за двести рублей — не больше, не меньше. Узды не отдавай.

Сказал и вышел на двор. Старик отправился на конюшню, а там стоит краше вчерашнего чалый конь. Взнуздал старик коня и повел на базар продавать, опять повстречался с девушкой.

— Куда путь держишь, старина?

— Коня веду продавать.

— Продай мне, я куплю.

— Давай двести рублей...

— Возьми четыреста...

— Нет,— отвечает старик,— мне и двести хватит.

Уплатила девушка двести рублей, взяла коня, а узды ей старик опять не дал. И оказалось, что девушкой-то был опять Охма. Вскочил на коня, поскакал к болоту, думает:

„Уж сегодня-то я тебя проучу, загоню в болото, все бока корягами обдеру...“

Стал он коня в болото понукать, ударил его поводьями,— глядь — сидит опять на муравьиной куче, и никакого коня под ним нет. Очумел Охма: „Что же это такое? Я — самый вещий из колдунов, а он и меня перехитрил!“ Бросился домой, открыл черную книгу, в ней обо всем написано. Читал-читал, ничего не нашел. Хотел уж и захлопнуть, а на уголку одной страницы написано: „Коня без узды не покупай!“

На третий день опять пришел сын к отцу:

— Сегодня я в вороного коня превращусь, продай меня за триста рублей. Дешевле не отдавай, дороже не бери, узду себе возьми.

Сказал и вышел. За ним пошел в конюшню отец, а в ней красивый вороной конь стоит. Взнуздал старик коня и повел в город. И опять не доходя до базара повстречался с красавицей-девушкой.

— Куда идешь, старик?— спрашивает девушка.

— Коня продавать.

— Мне не продашь?

— Отчего нет? Давай триста.

— Возьми шестьсот.

— Не надо мне шестисот. Давай триста.

Уплатила девушка за коня, а старик и говорит:

— Узды я тебе не дам. Узду сама на базаре купишь...

— Как не дашь? Без узды лошадь не продают...

Тут они заспорили. Спорили-спорили, дошли до суда, и судья присудил отдать узду девушке. Опечаленный, вернулся старик домой: „Теперь не видать мне уж своего сына!“

А девушкой-то опять оказался Охма. Вскочил на коня, говорит:

— Ну, уж теперь ты от меня не уйдешь! А за хитрость и обман я тебя проучу.

Направил коня в болото и завязил по самые ляжки. Слез с коня, ухватил корягу, только было замахнулся на коня,— а коня-то и нет. Он туда-сюда глазами, видит — на дереве сорока. Обратился в ястреба и за ней. Снялась сорока, летела-летела, долетела до оврага, превратилась в крота, Охма за ним в норку. Крот дорылся до реки, обратился в ерша, а Охма за ним щукой. Ерш плыл-плыл да и заплыл меж камней, щуке за ним туда никак не пробраться.

Остановилась щука у камней и говорит ершу:

— Давай, поцелуемся!

— Не обманешь! — отвечает ерш.

Тут щука улеглась возле выхода и давай ждать. Небось, дескать, вылезешь, вечно под камнем не проживешь, а вылезешь — тут же проглочу. А день был солнечный, солнышко пригревало во-всю, и щука заснула. Ершу только этого и надо. Вынырнул из-под камней потихоньку, и поминай как звали.

В это самое время за водой к реке пришла красавица-девушка. Зачерпнула ведром воды, а в ведре — ерш.

„Вот так диво,— думает девушка, — ни одной женщине в ведро рыба не попадала, а мне попала. Взяла ерша в руки и принялась его рассматривать. А рыба вдруг превратилась в кольцо. Еще больше удивилась девушка и надела кольцо на палец.

Тут вдруг вышел из воды старик и говорит:

— Это кольцо мое. Отдай назад.

— Как твое?— отвечает девушка.— Посмотри: на кольце — мой вензель... Не дам.

Просил старик, просил, да девушка твердая была, кольца ему не дала и ушла домой. А вечером, только с пальца кольцо сняла,— перед ней красивый парень, стариков сын.

— Завтра,— говорит он девушке,— придет давешний старик, будет опять просить кольцо продать. Ты продай его за десять тысяч рублей, а кольца ему не давай, брось на пол. Я тогда обращусь в горошинки, одна горошинка будет скакать по полу — наступи на нее ногой...— Сказал и снова обратился в кольцо.

И верно: на следующий день пришел к девушке старик:

— Продай кольцо.

— Продам за десять тысяч рублей золотом...

Уплатил старик целый мешок золотых денег, а девушка сняла с пальца кольцо и протянула его старику. Но, только старик протянул за кольцом руку,— девушка обронила его на пол. На полу кольцо тотчас превратилось в горох, одна горошинка запрыгала, и девушка наступила на нее ногой. А старик сейчас же превратился в петуха и бросился клевать горошинки. Но тут из-под ноги девушки вышел молодец, отрубил петуху голову и рассказал ей, что петух этот был Охма-колдун.

— Он меня хотел убить,— говорил молодец,— и все меня преследовал. Но теперь я от него избавился.

Вырыли они на дворе яму, доверху обложили ее смолистыми щепками, бросили зарезанного петуха, а щепки подожгли. В яме Охма обратился в ящерицу, кинулся вылезти, да они его лопатой отпихнули, и он сгорел.

Тогда парень женился на девушке, а так как денег у них было много,— построили большой дом и хорошо зажили. И послал он своих казаков за отцом с матерью. Когда послы пришли, старик со старухой чинили штаны и очень испугались: куда, дескать, нас зовут? Но послы усадили их в сани, везли-везли, привезли, наконец, к красивому дому и в него ввели. С испугу старику захотелось пить. Прошли уж несколько комнат, как старик увидел в медном жбане воду. Только он зачерпнул воды напиться, как дверь открылась, и вошел его сын.

— Не пей,— говорит,— этой воды, отец. Я только что ею ноги вымыл...

Очень обрадовались старик со старухой, что видят сына, а сын и говорит старику:

— Помнишь, отец, ворон когда-то сказал, что тебе придется испить обмытки после ног твоего сына, и как ты тогда на меня рассердился?

Зажили они вместе. И теперь еще живут-поживают.

43. Сокол-Пипиристи

Жили-были муж с женой, у которых было три дочери. Однажды отец собрался на ярмарку, спрашивает дочерей: чего им купить?

— Мне купи английский сарафан,— отвечает старшая дочь.

— Мне — синий сарафан,— говорит средняя.

— А мне нужен Пипиристи-сокол,— отвечает младшая.

Приехал отец на ярмарку, купил старшей дочери английский сарафан, второй дочери—синий сарафан, а для младшей дочери как ни искал Пипиристи-сокола — не нашел, не купил. Вернулся он, дал одной дочери английский сарафан, второй — синий сарафан, третьей — ничего не привез.

Собрался отец как-то второй раз на ярмарку, старшая дочь захотела гарусный сарафан, вторая — серый, а третья — опять Пипиристи-сокола. Привез он с ярмарки старшей дочери гарусный сарафан, средней — серый, младшей дочери — опять ничего.

Наутро младшая дочь насушила сухарей, сложила их в котомку и пошла к просвирне.

— Матушка-просвирня, не знаешь ли ты Пипиристи-сокола?

— Знать-то знаю, но тебе его не поймать.

— Научи, матушка-просвирня.

— Пойдешь ты и пойдешь,— учит просвирня,— и придешь на зеленый луг, и набросай на том лугу своих сухарей. Кто на них набросится, того и лови, а если за тобой будут гнаться,— брось еще сухарей за собой...

Девушка так и сделала, как посоветовала ей просвирня: набросала сухарей, поймала Пипиристи-сокола, идет домой — просится к просвирне переночевать. Переночевала, а назавтра надевает на себя одежду Пипиристи-сокола и идет в церковь. Пришла в церковь, стала на самую середину, и все на нее глаза пялят; и даже поп с дьячком. Не дождавшись конца службы,

вышла она из церкви, да прямо домой, сняла с себя одежды Пипиристи-сокола, села и сидит. А сестры приходят из церкви и рассказывают:

— Все-то ты сидишь дома и в церковь никогда не сходишь. А посмотрела бы, в какой светлой одежде приходила сегодня одна девушка. Обязательно завтра сходи посмотреть.

Зазвонили в церковь назавтра опять, и опять пошли все в церковь — и отец, и мать, и сестры. Младшая дочь снова оделась в одежды Пипиристи-сокола и вышла на самую середину церкви. Дьячок с попом все глаза на нее просмотрели—до того светла! Но, до конца службы не дождавшись, уходит она домой, а одна из сестер — за нею следом, посмотреть, куда светлая девушка пойдет. Увидела сестра, что идет светлая девушка прямо к их дому, говорит матери:

— К нам светлая девушка пошла.

А домой приходят,— встречает их младшая сестра; она уже сняла одежду, положила за печкой; ее и спрашивают:

— К нам никто не приходил?

— Нет, никто не приходил...

Назавтра, когда отправились все в церковь, полезла младшая дочь за одеждой за печку, а одежды-то и нет! Расплакалась она. Уж так плакала, так плакала... Побежала к просвирне, рассказывает ей о своем горе.

— Не сумела сохранить,— второй раз не поймаешь. Впрочем, возьми сухарей,— сходи на старое место.

Она так и сделала. Опять поймала Пипиристи-сокола, и тут за ней кто-то начинает гнаться, она бросает сухари за собой, а все гонятся и гонятся. Вышли все сухари — что тут делать? А уж на ней и одежду всю разорвали и Пипиристи-сокола отняли. В горе отправляется она к просвирне, и погоревали они вместе, и поплакали. Домой пришла, опять поплакала. И очень печально жила она дома. А вскоре еще и мать померла, ее запечатали в гроб, понесли в церковь. И опять та девушка очень плакала. И теперь еще живет — печальная...

44

Был давно когда-то один купец, который имел трех дочерей. Отправился он как-то на ярмарку.

— Что же вам купить, доченьки? — спрашивает дочерей.

— Мне материалу на сарафан,— отвечает старшая дочь.

— Мне шелковый платок,— говорит средняя дочь.

— А мне,— говорит младшая,— нужна сеть сокола Пипиристи.

— Ладно! — соглашается купец.— Привезу.

Поехал он на ярмарку, сарафан купил, шелковый платок купил, а сеть сокола Пипиристи нигде достать не мог. Возвратился домой, раздает подарки, а самый младшей дочери — ничего. Плачет она. А старшие две веселятся.

Собрался тот купец на ярмарку во второй раз, опять спрашивает:

— Что привезти вам, доченьки?

И опять старшая попросила сарафан, средняя — шелковый платок, а младшая просит привезти ей сеть самого Пипиристи-сокола.

— Ничего мне, кроме нее, не надобно! — говорит.

Сел купец на корабль и уехал. И целый корабль товару закупил. Старшей дочери — на второй сарафан, средней — опять шелковый платок, а самой младшей дочери опять ничего не привез. Встретили дочери корабль,— две старших радуются, третья опять плачет.

Поехал купец на ярмарку в третий раз и в третий раз спрашивает дочерей, какие подарки им привезти? И все три дочери опять пожелали: одна — сарафан, другая — платок, третья — сеть сокола Пипиристи. Поехал купец, накупил много товара, решил, наконец, найти сеть сокола Пипиристи, искал-искал, наконец нашел же! Красивая сеть, блестит, только дорого стоит. Узнали дочери про подарки, радостно побежали навстречу отцу, и младшая дочь взяла сеть сокола Пипиристи, унесла к себе в горницу, бережно спрятала.

И начал с того времени ходить к той девушке сокол Пипиристи. Весь золотой и крылья золотые. Прилетит к ней на окошко, девушка откроет ему и спит с ним целую ночь. А две старшие дочери, как узнали про это, положили на окошко семена с крючком, чтоб словить сокола, как на удочку. Прилетел сокол Пипиристи, занозил тот крючок его за крыло и грудь, и говорит он девушке:

— Зачем ты меня поранила? Ну, сумела обидеть,— теперь сумей найти за тридевять земель, за тридевять рек, за тридевять зеленых песков.

Сказал и улетел.

Заплакала девушка, долго она плакала, потом стала раздумывать,— как же ей сокола Пипиристи разыскать? Взяла с собой мыло, гребенку, шелковую палочку, положила в котомку, отправилась в путь. Шла-шла, тридевять земель прошла, подходит к какому-то морю, видит — через то море лебедь летит; и говорит девушка тому лебедю;

— Лебедь, лебедь, перевези меня через это море!

Посадил лебедь девушку на себя, перевез ее через море. И пошла девушка дальше, пока не пришла к зеленому песку. А там верблюд стоит.

— Верблюд, верблюд,—просит она,—перевези меня через этот песок!

Посадил ее верблюд себе на спину, перевез. Потом пришла она в деревню, просится в одной избе отдохнуть, а ее и спрашивают:

— А куда ты идешь?

— Я сокола Пипиристи ищу.

— Да он вон там,— говорят ей,— с дочерью ведьмы живет. Пойди к ней, наймись в работницы.

Послушалась девушка, пошла к ведьме, нанялась к ней в работницы. Живет у нее, живет, начала как-то причесывать себе волосы той гребенкой, что из дому взяла.

— Не продашь ли гребенку? — спрашивает ее дочь ведьмы.

— Нет, не продам. Дай мне сокола Пипиристи на одну ночь,— так отдам.

Обещала дочь ведьмы дать ей на одну ночь сокола Пипиристи. Вечером, когда сокол Пипиристи вернулся домой, напоила его дочь ведьмы пьяным и, когда он свалился, пустила к нему девушку, чтоб легла с ним.

Девушка легла и заплакала:

Пипиристи, сокол мой,
Я тебя везде искала,
За тридевять земель,
За тридевять вод,
За тридевять песков...
Ох, искала я, искала!

Всю ночь плакала и пела так девушка, но сокол не проснулся. А как наутро встал, сказал дочери ведьмы:

— В эту ночь мне во сне прежняя жена, как будто, пела.

— Вечно тебе что-нибудь мерещится,— отвечает ему дочь ведьмы.— Поковыряй в ушах безыменным пальцем,— ничего слышать не будешь. И бредить не будешь о том, чего нет.

На другой день стала девушка умываться мылом, которое из дому с собой принесла; просит ее ведьмина дочь:

— Продай мне мыло!

— Не продажное. Дай еще одну ночь с Пипиристи-соколом проспать,— задаром отдам.

Обещалась ведьмина дочь, и верно: когда вернулся вечером Пипиристи-сокол, напоила она его доупаду, позвала девушку:

— Иди к соколу, ложись.

Легла девушка и опять заплакала и запела:

Пипиристи, сокол мой,
Я тебя везде искала,
За тридевять земель,
За тридевять вод,
За тридевять песков...
Ох, искала я, искала!

Провела всю ночь в слезах и песнях. И ушла от сокола, как только начало рассветать. А Пипиристи-сокол проснулся около полудня, говорит:

— Опять мне снилось, будто прежняя моя жена пела.

— Опять тебе мерещится непутное. Говорила я тебе: засунь безыменный палец в ухо, поковыряй, и ничего сниться не будет.

А на третий день начала девушка шелковой палочкой шить, и опять пристала к ней ведьма, чтоб продала, но та не продала и пообещала отдать ей, если она приведет ее к Пипиристи-соколу на третью ночь. Ведьмина дочь согласилась и, когда вернулся домой Пипиристи-сокол, опять начала его спаивать вином. Но Пипиристи-сокол не пил вина на этот раз, выливал его на сторону, а сам притворился пьяным и даже повалился, будто напился окончательно. Легла тогда к нему девушка, заплакала и запела:

Пипиристи, сокол мой,
Я тебя везде искала,
За тридевять земель,
За тридевять вод,
За тридевять песков...
Ох, искала я, искала!

А Пипиристи-сокол, оказывается, и не спал. Услышал ту песню, обнял девушку. Пролежали они до утра, утром Пипиристи-сокол и говорит девушке:

— Ты не вставай.

А ведьмина дочь будит уже:

— Вставайте уже! Хватит! Не встанете — суд приведу.

Они не встают, будто спят еще. Тогда собрала ведьмина дочь стариков, угостила их вином, а сама вышла на середину избы и спрашивает стариков:

— Скажите, какое венчание крепче: первое или последнее?

— Первый венец покрепче! — отвечают старики.

— Ничего вы не знаете! — закричала ведьмина дочь и тех стариков прогнала. А вместо них собрала людей помоложе, среднего возраста, напоила их допьяна, сама опять вышла на средину избы, спрашивает их:

— Какой венец крепче — первый или последний?

— Первый! — отвечают люди среднего возраста.

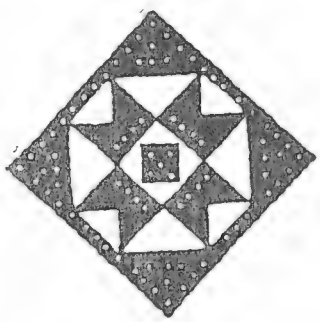
— Ничего вы не знаете! — закричала ведьма и всех их прогнала.

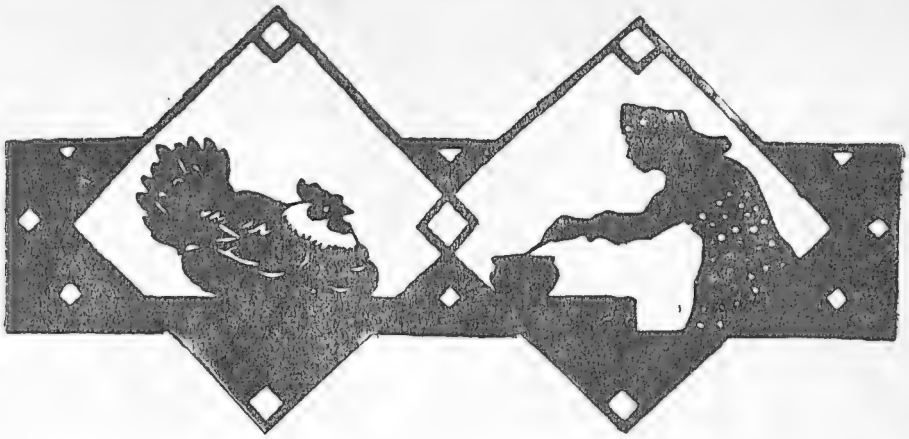
А сама собрала молодых людей, но и молодые люди отвечали ей:

— Первый венец крепче!

Тогда поднялся Пипиристи-сокол, привязал ведьму к хвосту семилетнего жеребца и ударил по тому жеребцу плетью. Понесся тот жеребец, куда руки ведьмины полетели, куда ноги,— ничего от нее не осталось.

И зажил тогда Пипиристи-сокол с первой своей женой, очень хорошо зажил, может быть и теперь они где-нибудь живут-поживают.





45. Куриная одежда

Жил да поживал один крестьянин. Было у него три сына. Вот старший стал проситься жениться. Женили. За ним и второй просится. И второго женили.

— Два старших брата поженились,— говорит третий брат и младший,— пора и мне жениться...

— Жениться, так жениться. А невеста где?— говорят ему.

— Невеста,— отвечает,— там, где она есть. Только не для людей невеста. При людях она в курицу превращается.

И верно: пришли сватать — по полу похаживает. Разговаривали с ней, нет ли, а только отдали ей в мужья третьего брата. И все три брата стали женатыми.

Назавтра отправились дрова рубить. Самую старшую сноху оставили стряпать,— что она настряпала, не знаю, я ведь не была там. Вернулись из леса, переночевали. Наутро опять ушли, оставили стряпать вторую сноху,— опять не знаю, что она там настряпала. Вторую ночь переночевали и назавтра оставили курицу стряпать. Курица курицыну одежду сняла — такая красивая молодуха стала. Воды принесла, печку затопила, давай сочни катать. Сочней накатала, ярушников наделала, полы вымыла. А полы вымыла — опять куриную одежду надела, похаживает, по полу погуливает. Пол добела чист.

Вернулись те из леса,— полон брус пирогов. Ели, пили, спать полегли, а наутро опять курицу стряпать оставили: уж очень понравилось. А муж решил проследить, собак своих в лес послал, а сам спрятался на полатях.

Как только жена курицыну-то одежду сняла, печку затопила и вышла на улицу,— он спрыгнул с полатей да курицыно платье-то в печку и бросил. А сам скорей назад на полати.

Вот молодуха настряпала, наварила, напекла, спохватилась,— нету одежды. А и видит — муж у подножья полатей лежит. Заплакала она:

— Зачем ты в огонь бросил? Хоть бы припрятал куда-нибудь!

А тут братья вернулись, глядят — перед ними молодуха стоит.

И теперь живут-поживают...

46. Дынчик-живот

Жили-были крестьянин с женой, и у них был сын по имени Дынчик-живот. Вот однажды поехал отец за дровами, а мать села прясть, веретено-то у нее упало в голбец.

— Пойди, сынок, сходи за веретеном!

Пошел Дынчик за веретеном, говорит:

— Веретено проглотил, а выйду — и тебя проглочу.

Вышел, сначала прялку проглотил, потом мать проглотил. И пошел на улицу, а навстречу — сани с дровами. Он и сани с дровами проглотил.

Дальше воз с сеном.

— Веретено проглотил, прялку проглотил, мать проглотил, сани с дровами проглотил и воз с сеном проглочу!

И проглотил.

Идет дальше, а навстречу ему свадьба попадается.

— Веретено,— говорит,— проглотил, прялку проглотил, мать проглотил, сани с дровами проглотил, сани с сеном проглотил и всех вас проглочу!

И проглотил.

А дальше навстречу идет девица — за водой...

Только было начал Дынчик-живот:

— Веретено проглотил, мать проглотил...

— Нет,— говорит девица,— меня не проглатывай. Лучше пойдем к нам, мать блины стряпает,— блинов поешь!

— Пойдем!

В избе девица ему говорит:

— Лезь на печку да отдохни, пока мы тебе блины состряпаем...

Влез Дынчик-живот на печку да и уснул, а мать с дочерью затопили печку, раскалили докрасна сковородку да и приложили к Дынчикову животу. У Дынчика-живота живот-то и лопнул. И все вышли: и прялка, и веретено, и мать, и сани, и свадьба. И очень все благодарили ту девицу...

47. Муж, обращенный в собаку

Жили когда-то, очень уж давно, муж и жена, работали на земле. И у них был сын такой, что днем был он собакой, а к вечеру становился красивым молодым человеком. Однажды сын-собака посылает свою мать к царю, сватать за себя царскую дочь. Мать сходила к царю и вернулась домой с царским ответом:

— Выдам хоть и за собаку свою дочь,— сказал ей царь,— пусть только сделает в одну ночь железный мост от моего дворца до своего дома.

— Ну, мать, не беспокойся,— отвечал сын.

Собрал он весь народ, и за одну ночь народ сделал мост, который приказывал царь. И очень царь тому удивился.

А мать опять пришла сватать царскую дочь.

— Так и быть,— отвечал царь,—отдам уж! Хоть и за собаку! Но пусть прежде насадит за одну ночь сад перед моим дворцом, и чтоб в том саду распевали на деревьях разные птицы...

С грустью передала мать своему сыну царев ответ, но он ее успокоил:

— Не печалься, мать!

А когда мать легла спать, собрал опять всех людей, и все, что хотел царь, сделал: и сад и птиц на деревьях.

Наутро мать пошла к царю.

— Вижу,—говорит ей царь,— не миновать мне отдавать дочь за собаку, хоть и не знаю, как можно отдать дочь за собаку. Впрочем, куда ни шло,—выдам: пусть за одну ночь построит церковь с иконостасом, иконами и певчими.

Совсем печальной вернулась мать домой, рассказывает сыну.

— Не горюй, мать!— отвечает он.

Легли спать, а наутро—перед самым царскими окнами кр сивая церковь, с иконами и с певчими.

Сдался царь:

— Ничего не поделаешь, придется выдавать дочь за собаку.

Вышла царская дочь за собаку, уложили новобрачных в постель, а жена царя сделала в стенке дырку, посмотреть, как дочь с собакой спать ляжет; видит: лежит дочь с красивым молодым человеком. Утром царица спрашивает у дочери:

— С кем ночевала?

— С собакой!

И на вторую ночь, и на третью ночь — один ответ. Царица следит так в каждую ночь, а дочь знай одно и то же отвечает. Рассердилась, наконец, мать-царица и прогнала собаку.

Убежала собака за девять земель, за десять морей, к бабе-яге. И принялась царская дочь, жена собаки, ее искать. Сходила к знахарю.

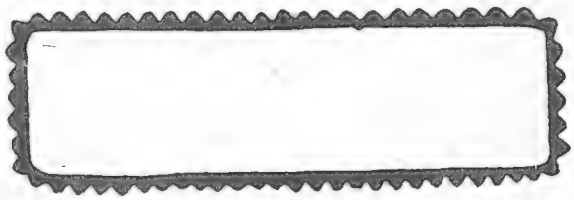
— Будет пустынное место,— отвечает тот,— а на нем много медведей. Бери для них мясо. Пойдешь дальше, будет еще пустынное место, на нем много сорок. Бери для них гороху. А до сорок попадется тебе степь, усаженная иглами. Бери куски железа. И, наконец, придешь в степь, полыхающую огнем. Бери для нее воду.

Пошла царская дочь, жена собаки. Очень долго шла.

— Твой муж у бабы-яги,— сказал ей знахарь напоследок.

Медведям бросала она куски мяса, сорокам разбрасывала горох, на иглы кидала куски железа, по кускам переходила дальше. В огненной степи заливала огонь водой. У своего домика под окном баба-яга прядет мягкий лен, хорошим гребешком расчесывает, обматывает. Попросилась жена собаки ночевать. Яга впустила, уложила спать с мужем, принесла на ночь горького испить. Молодые выпили и уснули, но только муж и в первый раз, и во второй раз, и в третий раз все выплескивал напиток на сторону. А, как баба-яга вышла за водой, разбудил жену, и бросились они бежать. И по пути жена все делала, что делала по дороге к бабе-яге.

Вернулась баба-яга домой, видит — молодых нету; в погоню, да нет! не смогла догнать. А молодые и теперь живут, очень хорошо и приятно поживают.



48. Семь Семенов — родных братьев

В каком-то царстве, в каком-то государстве жил-был муж с женой, и хорошо они жили, только не было у них детей. Прожили так они до самой старости и начали молить бога, чтоб дал им сына до их смерти.

Бог услыхал их молитву, и через год родилось у них сразу семеро сыновей, и всех семерых назвали они Семенами. Стали Семены подрастать,— любуются старик со старухой на своих сыновей. А потом, прожив несколько лет, оба старика умерли, и остались Семены сиротами. Работали они в то время на земле,— и, хоть было им всем по десятому году,— работали они не хуже тридцатилетних.

Однажды, когда они работали в поле, случилось с ними вот что:

Мимо их поля проходил царь Адор, увидел, как Семены работали в поле, и приказал всех их позвать к себе. Они пришли, и царь спросил, как их зовут, и очень удивился, что зовут их всех Семенами, и что они — родные братья. И велел взять всех семерых Семенов в свой дворец. Семенов взяли и отправили за царем.

Когда приехал царь в веселый свой дворец, собрал он своих министров и простых людей, которые служили в царской думе и, когда все собрались,— сказал им:

— Господа мои министры, дайте мне совет; сам я не знаю, что мне делать с этими мальчиками. Нет у них ни матери, ни отца, ни даже знакомых. А я хочу сделать их такими людьми, чтоб они после спасибо сказали. Затем я и созвал вас, чтоб дали вы мне в этом деле совет. Какую работу дать семерым Семенам?

Министры посоветовались меж собой и отвечали царю Адору:

— Государь, они, как дети труда, должны сами выбрать, в какое им ученье итти.

Царь остался доволен советом министров, позвал к себе старшего Семена и спрашивает его:

— Слушай, друг мой, какой науке ты хочешь учиться?

Семен, не думая, отвечал царю:

— Ваше величество, учиться я не хочу ничему, но, если велишь выстроить кузницу среди дворца,— скую я в той кузнице столб высотой до самого неба.

Понял царь Адор, что старший Семен — хороший кузнец, говорит ему:

— Оставайся кузнецом.

И позвал к себе второго Семена:

— А ты, мой друг, в какое ученье хочешь итти?

— Ваше величество,— отвечал второй Семен,— я не хочу итти ни в какое ученье, но если брат скует столб до небес, то я могу влезть по тому столбу до самого верха и оттуда видеть, что делается в тридцати царствах и ста государствах, и обо всем, что увижу,— рассказывать вам.

— Я тебя учить не отдам,— сказал царь, подумав,— видать, ты и так — ученый человек.

И спрашивает третьего:

— А ты, дружок, за какое ремесло хочешь приняться?

— Я, ваше величество,— отвечал третий Семен,— учиться ничему не хочу, но если мой старший брат скует топор, то тем топором за несколько часов я сделаю корабль, который будет плавать и на воде и под водой.

Отвечает ему царь, подумав:

— Мне такое строительство нужно, и учить тебя, видать, уже нечему.

— А ты, дружок,— спрашивает царь четвертого Семена,— чему бы хотел учиться?

— Нет, ваше величество,— отвечает ему четвертый Семен,— но если третий мой брат хочет сделать корабль, который будет на море, я могу с того корабля спуститься на самое дно, если это понадобится.

Дивится царь такому мужеству, говорит:

— И, в самом деле, чему тебе учиться? Если бы ты не был уже ученым, то не был бы таким мудрецом. С тебя хватит и того, что ты уже знаешь.

И зовет к себе пятого Семена:

— Ну, дружок, твои братья никакому ремеслу не будут обучаться,— они больше ученых знают. А ты умеешь или нет что-нибудь делать?

— Ваше царское величество,— отвечает пятый Семен,— если старший брат сделает мне ружье, то могу из того ружья убить я птицу, если она летит даже за сто верст.

— Ты меткий стрелок,— говорит царь,— учиться тебе уж не нужно.

И спрашивает шестого Семена:

— А ты, мой друг, чему хочешь учиться?

— Я,— отвечает шестой Семен,— если мой брат будет на лету бить птиц,— буду ловить их на лету, чтоб на землю не падали.

— Если ты,— отвечает царь,— можешь на лету схватить убитую птицу,— учиться тебе уже нечему...

И спрашивает, наконец, царь последнего Семена, седьмого:

— А ты что можешь делать?

Отвечает ему седьмой Семен:

— Я, ваше величество, ничего не умею делать, но и учиться ничему не хочу. А если вам угодно послать меня в Кашемирское царство, достану я вам Елену прекрасную, которую давно хотите вы иметь своей женой. Только пустите со мной всех моих братьев.

Недолго тут думал царь, сказал:

— Я пущу с тобой всех твоих братьев. И, если ты достанешь мне Елену прекрасную,— награжу тебя своей казной, а если не достанешь,— лучше не показывайся на мои глаза: велю казнить тебя.

Седьмой Семен поклонился царю Адору и вышел.

А в это время железный столб был уже готов, второй Семен взлез по нему до самого верха, рассказывает, что делается во всех государствах. Подходит к ним младший Семен, говорит, что пора уже отправляться. Недолго собирались братья в дорогу, запаслись пищей и другими вещами, какие требуются в пути, и вышли из царства Адора. Шли-шли, по дороге меж собой разговаривали и пришли, наконец, к синему морю, по которому нужно им переправиться, а переправиться не на чем. Третий Семен вынул тогда из-за пояса топор, который сделал ему старший брат, отыскал небольшое дерево и через два часа сделал из него корабль, который был нагружен разным товаром. Подивились братья такому чуду, взошли за третьим Семеном на корабль и на нем поплыли. А младший Семен взял с собой на корабль кота, которого в дороге стал обучать плясать и другим веселым штукам.

Доехали они, наконец, в то государство, где жила Елена прекрасная, причалили к пристани: самый младший Семен взял своего кота, пошел к дворцу и велел тому коту плясать. А Елена прекрасная все время сидела у окошка и, как увидела пляску кота, чего она никогда не видела прежде, велела своей служанке позвать Семена во дворец и спрашивает его:

— Скажи мне, мой друг, как этот зверек называется? В нашем государстве нет таких зверьков, а я хотела бы иметь его.

Семен поклонился царевне, сказал, что зверек называется котом, и, если она хочет иметь его,— он готов ей подарить его.

Очень обрадовалась Елена прекрасная такому подарку, просит Семена пожить во дворце до тех пор, пока кот к ней не привыкнет.

Опять поклонился Семен и говорит:

— Ваше величество, на моем корабле нет таких людей, которым я бы мог его доверить, и потому я должен быть на корабле сам. Но, если вам будет угодно,— я буду ходить во дворец и учить кота.

Елена прекрасная согласилась на это, и Семен стал ходить во дворец каждый день. И вот однажды он вдруг говорит царевне:

— Ваше величество, не угодно ли вам взойти на мой корабль, там вы увидите многое, чего нет в вашем государстве, и что я привез из Индии.

Елена прекрасная подумала некоторое время, говорит:

— Хорошо. Я взойду на твой корабль, Семен.

А на другой день взяла с собой несколько прислужниц и отправилась на корабль. Младший Семен увидел царевну на пристани и зовет:

— Вы взойдите на самый корабль, ваше величество, чтобы видеть все те вещи, о которых я вам говорил. Но только смею ли я сказать вам: прислужницы ваши должны остаться на берегу, потому что у меня есть такие редкости, которых им нельзя показывать.

Елена прекрасная и не подозревала о замысле Семена и потому велела прислужницам остаться на берегу, а сама взошла на корабль. Как только Семен увидел, что царевна вступила на корабль,— велел тотчас же поднять паруса и обрубить канаты. В одну минуту поднялись паруса и были обрублены канаты, и корабль помчался стрелой.

Поняла царевна, что ее обманули, тотчас же превратилась в лебедь и поднялась в воздух, но четвертый Семен не дремал. Выстрелил из ружья, стала падать та лебедь в море, но пятый Семен не дал ей упасть, подхватил Елену прекрасную на лету, доставил на корабль, и лебедь опять обратилась в царевну.

Плывут братья, приближаются к своему государству. И вдруг второй Семен видит со своего столба, что гонится за кораблем страшная погоня; испугался он очень, слез с мачты, объявил всем про несчастье. Не знали тут братья, что делать, но шестой Семен бросился в море, ухватил корабль за носовую часть, нырнул с ним в море и тем спас корабль от погони. Благополучно достигли братья царства Адора.

Зовет их царь Адор к себе, спрашивает:

— Доставили Елену прекрасную или нет?

— Ваше величество,— отвечает ему самый младший Семен,— Елену прекрасную мы доставили, и она находится на корабле.

Царь Адор велит запрягать карету и в той карете отправляется за Еленой прекрасной на корабль. Приходит на корабль, и говорит ему Елена прекрасная:

— Если ты, царь Адор, сумел меня перехитрить, то тебе и владеть мною.

Очень любо было слышать такие слова царю Адору. Зовет он Елену прекрасную с собой во дворец, царевна согласилась, села с ним в карету, и, когда они приехали во дворец, царь Адор устроил пир, который продолжался три дня.

После этого приходит к ней царь Адор и говорит:

— Я согласен дать тебе свою руку. Завтра же пойдем под венец.

Выслушала Елена прекрасная царевы слова, отвечает:

— Я согласна, царь Адор, быть твоей женой, но прежде достань мне из моего государства мою лошадь и мою карету.

Выслушал те царевнины слова до конца царь Адор, идет в свои покои, зовет к себе младшего Семена, объявляет ему свою волю, и отвечает ему младший Семен:

— Ваше величество, я сделаю все, что вы велели, только дайте мне десять дней сроку и самую лучшую лошадь из вашей конюшни.

Тут же велел ему царь Адор итти в конюшню, выбирать себе самую лучшую лошадь, дал ему денег на дорогу и назвал его молодцом. Семен вышел из дворца, пошел на конюшню, выбрал самую лучшую лошадь, попрощался с братьями и отправился в путь.

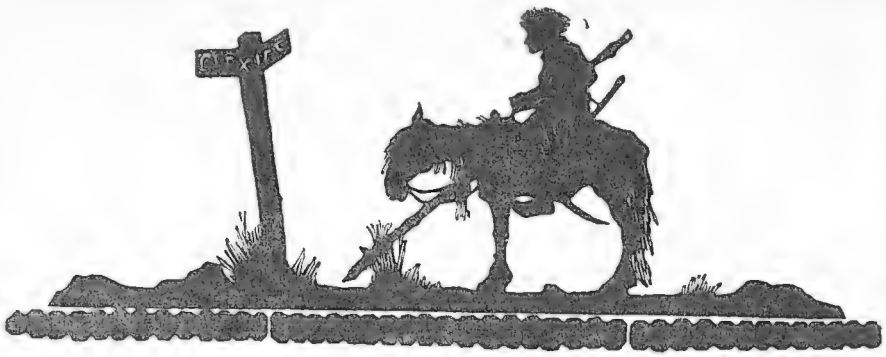
Долго ли — коротко ли прошло время в дороге, я не знаю про это,— но приехал Семен до царства Елены прекрасной и остановился в доме одной старушки переночевать. На другой день собрал он разные мелкие товары: кольца, серьги, булавки и другое, и пошел торговать. Пришел в царский дворец и продает товар царским кучерам и лакеям. Продал весь товар и на другой день опять пришел с полным коробом. И ходил так четыре дня. И в это время немножко познакомился с расположением дворца, узнал, где находятся лошадь и карета Елены прекрасной.

А на пятый день пришел и принес полный короб вина. Слуги и лакеи сразу стали пить, бутылку за бутылкой, и спустя несколько часов все лежали — кто на полу, кто на скамейке, только один Семен сидел за столом среди спящих.

Он тут же отыскал в кармане конюха ключ, пошел в конюшню и отпер. Вывел лошадей, запряг карету и поехал прочь из ограды. А, как только из ограды выехал, пустил стрелой лошадей и благополучно добрался до своего государства.

Добрался до своего государства, идет к царю Адору, объявляет ему, что он все исполнил, как было нужно царю.

Царь поблагодарил Семена, разделил между ним и его братьями казну и освободил от сетя. А сам женился на Елене прекрасной и стал с ней жить очень хорошо.



49. Кузьма-богатырь

Встарину жил бедный крестьянин Кузьма. Жил до самой старости. Сам он ел, однако, сытно, а семья каждый час голодная сидела. Однажды поехал Кузьма пахать пашню. Пахал-пахал — и устал. Пустил лошадь, а сам прилег отдохнуть, да и день был очень жаркий. Прилег-то, прилег, а отдохнуть никак не дают комары да мошки с оводами. Обозлился Кузьма, и давай их убивать. Раз рукой махнет — сто мошек падают да двадцать оводов. Второй раз махнет — сто мошек падают да двадцать оводов. Пять раз махнет — шестьсот убьет.

Лежит Кузьма и раздумывает:

— Какой же я сильный однако! Раз махну — сколько падает, а сто махну — все войско разобью. А на пашне который год толкусь, а все хлеба нет! Нечего мне здесь пахать, поеду я воевать!

Поднимается Кузьма, ловит лошадь и едет домой, соху в поле оставил. А лошадь тощая — кожа да кости. Приехал домой и говорит жене:

— Нечего нам горевать,— я поеду воевать. Сегодня пять раз махнул, шестьсот побил: пятьсот солдат да сто богатырей. Пойду, завоюю целую землю, сам царем сяду!

Очень обрадовалась жена:

— Езжай, езжай,— говорит,— Кузьма! Я царицей буду. А наши сыновья — царскими сыновьями...

Недолго думая, взял Кузьма косу вместо сабли, осиновый кол вместо копья, привесил сбоку себе мешок, сел на свою клячу и поехал воевать. Едет день, другой, третий, еще дальше едет,— сказывать, конечно, скоро, а Кузьма отъехал далеко и подъехал, наконец, к речке: небольшая речка, а переехать невозможно. Однако навел Кузьма мост и переехал, хоть чуть не потонул.

Тут он поотдохнул немного, отправился дальше, ехал-ехал да и доехал до перепутья трех дорог. Стоит на перепутьи столб, и на нем написано: пойдешь по одной дороге — сладко пить-есть будешь, по другой дороге — лошадь околеет, по третьей —

не сносить тебе головы! Думал Кузьма, думал, наконец решил: третья дорога, где не сносить мне головы,— моя дорога и есть. Если я одним махом стольких побивал,— кого мне бояться! И написал на столбе углем:

„Поехал по этой дороге самый сильный на свете богатырь Кузьма, который одним махом убивает двадцать богатырей да сто солдат".

Написал и поехал дальше, а когда приехал на большой луг — пустил лошадь, а сам лег спать. Долго ли, коротко ли спал он богатырским сном с устатку,— я уж не знаю.

Через некоторое время проезжали по тому перепутью три богатыря, когда увидали надпись на столбе,— очень испугались.

— Смотри,— говорят,— какие на свете богатыри есть! А мы за раз и двоих не можем убить!

А ехать решили все же за Кузьмой: раз поехал с нашей стороны — значит, земляк, и нужно с ним посмирнее разговаривать.

И вот приехали они на тот же луг. Кузьма еще спит. А богатыри и не смеют подойти к нему поближе, остановились вдалеке да и гадают: подойти или нет? рассердится или нет?

— Смотри, какой смелый,— даже лошадь не привязал!

И решили богатыри близко не подходить.

Через некоторое время прослышал царь той земли, что в его владении завелись богатыри, и послал войско с наказом, чтоб очистить от богатырей землю, а то если они не уйдут, пожалуй, весь его народ перебьют. Выслушали богатыри царев наказ и послали ему ответ, чтоб отдавал им свою корону, что у них, мол, есть такой богатырь, который одним взмахом двадцать богатырей и сто солдат побивает, но только теперь он спит. Проснется — добра не ждать никому!

А Кузьма давно уж не спит, слушает одним ухом: что-то будет? — и живот у него со страху давно болит. Все ближе к нему богатыри, а Кузьма бровью не шевельнет. Наконец один богатырь подошел к Кузьме совсем близко, наклонился и спрашивает:

— Что прикажешь делать?

— А сам не знаешь?— закричал на него Кузьма.— Руби всех, чтоб ни одного не осталось, да пошли к царю, чтоб слал вдвое войска больше, если не отдаст корону!

Богатырь поклонился Кузьме, изрубил единым духом все войско и вернулся доложить Кузьме, что войска не осталось. Назавтра прислал царь еще больше войска, но богатырь опять его изрубил. А Кузьма все еще не встает, все еще прохлаждается, слушает, как богатыри ему докладывают: изрубили, мол, столько-то да столько-то, а еще пришлют — еще изрубим. Наконец у царя больше войск не осталось, но на цепи у него сидел страшной силы богатырь, которого не спускали с цепи уже три года. Его-то и послал царь бороться с теми богатырями. Посмотрели те богатыри: идет царев богатырь, величиной с трех богатырей, а голова, как пивной котел. Испугались богатыри, спрашивают у Кузьмы: убьет он его или нет? Если убьет,— станут тогда Кузьму по всей земле бояться.

— Мне его голова,— отвечает Кузьма,— все одно, что кочан капусты!

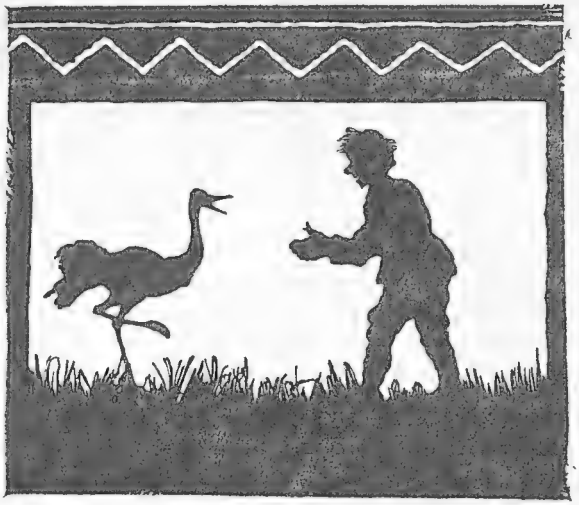
Сел он тут на своего коня, взял косу и едет богатырю навстречу, а глаза себе завязал, чтоб не видеть, как его собственная голова с плеч покатится, разве лишь самую малую щелку оставил. Видит царев богатырь, что глаза у Кузьмы завязаны, и думает, что условия поединка требуют этого, и тоже завязал свои глаза. Начали они съезжаться,— Кузьма в свою щелку видит, а тот ничего не видит. Встретились, хватил богатырь Кузьму, а Кузьма — маленький — перелетел через него, вскочил сзади да косой и перерезал ему горло. Повалился с лошади царев богатырь, а Кузьма ему и говорит:

— Говорил я тебе: не борись с Кузьмой!

Богатыри от радости, что Кузьма победил такого страшного богатыря, чуть слезы не льют, а бояться Кузьму стали еще больше. А когда царю доложили, что Кузьма победил царского богатыря, не в шутку испугался царь и посылает послов спросить Кузьму, что ему надо.

— Полцарства!— отвечал Кузьма.— Никак не меньше полцарства! А эти вот богатыри пусть живут со мною!

Отдал ведь царь полцарства! А позднее Кузьма стал и царем, призвал к себе жену и теперь еще живет, царством управляет...



50. Емеля-дурак

Жили-были старик со старухой, было у них три сына: двое умные, а третий, младший, Емеля — придурковатый. Двое сыновей работают, а Емеля на печке сидит да тараканов на нитку привязывает. Посеял отец в лесу ячмень, и повадился кто-то на ячмень ходить,— не столько слопает, сколько потопчет. Зовет как-то отец старшего сына и говорит:

— Иди, сын, покарауль, кто это повадился ходить не прошенным на наш ячмень. Поймаешь — не выпускай, живым домой тащи.

Пошел старший брат на поле, обошел поле кругом, увидел на меже большой камень, сел на него, сидел-сидел, да сидя и заснул, и не заметил, как ночь прошла. Утром на рассвете вернулся домой.

— Ну,— спрашивает отец,— видел кого-нибудь?

— Нет, отец, никого не видел. Всю ночь глазом не моргнул, сидел — ждал, этой ночью никто не приходил...

На другой день зовет отец среднего сына:

— Иди, покарауль. Появится кто на ячмене — лови, живым домой тащи...

Пошел средний сын, увидел на меже камень, сел на него, посидел, подошло дело к полночи,— заснул и всю ночь прохрапел, так ничего и не слышал. Утром вернулся домой:

— Никого, отец, не видел. Никто этой ночью не был.

На третью ночь зовет отец младшего сына — Емелю:

— Довольно тебе сидеть на печке, тараканов на нитку насаживать. Иди на поле, покарауль. Кого изловишь,— живым домой тащи...

Спустился Емеля с печки, велит отцу купить четверть водки. Оделся, обулся, взял в руку четверть, корыто — в другую,

пошел на поле. Посредине ячменной полосы поставил корыто, вылил туда четверть водки, сам сел на большой камень на меже, сидит, подслушивает,— не придет ли кто. В полночь поднялся шум, как перед грозой. Деревья с корнями ломает. „Видать, гроза собирается“,— думает Емеля. Смотрит на небо,— на небе ни облачка, а шум слышится все ближе и ближе. Вдруг из-за леса показалась стая журавлей, прилетели журавли к полю, опустились на ячмень, давай клевать. Не столько едят — сколько травят, топчут. Ели-ели, увидели корыто, давай водку пить. Пили-пили, опьянели. Вот бродят пьяные, падают, спотыкаются, истошными голосами кричат, а Емеля-дурак сидит на камне, ждет, когда можно будет накинуться на журавлей.

Сильно журавли опьянели. Поднялся Емеля с камня, ударил в ладоши, кричит:

— Ах, вы, стая воришек, попались теперь мне!

Стая журавлей кое-как поднялась, улетела. А один журавль остался, не смог улететь, так сильно пьян напился.

Емеля схватил его за длинную шею, думает — что же теперье с ним делать?

А журавль просит его человечьим голосом:

— Ты не убивай, не обижай меня, Емелюшка, добрый человек! Отпусти меня домой по-хорошему. В другой раз и я тебе много добра сделаю.

— Какое ты можешь добро мне сделать?— спрашивает Емеля.

— А вот... Скучно тебе будет, приходи ко мне в гости. Я там-то и там живу.

Жалко стало Емеле журавля, отпустил. Журавль поднялся и улетел.

На рассвете возвращается Емеля домой, отец встречает его на крыльце, спрашивает:

— Ну, что, дурак и пьяница, видел кого-нибудь?

— Видел,— отвечает Емеля.

— Кого?

— Журавлей.

— А почему не поймал? Почему домой не притащил?

— Жалко стало. Отпустил.

— Ах, ты, негодный человек! Я тебе что говорил? Велел притащить домой живыми, а ты выпустил...

Схватил отец Емелю за длинные волосы, вожжами шил-прошивал, шил-прошивал... Емеля от слез давится, забрался к себе на печку, сидит там, опять тараканов на нитку собирает. Сидит Емеля день, сидит другой, целую неделю на печке высидел, наконец скучно ему стало.

— А что,— говорит он себе,— так и буду я без конца на печке сидеть? Схожу-ка я в гости к журавлю. Не напрасно ли он меня звал...

Взял за пазуху кусок хлеба, выбрался из дому ночью, тайком — идет. Долго ли, коротко шел Емеля, пришел к болоту.

У болота избушка стоит. В избушке человек живет.

— Ты куда, добрый человек, идешь?— спрашивает тот человек у Емели.

— Я иду к журавлю в гости — отвечает Емеля.

— Иди, иди!.. Журавль тебя хлебом-солью встретит. Когда возвращаться будешь,— заходи ко мне отдохнуть...

— Ладно! Спасибо тебе!— отвечает Емеля и идет дальше.

Шел-шел, подошел к широкому болоту. Посредине широкого болота очень хороший дом стоит. Это — дом журавля. Подходит Емеля к дому, а журавль его встречает.

— Вот,— говорит,— и дорогой мой гость пришел! Заходи поскорее! Отдохни.

Зашел Емеля в дом. Окна везде в доме большие, потолок высокий, стены плисом обиты, а журавль падает-спотыкается, спешит, подчевать Емелю собирается. Напился-наелся Емеля, принялся жилье журавля осматривать. В одну половину зашел,— там полно пищи и питья всякого. В другую половину зашел,— там одежда всякая в сундуках лежит. Еще куда-то зашел,— золото куча на куче лежит. День-два-три погостил Емеля у журавля, назад домой собирается, прощается с журавлем, а журавль ему дает с собой пестерь и скатерть.

— Если,— говорит,— с дороги захочешь есть — сними с себя пестерь и скажи: „Пестерь, пестерь, раскройся! Скатерть, расстелись!"— а там сам увидишь, что будет.

Поблагодарил Емеля журавля, надел пестерь на спину, положил в него скатерть и пошел домой.

Только вышел из болота, а человек, живший в избушке, уже встречает его:

— Заходи, добрый человек! Отдохни с дороги. Может быть, с дороги хочешь в бане помыться? Я для тебя приготовил.

— А что!— отвечает Емеля.— Неплохо и в бане попариться. Только я у тебя оставлю свой пестерь и скатерть, смотри, не скажи: „Пестерь, пестерь, раскройся; скатерть, расстелись!"

— Что ты, добрый человек! Чего ты боишься?

Только Емеля в дверь,— хозяин к пестерю:

— Пестерь, пестерь, раскройся! Скатерть, расстелись!

Пестерь раскрылся, скатерть разостлалась, и вдруг на скатерти полно появилось всякой еды и питья. Чего тут только нет! И сладкие с сахаром колобки, и пряники, похожие на бараньи головы. И конфеты. И крендели. И пироги с изюмом. Сахар. Мед. Хозяин принялся есть,— в год не осилишь. Что делать? Емеле уж скоро из бани возвращаться. Второпях хозяин завернул все в скатерть, снял пестерь с гвоздя и все спрятал на другой половине избы, а на то место вынес такой же пестерь и такую же скатерть. Повесил на старое место, словно ничего и не произошло.

Вернулся Емеля из бани, ни о чем не догадываясь, надел пестерь на спину, поблагодарил хозяина и вышел в дорогу. Пришел в свою деревню, а дома у него — полно гостей; был, оказывается, престольный праздник, сидят гости, пьют пиво-брагу, о житье-бытье разговаривают. Вошел Емеля в дом и сразу же говорит:

— Приготовьте, куда класть гостинцы. Я вам гостинцев принес.

— Ай же, Емеля наш! Ай же, добрый человек!— хвалят его гости.

Снял Емеля со спины пестерь, вынул скатерть, разостлал перед гостями, кричит:

— Пестерь, пестерь, откройся! Скатерть, расстелись!

Не открывается пестерь. Не стелется скатерть.

Во второй раз приказывает Емеля,— нет ничего. Третий раз,— опять ничего.

Рассердился Емеля, разорвал пестерь,—перед гостями выпали крошки сухарей да изъеденные мышами куски хлеба. Гости — кто стал смеяться над Емелей, кто рассердился. Говорят: „Ты насмех нас поднять собрался, насмехаться над нами вздумал!" Отец и старшие братья Емели схватили его да как следует отдубасили: не снимай-де лица с нас перед людьми!

Опять, давясь от слез, полез Емеля к себе на печку, сидит там, ловит тараканов, на нитку их вяжет. Сидит день, сидит другой, сидит неделю, и опять, наконец, ему скучно стало. Дай,— думает,— еще раз к журавлю схожу, хоть угостит, да, может быть, и даст что-нибудь на дорогу. Ночью опять оделся-обулся, взял за пазуху кусок хлеба, тайком выбрался из дому. Подошел к болоту, а житель избушки тут-как-тут и спрашивает:

— Что, добрый человек, к журавлю идешь? Иди-иди! Журавль тебя хлебом-солью встретит. Да на обратном пути заходи отдохнуть.

— Ладно! Спасибо,— отвечает Емеля.

Подошел Емеля к широкому болоту, и журавль опять от радости не чувствует себя.

— Наконец-то,— говорит,— ты, Емелюшка, собрался! Заходи, поешь, попей,—с дороги-то ведь голоден...

Зашел Емеля к журавлю, ест-пьет, угощается. Живет день, живет другой, долго живет у журавля. Провожая его домой, дал журавль ему жеребчика, говорит:

— Если, Емелюшка, тебе понадобятся деньги, скажи: „Жеребчик, батюшка, покажи свой добрый язык. Раз-другой чихни!" Тогда сам увидишь, что будет.

Поблагодарил Емеля журавля, жеребца взял за узду и отправился домой. Только вышел из широкого болота, а житель тот уж встречает его.

— Зайди же, добрый человек, отдохни, в баню сходи, в сухом пару погрейся!

— Баню я люблю,— отвечает Емеля,— только я здесь привяжу своего жеребчика, и ты, смотри, не говори: „Жеребчик, батюшка, покажи свой добрый язык, раз-другой чихни!"

— Что ты болтаешь, чего не следует!— говорит ему человек.

Только успел Емеля выйти за дверь, обитатель избы подошел к жеребцу и сказал:

— Жеребчик, батюшка, покажи свой добрый язык, раз-другой чихни!

Жеребец как чихнет-прыснет, с его языка золото полетело — и целая куча. Хозяин это золото в полог набрал, внес в избу, спрятал. Жеребца завел в конюшню, а на его место—такого же другого жеребца привязал. И будто не он это сделал. Сидит,— ждет из бани Емелю.

Емеля воротился из бани, за теплую баню хозяина поблагодарил, взял жеребца за повод, пошел домой, ни о чем не догадываясь. А дома опять какой-то праздник. Полно гостей в избе. Емеля входит в дом, здоровается с гостями, говорит:

— Приготовьте карманы, я деньги вам принес.

Гости Емеле не поверили. Ты-де однажды уже угощал нас гостинцами и второй раз-де собрался над нами шутить. Оправдывается Емеля, клянется. Теперь-мол этого уже не будет. Поверили гости. Вот привел Емеля жеребца за повод, раз сказал: „Жеребчик, батюшка, добрый язык покажи, раз-другой чихни!“— жеребец и не поморщился. Два сказал: „Жеребчик, батюшка, добрый язык свой покажи, раз-другой чихни!“— стоит жеребец попрежнему. Наконец Емеля рассердился, ткнул жеребца в бок,— хоть бы что жеребцу. Схватил всердцах Емеля палку, до крови излупил жеребца по бокам. Поднялись на Емелю опять все,— кто ругает, кто насмех поднимает, а отец и старшие братья его самого палкой досыта прошили. Вот-де знай, как перед добрыми людьми с нас лицо снимать!

Давясь от слез, опять полез Емеля на печку. Сидит там, тараканов ловит, на нитку навязывает, а у самого в голове дума: неужели и во второй раз журавль меня обманывает? А жителя избушки у болота и в мыслях ни в чем не подозревает. Долго ли, коротко ли сидел так Емеля на печке, наконец ему опять скучно стало.

„Не сходить ли опять к журавлю?—думает.—Он хоть угостит как следует, а может быть и с собой что-нибудь даст.

Попрежнему ночью оделся-обулся, взял с собой кусок хлеба и ушел из дому. Вот уж и к болоту подходит. А житель избушки опять его добрым словом встречает:

— Что, добрый человек, к журавлю идешь? Иди, иди! Журавль рад будет встретить тебя хлебом-солью. Да на обратном пути отдохнуть ко мне заворачивай...

Пришел Емеля на середину широкого болота, а журавль от радости чуть не лопается, его встречаючи: как ты-де собрался, Емелюшка, как выбрался, наконец?

Подошел Емеля к журавлю, а журавль снова падает-спотыкается, Емеле угощение собирает, еду и напитки достает, его подчует. Долго гостил Емеля у журавля, потом поблагодарил его и собрался домой. Журавль его провожает и дает в руки палку из черемухи:

— Если тебя, Емелюшка, где-нибудь кто-нибудь будет обижать, ты скажи: „Черемуховая палка, поработай!“ Сам тогда увидишь, что будет.

Взял Емеля палку из черемухи, отправился. А человек из избушки на берегу болота опять его встречает:

— Заходи, заходи, добрый человек! Отдохни с устатку! Погрейся в сухом банном пару.

— Баня, так баня.

Зашел Емеля в избушку, разделся и говорит хозяину:

— Я поставлю здесь свою черемуховую палку, ты без меня не скажи: „Палка, поработай!“

— Что ты! Что ты! Нет, нет...

А сам уж ждет, когда Емеля за дверью скроется. Только успел Емеля в баню выйти, а хозяин к черемуховой палке подошел и крикнул:

— Палка из черемухи, поработай!

Как стала черемуховая палка работать, как стала его охаживать,—хозяин не знает, куда и спрятаться. Бросился на вторую половину избы,—палка за ним. На печку полез,—и палка там. Кинулся под стол,—палка и там бока лупцует. Что бы ни сделал человек,—а палка все его шьет да прошивает. А как остановить ее,—он не знает.

Вернулся из бани Емеля,—видит, как палка хозяина угощает, и тогда только понял Емеля, куда подевались пестерь, скатерть и жеребчик.

—Вот, оказывается, кто у меня кожу с лица снимал. А, попался! Давай сейчас же мой пестерь, скатерть, веди жеребца! Палка, поработай! Палка, поработай!

А палка старается, а палка старается,—работает.

Начал житель избушки кланяться Емеле:

— Бери все назад! Только скажи чтобы палка перестала бить. Живого места на мне не осталось. Все тело в синяках...

Принес он Емеле пестерь его, скатерть, привел жеребца. И только тогда сказал Емеля, чтоб палка перестала работать. Палка остановилась, стала на свое место,—как будто ничего и не бывало. Надел Емеля на плечи пестерь, взял скатерть, взял за повод жеребца, палку в руки — отправился домой. Подходит к деревне,— а там праздник. У отца опять целый табун гостей. И гости все важные,— отец и братья Емели с плохими людьми не знаются. За столом в правом углу старшина сидит, рядом с ним — урядник навалился на стол, в углу под божницей — мясоторговец живот выставил, все вокруг богатеи. Сидят, угощаются, пьют, пивом-водкой моются.

Вошел Емеля, со всеми поздоровался, опять свое говорит:

— Ну, дорогие гости, сейчас я вам угощений много принес.

— Ты нас уже два раза обманул, в третий раз собираешься!— кричат гости в один голос.

Оправдывается Емеля, божится головой, глазами своими клянется. Вот-де с места мне не сойти, если теперь обману.

— Ну, коли так, посмотрим!— согласились гости.

Емеля сначала принес пестерь и скатерть и наказывает:

— Пестерь, пестерь, раскройся! Скатерть, расстелись!

Раскрылся пестерь, разостлалась скатерть,— и вдруг на столе стало полным-полно всякой вкусной снеди. Чего-чего только нету! И пряники с баранью голову. И колобки сахарные. И крендели. И конфеты. И пироги с изюмом. И только тут удивились гости. Едят-пьют, сколько в кого влезет. В карманы, за пазуху кладут, кто сколько успеет. Старшина и урядник больше всех стараются.

— Это еще не все, гости мои!— говорит Емеля.

Привел за повод жеребца, крикнул:

— Жеребчик, батюшка, покажи добрый язык, чихни раз-другой!

Как прыснул жеребец,— золото и серебро с него покатились, звенят и подпрыгивают.

Много раз под ряд чихнул жеребец, из золота и серебра натекло несколько куч. Вскочили гости с мест своих, загребают золото, прячут, куда кто может, стараются. Урядник и старшина опять больше всех нахватали,— сдвинуться с места не могут, так золото из них и валится назад. Принес потом Емеля свою палку из черемухи и шопотом сказал:

— Палка, поработай!

Как пошла работать палка,— кто куда успевает, туда и прячется. А палка — везде всех находит. Одному по голове даст, другому — по спине, старшине — по толстому животу, а уряднику—по шее,— клеп да клеп! А Емеля смотрит да улыбается. Умели-де есть-пить готовое, умейте сейчас и расплачиваться.

— Палка из черемухи, поработай!

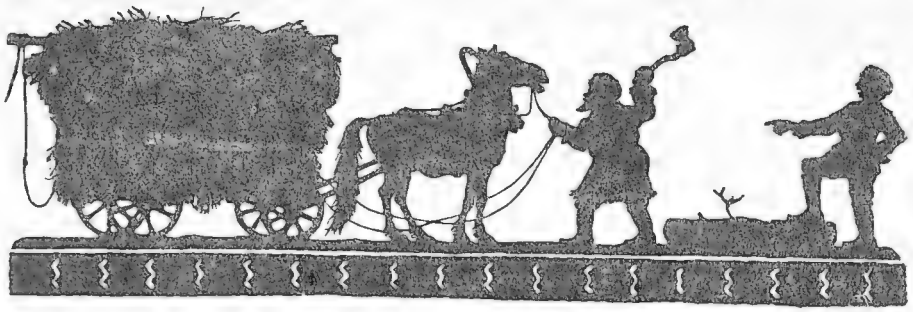
А палка из черемухи работает, старается, с головы на голову, со спины на спину перескакивает, всех синяками покрыла. Что успели гости на себе припрятать,— все обратно выпало. Валяются кругом пряники, конфеты, деньги, никто и не посмотрит на них, не дает палка никому передышки. Шьет-прошивает, шьет-прошивает. Досыта насмеялся над гостями Емеля, приостановил палку, спрашивает:

— Ну, как? Вкусна моя хлеб-соль? В другой раз опять приходите.

Гости вздохнули и без шапок, неодетыми,— кто куда! А Емеля отошел от отца и братьев и стал жить-поживать, хлеб есть. Вот столько и было. Я там же был, палка как даст мне по шее,— я вверх тормашками, да в коровник; корова испугалась, да через меня, я ее за хвост; корова меня тащит, а я кричу:

— Ой, люди добрые, пожар! Ой, горим!

Смотрю: кто с топором, кто с ведром — идут-бегут. Сбежались да под палку все и попали.



51. Одолжение о двух концах

Пришел как-то в одну деревню коновал и бахвалится:

— Я,— дескать,— сквозь бревно пройду. В один конец пройду, из другого конца выйду.

Собралось много народа — посмотреть, как пройдет коновал сквозь бревно.

— Ну, смотрите!— крикнул коновал. Скинул одежду, в один конец бревна прошел, из другого — вышел.

И случился тут один дядя, ехал он с возом сена. Увидел— народ собрался, спрашивает:

— Что это у вас тут за диковинка?

Ему рассказали, что вот человек сквозь бревно прошел. Показалось это дяде за великое диво, говорит он, что также хочет посмотреть, подошел поближе, расспрашивает, где тот самый человек, что сквозь бревно прошел.

— А вот,— говорят,— сейчас опять вошел в этот конец.

— Бросьте,— говорит дядя,— он под бревном по земле ползет. И закричал коновалу:— Эй, ты, вставай, что ли! Чего в грязи валяешься, народ обманываешь?

Очень рассердился коновал на дядю:

— Я,— говорит,— твоих слов не забуду.

Да как закричит, что сено на возу горит. Посмотрел дядя,— действительно горит сено, побежал к возу, распрягает коня, да второпях не смог рассупонить, и пришлось рубить гужи. Лошадь и грохнулась.

Оказалось, что коноваля отвел дяде глаза, и дядя вместо того, чтобы разрубить гужи,— ударил топором по лошадиной шее. А сено как было, так и осталось, оно вовсе и не горело.

— Ну,— говорит коновал,— я тебя предупреждал, что твоих слов не забуду. Одолжение за одолжение, оно — о двух концах.

52. Наказанная насмешка

Однажды осенью лесовали пять мужиков. Жили они все в одной охотничьей избушке. Четырем охотникам все время лесованья улов был хорошим, пятому — добыча попадалась редко: то пару белок подстрелит, то вовсе ничего не добудет. Остальные охотники смеялись над ним и сторонились его.

Вечером как-то собрались все охотники в избушке, принялись подтрунивать над неудачливым охотником.

— Много ли наловил, товарищ?

— Ты, видать, жалеешь белок да рябчиков. Боишься, чтоб не убыло их, что ли?

Так подсмеивались они над ним целый вечер. Наконец, охотник рассвирепел и сказал:

— Зубоскальте! Зубоскальте! Не пришлось бы вам каяться! А ваших слов я вам не забуду!

Он был коновалом и немножко знахарем.

На другой день пошли четыре охотника на охоту, а пятый — знахарь — остался на постели, он еще спал. Охотились-охотились те четыре охотника, попали под дождь. Укрылись под деревьями, но дождь не переставал, лил все сильнее, скоро вода стала охотникам по колено. Взлезли они на дерево, а вода все прибывает. Они еще выше, и вода за ними. До самой верхушки взлезли,— вода вот-вот подойдет. Стали охотники захлебываться, а выше и лезть некуда. Хоть пропадай!

Один из них и говорит:

— Это коновал все настроил за то, что мы посмеялись над ним вчера.

И начали все кричать:

— Друг, не дай погибнуть! Спаси наши души! Возьми, если хочешь, хоть всю нашу добычу!

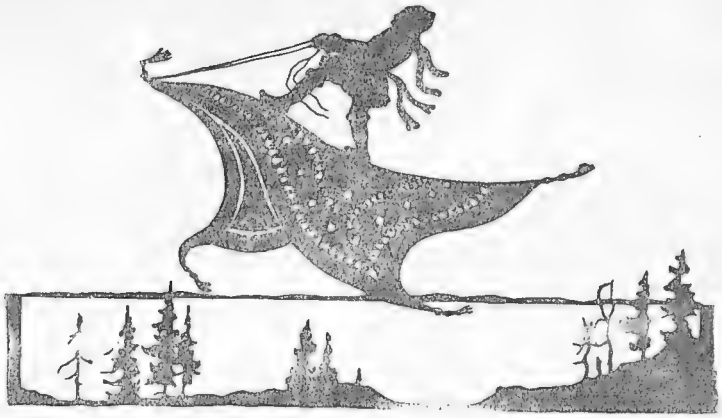
Стала спадать вода. А вскоре и совсем спала, будто и не было ее никогда. Слезли те четверо, смотрят, оказывается — сидели они возле самой их охотничьей избушки.

Входят в избушку,— коновал сидит, беличью шкурку сдирает.

— Говорил я вам,— обращается он к ним,— что каяться за свои слова будете. Вот до чего можно дойти!

Долго болтать четыре друга не стали, отдали свою добычу коновалу, но тот не взял, отказался.

— Не нужна мне,— говорит,— ваша добыча, у меня своей много. А впредь не бахвальтесь.



53. Ковер-самолет

Жили-были давным-давно муж и жена, и было у них три сына — Федор, Василий да Иван. Жили они — поживали и задумали однажды посеять репу. Репа уродилась очень крупная, но стал кто-то ту репу воровать.

— Что ж нам делать, дети? — спрашивает отец. — Надо поставить караул, поймать вора.

И послал стеречь репу сначала старшего своего сына Федора. Пошел Федор на поле репы, срезал прут, сел на меже и поджидает вора.

Видит через некоторое время: едет в ступе баба-яга, начинает дергать репу. Поймал ее Федор за хвост, принялся избивать прутом. А баба-яга так рассердилась, так налупила Федора, что он еле ноги унес. Вернулся Федор домой, спрашивает его отец:

— Кого видел?

Ничего не ответил Федор, поскорее на печку полез.

На вторую ночь стеречь репу отправился Василий. Пришел на поле, взял прут, сел и ждет.

Приехала баба-яга в ступе с помелом, запряженной в лукошко, стала репу выдергивать. И Василий поймал ее за хвост, стал колотить прутом, но и Василью попало от бабы-яги так, что он еле ноги уволок. Едва живой пришел домой Василий, молча полез на печку и на вопрос отца, — кого видел — даже не ответил.

Посылает отец Ваню. Взял Ваня с собой гармонь, балду здоровую и отправился. Пришел к полю с репой, думает: как бы ему наказать бабу-ягу, — кому ж, мол, кроме нее воровать репу?

И сделал он вот что: взял топор, срубил дерево, расщепал комлевую его часть надвое, вставил в нее клин, а сам заиграл на гармони.

Очень хорошо умел Ваня на гармони играть.

Едет баба-яга, слышит: кто-то очень весело на гармони играет. Увидала Ивана, подходит к нему:

— Здравствуй, паренек.

— Здравствуй.

— Хорошо играешь. Научил бы меня?

— Научу.

Взяла баба-яга гармонь в руки, пробует играть, но пальцы у нее толстые и не слушаются.

— Пальцы твои,— говорит ей Иван,— уж очень толсты, разве можно играть такими пальцами! Их надо подровнять, потоньше сделать.

— Подровняй,— соглашается баба-яга.

— Вставляй свои пальцы в расщеп, я клин выну, они и станут потоньше.

Баба-яга так и сделала, как приказал Иван. Сунула пальцы в расщеп; Иван тотчас же вытащил клин, и руки бабы-яги оказались ущемленными расщепом. Начал тут Иван бить своей балдой бабу-ягу, бьет и приговаривает:

— Зачем сюда ходишь? Зачем сюда ходишь? На чем сюда прилетаешь?

— Ой,— взмолилась баба-яга,— прилетаю я сюда на ковре-самолете. Тебе его подарю, если отпустишь!

— А как он летает?— продолжает бить Иван.— И что надо сказать, чтоб летал?

— Ой,—кричит баба-яга,—куда тебе надо лететь, туда и полетит, только скажи: „Ковер-самолет, мне надо туда-то!“

— Ну, хорошо!

Вбил Иван клин в расщеп, освободил бабу-ягу, дала она ему ковер-самолет, а сама обратно в лес ускакала. Вернулся Иван домой и рассказал все, как было.

Спустя некоторое время задумал Ваня полетать и говорит ковру-самолету:

— Ковер-самолет, свези меня к царскому дворцу.

Сел на ковер, и ковер прилетел с Ваней под самое окно царского дворца. А на балконе в то время царевна сидела и очень удивилась:

— Кто это так летает?

Приказывает найти Ивана и привести к ней.

Привели Ивана к балкону, царевна спрашивает:

— Не продашь ли мне эту вещь?

— Почему не продать? Что мне с ним делать?

— А много ль запрашиваешь?

— Пятьсот.

Очень захотелось царевне покататься на ковре-самолете. Вышла она к Ивану, выплачивает ему деньги, а Иван и говорит ковру потихоньку:

— Ковер-самолет, свези меня домой!

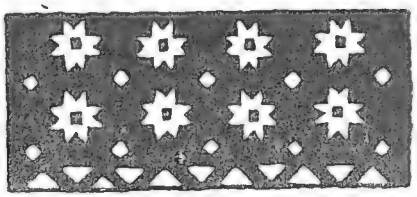
Только сказал он это, взвился ковер-самолет, и полетел он с царевной домой. Заполонил Иван царевну, привез к себе домой, и там они повенчались. А через некоторое время увез таким же образом Ваня и вторую царевну — брату Василью в жены, а потом и третью — в жены брату Федору.

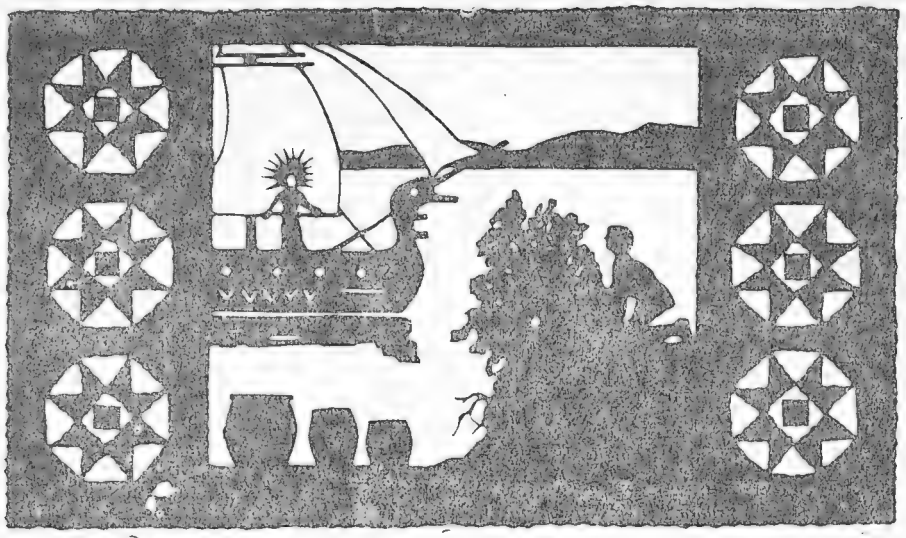
Обвенчались все трое, устроили большой пир, вино на том пиру ручьем текло.

А после пира все три новобрачных пары отправились на ковре-самолете в гости к царю. Вошло их шестеро к царю,— царь даже испугался: откуда эти люди появились? Но потом поприветствовал, принял очень хорошо и устроил большой пир. Попировали вдоволь, покатались молодые пары с царским семейством на ковре-самолете, и очень понравился царю летун — ковер-самолет этот. А потом направились в гости к зятьям, взяли на ковер-самолет много всяких гостинцев и подарков, приданого, которое дал им царь.

— Что вам только нужно,— сказал царь своим зятьям,—то и берите.

Навалили братья всякого добра полный ковер и полетели. Летели-летели и теперь еще летят...





54. Дочь солнца

Жили-были старик со старухой. На исходе жизни родился у них сын, и назвали они его Иваном. Начал Иван расти. Прошел год, прошло два, рассказать, конечно, можно быстро, но прожить не так быстро,— исполнилось Ивану девять лет. Начал он просить своих родителей — отпустить его искать его крестную мать.

— Что ты, Ваня,— отвечают ему родители,— ты мал еще! Где тебе путешествовать!

Иван, знай, стоит на своем, просит насушить ему сухарей на дорогу. И, наконец, настоял-таки, отпустили. Вот идет он день, ночь, два дня, идет целую неделю и все не встречает на своем пути ни деревни, ни жилья какого-нибудь. Пришел, наконец, к маленькой избушке на собачьих ножках, с блином вместо крыши.

— Есть кто-нибудь из жителей?— спрашивает.

— Есть, как нет! — отвечает из избы женский голос.

— Впусти меня отдохнуть! — просится Иван.

— Заходи!

Зашел Иван, а перед ним — его сестра-крестная.

— Откуда ты, Иванушка-братец, свалился?

— Вышел на свет работы искать. Мать стара, отец стар, кормить их некому, я и пошел на заработки!

— Дело хорошее,— отвечает сестра,— тут неподалеку царь живет, схожу-ка я к нему, может быть, возьмет тебя в работники.

Идет Иван к царю. Садится возле крыльца.

— Ты чего тут? — спрашивает его прислуга.

— Работы жду.

— Нужен бы нам конюх. Старые конюхи запоем запили, и царь на них сердится за то, что они и в конюшни-то не заглядывают. Хочешь — скажу про тебя царю?

— Я бы пошел в конюхи, если царь возьмет.

Доложила прислуга царю:

— Царь-батюшка, хороший работник к нам в конюхи просится. Красивый и здоровый.

Зовет царь Ивана. И очень ему понравился Иван своим видом и здоровьем.

Определил царь Ивана в конюхи, пошел он в конюшни и стал там жить. А старые конюхи возненавидели Ивана, только и думают — как бы ему навредить. Как-то говорят царской прислуге:

— Уж больно хвастает новый конюх-то! Обещает достать в жены царю самое дочь солнца.

— Царь-батюшка,— докладывает прислуга царю,—новый конюх хвастает достать тебе в жены дочь солнца.

Задумался царь: неужели и в самом деле может Иван достать дочь солнца?— и вызывает Ивана к себе:

— Ты, говорят, можешь достать мне в жены дочь солнца. Иди и приведи ее. Не приведешь — голова с плеч долой.

Опечалился Иван, думает:

— Ну, пропал я, если не поможет мне крестная...

Выдал царь Ивану лошадь, на той лошади он и поехал. Ехал-ехал, наконец приехал к своей крестной.

— Ой, крестная,— говорит,— если не выручишь ты меня из беды,— пропал я! Послал меня царь-батюшка доставать ему в жены дочь солнца. Откуда ж я ее достану?

— Достать-то ты сможешь,— отвечает крестная,— только сначала вернись к царю и попроси у него бочку пива с сахаром, бочку виноградного вина, бочку простого вина, шелку, крученой проволоки, медной проволоки и один тюк простой проволоки. Все это привезешь и сложишь у моря. Ровно в полдень дочь солнца будет у взморья на корабле кататься, выйдет на берег, захочет товар посмотреть. Ты спрячься, подкарауль и увези.

Возвращается Иван к царю. Просит у него все, о чем говорила крестная. Царь разрешил все ему выдать, и весь товар привез Иван к морю и начал раскладывать: сначала бочку пива, потом бочку виноградного вина, потом бочку простого вина. Разложил и спрятался за куст, а возле себя положил тюки с проволокой.

Показывается через некоторое время корабль. И действительно: видит Иван на корабле такую красавицу, что в глазах рябит. Корабль останавливается у берега, и красавица с него сходит. Видит бочки, любопытно ей, что в бочках. Приоткрыла бочку с пивом, попробовала. Понравилось. Иван молчит, конечно. Приоткрыла бочку с виноградным вином. Очень изрядно попробовала. Понравилось еще больше. А как попробовала из бочки с простым вином, так замертво возле бочек и свалилась — совсем пьяная. Иван подходит к ней, обвязал ее шелком вокруг, обвернул ее крученой проволокой, потом медной, наконец простой проволокой. Завернул еще и в саван и положил ее в коляску.

Тогда тронулись, конечно, в обратный путь. Ехали-ехали, дочь солнца начинает понемногу трезветь, повернулась — проволока порвалась. Стала тут молить-просить дочь солнца Ивана:

— Развяжи меня! Если сумел меня поймать,— я теперь сама от тебя не убегу...

Молчит Иван, едет дальше. Дернулась дочь солнца,— медные проволоки порвались. Вторые значит. Третий раз дернулась дочь солнца, впились ей проволоки в тело, и она померла.

Подъехал Иван к дому крестной, она и спрашивает:

— Привез дочь солнца?

— Привез-то—привез, да она померла в дороге.

— Хорошо, что привез, а этого не бойся, оживет!

Развязали они проволоки на ней, крестная чем-то ее помазала, дочь солнца и ожила. Ну, поели-попили, отправился Иван со своим добром к царю. Приехали. Ведет Иван дочь солнца к царю. Говорит царь своей прислуге:

— Хороший работник нам попался!

— Хороший,— отвечает прислуга.

Поотдохнули. Переночевали. Попили-поели, конечно. На другой день говорит царь дочери солнца:

— Пойдем венчаться...

— Не могу я,— отвечает ему дочь солнца,— венчаться не в своей одежде. Достану свое подвенечное платье,— тогда и обвенчаемся.

— Кто ж тебе достанет?— спрашивает царь.

— Да пусть тот работник и съездит, который меня похитил. Он сумеет привезти платье.

Опять зовет Ивана царь.

— Что тебе нужно, царь-батюшка?— спрашивает Иван.

— А вот поезжай и привези подвенечное платье дочери солнца.

Загрустил Иван: „Что, мол, я один сделаю, если не поможет крестная?“

И едет к крестной.

— Что опять приключилось?— спрашивает крестная?

— Опять царь послал. За подвенечным платьем для дочери солнца. А где я его возьму?

— Достанешь,— говорит крестная.— Бери хорошую лошадь да вот этот узелок. В узелке этом есть запах. Приедешь к морю, открой узелок и понюхай,— тогда перед тобой вдруг откроется узенькая тропинка. И вот тебе еще один узелок. В нем три вещички. Как по той тропинке пойдешь, дойдешь до ограды, и возле нее встретишь трех львов. Разверни этот узелок и брось львам три вещички.

Иван поступил так, как посоветовала ему крестная. Взял узелки и лошадь и отправился к морю. У моря один узелок развернул и понюхал,— перед ним сразу открылась узенькая тропинка. Поехал он по той тропинке до самой ограды и, верно,— встретил трех львов. Бросились львы на Ивана, а он развернул второй узелок и бросил то, что в нем было. Сразу успокоились львы. Тогда заходит Иван во дворец дочери солнца, берет ее подвенечное платье и направляется в обратный путь. Передал царю подвенечное платье.

— Ну, что ж! — обращается царь к дочери солнца,— завтра мы с тобой и повенчаемся.

— Нет! — отвечает дочь солнца.— Пока моего коня не приведут,— не буду я венчаться.

— Кто ж тебе его приведет? — изумился царь.

— А тот же самый конюх,— отвечает дочь солнца.

Вызвал к себе царь Ивана, приказывает ему ехать за собственным дочери солнца конем. В третий раз опечалился Иван и в третий раз подумал, что, если не поможет ему крестная еще раз,— пропадать ему! Поехал он к ней, жалуется, что царь его за конем дочери солнца послал.

— Достанешь,— успокаивает его крестная,— бери вот эту лошадь и поезжай на ней к морю. Доедешь до самого моря,— пусти ее. Она будет лезть в море, а ты не задерживай, пусть идет. И затем жди трое суток, три часа, три минуты и три секунды. Пройдет это время, и если никто не покажется из моря— сам полезай в воду.

Иван так и поступил. Приехал к морю, выпустил лошадь, она прямо в воду бросилась. Трое суток прошло, три часа прошли, три минуты прошли, три секунды прошли. Никто не вылезает из моря на берег. Иван сам полез в воду. Только он влез,— заволновалось море, выходит из него Иванова лошадь и тащит на себе еще двух лошадей. Лошадь Ивана сразу же упала на берегу. Тогда взял Иван тридцатипудовую дубину да как огреет тех лошадей промеж ушей. Упали они обе, говорят:

— Теперь уж мы твои!

И отправился со всеми тремя лошадьми к крестной. Приехал, позавтракали, конечно, отдал Иван крестной ее лошадь, а сам на двух конях отправился к царю.

Очень обрадовался царь. Говорит дочери солнца:

— Ну, теперь-то уж мы повенчаемся...

А дочь солнца зовет к себе Ивана и говорит:

— Вот тебе мой меч. Неси его и спрячь под церковной папертью. Когда подъедет свадебный поезд,— меч выскочит, начнет бушевать.

Иван так и сделал. Спрятал меч под церковной папертью.

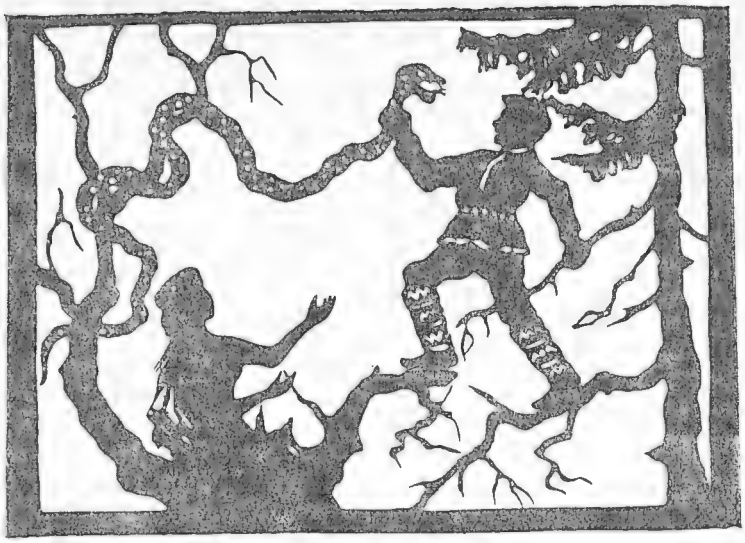
Наутро направляется свадьба в церковь. Только-только подъехал свадебный поезд к церкви,— как выскочит тот меч да сразу голову царю и отрубил. Заволновался народ:

— Кого ж в женихи поставить?

И сказали все:

— Ивана. Он был шафером...

А дочери солнца очень это пришлось по сердцу. И обвенчался Иван с дочерью солнца. И даже вместо царя остался. Они попировали, конечно, и теперь еще живут очень хорошо.



55. Емельян Кабакевич

Жили-были когда-то царь с царицей. И была у них единственная дочь Ефраксия, очень красивая девушка, они ее сильно любили. Дом царский был большой, держали они ее в дальней комнате, из которой был виден только пруд, и из дому ее никуда не пускали, чтоб не обидели люди за красоту ее, да и сама чтоб кем-нибудь не увлеклась. Потому и держали под замком и обучали грамоте, много у нее было всяких книг.

Однажды летом позвал царя с царицей царь из другого государства на пиру пировать. Поехали царь с царицей, а слугам своим наказали:

— Из дому Ефраксию не отпускайте никуда. Никогда она из дому не выходила,— еще заблудится где-нибудь!

И уехали по железной дороге в то далекое государство.

Прошел день, два, третий, стала Ефраксия проситься у слуг:

— Пустите меня на улицу погулять!

А слуги не смеют:

— Твой отец велел нам никуда тебя не пускать.

А девушка все просится и просится. Пожалели, наконец, ее слуги, выпустили из-под замка. Пошла девушка погулять, а с ней один из слуг для охраны. Гуляла-гуляла и пошла к пруду, купаться захотелось. Только-только разделась, сложила платье и в воду еще не успела войти,— как, откуда ни возьмись, прилетел троеглавый змей, схватил ее и улетел. Остался один слуга, ее охранявший, испугался очень и змея, и того, что скажут теперь царь с царицей, когда вернутся, и какой им ответ держать. Пришел домой, все слуги стали горевать.

Отпировали царь с царицей, вернулись домой, спрашивают:

— Где наша Ефраксия?

Подробно рассказали слуги, как дело было, как пропала царевна. И очень рассердился царь, для начала приказал палачам двум слугам головы отрубить, а потом принялся спрашивать: найдется ли в его царстве такой человек, который пошел бы в змеиное царство и привел его дочь обратно? И обещал за того, кто приведет ее, выдать дочь замуж и дать много денег. Выслушали царя богатые люди его царства, но итти за царевной никто не вызвался:

— Мы,— говорят,— не найдем ее.

Тут крикнул кто-то из толпы:

— Есть где-то Емельян Кабакевич, бывалый и находчивый человек! Вот от него может быть толк!

— А где же он?— спрашивает царь.— Почему не пришел сюда?

— Он пьян,— отвечают царю,— валяется возле кабака, на углу...

Послал царь солдата привести Емельяна к себе. Пошел солдат, нашел Емельяна, звал его, звал, Емельян ничего толком и не понял, что хотят от него, только крикнул:

— Уйди! Не тревожь меня! Если царю что-нибудь нужно,— пусть сам сюда придет!

Солдат возвратился к царю и рассказал, что Емельян его не послушался и зовет к себе самого царя.

Пошел сам царь, увидел Емельяна, говорит ему:

— Емельян Кабакевич, мою дочь унес троеглавый змей в свое царство, и никто не знает, как туда попасть и обратно привести мою дочь, и никто не смеет. Тому, кто приведет, отдам дочь и полцарства. Не пойдешь ли ты?

— Пойду и приведу,— отвечает Емельян,— только выстрой мне тринадцать судов и дай в товарищи одного солдата. А суда выстрой так, как я заставлю. Одно судно — для меня, нагрузи его запасами пищи и питья на три года, а на остальные двенадцать судов нагрузи пороху, и чтобы от всех двенадцати тех судов тянулась к моему судну проволока,— дернешь за проволоку, порох взорвется и зажжет судно. И еще, чтобы все суда были привязаны к корме моего судна. Сделай так, как я говорю, поеду за твоей дочерью...

Очень скоро изготовил царь все, что приказал Емельян Кабакевич, и поехали они вдвоем с солдатом искать царевну; поехать-то — поехали, а Емельян все пьет вино, так пьет, что и проснуться по-настоящему не может,— не даром, видно, прозвали его Кабакевичем.

Плывут почти месяц по невеселой реке,— ни человека нигде не видно, ни птички не слышно, шуршат лишь змеи на берегу, да слышны иногда голоса диких зверей. Плыли-плыли, приплыли, наконец, в змеиное царство. Рассказывать, конечно, скоро, а плыли они уж очень долго.

И вот увидел Емельян на большом дереве что-то вроде гнезда, вгляделся получше, заметил в нем человека, тотчас остановил корабль и вышел на берег. Взлез на дерево, а это и есть царевна. Две змеи присосались к ее грудям, сосут, остались от царевны кожа да кости. Недолго раздумывая, схватил Емельян

змей, одну отбросил влево, другую — вправо, повыкидал остальных змей из гнезда, а потом рассказал царевне, кто они такие с солдатом и зачем приехали. Взял ее на судно, судно поворотили и поплыли домой. И тут подарила царевна Емельяну именное кольцо за свое спасение.

Плыли они так день и два, увидели на одном дереве ворону. Каркала ворона кому-то несчастье, и оказалось, что каркала она несчастье Емельяну Кабакевичу. Троеглавый змей, который унес царевну, был среди змей царем, был очень большой, безобразный и злой. С тех самых пор, как похитил царевну, воевал он все время с какими-то людьми, в далекой стороне. Три раза летала ворона каркать к змею:

— Ты ничего не знаешь, а царевну-то обратно увезли.

Троеглавый змей сначала этому не поверил:

— Быть этого не может! Туда не приходил еще ни один человек и притти не смеет.

А когда ворона три раза об одном и том же прокаркала, змей спросил:

— Кто приезжал за Ефраксией?

— Емельян Кабакевич,— ответила ворона.

— А! Емельян Кабакевич! Знаю, знаю! Слыхал про него. Он— смышленый человек, может, пожалуй, увезти...

Напугался не на шутку змей, приехал домой, собрал всех своих змей, спрашивает. Отвечают ему, что царевну увезли.

Тогда змеиный царь собрал триста змей и послал их за Емельяном отнять у него царевну. Поднялись змеи, стали на небе, как туча, полетели, очень скоро догнали Емельяна. Когда и царевна заметила тучу змей, сказала она Емельяну:

— Ох! Ох! Гонятся они за нами! Всех нас здесь убьют!

И стала прощаться с Емельяном и солдатом:

— Меня обратно змей унесет, а вас убьет.

— Не горюй из-за пустяков,— отвечает ей Емельян,— может быть, все останемся живы!

Змеи, как тучи, летели-летели и очень устали. Долетели до последнего судна, дальше сил нехватило, и опустились на него. А Емельяну только этого и нужно было. Как только все до последней сели змеи на судно,— дернул он за одну проволоку, вспыхнуло пороховое судно. Все змеи и сгорели на нем, и улетучились, как дым.

Ждал их с неделю, должно быть, троеглавый змей, вестей не дождался и очень рассердился.

— Наверное,— говорит,— дружком им был Емельян Кабакевич, потому и не отняли.

И выслал шестьсот змей отнять у Емельяна царевну. И опять очень быстро настигли те шестьсот змей Емельяна Кабакевича, и с ними он поступил так же: всех сжег, когда опустились они на пороховое судно. Опять никаких вестей не получил змеиный царь и решил на малых змей больше не надеяться, а отправиться в погоню сам. Конечно, рассказывать все это быстро, а Емельян везет царевну уже месяца два.

Троеглавый змей догнал их скоро, раздался от его полета большой шум,— услышала царевна, говорит Емельяну Кабакевичу:

— Сам троеглавый змей за нами погнался! Обязательно сделает что-нибудь с нами!

А Емельян и не слышит толком, и проснуться как следует не может: все время пьян, только пустые бочки по палубе перекатываются.

— Ничего,— отвечает,— пусть только подлетит поближе, покажу я ему, как гнаться за Емельяном Кабакевичем!

Подлетел змей ближе, а — видать — устал, и опустился на среднее судно, а Емельяну только того и нужно. Дернул он сразу за десять проволок, все десять судов вспыхнули. Бросило змея в облака, а как стал он падать обратно, разбил корму последнего Емельянова судна, а сам утонул. Вода хлынула в разбитое судно, но Емельян с солдатом починили его сейчас же и быстро направились домой: едва-едва, однако, от змей отвязались.

Плыли они этак, плыли, вышли в одном месте в лесок пособирать ягод. Емельян, пьяный, забрел поглуше за ягодами да там и уснул. Увидал солдат, что он уснул, схватил царевну, да обратно скорей на судно, судно отцепил и увез ее, оставив Емельяна одного в невеселом, дремучем лесу. А царевну повез домой.

Вот, едучи, он и говорит ей:

— Емельяну уж не вернуться домой, заблудится в лесу, умрет с голоду. А домой привезу я тебя, смотри, как приедем, не говори отцу, что я Емельяна в лесу оставил, а скажи, что его убили змеи, а меня, мол, освободил вот этот солдат! Со мной жить будешь! А ежели хочешь сказать, как было,— сейчас убью тебя на этом вот самом месте!

Очень жаль царевне Емельяна, вспоминается все хорошее, что сделал для нее Емельян, но своя жизнь еще дороже, и пришлось ей молчать и плыть до дому.

А Емельян меж тем проснулся в лесу, оглядывается,— нет никого. В одну сторону кинулся — никого, в другую — опять никого. Понял он, что солдат увез царевну, а его бросил одного. Пошел на берег, сел и закурил. Курил-курил, увидел — лежит на берегу мешок с хлебом, а когда стал рассматривать мешок, нашел в нем записку: тот мешок царевна бросила с судна, как трогались они в дорогу, и в записке рассказала о своем горе: так, мол, и так, вот почему пришлось, мол, тебя оставить. Но Емельяну и горя мало, совсем повеселел он, когда нашел хлеб. Пощупал карманы,— нет, ничего нет, один кинжал у пояса всего оружия... Покурил Емельян и отправился домой, а по берегу шла тропинка. Рассказывать, конечно, быстро, но шел по этой тропинке Емельян довольно долго, пока не устал и не увидел ен-большой избушки. Но и это любо Емельяну: „Слава, мол, богу, видна наша сторона, больше не заблужусь".

Вошел в избушку, а на печке сидит и кряхтит баба-яга, зубы длиной с веретена, торчат изо рта вперед. Покряхтела, поухала, сказала вслух:

— Вчера без ужина спать легла, а сегодня пища сама в дом пришла.

— Съесть, что ли, меня, хочешь, бабушка?— спрашивает Емельян.— А я слыхал, что у тебя много дочерей, свататься

пришел. Не съешь же меня в самом деле! Лучше бы ты затопила баньку, помыла меня да накормила чем-нибудь и отдохнуть дала!

Нисколько ее Емельян не испугался, а обманывать людей немножечко умел. Сразу и обманул бабу. А длиннозубая старуха, как услыхала такой разговор, обрадовалась очень, начала улыбаться — зубы скалить. Собрала на стол, мясо какое-то худое, мясо мышей и лягушек принесла, говорит:

— Ешь, ешь! — заставляет Емельяна есть.

Посмотрел Емельян, чуть его не стошнило, где уж там есть; сел отдохнуть и покурить, а ведьма пошла топить баньку. Пока топила она баньку, Емельян, недолго думая, вышел из избушки и пошел домой. Шел день, другой, третий, изрядно вперед ушел, как увидел при дороге такой же худенький домик, который медленно поворачивался вокруг себя на петушином мизинце. Посмотрел он в избу, нет никого, лишь по самой середине стоит большой гроб, кругом окованный железными обручами. Присел Емельян на лавку и, лишь только достал хлеб из мешка, видит — покачивается гроб потихоньку, как лодка. Покачивался-покачивался, железные обручи лопнули, и сама снимается с того гроба крышка, а оттуда поднимается очень длинный дядя.

— Как ты смел,— говорит он Емельяну,— сюда притти? Я тебя съем!

Идет к нему, а Емельян бросился к столу; бегали они вокруг стола долго, Емельян и в самом деле испугался, бросился бежать на улицу, а по улице тот дядя за ним не погнался, устал, что ли.

Отвязался от него Емельян и пошел вперед, раздумывая, что может с ним еще такого приключиться в лесу. Шел-шел, увидел издали большой, веселый дом со многими комнатами, а под одним из окошек — целая толпа, человек двадцать молодежи, бегают, суетятся... А это, оказывается, они дерутся. С одной стороны десять человек, и с другой стороны десять человек, бегают, камнями друг в друга кидают, палками. А в молодости Емельян был большой любитель подраться. По целым дням, бывало, дрался, даже о пище забывал. Подходит он к ним, думает: „Вот какой я стал, и на себя не похож, спрошу-ка у них, где дом царя, пойду, проверю, как Ефраксия".

Только подошел к ним, приметили они его — испугались и побежали в дом. И Емельян за ними следом.

— Здравствуйте,— говорит.

Вошел и сел на лавку. Огляделся и видит, что вся эта молодежь-то — черти! А самый главный чорт сидит возле среднего окна в красной рубахе. Рога у него, как у козла, и хвост торчит.

— Не можете ли вы меня накормить?— спросил у чертей Емельян.— Есть очень хочется!

— В печке у нас,— отвечает ему один из чертей,— никакой пищи нет, пойди сам в погреб, принеси мяса, если есть хочется.

Спустился Емельян в погреб, видит — лежат в нем два человеческих трупа, и больше ничего нет. Очень он испугался: „Это,— думает,— наверное нашего брата-прохожего убивают. Надо поосторожнее быть, а то, чего доброго, и меня убьют".

Однако один человеческий труп взял с собой и принес в дом. Положил на стол, сам сел подле, вынул кинжал и давай от него куски резать. В одном месте отрежет, понюхает, в другом месте отрежет,— совсем разложился труп.

— Это мясо,— говорит чертям,— душное, совсем сгнило.

И побросал все куски.

— Вы мне дайте еду получше, а гнилого мне не надобно!

Черти вышли и принесли труп другого человека. И весь он посинел, так давно лежал. Емельян Кабакевич опять весь труп изрезал и, плюясь, побросал куски. А главный чорт, что сидел возле среднего окошка, смотрит на Емельяна, глаз с него не спускает.

Смотрел-смотрел на него Емельян и говорит:

— Вы мне лучше вот этого дайте, в красной рубахе... У него мясо посвежей.

Не успел Емельян до конца проговорить,— бросился чорт с испугу в окошко. „Боятся они меня",— подумал Емельян, встал с лавки и пошел к окошку, и все остальные черти тут разбежались. Как будто в доме никого и не было. „Ладно, что отделался дешево!"— подумал опять Емельян и пошел прочь из дома на двор, а возле дома заметил амбар. Вошел, а в нем три очень больших сундука стоят. Открыл один — в нем медные деньги, другой открыл — серебряные, третий открыл — полон сундук золотых денег. Насовал Емельян золота и серебра полные карманы и отправился домой. Шел-шел, рассказывать, конечно, скоро, а Емельян уж очень долгое время идет,—и вот опять показалась из-за деревьев маленькая избушка. Дошел до избушки и раздумывает: зайти или нет?— как вдруг кто-то схватил его сзади. Испугался Емельян, оборачивается, а схватила его, оказывается, старая, некрасивая, длинноносая, длиннозубая баба-яга. Зубами скрежещет, точит один зуб о другой, спрашивает:

— Хочешь жить со мной вместо мужа или нет? Хочешь — ничего не сделаю, не хочешь — тут же тебя слопаю!

— А как же!— отвечает Емельян.— Я за этим и пришел. Слышал о смерти твоего мужа, о том, что ты вдовой осталась, затем и пришел, чтоб ты приняла меня в мужья! Иначе зачем же мне и приходить! Ты мне скажи: кроме меня, без дела сюда никто не приходил?

Любо стало ведьме слышать такие речи, зовет она Емельяна в избу:

— Иди-иди, отдохни в избе, усталый человек, а потом поговорим!

Зашел Емельян в избу со страхом, только и думает, как бы от нее отвязаться, какой молитвой отгородиться. А ведьма еду ему тащит, питье всякое, добрая стала очень. Накормила его, напоила, на мягкую постель уложила. Она, оказывается, беременная была от своего мужа и скоро должна была родить. Вот лежит Емельян на постели трое суток, не спит, все думает,— как ему от ведьмы отвязаться, а ведьма нарядилась, ходит по избе, хлопочет, еду готовит.

Поднимается, наконец, Емельян с постели и спрашивает у своей жены, бабы-яги:

— Жена! Есть ли у тебя топор поострее? Пойду сегодня место для пашни рубить, мы ведь вдвоем живем, а скоро втроем будем, хлеба же совсем нет... Нужно жить начинать, не то горевать придется...

— Нет,— отвечает ему ведьма,— топор я тебе сейчас не дам, вот когда трое нас будет,— тогда и работать начнем...

Жил таким образом Емельян еще с неделю, и ведьма родила, наконец, ребенка от прежнего своего мужа. Стало их трое. Начал Емельян ходить в лес, рубить пашню, уйдет — целыми днями валит бревна к реке, хочет плот сделать, убежать от ведьмы по реке, чтобы следов не осталось. Однажды, когда плот был уже готов, начал он говорить жене:

— Я сегодня заночую на пашне, а то работы прибывает, а дни коротки.

— Иди, иди,— отвечает жена,— поработай, если не лень.

— С ленью — с голоду помрешь. Работать так нужно, чтоб из глаз огонь сыпался,— говорит ей Емельян.

А ведьма-то радуется. „Вот,— думает,— работящий мужик мне попался, и хорошо, что старый муж помер". Емельян же пошел из дому, сел на плот, отчалил и поплыл в свою сторону. На другой день взяла ведьма ребенка, собирается проведать мужа, посмотреть, как он работает. „Нужно хоть чем-нибудь,— думает,— помочь ему, трудно работать в одиночку". Пошла по тропе, по которой всегда уходил Емельян, привела ее тропа к реке. Смотрит — нет нигде Емельяна, только щепки на берегу. Звать стала — ни звука в ответ. Поняла ведьма, что ушел от нее Емельян. Залезла на самое большое дерево, посмотреть, не увидит ли его где-нибудь, увидела — далеко-далеко плывет Емельян по реке. Слезла ведьма на землю, бросила ребенка, на одну ногу ему наступила, а другую взяла в руки, и оторвала ему обе ноги. Одну ногу сама проглотила, а другой со злости бросила в Емельяна. Долетела та нога до Емельяна, обломала ему угол у плота.

Так и осталась ведьма кукушкой, одна, и без ребенка и без мужа одна среди леса.

А Емельян все плыл себе и плыл дальше. Приплывает наконец к мосту, такому низкому, что проплыть под ним нельзя. Выскочил Емельян на берег, пошел дальше пешком. Шел-шел, дошел, наконец, до людей. И стал у них спрашивать:

— Потерялась тут когда-то царевна, нашлась она или нет?

— Нашлась!— отвечают люди.— Привез ее один удалой солдат, от змея отнял, и замуж она уже вышла за того солдата. И много денег и одежды дал царь своему зятю.

Раздумывает Емельян — итти ему к царю или нет? Если узнает меня царевна,— солдату голову отрубят, а если не узнает, меня за обманщика сочтут,— мне голову отрубят.

И пошел в кабак. Выпил вина, стало ему от вина весело, как прежде весело бывало, и от веселости той пошел Емельян к царю. А как увидел царевну — принялся смеяться. Спрашивает ее:

— Узнаешь меня или нет?

— Где мне всех пьяниц узнать! Уйди отсюда и не мешайся!— отвечает ему царевна со злостью.

— Когда-то ты не была такой злой! — говорит опять ей Емельян.— И что с тобой сталось? Или позабыла все?

Увидала тут царевна кольцо на руке Емельяна, которое дала ему в тот день, когда освободил он ее от змея, узнала Емельяна, и оба они заплакали. Сейчас же рассказала царевна все своему отцу. Услышал царь, отдал приказ палачам поймать солдата и отрубить ему голову. Долго палачи не думали,— солдата поймали и голову ему отрубили. А царь выдал свою дочь за нового мужа, отдал им полцарства и много денег. Пировали целый месяц.

Пьяница ведь был Емельян Кабакевич, валялся возле тракторов, а ведь дошел до царского чина. И сейчас живет-поживает, царствует в Дальпонском царстве.

56. Соломенный царь

Жил-был когда-то кузнец. Детей ему жена не рожала. Детей у них не было. Ну, ладно.

Поедет однажды кузнец на гумно за соломой. Поворотит свою лошадь, возьмет вилы и начнет ворочать солому. А из соломы голос:

— Меня не проткни!

Из соломы кто-то ему говорит.

— Что такое?— скажет кузнец.— Кто там?— и примется рыть полегоньку солому. Ну, ладно.

Пороет он так, пороет, а из соломы выйдет ребенок, бросит кузнец ворошить солому, схватит ребенка, побежит домой, закричит жене:

— Хозяйка! Хозяйка!

— Что тебе?— выйдет из дому хозяйка.

— Я ребенка нашел в соломенном стогу.

Внесет хозяйка ребенка в дом, положит его в теплое место на печи, начнет его растить помаленьку. И будет радоваться, что у них есть ребенок.

Вот будут они растить ребенка год, будут растить другой,— хорошее дитя растет. Скоро и бегать начнет. До шести, что ли, лет вырастет ребенок и пристанет к отцу;

— Отдай меня в школу.

Отдадут его родители в школу, и он начнет учиться. Проучится там около года, что ли, отпустят учеников на обед, что ли, и кузнецкий сын скажет своим товарищам:

— Сколько ни сколько есть вас тут, возьмите по соломинке и говорите: „Соломинка, гори!“

Возьмут те по соломинке, не горят у них соломинки, мальчик им и говорит:

— Перестаньте! Соломинки в ваших руках не горели. Посмотрите лучше, как я скажу,— а сам соломинку в руке дер-

жит,— посмотрите на соломинку, которая в моей руке. Ну, гори, соломинка!

Вспыхнет тут соломинка и сгорит. Очень удивятся ученики — что, мол, такое: соломинка у него в руке вспыхнула и сгорела.

Вот и опять они учатся, и на другой день придут учиться. Поучит их учитель и отпустит. И поведет к реке.

— Давайте,— скажет он им,— ребята, говорить: „Стой, река! Стой!"

Говорят они, говорят, а вода все течет, как текла.

— Вы, ребята, перестаньте говорить,— скажет им опять сын кузнеца,— я буду кричать!

Да как крикнет:

— Река, стой!

Остановится река сразу, очень удивятся ученики: что за чудо такое? Вода стоит, речка течь перестала. Пойдут они потом домой и расскажут родителям все, что он им показал. „Вот он, мол, какой. Мудрее вас. Дошлый".

Затем пойдут они учиться на третий день, поучатся третий день, учитель их опять отпустит.

— Ну,— скажет сын кузнеца,— кто может остановить ветер? Кричите: „Стой, ветер!"

Все до одного кричали: „Ветер, стой"!— куда там! Он, батюшка, еще сильнее дует.

— Перестаньте-ка,— скажет сын кузнеца,— дайте, я начну,— и только скажет: „Ветер, стой!"— остановится ветер. Очень опять все ученики удивятся.

Вот поучится сын кузнеца, поучится и кончит школу. А кончит школу, будет жить дома, книги читать, все читает и читает. Случится тут так, что одна женщина только начнет молоть зерно ручным жерновом, как поднимется ветер и всю муку из лукошка выдует. Вот несчастье! И есть хочется, и ветер всю муку из лукошка выдует. И пойдет та женщина с лукошком к государю, войдет и начнет жаловаться: вот молола я, молола своими руками, а ветер всю муку сдул. И скажет тогда государь сыну кузнеца:

— Можешь ты судить ветер за это или нет?

А сын кузнеца ему отвечает:

— Собери сначала, государь, купцов.

Соберет государь купцов и скажет:

— Ну, если можешь судить ветер,— суди!

— Государь,— ответит ему сын кузнеца,— дай сначала свою корону. Дашь мне корону — буду судить, не дашь — без нее нельзя.

Даст тогда государь свою корону, наденет ее сын кузнеца и спросит купцов:

— Ну, купцы, просили вы в то время, чтобы был ветер?

— Просили,— ответят купцы.

— Хорошо, раз просили — кладите деньги в лукошко этой женщины.

Звякают деньгами купцы, кладут деньги, наложили.

— А теперь,— скажет сын кузнеца женщине,— иди домой, купи на эти деньги муки, вот у тебя и опять мука будет...

Пойдет женщина домой, купит на рынке муки, напечет хлеба и поест досыта.

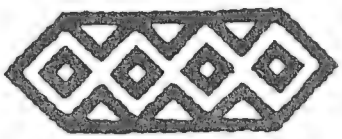
А государь скажет сыну кузнеца:

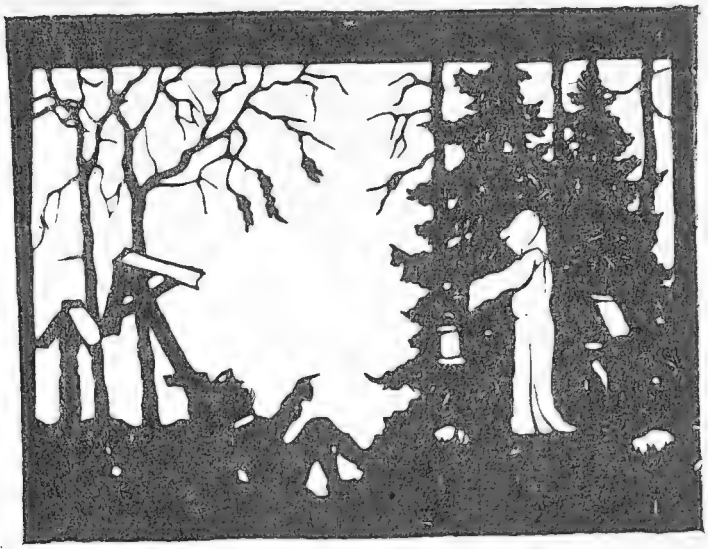
— Ну, теперь снимай корону!

— Вот ты плюнь на пол,— ответит ему сын кузнеца,— да попробуй с полу слизать то, что плюнул... Слижешь — отдам, а не сможешь — не отдам я тебе царской короны.

Думал тут царь, думал,— как царю плевок назад слизать, нельзя даже подумать об этом царю, не может он слизать свой плевок обратно.

Так и станет сын кузнеца царем, соломенным.





57. Колдун-мертвец и солдат

Давным-давно в каком-то царстве служил солдат. Служил этот солдат своему царю очень хорошо, и по окончании службы царь отпустил его домой.

Шел он домой, шел, пришел в одну деревню, попросился переночевать.

Наутро встал и отправился дальше. А время было осенью, был сильный дождь, и не дошел до деревни солдат верст шесть, остановился ночевать на кладбище под прикрытым сверху крестом. Просидел он под тем крестом до полуночи, а в полночь видит: открывается одна могила, встает из нее человек и куда-то отправляется. Солдату было холодно, он лег на место ушедшего мертвеца в гроб, чтобы поспать.

Проходит некоторое время. Возвращается мертвец и говорит:

— Вылезай из моего гроба!

— Не выйду,— отвечает солдат,— пока не скажешь, куда ходил, и что это у тебя в руке?

— Я был колдуном когда-то,— говорит мертвец,— а сейчас ходил в одну деревню: там купец сына женил, на свадьбе сильно выпил, я у него спустил кровь, так теперь он сильно заболел. И никто не может его исцелить без этого вот туеска, что держу в руке.

— Давай мне этот туесок,— отвечает ему солдат,— тогда вылезу из твоего гроба. Не дашь — так не вылезу...

— Отдам, только вылезай, пожалуйста...

Отдал мертвец солдату туесок, вылез солдат из гроба, а, вылезая, незаметно отрезал еще кусок ткани от савана, да еще принялся расспрашивать,— как можно вылечить того купца?

Мертвец рассказал ему, как можно вылечить, лег обратно в свой гроб, а солдат отправился дальше своей дорогой.

Пришел, наконец, солдат в ту деревню, где был болен купец. Пришел и говорит купцу: лечить, мол, тебя пришел.

— Что ж,— отвечает купец,— если можешь — лечи...

Солдат велел затопить баню и попросил молока. Молоко вылил в туесок, в котором была купцова кровь, потом отправился с больным в баню, напоил его молоком с кровью, и купец поправился. Очень обрадовался купец, дал солдату много денег, и пошел солдат дальше. Только пошел, вдруг останавливают его десятские, спрашивают:

— Как ты вылечил купца? Каким способом, когда никто вылечить его не мог?

Солдат рассказал, что взял туесок у колдуна, который приходил ночью и спустил у купца кровь. И показал кусок отрезанного у мертвеца савана. Опять не поверили солдату десятские, пошли на могилу, отрыли колдуна, и, только когда увидели, что куска у савана недостает,— отпустили солдата.

Пошел солдат дальше, шел-шел, пришел в одну деревню, остался в одной избе ночевать. А в той избе все плачут.

— Чего-й-то вы все плачете?— спрашивает солдат.

— Умер наш отец — большой колдун,—отвечают ему,—и нам, трем братьям, нужно караулить его три ночи. Сегодня старшему брату караулить, и он его слопает. Может быть, ты наймешься за старшего брата караулить?

— За сто рублей возьмусь,— отвечает солдат.

Братья согласились.

Наступила ночь. Солдат попросил трехкопеечную свечку, псалтырь и пошел к покойнику. Во второй избе по самой середке стоял окованный железом гроб. Солдат вошел, стал под иконами, зажег свечку и принялся молиться. Наступила полночь, разом лопнули железные обручи у гроба, и поднялся из него покойник. Разломал мертвец потолок,—солдат все читает. Стены разломал,— солдат все читает. Пропел петух,— упал мертвец на пол. Солдат уложил его в гроб, а сам лег спать.

Наутро приходят проведать, жив ли солдат, видят — жив, спит даже. Разбудили его, очень хорошо накормили, дали ему сто рублей. Поднимается солдат, чтобы итти дальше, а средний брат заплакал и говорит:

— Покарауль вместо меня сегодня. Дам тебе двести рублей.

Опять солдат взял трехкопеечную свечку и псалтырь и пошел читать над покойником. И опять лопнули железные обручи, и из гроба поднялся мертвец, принялся ломать стену. Но солдат читает. Мертвец и за пол взялся,— солдат все читает. Тут пропел петух, —грохнулся мертвец оземь. Уложил его солдат в гроб, а сам лег спать. А наутро идет к братьям, и опять его хорошо покормили, отдали ему двести рублей, и хотел было уже отправиться в путь солдат, как заплакал младший брат:

— Покарауль вместо меня. Дам тебе триста рублей.

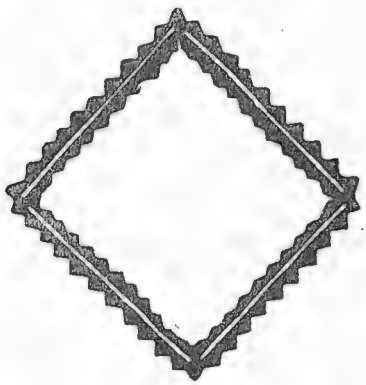
Солдат согласился провести у мертвеца третью ночь. В третью ночь разрушил мертвец пол, спустился в голбец, намесил в нем грязи по колено, но пропел петух, и упал он на пол. Положил

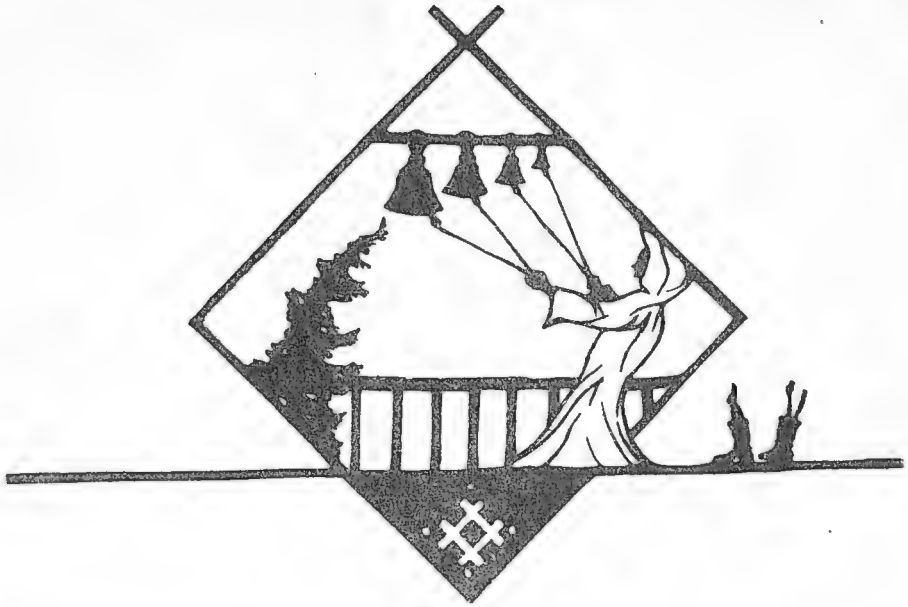
его солдат в гроб оковал тот гроб, получше и завалился спать. А наутро, когда покормили его, денег дали, и собрался уже солдат итти домой, братья ему и говорят:

— Довези гроб десять верст до церкви. Дадим тебе двести рублей и пару лошадей.

Солдат велел запрягать лошадей, кладет гроб, отправляется в церковь. И с каждой верстой, что он проезжал, все увеличивался и увеличивался колдун в весе, после пятой версты так стал тяжел, что распер гроб, вылез оттуда, солдат бросился от него на большое дерево. Кинулся колдун к тому дереву, грызет его зубами, а взобраться не может,— руки завязаны. И уже подгрыз было дерево, начало оно валиться,— но пропел петух, и колдун грянулся на землю. Солдат слез, уложил колдуна назад в гроб, привязал да вскачь поехал к церкви. Приехал и дал попу десять рублей на отпевание и похороны колдуна, а сам в тех же санях домой поехал.

Дома он женился и зажил очень хорошо.





58. Солдат и покойница

Вздумалось одному солдату домой побывать. Стал он проситься, и отпустили его на месяц, а дом был очень далеко. Лошадь солдату дали старую и дрянную; пока он на ней ехал,— половина срока прошла, а до дому все еще далеко. Что тут делать? Остановился он в одной деревне переночевать у старухи, старуха оказалась добрая: накормила солдата и напоила. А на другой день, как только солдат проснулся,— продал свою клячу, купил себе доброго коня, распрощался со старушкой и уж совсем в путь собрался, как та старушка ему и говорит:

— Послушай меня, сынок! На этом коне до дому домчишься ты скоро, только не говори ему ни „тпру“ ни „но“. Подъезжая к дому, он и сам остановится. На обратном пути к хозяину лошади не заезжай,— добра тебе от этого не будет, а ко мне заезжай обязательно,— без этого дальше не езди!

Выслушал солдат старушкины советы и тронулся в путь. И на добром коне очень скоро доехал до дому. Погостил дома некоторое время и поехал обратно; опять приезжает в деревню, где жила та самая старушка. Только он повернул коня к ее дому а конь назад, не идет никак, норовит к старому своему хозяину, на самый погост. Солдат и мечет и рвет, хлещет лошадь, а лошадь ни в какую. Доустали бился солдат, а все-таки конь привез его к дому бывшего своего хозяина.

— Тпру! — закричал солдат.— Стой, лешак!

Только он выкрикнул эти слова, конь сразу же пал и сдох. А солдат сейчас же побежал к доброй той старушке.

— Ну, сумел выкрутиться,— говорит ему она,— а то не видать бы тебе добра. Ведь лошадь эта была дочка того, кто тебе ее продал. А сам он — колдун, и дочери его — колдуньи. Теперь тебя позовут читать псалтырь над умершей колдуньей, ты иди, но берегись, чтоб покойница не съела тебя. Если она сможет тебя убить,— она оживет. Но ты не бойся: как войдешь в избу — сразу залезай на печку, проведи вокруг себя черту и в этом кругу принимайся читать псалтырь. Если очень налезать будет,— толкай ее хлебной лопатой, а прокричит первый петух,— слезай и уложи ее в гроб, она опять помрет.

Не успела всего и рассказать старушка солдату, как пришли звать его читать над покойницей псалтырь. На прощанье старушка успела еще шепнуть ему:

— Как отчитаешь, пораньше утром приходи ко мне.

Привели солдата к покойнице. И видит он: лежит в гробу очень красивая, молодая девушка. А наступал уж вечер. И, когда солдат начал читать над покойницей, его заперли одного с ней в избе. Вспомнил солдат советы старушки, влез на печку, провел хлебным ножом черту вокруг себя, нож бросил и опять взялся за псалтырь, читает. Ровно в полночь покойница встала из гроба, начала ходить по избе, а потом кинулась на печку, но взлезть не смогла: руки ей мешали, крестом были сложены, а изо рта хлестала зеленая пена. Однако дышит на солдата совсем близко, и принялся солдат отталкивать ее хлебной лопатой. Оттолкнет, она упадет на пол, подымется и снова лезет. Так и провозился с ней солдат до первых петухов, а как они прокричали,— с громом грохнулась колдунья на пол.

Тогда солдат слез с печки, уложил покойницу обратно в гроб, под божницу, а сам заснул и проспал до самого рассвета. Чуть стало светать,— слышит он, что кто-то громко колотит в дверь. Открыл,— а перед ним отец покойницы. Стал он тут расспрашивать, как солдату спалось, какие сны снились.

— Очень хорошо спал,— отвечает ему солдат.

Так провел солдат возле покойницы три ночи, и все три ночи вставала она из гроба, лезла к нему на печь, а он спасался от нее хлебной лопатой. А после третьей ночи — давай бог ноги, прибегает к своей старушке,— а та еле жива, лежит на печи, кряхтит.

— Что, бабушка, или заболела?

— Совсем сил лишилась, три ночи не спавши. Ведь я все три ночи боролась с покойницей, не то она давно б тебя съела. Но только ты от нее еще не избавился. Сегодня позовут тебя хоронить. Ты не отказывайся, иди! Поедешь хоронить на погост, еще не доедешь,— темнеть начнет. Ты тогда лошадей распряги, и возле дороги увидишь две сосны. Заберись на вершину одной из них, а дальше сам увидишь, что будет...

И верно, позвали солдата покойницу хоронить, на погост везти. Солдат не упрямился, пошел. Дали ему пару лошадей запряг он их в дровни, гроб на них поставил и поехал. Ехали-ехали — приехали к реке. Смотрит солдат — ни моста нет, ни броду. А темнеть начинает. Вспомнил он советы старушки, распряг лошадей, а сам на дерево взлез.

И вот настает полночь. Из гроба встает покойница, а лошади обернулись двумя девушками и все втроем принялись искать солдата. Долго не искали, покойница сразу его усмотрела:

— Вон он, на вершине дерева сидит! И теперь ему от нас не уйти!

Бросились тут три сестры к дереву, принялись его зубами грызть, трещит дерево, качаться начинает.

— Ну,— думает солдат,— кончилась моя жизнь!

Только подумал,— петух прокричал. Покойница грохнулась оземь, а девушки опять стали лошадьми. Солдат слез с дерева, уложил покойницу обратно в гроб, лошадей запряг и заставил их через речку перебраться вплавь. А на кладбище сдал покойницу попу, распрощался с ним и поехал назад к старушке. Входит, а старушка еле дышит, одна нога у нее — вся в крови.

— Что с тобой, бабушка?

— Две сосны — это мои ноги были,— говорит ему старушка,— без меня съела бы тебя покойница, и так прогрызла мне ногу до самой кости. А теперь поезжай на свою службу, больше ты мне не нужен...

Распрощался солдат со старушкой и уехал на свою службу.

И вот опять наступила полночь. Встала покойница в церкви, а кругом никого. Бросилась искать, там и тут искала,— нет никого. Тогда полезла она на колокольню и стала изо всей силы бить в набат. Проснулся от набата поп.

— Видно,— говорит,— проспал я, чорт возьми, если уже звонят!

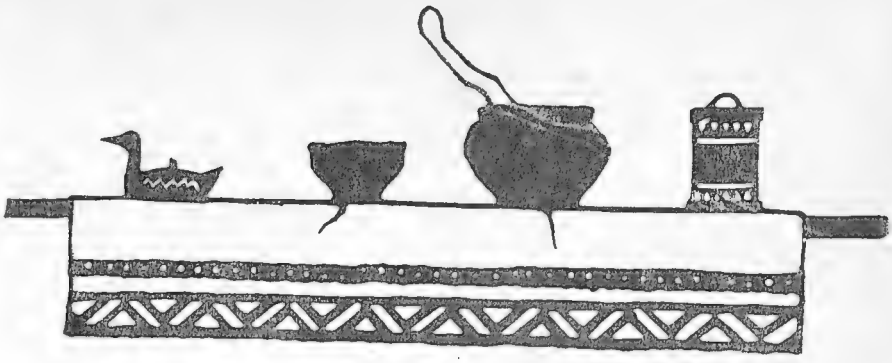
Побежал он в церковь и только вступил на паперть, как покойница набросилась на него и съела. Одни только ноги и остались, обкусала по самые голенища. А покойница опять залезла на колокольню, звонить продолжает. Проснулся от того звона псаломщик:

— Ох, опять я, чорт возьми, проспал! Опять поп ругаться будет!

Оделся кое-как да бегом в церковь. А покойница уж ждет: только он на паперть,— по самые голенища его съела. Одни только ноги в сапогах и остались. Но тут прокричал петух, и покойница замертво грохнулась оземь.

Все утро ждала попадья своего попа обедать. И полдень скоро, а попа все нет. Сходила к псаломщику, к сторожу, а там тоже мужья еще не приходили. Тогда пошли все жены в церковь и нашли там три пары ног; три пары ног торчали из стоявших на паперти сапогов. А рядом с ними лежала, скрючившись, вся в зеленой пене, привезенная вчера покойница.

Когда собрался народ, покойницу похоронили без отпевания, а церковь навсегда закрыли.



59. Каша из топора

Давно, очень далеко от нас служил один солдат. Кончил службу, пошел домой, пришел в одну деревню — просится ночевать. Но никто его не пускает:

— Солдат — злой человек,— говорят.

А в одном доме в той деревне жили старик со старухой. И очень любил старик слушать сказки. Встретился он с солдатом и спрашивает:

— Ты сказки умеешь рассказывать?

— Если хочешь,— всю ночь буду рассказывать, только слушать не уставай,— отвечал солдат.

— Иди ко мне спать,— пригласил его старик.

Солдат зашел, разделся, старуха накормила его ужином, старик с солдатом поднялись спать на полати, а старуха села было прясть с лучиной, но потом и она легла.

Начал солдат рассказывать, а рассказывать-то он и не умел. И потому принялся врать.

— Вот,— говорит солдат,— жили-были два человека. Отправились они однажды в лес, и в лесу один превратился в волка, а другой — в медведя. Захотелось им есть, а есть нечего. Погода же была плохая. Идут они по лесу, видят корову и пошли к ней.

— Чья бы ни была,— говорит медведь,— а съедим. Мхом сыт не будешь.

Волк не помешал — съели. Мне, конечно, рассказывать недолго, а прошло уже два месяца, и опять у волка с медведем нечего стало есть, а есть хочется. Искали они, искали, нашли лошадь. Недолго думая — к ней. Смотрит волк,— его эта лошадь, когда он еще человеком был.

— Давай, съедим эту лошадь,— говорит медведь волку.

— Моя эта лошадь,— отвечал волк,— не съедим.

— Корову съели,— ничего не говорили, а лошадь что! Да и есть охота.

— Ну, давай, съедим.

Съели они ту лошадь.

Я, конечно, быстро рассказываю, а прошел меж тем день, прошла ночь,— опять есть хочется, а есть нечего. Думали-думали, отправились поискать чего-нибудь, встретили старуху, собиравшую грибы.

— Съедим эту женщину,—говорит медведь,—голод—не тетка.

— Да ведь это моя жена,— отвечает волк,— как можно свою жену есть?

— Ну, раз бабу съесть нельзя,— давай бросать жребий, кого из нас есть!

Испугался волк, что ему жребий выпадет, и говорит медведю:

— Корову съели—моя была, лошадь съели—моя была, пусть уж и жены у меня не остается.

Медведь поймал бабу, волк ее придушил. Съели.

Идут дальше, а уж зима началась, снег падает. Медведю пора в берлогу, а волку деваться некуда,— лезут вместе в медвежью берлогу.

Лезут, а медведь и учит волка:

— Ты залезай подальше, а я буду возле входа. Придут охотники — меня убьют и потащат из берлоги, а ты в это время выскочи да через меня. Они испугаются и кинутся бежать, а мы с тобой тогда опять людьми станем.

Так и случилось, как сказал медведь. Охотники из их деревни нашли берлогу да обоих и убили—медведя и волка. Начали обдирать шкуру,— и вдруг видят, что это из их деревни два человека, потерявшиеся весной в лесу.

Тут солдат увидел, что слушатель его во-всю храпит. Перестал обманывать. Утром, как встали, солдат пошел дальше, к рассвету целый волок прошел, опять пришел в какую-то деревню. И опять у всех двери заперты: один пошел молотить, а двери оставил открытыми. Недолго думая, заходит солдат в избу, а в избе — одна очень старая старуха. Поздоровался солдат, помолился богу, говорит старухе:

— Отдохнуть, бабушка, не пустишь?

— Где служил?

Солдат сказал.

— Мой сын тоже служил,— говорит старуха,— да вот не знаю только где.

Тут солдат, долго не думая, просит у старухи поесть.

— С удовольствием бы накормила,— отвечает старая,— да не сварено еще ничего.

— Это пустяки!— отвечал солдат.— Печка у тебя топится, принеси топор да горшок, я вкусную кашу сварю да и тебя выучу.

Побоялась старая баба топор доставать, однако принесла и топор и глиняный горшок. Солдат всунул топор в горшок, а горшок поставил в печку. Печка растопилась очень жарко, горшок скоро вскипел.

— Хорошо бы,— говорит солдат старухе,— крупы какой-нибудь еще положить,— совсем вкусно будет.

Принесла старуха крупы. Солдат варит, помешивает да похваливает.

— Если бы чуток масла,— говорит опять солдат,— еще вкуснее будет.

Принесла старуха масла.

Положил солдат масла в горшок: готова каша.

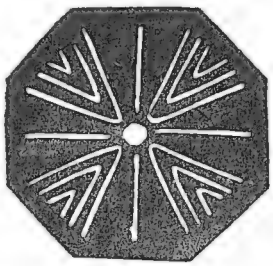
Вынул солдат горшок из печки, садится есть, все поел, оставил старухе на самом донышке, вместе с топором. И пошел дальше.

А старуха с тех пор стала варить по-новому. Сварила суп для молотильщиков из топора. Те съели суп — на дне топор.

— Это что такое?

Испугались и начали ругать старуху:

— Совсем ты с ума сошла, старая. Как можно из железного топора суп варить?



60. Как солдат подвел скупого мужика и злого царя

Прослужил солдат царю двадцать пять лет и отправился домой. Шел-шел, подвечер пришел в деревню. Все дома в той деревне на запоре, и, куда б ни стучался солдат, просясь ночевать, нигде не открывают. А мороз пробирает солдата. Что тут делать? Смотрит — из одной избы вышла женщина за дровами,— шмыгнул скорее в дверь, забрался на полати. Женщина вернулась с дровами, увидела солдата, гонит его прочь:

— Чего лезешь, куда не пускают? Уходи прочь!

Солдат сидит и молчит.

Вернулся из леса муж той женщины с дровами, жалуется ему жена, а мужик и спрашивает солдата:

— Сказки умеешь рассказывать?

— Умею.

— Будешь рассказывать — оставлю ночевать, не будешь — иди прочь.

Солдат согласился.

Прошло некоторое время, садятся тот мужик с женой ужинать, а солдата не зовут. Есть же ему хотелось очень. Думал он — думал, спустился с полатей, сел к общему столу. А после ужина легли спать: муж с солдатом — на полатях, а жена — на полу.

— Ну, давай, рассказывай,— говорит мужик.

Начал солдат рассказывать:

— Жили-были муж с женой...

Рассказывал-рассказывал, и оба они с мужиком превратились в медведей и убежали в лес. Убежали в лес, вырыли в нем берлогу, живут, целую зиму прожили. Вышли раз из берлоги,— корова идет. Растерзали ту корову и съели. Вот на другой день солдат-медведь говорит медведю-мужику: „Сегодня мы твоих коров съедим. Твоя жена увидит нас,— расскажет мужикам, и они нас поймают. Меня застрелят, а ты тем временем убежишь. Потом с меня и с коров снимут шкуры и повесят сушить. А сами

пойдут за лошадьми. Тем временем ты мою шкуру обязательно укради и спрячь. Если не украдешь, придется мне навсегда медведем оставаться, а украдешь — опять мы с тобой людьми станем". Пошли они за коровами, видят — три коровы стоят, и всех задавили. Жена пошла коров искать — видит: медведи, да бегом на деревню. Мужики прибежали с ружьями, застрелили медведя-солдата, а мужик-медведь удрал. Тут же сняли мужики шкуры с медведя и коров, повесили их на деревья, а сами отправились за подводами. Тем временем мужик-медведь подкрался к шкуре медведя-солдата да как дернет за нее, да как грохнется с полатей на пол.

— Что случилось?— закричала жена, испугавшись.

— Как что случилось?— отвечает муж.— Мы с солдатом трех коров съели.

— Ну, где там съели. Вы спали на полатях и даже на двор не выходили.

Пошли смотреть в хлев мужик с женой. Стоят коровы целехоньки.

Утром солдат проснулся и пошел дальше.

Шел-шел и опять пришел в деревню.

Один мужик пустил его ночевать.

А утром проснулся солдат — не может даже с места сдвинуться: везде болит. Двое суток пролежал у того мужика, все не поправляется. Тут уж мужик стал просить солдата, чтоб он оставил его дом.

— Держи меня, покуда я не выздоровлю,— отвечал ему солдат,— я тебе по рублю за каждый день платить буду.

Мужик, конечно, согласился, и проболел солдат год и три месяца, и за каждый день заплатил мужику серебряными рублями, так что у мужика оказалось чуть ли не целое ведро денег.

Когда ушел солдат, мужик положил деньги на шкап, а сам пошел убирать навоз на дворе. Убирает и думает: „Как же это я столько денег положил на шкап? Ведь украсть могут". Идет назад в избу, смотрит деньги, а в бураке, куда он их положил, вместо денег — кусочки бересты.

Побежал мужик к уряднику, рассказал ему, в чем дело. Урядник с сотским погнались за солдатом, воротили. Спрашивают солдата:

— Зачем ты вместо денег мужику бересту давал?

— Я не давал ему бересты, я ему давал серебряные деньги,— отвечал солдат.— Деньги ведь я тебе давал?— спрашивает он у мужика.

— Деньги,— говорит мужик.

Дело дошло до суда, суд не знает, как быть. Передает дело царю, а тот приказывает отрубить солдату голову.

— Как же ты,— говорит солдат царю,— хочешь мне голову отрубить, когда я честно прослужил тебе двадцать пять лет? Вот посмотри мой билет! И мужику я давал деньги, а не бересту.

Не слушает царь солдатских слов, зовет палачей.

— Отпусти меня,— опять говорит царю солдат,— хоть на пять минут проститься с белым светом.

Царь отпустил его на пять минут. Вышел солдат на крыльцо, и вдруг, откуда ни возьмись, полилась вода, все больше и больше. Вот уже первый этаж под водой; царь поднялся во второй этаж. А вода все прибывает, уже второй этаж заливает. Царь скорее на третий этаж. Вода и к третьему этажу дошла. Полез царь на крышу дома, а вода все прибывает. Залез царь на трубу, и вода за ним. Заливает царя вода, дошла до колен, и помощи ниоткуда нет.

Вдруг плывет лодка, и в той лодке какой-то человек. А это, оказывается, мужик плыл. Увидал его царь, кричит:

— Был я царем, не возьмешь ли меня в лодку?

— А что проку, что царь?— отвечал мужик.— Пойдешь ко мне в батраки — возьму.

Пришлось, конечно, поступить тому царю в батраки, согласились на лето за шестьдесят рублей. Мужик посадил царя в лодку, и они поплыли к его избе,— недалеко она была, очень худенькая изба. И жил тот мужик рыбной ловлей.

Прожил царь лето в батраках, просит расчет и деньги. А мужик ему и советует:

— Вот получишь с меня шестьдесят рублей, тут город неподалеку, пойди туда, купи белой муки и мяса, наделай пельменей и начни торговать.

Царь так и сделал. На все деньги в том городе наделал пельменей, и очень быстро раскупили у него молодые люди. Пельмени все продал, муки лишь немного осталось. Подсчитал царь деньги,— сто двадцать рублей у него. Опять на все деньги наделал пельменей, опять все пельмени продал, лишь немного муки осталось, а подсчитал деньги — двести сорок рублей.

— Отличная, однако, торговля!— говорит царь да и взялся мешать оставшуюся муку, мешал-мешал, нашел в ней человеческую руку. Испугался царь, хотел было припрятать свою находку, да один человек увидел да и донес полиции. Пришла полиция, сделала обыск, отдала царя под суд:

— Может быть,— говорят ему,— ты все время пельмени из человеческого мяса стряпал.

Судили бывшего царя, судили и передали дело царю той страны, а тот приказал отрубить пельменщику голову. Ушам не верит царь, однако уж палач входит. Стал он тут плакать и просить, чтоб его оставили в живых.

А в это время как раз входит солдат. Прошло пять минут, и он вернулся. Вернулся и просит царя:

— Не руби мне голову.

— У меня у самого рубят,— отвечает ему царь.

Удивился таким царским словам палач, а царь огляделся вокруг,— оказывается, сидит он в своим доме, около него палач стоит, тот самый, которого он позвал солдатскую голову рубить. Напротив солдат стоит, ждет, когда ему голову отрубят. И нет в той комнате никакого другого царя.

С испугу простил царь солдата сейчас же и дал еще много денег ему на дорогу. Пошел солдат домой и, наконец, пришел и очень хорошо дома зажил и теперь еще живет.

Вот как умный солдат подвел скупого мужика и злого царя.

61. Как солдат от царя избавился

Жили-были крестьянин с женой, и был у них сын, солдат. Вот раз пошел тот солдат на берег черной реки, прохаживается по берегу, видит: летят три орла. Сели на берег орлы, превратились в трех красивых девушек, разделись и пошли в реку купаться.

Солдат подкрался и украл платье одной девушки.

Вышли девушки на берег, две из них оделись и улетели, а третья осталась на берегу и говорит:

— Кто же это одежду у меня своровал? Если молодой человек,— будь мне женихом! Если пожилой человек,— будь мне вместо дяди.

А солдат ей в ответ:

— Я — молодой человек!

— Кинь мне хоть платье,— говорит девушка,— а то мне стыдно к тебе подойти!

Кинул ей солдат платье, оделась она и стала его женой.

Как-то однажды жена говорит солдату:

— Иди-ка ты в город, найди в городе трехэтажный дом и сними в нем квартиру. Поселись в нем, открой все окна, я к тебе на окошко прилечу.

Как наказала она солдату,— он так и сделал. Раскрыл окошки, прилетел орел, сел на окошко, превратился в красную девицу. И зажили они хорошо.

Долго ли — коротко ли прожили они,— умерла в это время у царя жена. Овдовел царь и затосковал; тоскует у окошка, видит — хромой монах к нему идет. Зашел к царю и спрашивает:

— О чем тоскуешь, царь?

— Как мне не тосковать! Служит у меня солдат, и тот сумел найти себе красавицу-жену, а мне, царю, и жены нет!

— А ты отними у солдата.

— Как же у него отнять-то?

— Возьми да и пошли его на ту самую реку, где он достал себе жену. Там живет лютая змея. Кого туда ни посылали — никто назад не возвращался. Вот ты и пошли солдата, пусть принесет тебе сердце той самой змеи...

Послушался царь совета того монаха, зовет к себе солдата:

— Иди, мол, к такой-то и такой-то реке, живет там змея. Убей ту змею, принеси мне ее сердце. Оно мне вместо лекарства будет.

Пришел солдат домой, рассказывает жене.

— Ну, вот что,— отвечает она,— возьми этот шелковый клубок и золотое колечко. Колечко надень на правый указательный палец. Да возьми еще вот этот нож.

Взял солдат колечко, нож, шелковый клубок и отправился в дорогу. Пустил клубок на землю, он катится, ведет солдата.

А царь, как только ушел солдат, собрал войско, приступил к его дому — жену его с собой увести. Но жена оковала весь дом железом в аршин толщиной, даже окна не оставила, и, как ни били, как ни ломали железную стену,— пробить ее не могли. Так и ушли ни с чем,

Следом за шелковым клубком дошел солдат до реки, где жила змея. Увидел змею, снял колечко с правого указательного пальца, надел на левый,— грохнулась змея на землю. Подбежал к ней солдат, вырезал ножом сердце и вернулся к царю.

И опять сел скучать царь у окошка. Видит — хромой монах идет. Зашел монах и говорит:

— А ты пошли солдата за чугунными картами.

Позвал царь солдата и говорит:

— В такой-то и такой стране живут три брата, в чугунные карты играют. Принеси мне эти карты. Даю тебе три года сроку; не выполнишь моего приказания — голову сниму.

Рассказал солдат жене, что царь его за чугунными картами посылает, и дала та ему шелковый клубок да шелковый платок. Покатился клубок, показывает дорогу, идет солдат за ним следом.

А царь тем временем опять подходил с войском к дому солдата, бил-бил железные стены толщиной в аршин, ни с чем вернулся домой.

Идет солдат следом за клубком, глядь — перед ним избушка на петушином мизинце вертится. Зашел в избушку, в ней сидит женщина, и зубы у той женщины выступают на четверть аршина изо рта. Собралась та женщина слопать солдата, а он ей и говорит:

— Подожди меня лопать натощак. Накорми сначала. Усталому человеку все равно от тебя никуда не уйти.

Стал солдат умываться с дороги, женщина подает ему полотенце.

— Не надо,— отказывается солдат,— у меня с собой женино полотенце есть.

Вынул из сумки шелковый платок и стал вытираться. И в тот же миг женщина с длинными зубами превратилась в красивую девицу и говорит ему:

— Оказывается, ты мне зятем приходишься. Что ж сразу не сказал?

Накормила она солдата, напоила досыта, отправился солдат дальше за клубком.

Шел-шел, опять перед ним избушка вертится на петушином мизинце.

Вошел в избушку, опять сидит женщина с зубами в четверть аршина и собирается его слопать.

— Подожди,— говорит ей солдат,— дай хоть помыться. Что ж ты меня съешь немытого!

Стал умываться, а женщина позади с полотенцем стоит. Но от полотенца ее солдат отказался, вытерся шелковым платком:

— Мне,— говорит,— твое полотенце и на портянки не годится.

Только стал вытираться,— опять перед ним красавица:

— Что ж,— говорит,— сразу не сказал. Ты мне зятем приходишься.

Накормила его, напоила, утром солдат отправился дальше. Шел-шел,— перед ним большая изба. Вошел в нее,— сидят три брата, чугунными картами играют. Увидели его, кинулись все трое, слопать хотят.

— Дайте хоть в карты сыграть!— говорит им солдат.

— Хорошо,— говорит старший брат,— дадим тебе сроку полчаса.

Сел он с ними играть в карты да с устатку и заснул. Прошло полчаса, его будят, а он опять просит:

— Дайте хоть пять минут еще.

Дали ему еще пять минут сроку, и он опять заснул. А это, оказывается, солдатовы шурины были. Когда солдат проснулся, они его накормили, напоили, цареву бумагу посмотрели,— видят: до назначенного царем срока всего два дня осталось.

— Ну, что ж,— говорят шурины солдату,— у тебя еще есть время до завтрашней обедни. Как раз к сроку поспеешь.

А, когда наступила завтрашняя обедня, посадили они солдата на орла, дали ему чугунные карты и скрипку-самоигранку и отправили к жене. Очень скоро вернулся солдат домой, посидел с женой немного, идет с картами к царю. А у того — гостей полон дом. Входит солдат в дом и спрашивает царя:

— Можно мне на скрипке поиграть?

— Можно!— отвечает царь.

Только начал играть солдат на скрипке, как бросятся все гости плясать. До того плясали, что все одежды на себе изорвали.

— Ну,— говорит царь,— если бы ты у меня сначала не спросился,— отрубил бы я тебе голову...

Вернулся солдат к жене, да и гости начали расходиться. А царь опять загрустил у окошка. И в третий раз пришел к нему одноногий монах и спрашивает:

— О чем грустишь, царь?

— Как не грустить! Солдату и тому нашлась жена, а мне все не находится!

— А ты отправь его за невидимкой, которая живет неизвестно где. Ее-то уж он никак не найдет. Вот солдатова жена и станет навсегда твоей хозяйкой.

Послушал царь того монаха и приказывает солдату собираться в путь за невидимкой. Опечалился солдат, рассказывает своей жене. А она и отвечает:

— Этого и я не знаю. Иди к моим братьям, у них спроси.

Отправился солдат по старой дороге, дошел до дома братьев, спрашивает.

— Этого мы не знаем,— отвечают братья,— но есть у нас верст за тридцать отсюда наш отец, очень он собой страшный, испугаешься ты. И в печку, пожалуй, тебя посадит. Попробуй к нему сходить, он знает.

Пошел солдат в указанное место. Верно: встретил его страшный человек, схватил и, ни слова не говоря, засунул в печку. Выпарился в той печке солдат, вылез окачиваться, а страшный человек подает ему полотенце.

— Это полотенце мне и для портянок не годится,— отвечает солдат и вынимает шелковый платок, и по тому платку догадался страшный человек, что пришел к нему зять.

Попили они, поели, спрашивает страшный человек:

— Зачем пришел?

— Послал меня царь за невидимкой.

— Ну,— отвечает страшный человек,— этого и я не знаю. Но погоди немножко!

Пошел в амбар, целый день рылся в книгах, ничего не нашел в тех книгах про невидимку. И второй день искал. И третий.

— Не нашел еще! — говорит он солдату.— Обожди еще!

А он, оказывается, над всеми птицами и зверями был набольшим. В первую-то ночь, оказывается, выходил он и созывал всех птиц:

— Знаете вы про невидимку?

— Не знаем,— отвечали птицы.

Во вторую ночь всех зверей собирал:

— Знаете вы про невидимку?

— Не знаем! — отвечали звери.

В третью ночь всех рыб собирал, ящериц и змей, всех лягушек.

Никто не знает.

И вдруг приползает хромоногая одна лягушка.

— Я,— говорит,— знаю.

И повела солдата к невидимке. Приезжают, наконец, к одной избе, лягушка и говорит:

— Ступай в эту избу, спрячься за шкапом, смотри, что будет.

Зашел солдат в избу, сел за шкапом, ждет. Вдруг в избу входит чорт, приказывает громким голосом:

— Невидимая глазами, принеси мне двенадцать бутылок вина и двенадцать бутылок пива.

И появляются на столе двенадцать бутылок вина и двенадцать бутылок пива. Напился чорт допьяна, заснул. А солдат и скажи по его примеру:

— Невидимая глазами, принеси мне двенадцать бутылок вина и двенадцать бутылок пива.

Появились на столе вино и пиво, но солдат не пьет и спрашивает:

— Пойдешь ли ты со мной, невидимая глазами?

— Пойду, если возьмешь,— отвечает невидимка.

Взял солдат с окошка брусок, палку да чуман со смолой, и они отправились. Шли-шли, вдруг невидимка говорит:

— Чорт за нами гонится! Брось палку.

Бросил солдат палку, тотчас позади них вырос густой лес. А чорт через тот лес перескочил, опять гонится.

— Бросай брусок! — говорит невидимка.

Бросил солдат брусок, позади них большая каменная гора поднялась. А чорт через ту гору перебрался каким-то образом, опять гонится.

— Бросай чуман со смолой!

Бросил солдат чуман, разлилась позади них река из смолы, и не посмел чорт через смоляную речку перейти.

Ушли они от чорта, построила невидимка избу, и входит в нее солдат. Вошел и приказывает:

— Двенадцать бутылок вина и двенадцать бутылок пива!

Мигом появились на столе двадцать четыре бутылки, выпил солдат и охмелел. А невидимка забралась на печку.

В это время проходил мимо богач, увидел избу и говорит:

— Никогда здесь избы не было. Дай посмотрю, что это такое?

Только было за дверь взялся, а невидимка как ударит его по лбу. Богач упал в сенях и лежит. Наутро выспался солдат и спрашивает:

— Кто это там лежит в сенях?

— А это,— отвечает невидимка,— вчера один в избу взойти попробовал. Да я его ударила по лбу.

— Зачем же досмерти?

— Ничего! Встанет,— отвечает невидимка.

И верно. Только сказала эти слова невидимка,— входит в избу богач.

— Двенадцать бутылок вина и двенадцать бутылок пива! — приказывает солдат.

Видит богач: появляются на столе бутылки с вином и пивом. Угостил его солдат доотвалу, опьянел богач и говорит:

— Давай женами меняться!

— Давай,— отвечает солдат.

— Я тебе в придачу два яйца дам. Бросишь одно направо,— царское платье появится; бросишь другое налево,— хорошая обувь появится.

Взял те яйца солдат и разошлись каждый в свою сторону. Идет солдат и думает:

— Эх, если бы невидимка была со мной.

— Я здесь! — отвечает невидимка.

И построила для солдата вторую избу. А солдат, как в нее вошел, опять допьяна напился и охмелел.

Шел мимо той избы второй богач, увидел избу, удивился никогда в этом месте избы не было; решил зайти, но только открыл дверь — ударила его невидимка по лбу, он и повалился в сенях.

Утром солдат проснулся, спрашивает:

— Зачем досмерти его ударила?

— Не досмерти,— отвечает невидимка,—встанет сейчас.

И верно: богач уж и в избу входит. И опять угостил допьяна солдат, и, когда оба напились,— поменялись женами, а богач дал в придачу два яйца: если одно из них разбить — появятся сами собой богатые платья для царицы, второе разбить — хорошие ботинки. Поменялись и разошлись каждый в свою сторону.

Идет солдат и думает:

— Эх, если бы невидимая глазами была со мной!

— Я здесь уже! — отвечает невидимка.

В третий раз выстроила она солдату избу, и в третий раз солдат, как только вошел, потребовал себе двенадцать бутылок вина и двенадцать бутылок пива и напился окончательно.

А мимо шел мужик с топором.

— Что это,— говорит,— такое? Вчера не было здесь избы, а сегодня изба есть!

Только взялся за дверь, невидимка как стукнет его по лбу.

— Зачем досмерти мужика убила? — спрашивает поутру солдат.

— Может быть, он, с топором, тебя убить хотел,— потому и ударила. Да не умрет — встанет!

Входит тот мужик в избу, напились они доотвала, сидят.

— Хочешь, женами поменяемся?—говорит солдат.— Ты мне — жену, а я тебе — два яйца. Бросишь одно яйцо — город поднимется, второе бросишь — сама Москва перед тобой встанет.

Мигает солдат невидимке:

— Брать ли?

— Бери! Бери! — шепчет ему невидимка.

Обменялись и разошлись в разные стороны. Идет солдат, соскучился и говорит:

— Эх, если бы невидимая была со мной!

— А я здесь! — отвечает невидимка.

И вот, наконец, приходят они в город. Снял себе солдат самую красивую и веселую квартиру. А жену его царь уже к себе увел: „Твой,— говорит,— муж все равно умер давно, выходи теперь за меня замуж". Но свадьбы еще не было, все оттягивала солдатова жена свадьбу. То хорошего платья у нее нет. То красивой обуви... Услышал про то солдат, бросил яйцо,— появилось красивой обуви видимо-невидимо. Отобрал он самые лучшие башмаки, посылает царю с квартирной хозяйкой:

— Эти башмаки не сгодятся ли?

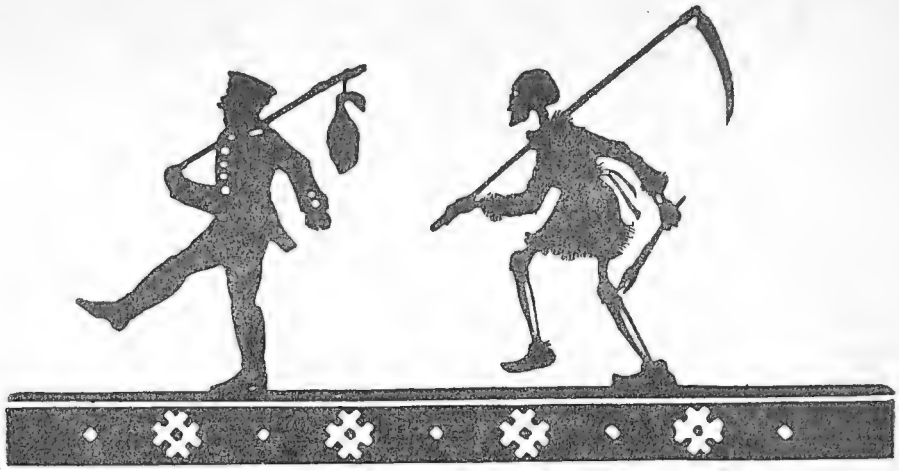
— Очень сгодятся,— отвечает солдатова жена.— А теперь мне нужно красивое платье.

Ударил солдат вторым яйцом об землю,—появилось красивых платьев видимо-невидимо, и отправляет он ей лучшее платье.

И после этого повенчался царь с солдатовой женой.

Отправился солдат вместе с невидимкой на царский свадебный пир. Входит, а царь с его женой уж и за стол сели. Увидел царь солдата, до того обозлился, что упал и со злости умер.

Только тем и избавился солдат от царя. И остались ему царство и жена.



62. Как солдат в раю и в аду побывал

Когда-то давно жил-был один солдат. Прослужил он двадцать пять лет, и на двадцать шестой год отпустили его домой. Вот отправился солдат домой проведать своих родителей. Шел-шел и попросился в одну избу переночевать:

— Пусти, хозяин, служилого человека переспать!

— Спать милости просим, а кормить-поить у нас и для ребят ни крошки хлеба нету!

Вынул солдат из сумки остатки своего хлеба и говорит:

— Ешьте, кому сколько хватит.

На другой день служивый отправился дальше. И повстречался с нищей.

— Помоги, служивый,— говорит она солдату,— нищей старушке, дай мне, меня жалеючи, кусочек хлеба.

Солдат пощупал углы своего мешка, не нашел ни одной крошки. Поискал в карманах, нашел пять копеек, отдал эти деньги старухе.

Старушка за это отдала ему свою нищую суму и говорит:

— Возьми, служивый, за свою милостыню эту суму. С этой сумой и с голоду не умрешь и нигде не пропадешь.

Взял солдат суму нищей и отправился дальше. Шел-шел, захотел поесть. На ночевке отдал последний хлеб, последние деньги отдал нищей старухе, табаку — и того на закурку нет.

Сел солдат у дороги, почесал затылок и тут вспомнил про старухину суму.

— А хорошо бы,— говорит,— если бы в этой суме были кусок хлеба, бутылка вина и кошель полный табаком,— и хлопает рукой по суме.

А из сумы молодец выскакивает:

— Чем могу служить тебе, новый хозяин?

Солдат обрадовался, говорит:

— Пусть сейчас будут тут стол и стул, и чтобы на столе было полно самых вкусных кушаний и напитков, да курева хорошего.

И тотчас перед солдатом оказался стол, на столе — в чашках еда и кисет с табаком. Досыта наелся солдат, напился, до угара накурился и опять ударил по суме:

— Ну, пока сыт и пьян. Можешь обратно все убирать!

Ни еды, ни напитков на столе не стало. И молодец прыгнул назад в суму солдата, словно его и не бывало.

Шел-шел солдат, пришел в город.

Прослышал он, что есть-де у царя очень красивая дочь Елена Прекрасная, и говорит себе солдат: дай-де схожу к царю посмотреть на Елену Прекрасную, не выйдет ли она за меня замуж? Подходит к царскому дворцу, а часовые его не пускают, толкают взашеи; ударил солдат по сумке,— из сумки молодец выскакивает:

— Какую службу прикажешь служить, новый хозяин?

Солдат ему приказывает:

— Вот эти болваны меня к царю не пускают. Дай каждому по голове.

Ударил молодец каждого часового по разу, часовые, как мешки с сеном, полетели в разные стороны. Вошел солдат к царю. Спрашивает царь:

— По какому делу, служивый, пришел ко мне?

— Я пришел,— отвечает солдат,— дочь твою сватать. В гости к тебе пришел.

Царь и говорит:

— Три дня гости у меня. Если понравятся мои угощения,— тогда годишься в зятья мне...

Приказал царь посадить солдата в тюрьму, а вместо угощенья поставить кадку с водой и тем угощать его. Сидит день солдат в тюрьме, сидит другой и ничуть не горюет. Ударил по суме,— и на столе полным-полном, дымятся кушанья, стоят напитки, и сколько хочешь табаку, а больше служивому человеку ничего и не нужно.

Послал царь своих слуг к солдату спросить,— доволен ли он царским угощением?

Солдат отвечает слугам:

— Очень доволен. Пусть царь-батюшка сам придет со мной вместе пообедать да выпить рюмку водки.

Пришел царь в тюрьму к солдату. Ударил солдат по суме и говорит:

— Ну, молодец, чтобы был здесь полон стол всяких самых вкусных кушаний и напитков и разнообразных закусок.

Выскочил из сумки молодец и все, что требовалось, приготовил.

Угощается царь у солдата, удивляется: никогда в жизни ничего вкуснее не едал!

Пообедав, украл царь со стола золотую ложку и спрятал к себе в карман. Сосчитали после еды ложки,— нехватает одной. Солдат и спрашивает:

— Не украл ли ты, царь, у меня ложки?

— Нет,— отвечает царь,— не украл.

Ударил солдат по суме и говорит:

— Тому, кто у меня украл золотую ложку,— две пощечины! Ну, молодец, ищи украденную ложку.

Выскочил молодец из солдатской сумы и достал пропавшую ложку из кармана царя. Ударил царя по щеке — покатился царь в одну сторону, ударил по другой — в другую сторону покатился царь. Чуть жив остался.

И говорит царь солдату:

— Отдам за тебя дочь, если проспишь одну ночь в моем новом дому и прогонишь оттуда гостей.

— Почему и не поспать в новом дому! — отвечает солдат.

Пошел солдат спать в новый дом. На ночь его кругом заперли. Только начало темнеть, — готовится солдат спать ложиться. Вдруг откуда-то набралось чертей столько, сколько мошек бывает. И говорят черти солдату:

— Зачем ты, служивый человек, сюда, в наш дом, пришел? Мы тебя сейчас убьем!

А солдат в ответ:

— Табак ваш без смаку станет, — убить меня!

Ударил по суме:

— Дай, молодец, поужинать, подзакусить.

Выскочил из сумы молодец, и полон стал перед ним стол кушаний и напитков. Солдат водку пьет, а черти с завистью поглядывают на его еду и питье. И говорят:

— Не продашь ли эту суму нам?

— Сума эта, — отвечает солдат, — не продажная, а заветная. Если в эту суму все вы, черти, сможете разом влезть, — без всякой платы ее отдам.

Тут черти начали уменьшаться, уменьшаться, совсем как мошки стали, — все в суму влезли. Солдат покрепче перевязал свою суму, взял гирю в полпуда и начал колотить ею по суме, набитой чертями. Бил-бил, бил-бил, закричали черти из сумы:

— Пусти нас, служивый! Никогда наперед не будем сердиться на то, как ты пьешь!

А солдат еще крепче бьет гирей по суме, набитой чертями, а сам приговаривает:

— Будете или нет попадаться мне еще когда-нибудь? Будете или нет пакостничать?

Взял суму и вытряхнул чертей за окно. Вскочили черти и без памяти разбежались, кто куда мог, и больше никогда не показывались в этом доме.

А царь уж думал, что он освободился от незваного зятя, что черти задушили его в новом доме.

На другой день пришел солдат к царю, говорит:

— Моя служба кончилась. Теперь волей-неволей придется отдать Елену Прекрасную за меня замуж.

Не хотелось царю отдавать свою дочь за солдата, но больше отказывать он не посмел. А солдат тут вдруг сам не захотел жениться на его дочери: я-де сначала схожу своих стариков-родителей проведаю, потом года три погуляю, а если и тогда захочется — приду свататься к Елене Прекрасной.

Взял свою суму и отправился домой.

Шел-шел, а навстречу ему — очень безобразная старуха. В одной руке у старухи клещи, в другой — большая коса. Безобразная старуха загородила солдату дорогу, говорит:

— Ну, служивый, попался ты мне сейчас, долго я тебя искала,— нигде найти ни могла. Я — твоя смерть!

Рассердился солдат, схватился за свою саблю, но смерть раньше успела взмахнуть косой.

И пришел солдат на тот свет, в рай, но его туда не пускают: в раю-де нет места солдату.

— А нет, так и не надо,— говорит солдат,— я и в ад пойду! Если еда есть, да табаку вволю,— мне больше ничего не надо, мне и в аду будет отлично.

Спустился солдат в ад. Черти его схватили и к своему жаркому огню потащили. Солдат как стал по-солдатски да крикнул на чертей громким голосом:

— Ах, вы, босые ноги, тонкие бока! Забыли, как я вас в царском доме полупудовой гирей грел?

Услышали эти слова черти — разбежались, как овцы, к набольшему чорту побежали с жалобой:

— Ой, дедушка, старший чорт, сердитый тот солдат к нам в ад пришел, весь ад грозится разломать.

Испугался старший чорт, спрятался в дальний угол ада, кричит оттуда солдату:

— Иди, служивый, из нашего жилья! Что хочешь бери, а нас не трогай.

— А что я из вас буду делать? Из вашей кожи сапог не сошьешь!

Пока не надоело, гулял солдат по аду, чертей пугал, командовал над ними и отправился, наконец, назад в рай.

Бог ему и говорит:

— Пойди, попроси у архангела Михаила ружье и становись, служивый, райские ворота охранять. Петр и Павел у меня состарились, не могут больше сторожить.

Дали солдату винтовку и поставили охранять райские ворота. Вот стоит солдат с винтовкой, караулит; видит — смерть поднимается в рай. Солдат тряхнул ее за рукав, говорит:

— Как ты, куча костей, смеешь в рай входить? Кто тебя звал?

Смерть в ответ:

— Я к богу с докладом иду! Надо у него спросить, какого возраста людей в этом году велит он мне убивать.

— Бог,— отвечает солдат,— без моего доклада велел никого к себе не пускать. Возьми у меня винтовку, покарауль райские ворота, чтобы никто сюда не вошел, пока я схожу к богу. А я схожу и за тебя сам спрошу.

Бог через солдата велел передать смерти: в этом-де году надо убивать самых старых дедушек и бабушек. Солдат и думает про себя: „А мои-то родители очень уж стары. Если так передам,— смерть сейчас же моих стариков-родителей зарежет. Так мне их и не придется повидать". Изменил солдат божье повеление и передал смерти так: в этом-де году бог велит убивать не по возрасту, а по чину. Иди-де на землю и убей всех генералов и полковников.

Стоял-стоял солдат у райских ворот, прошел год. Смотрит — тащатся-идут в рай генералы с эполетами да полковники со

светлыми пуговицами, а за ними, своими сухими костями постукивая, смерть бредет. Издалека машет смерть солдату руками и кричит:

— Открывай, служивый, райские ворота! Генералы и полковники идут!

А солдат смерти кулак под самый нос сует и говорит:

— Кто тебе велел генералов и полковников в рай тащить? Сейчас же гони всех в ад! Таков приказ бога.

Повела смерть генералов в ад, отвела и опять к райским вратам возвращается — спросить, кого в будущем году бог убивать велит. Солдату не понравилось божье повеление: велел бог убивать всех мужчин средних лет. Подумал солдат — по этому приказу смерть убьет его братьев, и ему никогда не повидать их. Изменил солдат божье повеление и так передал его смерти: в этом-де году бог повелел убивать не по возрасту, а по званию. Иди-де ты на землю и убей там всех попов.

Стоял солдат у райских ворот, так и второй год прошел. Видит — попы оравой тащатся в рай, а за ними, постукивая сухими костями, смерть бредет. Издали смерть машет руками, солдату кричит:

— Открывай, служивый, райские ворота! Попы в рай идут!

А солдат смерти под самый нос кулак сует, отвечает:

— Кто тебе велел этих длинноволосых чертей в рай тащить? И так уж здесь много длинноволосых! Гони их всех в ад! Таков приказ бога.

Погнала смерть попов в ад, опять к райским воротам вернулась.

— Спроси, служивый, у бога, какого возраста в этом году людей убивать?

— В этом году,— отвечает ей солдат,— бог повелел убить двадцать пять царей, пятьдесят архиереев, всех купцов и всех судей.

Стоял-стоял солдат у райских врат, и третий год так прошел. Идет опять смерть, ведет за собой царей, архиереев, купцов, судей, издали машет руками, кричит:

— Открывай, служивый, райские врата,— праведники идут!

Солдат опять смерти под самый нос кулак сует:

— Вот я тебе дам, куча костей! Нашла праведников! Кто велел тебе сюда их вести? Гони их сейчас же в ад! Таков божий приказ!

Погнала смерть их всех в ад, опять к райским вратам вернулась, просит солдата сходить к богу, спросить — кого в этом году убивать? А солдат рассердился и говорит:

— Надоела ты мне, я тебе не слуга и не батрак! Если хочешь — иди сама и спрашивай.

Узнал бог из рассказа смерти о всех проделках солдата, велел поймать его и привести к себе.

— Что ты наделал, служивый? Генералов ты велел смерти поубивать?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— Попов ты велел смерти поубивать?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— Царей и архиереев ты велел поубивать?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

Рассердился бог, говорит солдату:

— Выгоню я тебя, служивый, из рая за такую работу. Отнял ты у смерти кусок хлеба, нечего ей стало делать, и должен ты будешь три года на своем коште содержать смерть.

Вот отправился солдат из рая на землю обратно, а смерть за ним, как тень, гонится: куда солдат — туда и смерть. Садится солдат есть,— и смерть с ним, одна за пять человек съедает. Садится солдат водку пить,— и смерть с ним, за пять человек пьет. Садится солдат курить, и, пока выкуривает одну цыгарку, смерть пять цыгарок успевает выкурить.

Рассердился солдат на смерть:

— Долго ли ты будешь на моем коште отъедаться? Не стану же я тебя три года кормить-поить.

Шли-шли они, подошли к кабаку. Смерть и говорит солдату:

— Давай, служивый, в кабак зайдем, выпьем немножко.

А солдат думает про себя:

— Ну, и проучу я тебя немножко!

Наложил полсумы камней, говорит смерти:

— Куда же с тобой в кабак заходить! Тебя, куча костей, увидят,— все люди испугаются. Будет лучше, если ты в мою суму заберешься, а я буду тебе туда водку подавать.

Так и сделали. Влезла смерть в солдатскую суму, говорит оттуда:

— Ой! Здесь на камнях жестко мне лежать! Камни все бока искололи! Выкини из сумы камни!

— Сиди,— отвечает солдат,— и чорт с тобой! Мучайся!

Перевязал солдат суму покрепче, начал смерть трясти: ать-два! ать-два!— и трясет смерть в суме с камнями. А у смерти только кости трещат между камнями.

Потом зашел солдат к кабатчику, выпил немного и говорит:

— Вот, кабатчик, в моем мешке смерть сидит. Если я ее выпущу из мешка на волю, она сразу тебя убьет. Что дашь, чтоб я на волю смерти не выпустил?

Испугался кабатчик:

— Что хочешь, то и бери, только смерти на волю не выпускай!

Простил солдат кабатчика, привязал к двери кабака мешок со смертью и говорит:

— Я схожу, проведаю стариков-родителей; покуда не вернусь,— не смей трогать мешка со смертью. Пусть здесь на двери болтается.

Осталась смерть висеть на двери кабака в мешке, набитом камнями. И каждый раз, когда открывали и закрывали дверь, трещали ее кости на камнях.

Пришел солдат домой, а его старики-родители еще живы. Очень им любо стало, что еще живыми глазами пришлось увидеть своего сына. Прогостил солдат дома год и пошел к кабатчику проведать смерть. Выпустил ее из сумы, набитой камнями, и говорит:

— Ну, смерть, каково гостилось у кабатчика?

А смерть чуть жива осталась. И опять принялась, как тень, за солдатом ходить. Думает солдат: „Чем бы мне тебя опять потешить?“ Купил табакерку, набил ее до краев нюхательным табаком и принялся нюхать. Понюхал раз — чихнул, второй раз — опять чихнул, а смерть и говорит ему:

— Дай, служивый, и я понюхаю табаку.

У смерти уж такая привычка была: что солдат делает, то и смерть за ним.

— Понюшки табаку,— отвечает солдат,— для тебя, смерть, маловато будет. Лучше будет, если ты сядешь в табакерку,— тогда хоть целый день не переставая нюхай.

Села смерть в табакерку, взял ее солдат, плотно закрыл и положил к себе в карман. Слышит, как смерть там чихает, и громко смеется. Целый год держал солдат смерть в табакерке, потом выпустил и спрашивает:

— Ну, каково, смерть, в табакерке жить?

А смерть еле жива осталась.

И опять ходит за солдатом, как тень, солдатским коштом кормится. Сядет солдат есть,— смерть рядом садится, в пять раз больше него съедает. Вот солдат сделал большой ящик и говорит смерти:

— Залезай, смерть, в ящик и снутри выстругай его стенки.

Залезла смерть в ящик, а солдат прикрыл скорее крышку и запер смерть на замок. Отнес на кладбище, выкопал там яму, положил в нее ящик со смертью и землей засыпал. Вот-де тебе, куча костей: мучайся! Отлеживайся в земле! Год прошел, другой год прошел, а о смерти и не слыхать. Никто не умирает.

Послал бог ангелов своих искать смерть,— куда подевалась? Искали-искали, искали-искали, нигде не могли найти. Пришли, наконец, к солдату, спрашивают:

— Куда, служивый, ты смерть спрятал?

— Я,— отвечает солдат,— на кладбище ее отнес и похоронил. Ищите сами!

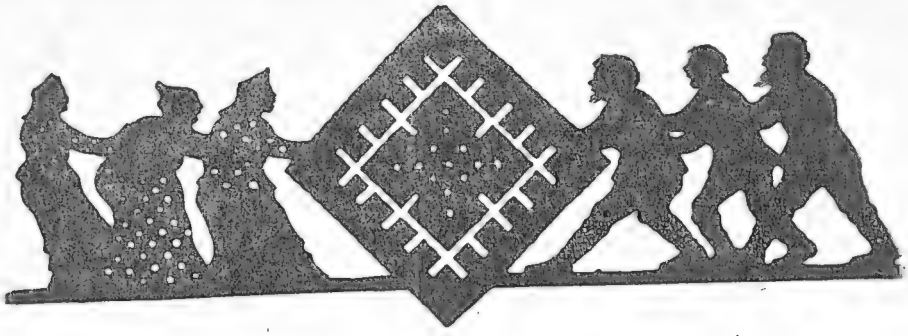
Искали-искали ангелы, все кладбище перерыли, нашли, наконец, ящик со смертью.

Пришла смерть к богу, говорит:

— Еле жива я осталась, на солдатском коште кормившись!

— Солдатская хлеб-соль,— говорит бог,— не очень сытна! Иди обратно на мирской кошт кормиться.

И послал бог смерть обратно кормиться на мирском коште. Стала опять смерть попрежнему морить людей, но к солдату и приблизиться не смеет, не то, что тронуть его. И жил еще солдат на земле сто лет, а может быть и двести. Жил до тех пор, пока самому не надоело...



63. „Сращивайся-приклеивайся!“

Жили-были старик со старухой, и было у них два сына — Иван и Василий, первый — кузнец, а второй был сапожник. Жили-жили, и вышел у них весь хлеб. Вот старики и говорят сыновьям:

— Давайте, киньте жребий, которому из вас на заработки итти!

Кинули жребий, и вышло итти на заработки сапожнику.

Пошел Василий, шел-шел и приходит в одно село. Приходит и кричит:

— Кому сапоги шить нужно?

Услыхал поп и говорит:

— Иди, мастеровой, ко мне посапожничать-то! У меня и матушке и дочке полсапожки шить нужно.

Пошел Василий шить к попу, а поп у него и спрашивает:

— Как насчет платы будем условливаться за работу?

— Насчет платы,— отвечает Василий,— сговоримся.— Что мне во время работы попадет под дратву зашить, то и будет мое вместо платы...

Велел поп попадье все ценное из той комнаты, где работал Василий, вынести, чтоб не попало ему под дратву. А Василий шьет себе и шьет и не очень беспокоится насчет платы. А работал он очень чисто и аккуратно. Вот, наконец, полсапожки попадьи и готовы, да так хорошо сшиты, что попадья от радости сама себя не помнит.

Принялся Василий поповой дочери шить и еще лучше шьет. Стоят попадья с дочкой возле Василия и полсапожками любуются. А тем временем Василий и пришил поповнино платье к ее полсапожкам.

— Ну, батюшка,— говорит Василий попу,— помнишь, как мы уговаривались? Что попадет мне под дратву пришить, то мне вместо платы и будет. Теперь волей-неволей придется тебе свою дочь за меня замуж отдавать.

Жалко попу, не хочется ему отдавать свою дочь за простого сапожника, да что ж поделаешь?

— Выдам,— говорит,— дочь за тебя замуж, только вот муки к свадьбе нету! Давай, запряги лошадь, съезди на мельницу.

Вот и поехал Василий на мельницу, суток двое-трое там пробыл. Кончил молоть — отправился домой. Несколько верст всего и оставалось до попова дома, как сломалась ось у его телеги. Взял Василий топор, выбрал самую красивую березу, подошел к ней, чтобы срубить, а береза ему и говорит:

— Не руби ты меня, Василий, тележная-то ось и без меня ведь будет. Иди к сломавшейся оси и скажи: „Сращивайся-склеивайся!"

Пошел Василий к сломавшейся оси, сказал:

— Сращивайся-склеивайся!

Тележная ось крепче прежней стала.

Приехал Василий к дому попа, а там поют-веселятся.

Оказывается, за время поездки Василия успел поп выдать свою дочь замуж за другого, и теперь пировали на свадьбе.

Вот и задумался Василий: как бы попу отомстить?

На следующее утро проснулись гости, сели за стол и послали молодых будить. А Василий чуть пораньше гостей прошел туда, где спали молодые, увидел, что они спят в обнимку, и говорит:

— Сращивайся-склеивайся!

Молодые так и приросли друг к другу.

Пришла крестная невесты будить молодых, а Василий опять крикнул: „Сращивайся-склеивайся!" — и крестная прилипла к молодым.

Послали дружку будить молодых. Как только дружка до них дотронулся, — опять крикнул Василий: „Сращивайся-склеивайся!" — и дружка к ним прилип.

Пошли поднимать молодых поп, попадья, сватьи, пошли все гости, всем крикнул Василий: „Сращивайся-склеивайся!" — все к ним прилипли, дергаются гости, один от другого себя отодрать не могут, — так крепко прилипли. Поняли, что все это Василий устроил, и потащили его в суд, а в суд так всей толпой и отправились.

Шли-шли всей толпой, подошли к реке, а моста на реке нет. Стали переправляться через реку в брод, кто штаны снял, кто юбку поднял, чтобы одежду не промочить, — Василий опять крикнул: „Сращивайся-склеивайся!" — так и прилипли все, кто как был: кто без штанов, кто без юбки.

Увидел тут васа, что целая орава людей идет и зачем-то друг к другу прилипла. Очень он удивился и говорит:

— А не пристать ли и мне к людям?

Как только он к хвосту толпы приблизился, Василий опять крикнул: „Сращивайся-склеивайся!" — и васа тоже прилип к хвосту свадебной компании. Дергался-дергался, не мог вырваться.

Пришли в суд. Судья, старшина и урядник даже испугались, что поп с родней так не по-людски, в чем мать родила, пришли в казенное место. И присудили Василия за насмешку над попом и его родней пороть розгами до тех пор, пока у него кожа не полопается. Потом судья принялся освобождать слепившихся людей, за ним старшина, за ним урядник, а Василий опять свое: „Сращивайся-склеивайся!" приговаривает, и все еще крепче друг к другу прилипли.

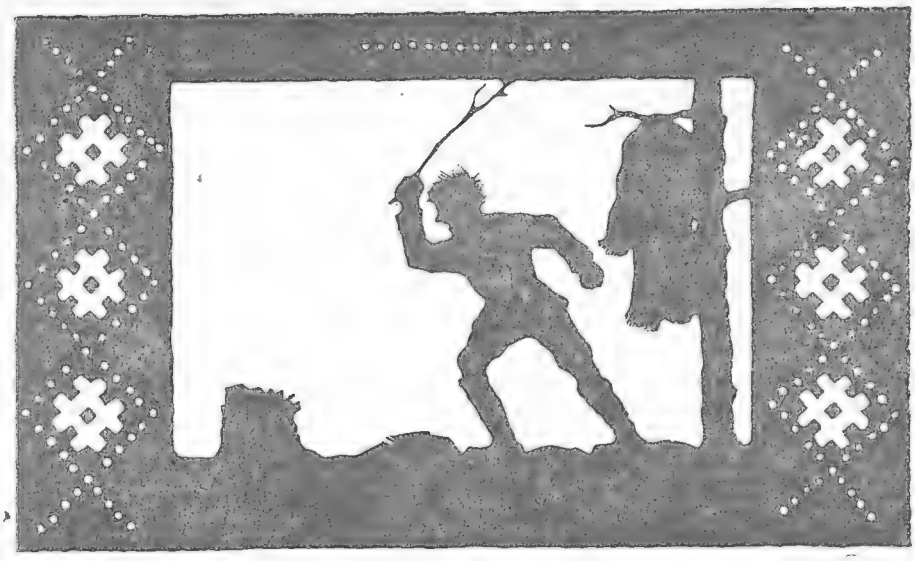
Стал судья просить Василия: — Пусти, Василий! У начальства и судей нельзя так головы позорить. Если отпустишь — не буду тебя судить, даже от себя денег дам".

— Отпустил бы,— отвечает Василий,— забыл вот только спросить у березы отпускной-то заговор.

Пошел Василий к березе спросить у нее отпускной заговор, а береза и говорит ему:

— Сам ты мастеровой человек, а чем затрудняешься? Возьми вытяжную доску свою да огрей каждого по три раза,— все отлипнут!

Пошел Василий и сначала судью огрел вытяжной доской, потом старшину, потом урядника, потом попа, попадью и всех остальных. И никто не ругался, что Василий побил, а все сказали ему спасибо, что отпустил...



64. Три брата

Жили-были три брата, и был у них старый отец, у которого были земля и три быка. Умирая, отец разделил между братьями все поровну, и каждому дал по одному быку. А третий брат был немножко с придурью, решил быка не держать. Встал он однажды утром, оделся, пошел в хлев, привязал быка — вести в город продавать. И пошел. Шел целый день, дошел до волока, устал, сел отдохнуть, а быка пустил возле себя траву пощипать. А бык как был с веревкой, так и удрал от него в лес. Вернулся придурковатый брат домой, рассказывает братьям:

— Я сегодня быка продал.

— Дорого ли? — спрашивают братья.

— Восемьдесят рублей.

— Ты моего завтра сведи, — говорит средний брат.

Придурковатый согласился и назавтра отправился. Вел-вел, целый день вел быка по деревне, а подвечер дошел до волока, притомился и сел отдохнуть. Бык и удрал. Пришел он домой назад.

— Продал? — спрашивает средний брат.

— Продал.

— Дорого ли?

— За восемьдесят рублей. Деньги в долг отдал, просили притти в Петров день.

Велел и старший брат вести продавать своего быка за ту же цену. И опять придурковатый довел быка до волока, сел отдохнуть, а бык тем временем удрал.

— Продал? — спрашивает старший брат.

— Продал.

— Дорого ли?

— За восемьдесят рублей. За деньгами наказывали притти в Петров день.

Жили они — поживали, пока не подошел Петров день. Старшие братья посылают придурковатого за деньгами. Дошел он до волока, присел и видит — на другой стороне дороги стоит сосновый пень. Взял придурковатый длинную вицу, подходит к пню:

— Звал за деньгами в Петров день, так плати за трех быков!

А пень молчит.

— Что ж отмалчиваешься?— говорит придурковатый, да и начал той вицей колотить по пню. Стегал-стегал, пока от пня кусок коры не отвалился.

— Ага! — говорит придурковатый.— Потеть начал! Погоди, дай, разденусь,— еще не то будет!

Разделся да так начал стегать, что пень опрокинулся,— а под ним куча денег. Набил он полные карманы и отправился домой.

— Деньги взял ли?— спрашивают старшие братья.

— Взял, да там еще много осталось, на дороге у пня.

— Где?

— В волоке.

— Пойдем туда, где он оставил,— говорят между собой старшие братья, запрягли телегу, поехали в волок и увидели там кучу денег под пнем.

Наложили деньги, привезли домой и посылают придурковатого брата к дьякону за пудовой гирей, чтобы свесить деньги.

— Только дьякону не говори, что мы деньги хотим весить!

— Не скажу.

А пришел к дьякону, говорит:

— Дай, отец дьякон, пудовую гирю, мы деньги хотим свесить.

— А мне дадите или нет?

— Иди, дадим!

Принес старшим братьям гирю, те спрашивают его, не говорил ли дьякону о деньгах.

— Я сказал, чтоб пришел.

— Ах, ты, дурак, дурак! Зачем же ты сказал! Стой теперь возле ограды, не пускай, чтоб не зашел.

Взял дурак палку, стал у ограды. А дьякон прямо к дому идет, никуда не смотрит. Ударил его дурак палкой по голове, упал дьякон и тут же умер. А дурак пошел к братьям и говорит:

— Я дьякона-то убил.

— Ах, ты, дурак, дурак! Зачем же ты убил? Ведь тебя в тюрьму посадят.

Взяли старшие братья дьякона, закопали его в яму для репы, а гирю велели снести дьяконице. Понес он гирю, а в это время старшие братья выкопали дьякона из ямы, положили его на телегу, а вместо дьякона закопали козу. А дьякона увезли в волок и бросили в лесу. Приходит дурак к дьяконице:

— Дьяконица, я гирю принес.

— А дьякон где же?

— А я его убил и сунул в яму для репы.

Испугалась дьяконица, зовет попа и урядника, и велят они дураку вести их к яме, где находится дьякон. Подошли. Поп велел дураку лезть в яму доставать дьякона.

Залез дурак и спрашивает:

— Батюшка, а большая ли у дьякона борода?

Поп ответил.

— Батюшка, а какая у дьякона шерсть?

— Ну, давай, давай, поскорее!

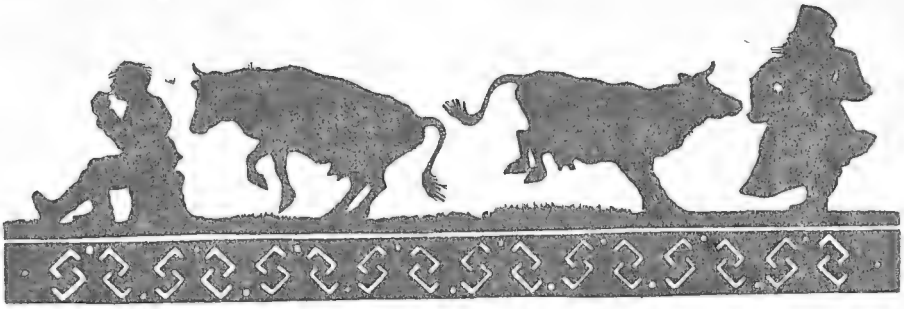
— Батюшка, а большие ли у дьякона рога?

— Давай, тебе говорят!

Подает дурак козу:

— Держи, батюшка.

Увидал поп козу, плюнул, сказал дьяконице и уряднику, что этот человек — совсем дурак, и пошел прочь. А дьяконица так вдовой и осталась.



65. Поповский казак

Жили-были старик со старухой, и было у них три сына. Самый младший был придурковат, звали его Яре.

Как-то посеяли старик с сыновьями репу на новой расчистке. Выросла репа, но только каждую ночь стала убывать. Отправил старик самого старшего сына на ночь караулить ту репу. Старший сын сходил на ночь, никого не приметил. На вторую ночь средний сын ходил на репу, ночь проспал и тоже никого не видел. А на третью ночь отправился Яре, взял большую палку и сторожит. Вот приходит ночью чорт и начинает жрать репу. Яре потихоньку подкрался и ударил его палкой.

Упал чорт, взмолился:

— Не убивай! Я тебе хорошее сделаю!

Перестал Яре его бить. Чорт поднялся и велит ему на себя сесть и закрыть глаза. Яре сел, помчались они быстро, приезжают к чорту домой. И тут дает ему чорт губную гармошку:

— Заиграешь на ней,— кто ни услышит, плясать станет.

И отвез Яре обратно домой.

Дома Яре рассказал отцу с матерью, что видел он чорта и ударил его палкой, но те не поверили.

В скором времени умерли у Яре отец и мать, оставив Яре в наследство трех поросят. Братья отправили Яре из дому, и он пошел от них в город. А в том городе как раз сватали царскую дочь, и царь дал женихам загадку: кто ее разгадает, тому он и отдаст свою дочь. Сел Яре возле царских окон, начал играть, а поросята принялись плясать изо всех сил.

Царская дочь, увидав пляску тех поросят, приходит к Яре и говорит:

— Продай одного!

— Продавать нельзя их,— отвечает Яре,— подними подол до колен,— я тебе так отдам.

Подняла подол царская дочь, отдал ей Яре поросенка, принесла она его домой, опустила на пол, а поросенок как закричит:

— Умер! Умер! Умер!

Подумала царская дочь, что грустит поросенок по другим, приходит к Яре, просит:

— Продай еще хоть одного!

— Подними подол до поясницы,— отвечает Яре,— так отдам.

Подняла царская дочь подол, отдал ей Яре поросенка, принесла его царская дочь, пустила ко второму,— вдвоем принялись поросята кричать:

— Умерли! Умерли! Умерли!

„Наверное, по третьему скучают,— подумала царская дочь.— Нужно выпросить третьего". Пришла к Яре:

— Дай третьего!

— Если поднимешь подол до подпазухи,— отдам,— отвечает Яре.

Подняла царская дочь, и уже под пазухой увидел у нее Яре четыре золотых волоска. А царская дочь принесла того поросенка к двум другим, и все трое они принялись кричать:

— Умерли! Умерли! Умерли!

Выбросила всех трех поросят царская дочь на конюшню.

Приходит Яре к царю свататься. Царь задает ему загадку, а Яре разгадывает:

— Есть,— говорит,— у твоей дочери четыре золотых волоска под пазухой.

Царь велит готовиться к свадьбе, но Яре говорит ему:

— Обожди! Я еще на заработки схожу!

Царь его отпустил. Шел Яре, шел, приходит в одну волость наниматься к попу в казаки. Нанял его поп за сто рублей и на другой же день отправил нового казака пасти коров. Пошел Яре пасти, попас коров по озимым посевам, отлично наелись коровы. Вечером стала попадья доить коров,— много молока надоила, говорит попу:

— Очень хороший нам казак попался.

— Нам хороший и нужен,— отвечает поп.

Назавтра пошел поповский казак опять коров пасти, остановил их на голом поле и начал играть на гармошке. А коровы принялись скакать. Так устали, что, когда пригнал их вечером, сразу полегли. Вышла попадья доить,— коровы и не встают. Пожаловалась она попу, и поп изругал казака.

На третий день казак опять отправляется коров пасти и ведет к старому месту, а поп, оказывается, потихоньку спрятался в кустах и наблюдает. Вынимает казак свою гармошку, а коровы уж и ноги поднимают. Начал играть,— взялись коровы отплясывать. И поп начал плясать, всю рясу об кусты изодрал. А вечером, как коров пригнали, они опять легли.

Пришел поп к попадье, рассказывает:

— Казак коров плясать заставляет. И меня заставил. Всю рясу об кусты изодрал.

И подал на казака в суд. Отправились они в суд, а навстречу — подвода со стеклом.

— Куда идете?— спрашивают люди с подводы.

— Я,— говорит поп,— нанял этого казака за сто рублей, а он наших коров плясать заставляет, и меня заставил, всю рясу я изодрал.

Вот люди с подводы и говорят:

— Если ты и нас плясать заставишь,— дадим тебе двадцать пять рублей.

Вынимает казак свою гармошку, а поп бегом к изгороди, привязал себя к ней. А заиграл казак — подвода со стеклом плясать пошла, так и скачет. Лошадь пляшет. Поп пляшет вместе с изгородью. В подводе все стекло побилось, и вместе с попом отправились те люди судить казака. Шли-шли, пришли в правление.

— Зачем пришли? — спрашивают судьи.

— Я нанял его в казаки, — объясняет поп, — за сто рублей, а он моих коров плясать заставляет, и меня заставил, всю рясу я изодрал.

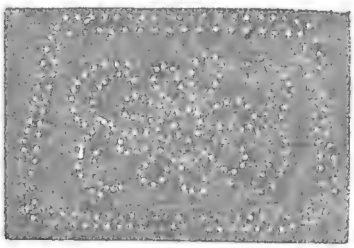
А люди с подводы говорят:

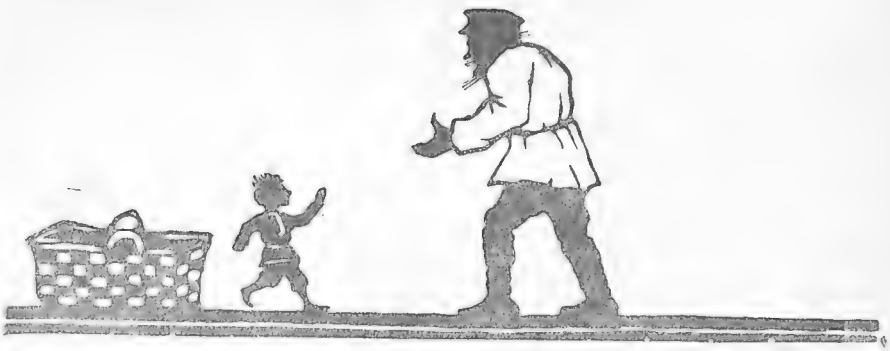
— Они нам навстречу попались, а мы спросили: куда идут? Они нам рассказали, а мы говорим: „Заставите нас плясать — дадим двадцать пять рублей". Начал тут он играть, — подвода пошла плясать, все стекло перебилось.

— Ну, — говорят тут судьи, — коли и нас заставишь плясать, — дадим тебе десять рублей, да поп отдаст сто рублей, да люди с подводой отдадут двадцать пять.

Как услыхал поп такие слова — тотчас вышел и привязал себя к столбу.

Начал казак играть, — судьи в пляс пошли, все пляшут и смеются. Поп со своим столбом над землей поднимается, так сильно пляшет. Посмотрели судьи на попа — еще громче засмеялись. Тогда перестал казак играть, дали ему судьи десять рублей, поп — сто рублей, люди со стеклом — двадцать пять рублей. Стало у казака сто тридцать пять рублей, пошел он к царю, женился на его дочери и теперь еще хорошо с ней живет...





66. Мальчик с пальчик и пон

Давным-давно когда-то жили-поживали муж с женой. Не было у них ни сына, ни дочери, а им очень хотелось иметь ребенка. А сами уж очень стары были,— что тут делать? Уселись рядом, начали думать. Думали-думали, старик и говорит:

— Давай богу молиться. Не даст ли нам бог?

Стали на колени перед богом, молятся. Молились-молились, целую ночь молились, целый день молились, а ребенка все нет.

Опять сели рядом, думают. Думали-думали, придумали.

— Ступай-ка ты в чулан,— говорит старик жене,— принеси оттуда пух, положи его на печку, себе к боку, и начни дуть. А я схожу за дровами, затоплю печь, чтоб потеплее было. Может быть, что-нибудь и получится.

Поднялась баба на печку, приложила к боку мешок с пухом, а сама легла ничком, дует изо всей силы. Мужик же сходил за дровами, жарко натопил печь и спрашивает у жены:

— Получается что-нибудь или нет?

А баба дует на тот пух и не отзывается.

Два раза переспросил мужик, два раза баба не ответила.

Рассердился мужик, сплюнул и вышел. Запряг худенькую свою кобылку, поехал пахать. Пашет, а сам думает:

„Вот если бы был у меня сын, сел бы я на большой пень и только бы приказывал: „вот тут,— сказал бы,— так, а вот тут,— этак". И пахал бы сын и пел бы еще, поди!"

Не пропахал он и половины пашни и вдруг слышит,— раздается откуда-то песня, а человека, который поет, не видно.

Оказалось, что за то время, пока он пахал,— родился у его жены сын величиной с палец и, как только родился, сразу же стал говорить. Очень испугалась баба: что же это такое: длиной с палец, а сам говорит. Такое чудо! Длиной с палец, а взял веревку, сходил за дровами. Мать мягкий хлеб напекла, собирается мужику на поле нести, а он просит:

— Дай, мама, я снесу да и помогу ему.

Отвечает мать:

— Ты заблудишься, сынок.

Не послушался он матери, взял берестяной коробок с ушками, куда был сложен хлеб, отправился к отцу. Вот отец и услышал пение, а откуда — не видит.

Попался по дороге мальчику ручей, перейти его он не может, кричит отцу:

— Отец, отец, перевези меня!

Диву дается мужик: голос слыхать, а кто кричит — не видно, Стал он искать, подошел к ручью, видит: на другой стороне маленький человечек стоит. Взял его в охапку, перенес.

— Чей ты, — спрашивает, — и куда идешь?

— Я, — отвечает мальчик с пальчик, — родился в мешке с пухом, тебе хлеб несу.

Очень обрадовался отец, унес мальчика на пашню и посадил его на лошадь. Мальчик зацепился за ее хвост и запел. Отец пашет, а сын поет и лошадь подгоняет.

Проходил на ту пору поп поблизости, услышал те песни, спрашивает мужика:

— Кто это у тебя поет так красиво? Слышать, что поет, — слышу, а видеть — не вижу...

— Это у меня сын такой.

— А где же он?

— У лошади под хвостом.

— А ну-ка, покажи! Может быть, мне продашь?

— Ну, как же это можно — детей продавать. Он у меня не продажный. А вот сменяться можно: я тебе — сына, ты мне — все свое имущество.

— Как же это можно? — зачесал поп в затылке — Все имущество... Давай, я тебе лучше триста рублей деньгами дам...

А сын потихоньку шепчет отцу:

— Отдай меня. Я к тебе обратно приду. А деньги-то у тебя останутся...

Мужик отдал попу сына, получил с него три сотни и опять начал пахать. А поп пошел домой обрадованный и думает: „Экая диковина: целый человек, а в кармане умещается, да еще как хорошо поет. Вот попадья-то обрадуется!“

Идет и идет, сам с собой этаким образом разговаривает, а в карман-то и не посмотрит даже. А мальчик с пальчик вылез из кармана и убежал прямо к отцу.

Пришел поп домой, говорит жене:

— Ну, и диковинку я тебе принес, попадья, залезай ко мне в карман и вытаскивай, только тихонько, — не ушиби, смотри!

Сунула попадья руку в карман и попала в кал. И давай ругать попа:

— Ах, ты, такой-сякой! Поп, а в кармане кал носишь и меня обманываешь.

Ухватила кочергу, лупит ею попа, куда ни попало:

— Вот тебе — „не ушиби!“ Вот тебе — „не ушиби!“

Едва вырвался поп, бросился бежать прямо к мужику. А мальчик с пальчик, как от попа ушел, залез опять лошади под хвост, поет попрежнему.

На ту пору мимо судья ехал, слышит — кто-то поет очень громко, а кто — не видно.

— Кто это поет так хорошо? — спрашивает он у мужика.

— Это у меня сын такой.

— Где же он?

— Под хвостом у лошади...

— Не продашь ли? Сотни три дам...

Продал мужик сына судье за три сотни, взял деньги, опять пахать принялся. Пахал-пахал, все распахал. Распряг лошадь, сел верхом, домой едет. А навстречу ему — поп. И принялся мужик попу жаловаться, что сына его отнял какой-то судья, и деньги отнял, и с собой увез.

— Давай, его догоним! — говорит поп.

— Давай!

Уселись они вдвоем на худенькой той кобыле, догоняют. Гнались-гнались, лошадь споткнулась и упала. Упала и не встает.

Заплакал мужик:

— Всего житья у меня было, что одна эта лошадь. И ту ты у меня убил. Буду жаловаться я на тебя,— зачем ты ее убил!

Испугался тут поп:

— Не говори людям! Вот тебе сто рублей, только молчи!

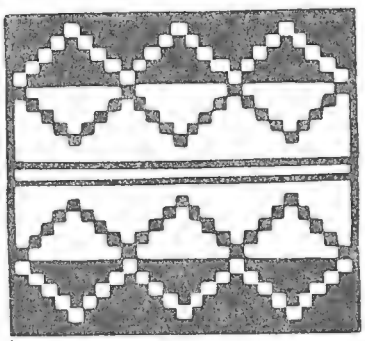
Взял мужик сто рублей у попа и поворотил домой, а поп так на том месте и остался.

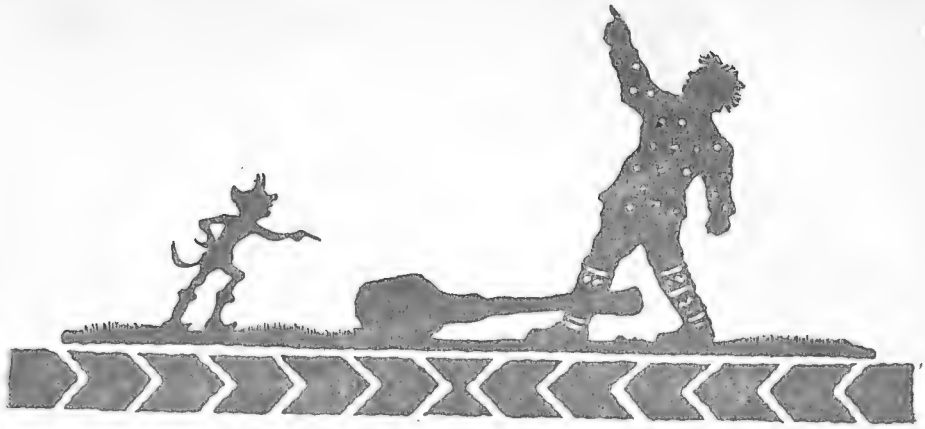
Мужик пришел домой, купил новую лошадь, потом выстроил двухэтажную избу и стал торговать.

Мальчика с пальчик судья увез к себе домой, выдал за него замуж дочь, и стал он очень хорошо жить.

А поп сошел с ума и совсем одичал.

Еще и недавно их всех видели...





67. Поп и его батрак Момэт

Жили некогда поп с женой. Однажды поп пошел искать себе батрака. Видит — идет ему навстречу Момэт.

— Куда, батюшка, направляешься?

— Дешевого батрака искать.

— Бери меня батраком,— говорит Момэт.— Возьму дешево. За три года службы три щелчка. За первый год — мизинцем щелкну, за второй год — безыменным пальцем, за третий год службы — средним пальцем.

Обрадовался поп,— вот-де дурак мужик: три года служить идет за три щелчка. Щелчок — щелчок и есть, денег не платить.

— Найму,— говорит поп.— Работа у меня не тяжелая: хлеб молоть, за скотом ходить, дрова рубить, по ночам охранять мой амбар от воров. Кормить буду овсяной кашей, а спать будешь в конюшне.

Однажды посылает поп своего батрака в лес:

— Иди, Момэт, сходи дров нарубить...

Пошел Момэт в лес, срубил сив и еще засветло вернулся домой, а поп у него и спрашивает:

— Много ли нарубил дров?

— Нарубил сив дров...

На другой день Момэт нарубил три кряжа длиною в сив и вернулся домой, а поп опять спрашивает:

— Сколько сив нарубил дров, Момэт?

— Сегодня три.

На третий день пошел Момэт и нарубил пять кряжей длиной в сив. Вернулся домой, поп спрашивает:

— А сегодня сколько нарубил?

— Сегодня пять сив.

Посылает поп Момэта привезти из лесу дрова.

— Сколько привезти сив?— спрашивает Момэт.— Все девять или не все?

— Конечно, все,— говорит поп.

Отправился Момэт в лес, наложил в сани все девять кряжей, привез и под окном у попа с большим грохотом опрокинул сани.

— Выходи,— кричит,— батюшка, дрова принимать!

Поп вышел, ругает Момэта:

— Ах, ты, Момэт, прямой ты Момэт и есть! Где же у тебя девять саженей дров?

— Как же не девять,— отвечает Момэт,— как раз девять кряжей — каждый по сажени — нарублено.

Переночевали. На следующий день поп опять посылает Момэта по дрова и говорит:

— Теперь так уж не руби...

Отправился Момэт в лес, срубил десятивершковую вековую сосну, очистил от сучьев, отмерил в длину девять сив, отрубил вершину и говорит:

— Ну, батюшка, сегодня за один день нарубил девять сив! Самые настоящие дрова!

Наутро поп сам запряг лошадь и поехал в лес за дровами вслед за батраком.

— Где же, батрак, дрова?— спрашивает.

— Здесь, батюшка, как раз девять сив! — показал батрак на срубленное им дерево.

— Ах, ты, Момэт! Прямой ты Момэт! — ругается поп.— Положи на лошадь да вези.

Момэт вынес на своих плечах бревно в девять сив и бросил на спину лошади. Лошадь тут же и расплющилась и подохла.

— Ах, ты, Момэт! — рассердился поп.— Какой же дурак кладет бревно на лошадь! Надо было на сани положить!

Момэт чешет в затылке, отвечает:

— Ты бы, батюшка, так раньше и сказал, что нужно положить в сани. А ты сказал: положи-де на лошадь. Как велел хозяин, так я и сделал.

Что тут поделаешь с Момэтом! Сердился-сердился поп, наконец сказал:

— Если ты лошадь у меня убил,— тащи на себе нарубленные тобой дрова!

Момэт легко поднял к себе на плечо бревно в девять саженей и отправился домой. В дороге повернулся было к попу и спрашивает:

— Куда, хозяин, сложить дрова? Около избы или около кошары?

Кричит поп издалека:

— У кошары!

Батрак принес бревно к дому попа и что есть силы кинул на стену кошары. И кошара развалилась. У попа все овцы погибли.

Пришел поп, ругается:

— Ах, ты, Момэт, Момэт, прямой ты Момэт! Зачем кошару развалил?

— Я не разваливал, я только к ее стене дрова положил!

Жили-жили, однажды поп и говорит батраку:

— Иди, Момэт, в сени молоть солод. Завтра матушка пиво варить собирается.

Молол-молол, молол-молол Момэт, что намелет, то тут же и съест. Всю намолотую муку и съел. Вернулся в избу и говорит попу:

— Батюшка, солод-то кончился!

Пошли посмотреть солод, а солода и нет.

— Где же, Момэт, твой солод-то?

— Я его в мелкую муку молол. Так намолол, что весь он в пыль превратился.

Еще мешок солоду дал поп молоть Момэту. А тот, что ни намелет, то и съест.

Сердится поп:

— Момэт, ты Момэт! Прямой ты Момэт!

И пришлось попу самому сесть молоть солод.

Однажды поп с батраком пошли картофель в ямы убирать. А заступ и забыли. Торопит поп батрака:

— Сбегай, Момэт, домой, принеси заступ!

Вернулся домой Момэт и раньше, чем зайти в избу, посмотрел через окно. Видит — попадья позвала своего любовника, долгогривого дьякона, и угощаются. Постучался в наружную дверь Момэт. Дьякон испугался:

— Куда я спрячусь? Слыхать, поп идет!

— Лезь скорее на полати, там есть мешки с луком. Залезь в пустой мешок, ложись рядом с мешками с луком...

Залез дьякон в пустой мешок, лег рядом с мешками. Входит Момэт в избу, попадья его и спрашивает:

— Что тебе, Момэт? Зачем вернулся?

— Батюшка велел принести один мешок с луком...

Полез батрак на полати, скинул на пол мешок с дьяконом, взвалил этот мешок себе на плечи, в сенях захватил заступ и пошел к попу.

— Принес, батюшка, заступ! А вот матушка послала еще мешок с луком, велела убрать в яму вместе с картошкой... А чтобы лук не перемешался с картошкой — в мешке и велела положить.

Так похоронили поп и Момэт долгогривого дьякона, любовника попадьи. Лежал-лежал дьякон в картофельной яме, вылез из мешка, царапает землю, наваленную сверху. Рылся-рылся, прорыл-таки дыру — голову можно просунуть. Заметил его Момэт,— бегом к попу:

— Ой, батюшка, дьякон поднимает нашу яму, видать, картошку красть собирается!

Поп бегом к картофельной яме, даже подрясника не успел надеть. А Момэт за ним следом, с веревкой.

Дьякон только успел вылезти из ямы, а тут на него и накинулся поп:

— Ах, ты, такой-сякой, горло твое широкое! Чужую картофельную яму поднимаешь!

И принялся дьякона бить и за волосы таскать. А дьякон ему сдачи дает. Поп кричит батраку:

— Эй, Момэт, что стоишь! Бей вместе!

Дьякон тузит попа,— и Момэт стал бить попа веревкой. Раз ударит дьякона, три раза — попа. Два раза дьякона, пять раз — попа. Кончилась драка, поп и говорит батраку:

— Ах, Момэт, ты Момэт, прямой ты Момэт... Надо было дьякона бить, а ты меня бил...

— Я-то откуда знаю? Как велит хозяин, так я и делаю. Ты сказал: „бей-де", а не сказал — дьякона, я и думал, что тебя самого надо бить. Кому больше, кому меньше попало,— сами делите.

Пошел поп домой, целую неделю болел, бока себе почесывал,

Жили-жили, пришла к попу беда. У попа из печки еда стала пропадать. Раз пропала, другой раз пропала. Голодны поп с попадьей, а в печке — пустые горшки. Говорит поп батраку:

— Слушай, Момэт! Ты получше карауль наружную дверь. Воры какие-то к нам ходят, всю еду из печки очищают. Переходи из конюшни спать в сени.

Принялся Момэт дни и ночи караулить: кто у попа из печки еду ворует? А сам выберет время, когда никого нет, войдет в избу и всю еду из печки одним духом очистит.

Однажды утром пошли поп и Момэт молотить, а попадья опять позвала своего любовника — долгогривого дьякона, угощаются и милуются.

Момэт взял цеп, махнул, и разорвался цеп пополам.

— Давай, батюшка, сбегаем домой, цеп починить, здесь ни шила, ни дратвы нет...

Побежали домой, а крыльцо-то попадья и заперла. Стучатся. Батрак заглядывает в окно, видит, как попадья со стола собирает вкусную еду, в шкап прячет и дьякона в шкап сажает.

Вошли в избу, говорит поп:

— Дай, матушка, я пообедаю, а тем временем батрак цеп починит...

Поглядели, а горшки в печке — опять пустые.

— Ах, Момэт ты,— говорит поп,— прямой ты Момэт! Плохо ты от воров дом стережешь, опять воры у нас были...

— Батюшка,— отвечает Момэт,— я сегодня во сне видел, что вор приходил, из печки все повытаскал, все в шкап поставил и сам туда спрятался...

Открыли шкап — и правда: в шкапу горшки с едой, пироги, шаньги, и долгогривый дьякон сидит. Кинулся поп на дьякона, кричит:

— Вот кто крал у меня еду! Вот кто мою печь очищал!

Схватились тут поп и дьякон за волосы друг друга таскать. Дьякон моложе, одолевает попа. Кричит поп батраку:

— Эй, Момэт, что молча стоишь! Возьми ухват! Бей вместе!

Схватил Момэт ухват, начал попа и дьякона разом колотить. Сейчас же те перестали драться.

— Момэт ты, Момэт! — говорит поп.— Я ж тебе велел дьякона колотить, а ты заодно и меня бьешь...

— Как ты мне, хозяин, скажешь, так я и делаю. Ты мне велел бить, а не сказал — кого. Я и думал, что ты и себя велел вместе с дьяконом ухватом угощать... Обоих одинаково и бил, чтоб никому обидно не было.

Опять целую неделю лежал поп в постели, чесал свои избитые бока.

Как-то опять на попов дом беда пришла,— у попадьи из сеней начали горшки со сметаной пропадать. Поставит горшок

полный, а к утру — пустой. Момэт за горшки попадьи — не ответчик. Встанет ночью, сметану съест, а горшок опрокинет набок. Опять поп зовет батрака на помощь:

— Вот, Момэт, кто-то у матушки каждую ночь крадет из горшков сметану. Надо поймать вора!

— Ладно! — отвечает батрак.— Коли велишь — подкараулю. От меня никакой вор не уйдет.

Когда поп с попадьей крепко заснули, вошел Момэт в избу, снял с божницы образ Николы-угодника и вынес его в сени. Всю сметану из горшков опять поел, а у Николы-угодника губы да усы сметаной вымазал и кричит громким голосом:

— Батюшка, скорей сюда! Поймал вора!

Кинулся поп в сени, видит — горшки пустые, а у Николы-угодника усы и губы в сметане.

— Поймал я,— говорит Момэт,— у горшка со сметаной Николу-угодника. А что с ним делать — сам знаешь!

А поп и вправду подумал на Николу-угодника. Схватил образ, бросил его на пол, топчет ногами:

— Вот тебе, седобородому! За воровство и пакостничество в чужих горшках со сметаной.

В щепки разбил икону.

Жили-жили, как-то собрались поп и попадья в гости. Говорит поп батраку:

— Ну, Момэт, охраняй дом как следует, пока мы в гостях будем. Двери покарауль и особенно амбарную дверь, чтобы воры хлеб у меня не украли.

Ушли поп с попадьей в гости, а Момэт снял с амбара двери, позвал из деревни мужиков и велел им растащить весь хлеб и все, что было в амбаре. Дверь же от амбара взял на плечи и побежал с нею искать попа.

Увидел поп батрака, спрашивает:

— Что случилось, Момэт? Как смел ты оставить дверь от амбара?

— Батюшка, внутри амбара мыши шуршат, я бегом прибежал спросить тебя — что делать? А дверь от амбара ты велел больше всего караулить, я взял ее с собой, чтобы никто ее не украл, пока я тебя разыскиваю.

— Ах, ты Момэт, Момэт,— прямой ты Момэт! Караулить надо рожь в амбаре, а не амбарную дверь! Может быть, сейчас у меня уж весь хлеб украли!

Побежали они смотреть амбар. Правда — ничего не осталось, все украли. Сердится поп на бестолкового батрака, а Момэт оправдывается:

— Ты, батюшка, не амбар, а дверь амбара караулить велел. Как велит хозяин, так я и делаю. Отступить от слов хозяина батраку нельзя.

Вот приходит время расчет получать за первый год работы.

Момэт засучил рукав и говорит:

— Пора, батюшка, заплатить мне за первый год работы. Подставляй-ка лоб! В какую сторону лба тебя щелкнуть?

Подставил поп левую сторону лба.

Щелкнул Момэт мизинцем, да так, что поп высоко-высоко взлетел и полетел в дальний угол комнаты. Левый глаз от щелчка на пол выскочил.

— Ну, батюшка,— говорит батрак,— за один год работы мы с тобой в расчете.

А поп потом трое суток без памяти лежал от этого щелчка.

Сидит кривой поп с повязкой на лице и думает: как освободиться от батрака, как избавиться от двух щелчков еще? Если Момэт только мизинцем щелкнул,— что же будет, когда он безыменным и средним пальцами щелкнет? Как от ненужного батрака раньше срока отвязаться? Как от двух щелчков уйти?

Позвал батрака и приказывает:

— Поди, Момэт, сходи к вырсе и укради у него скот. Он мне уже за два года оброк не платил.

Пошел Момэт. Шел-шел, пришел в темный лес, срубил самую большую сосну, принялся ее чистить. Услыхал вырса звуки топора, приходит к нему.

— С каким ты делом, Момэт,— спрашивает,— в мой приход заявился? Зачем дерево чистишь?

— Я,—отвечает Момэт,— пришел вас, лесных детей, попарить. Вот,— показал он на сосновое бревно,— сделаю из этого бревна палочку, чтобы этой палочкой вас попарить.

Испугался вырса:

— За что, Момэт, такую пакость на нашу голову обещаешь?

— Сам знаешь, за что! Два года попу оброк не платил! Давай из своего стада двух самых лучших коров — прощу! Не дашь—хорошую задам баню вашим, лесные ребята, спинам!

Почесал в затылке вырса:

— Давай,— говорит,— сначала силу попробуем; кто из нас сильнее,—тому и оброк платить. Чунь-крюком потягаемся...

Сделали они из обрывка веревки кольцо, ухватились тягаться чунь-крюком, а Момэт привязал конец веревки за сосновый пень. Надулся вырса,— никак не может перетянуть Момэта.

— Ну,— говорит,— ты сильнее меня, Момэт, в чунь-крюке. Давай, иначе силу попробуем... Давай, оба свистнем; кто из нас сильнее свистнет,— тому и оброк платить.

Свистнул вырса, и весь лес, как от вихря, зашумел. Момэт едва на ногах удержался,— так сильно свистнул вырса.

— Ну,— говорит,— теперь ты свистни, Момэт!

А Момэт и отвечает:

— Если я, вырса, свистну, то у тебя глаз выскочит. Если жалко тебе глаз,— завязывай глаза.

Завязал вырса глаза, ждет, когда Момэт свистнет.

Момэт взял сосновое бревно, что чистил, да как свистнул вырсе по затылку,— у того из глаз огонь посыпался.

— Ну, вырса,—говорит Момэт,—разок я свистнул! Надо ли еще свистнуть?

— Сто раз ради бога,— не свисти больше, Момэт! После одного-то свиста у меня чуть глаза не выскочили.

Дал вырса Момэту двух своих коров — двух медведей, возвратился Момэт к попу. Одного медведя запер на конюшню

к лошадям, другого — в коровник, к коровам. Поп не рад тому, что Момэт домой вернулся живым.

— Ну, Момэт,— спрашивает он,— привел коров вырсы?

— Привел! В конюшню и в коровник запер...

На другой день пошли в конюшню и в коровник, видят— растерзали медведи всех поповских коров и лошадей. Велит поп батраку назад гнать медведей.

Сел поп опять, горюет-думает: куда батрака послать, чтоб тот живым не вернулся?

— Сходи,— говорит,— Момэт, к Иджыд-вад, требуй у чертей оброк, три года ни оброку, ни руги не платили...

Пошел Момэт к Иджыд-вад, сел на берегу, сучит дратву. С самого дна трясины вылезает чертенок и спрашивает:

— Что ты, Момэт, делаешь?

— Дратву сучу...

— Зачем?

— Собираюсь вашу трясину в петлю увязать и вас, водяных чертей, попарить. Почему попу три года ни оброка, ни руги не платили?

Чертенок со страху подскочил и к куль-васе бегом.

— Ой, дедушка, попов батрак Момэт пришел, оброк требует. Если,—говорит,— не дадите денег полную шапку, вашу трясину в петлю завяжу и вас, водяных чертей, попарю!

Вернулся чертенок к Момэту и говорит:

— Велел наш дедушка тебе со мной бороться. Кто кого осилит,—тому и оброк платить.

— С тобой, замухрышкой,— отвечает Момэт,— нечего мне бороться. Вон там под деревом мой средний брат лежит, ступай, с ним поборись. Только он немного глуховат, не слышит, так ты перед тем, как с ним говорить, ударь его.

И Момэт показал на лежащего под деревом медведя.

Пошел чертенок, ударил лежащего медведя и крикнул:

— Давай, средний Момэт, поборемся!

А медведь как на него накинется! Драл-кусал, драл-кусал, еле жив остался чертенок, убежал к деду жаловаться: Момэт-де сам даже бороться не стал, среднего брата против меня послал.

Вышел чертенок опять на берег, опять не принес оброчных денег, говорит:

— Дедушка велел бегать на перегонки. Кто скорее из нас пробежит вокруг Иджыд-вад, тому и оброк платить.

— С тобой, чертенком-замухрышкой,— отвечает Момэт,—не стану я сам бегать на перегонки. Тебя и меньший мой брат перегонит.

Сходил Момэт в лес, поймал двух зайцев, одного положил в мешок, а другого на руках держит.

— Ну,— говорит,— замухрышка, беги на перегонки с моим меньшим братом.

Выпустил зайца и ударил в ладоши. Заяц в лес бросился. А чертенок, высунув язык, бежит, задыхается, боится, как бы его не перегнали. Вот пробежал вокруг Иджыд-вад, а тем временем Момэт вытащил из мешка другого зайца, гладит его по спине:

— Молодец, мой меньший браток, перегнал чертенка!

Опять чертенок бросился к куль-васе:

— Меня младший брат перегнал. Сам Момэт и браться не захотел!

Вернулся чертенок, опять оброчных денег не принес.

— Вот,— говорит,— наш дедушка свою тридцатипудовую палицу прислал. Кто из нас выше ее кинет,— тому и оброк платить.

Встал Момэт возле той палицы и смотрит на тучу,— кидать — не кидает.

— Чего, Момэт, стоишь-дожидаешься, палицу не бросаешь?

— А вон облачко плывет. Его дожидаюсь. Хочу палицу твоего деда туда закинуть, чтоб назад не упала.

Страшно испугался чертенок, палицу схватил, бегом к деду, жалуется:

— Твою палицу, дедушка, Момэт на облако собирается закинуть, я еле вырвать ее успел и назад утащить!

Видит старый васа, что силой с Момэтом ничего не поделаешь. Велел вынести ему оброчные деньги. А тем временем Момэт продырявил свою шапку, вырыл под нею яму и в яму положил раскрытый мешок. Вынес чертенок один мешок денег — высыпал в Момэтову шапку,— не наполнилась шапка. Высыпал второй мешок,— не полна шапка. Вынес третий мешок,— только тогда и наполнилась шапка. Удивляется чертенок:

— Большая же у тебя, Момэт, шапка!

— Ну, чертенок, тащи к попу этот мешок с деньгами,— приказывает ему Момэт.

Отправились Момэт и чертенок к попу. По дороге попался им большой жернов с дырой, чертенок и спрашивает Момэта:

— Что это такое круглое?

— Это,— отвечает Момэт,— бусинка из ожерелья моего дедушки.

Пошли дальше. Увидел чертенок борону.

— Что это такое, Момэт.

— А это и есть ожерелье моего дедушки!

Пошли дальше. Увидел чертенок овин.

— Скажи, Момэт, что это такое?

— Охотничья шапка моего дедушки!

Подходят к дому попа, Момэт посылает чертенка назад в болото. На обратном пути надел чертенок овин на голову, борону повесил вместо ожерелья на шею, а жернов туда же привязал рядом. Спускается в трясину к своему деду. Жернов тянет на дно, овин и борона поднимают на верх. Бился-бился чертенок да так и подох.

Вернулся Момэт к попу, с грохотом кинул мешок с деньгами на середину избы.

— Принес оброк с чертей!

А поп и деньгам не рад. Одна у него дума: как свой лоб от батраковых щелчков вызволить. Куда ни посылал он батрака,— отовсюду тот невредим возвращался.

Надумали поп с попадьей бежать. Сделал себе поп большой пестерь, все ценные свои вещи в него уложил, говорит попадье:

— От этого Момэта живую голову не унесешь. Завтра же убежим от него тайком.

А Момэт слышал их разговор. Как только поп с попадьей уснули,— из поповского пестеря вытащил все вещи и хлеб, забрался в него сам, притаился. Ранним утром поп надел пестерь, и тронулись с попадьей они в путь,— сбежали из дома. Бежали-бежали и надумали остановиться — отдохнуть и поесть. Теперь, мол, не нагонит нас батрак!

А батрак и кричит из пестеря:

— Батюшка, меня-то позабыли!

— Вот,— говорит поп,— Момэт-то увидал, что мы сбежали, бросился за нами в погоню. Как бы он нас не нагнал!

И опять они побежали. Бежали-бежали, далеко ушли.

— Ну, матушка, давай, присядем, отдохнем да поедим. Теперь батраку нас не нагнать.

А Момэт из пестеря:

— Батюшка, не оставляй! Это я, Момэт, иду!

Поп с попадьей снова бегом пустились от Момэта. Никуда-де от него не убежишь, ни поесть, ни отдохнуть не дает.

Бежали-бежали, прибежали к реке с обрывистым берегом. Там их настигла ночь. Поп снял пестерь, сели они у обрыва отдохнуть.

— Ну,— говорит поп,— теперь Момэту нас уж не догнать!

А тем временем вылез Момэт из поповского пестеря, говорит:

— Ну, батюшка, еле я вас догнал! Я уж думал, совсем вы меня оставили!

Поп с попадьей только глаза таращат. Не успели-таки от Момэта убежать.

Вот поп, попадья и батрак готовятся к ночлегу на берегу реки.

— Перед сном-то ведь ужинают! — говорит поп.

Открыл поп пестерь, а пестерь — пустой. Момэт же вынул из-за пазухи каравай хлеба, закусывает. Попу с попадьей после такого пути так и пришлось лечь голодными.

— Ты, Момэт,— говорит поп,— ложись к реке у обрыва, матушка ляжет к лесу, а я — посредине...

От большой усталости поп с попадьей очень крепко заснули, ничего и не слыхали, как Момэт передвинул попа на свое место, а сам лег между попом и попадьей, посредине. Проснулась попадья, думает, что рядом с ней ее поп лежит, и тычет ему в бок: что-де, дурак, зеваешь-то? Толкни-де его в бок и освободимся от него, неотвязного.

— Раз велят, то что же...

Толкнул Момэт попа с обрыва в воду.

Утром проснулась попадья, спрашиваег Момэта:

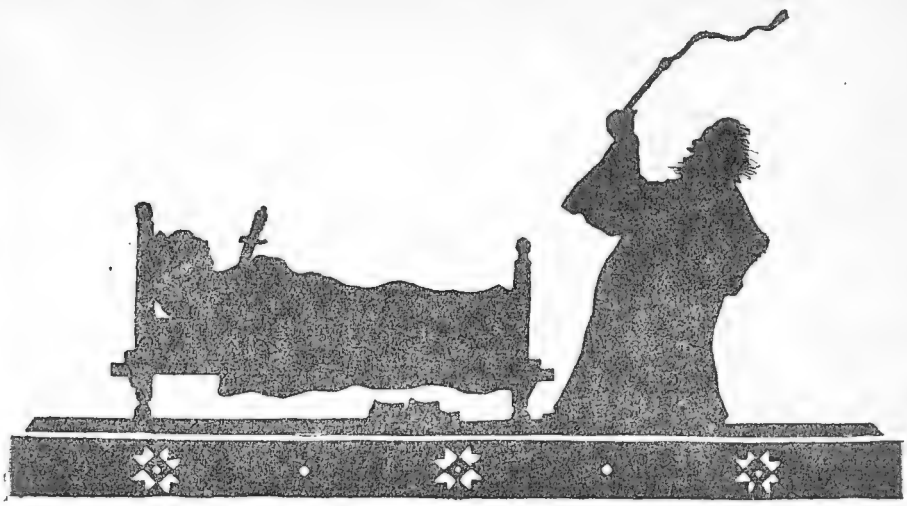
— Где, Момэт, наш батюшка-то?

— А я его в воду столкнул! Сама же ночью велела столкнуть его в воду...

Встал Момэт и говорит попадье:

— Ну, у меня на этот раз кончился срок моего батрачества. Попу батрачил, а попадье батрачить не хочу...

Приподнял шапку и пошел дальше...



68. Жадный поп

Жил-был Миш-Вась, и был в той деревне поп, очень жадный поп на чужие обеды. Позовут его на обед, так он в тот день наказывает попадье печь не топить.

Вот как-то и говорит Миш-Вась своей жене:

— Постой, проучу я этого попа за его жадность. Слушай меня, жена. Завтра мои именины. Позову я попа и буду тебя просить поставить самовар, а ты не ставь. Тогда я возьму нож с полки и ударю тебя в грудь, а ты упади и притворись мертвой. Потом возьму я вот эту плетку, стегну тебя три раза, ты встань, выйди в другую половину избы, переоденься и начинай ставить самовар.

Наказал так жене и зовет попа на именины. А поп уж велел жене печки не топить:

— Миш-Вась,— говорит,— на именины звал, у него пообедаю.

Пошел к Миш-Васю, а тот его чуть ли не на середине улицы встречает:

— Милости просим! Входи, пожалуйста!

Вошли. Жена Миш-Вася дуется чего-то, не разговаривает, велит ей Миш-Вась самовар ставить,— не ставит самовара. Рассердился Мишь-Вась, схватил нож и ударил ее ножом в грудь. Жена упала и померла. Тогда снял Миш-Вась плетку с гвоздя, стегнул ею три раза жену,— взвилась она, встала, вышла в другую половину избы, переоделась, а обратно пришла ласковой да разговорчивой и быстро наладила самовар.

Позавидовал поп тем ножу и плетке. А Мишь-Вась расхваливает плетку:

— Я,— говорит,— всегда так поступаю, когда баба начинает свой нрав показывать. Всажу в нее нож, потом постегаю плеткой, живо послушной станет.

Просит поп:

— Продай мне нож и плетку! Моя попадья тоже бывает непослушной.

— Продать — продам, дорого они стоят.

— Не дороже денег,— отвечает поп,— продай!

— Давай триста рублей,— продам!

Вытащил поп из широкого своего кармана деньги, отдал, забрал нож и плетку и пошел домой. А уж поздно было, почти ночью пришел он домой и велит своей попадье:

— Матушка, поставь самовар!

Лень попадье вылезать из теплой постели.

— Слышишь, что ли?— кричит поп.— Поднимайся поживее, не то выучу тебя пошевеливаться и быть поусердней!

Не слушается попадья. Рассвирепел тут поп, схватил нож, вонзил ей три раза в грудь, и попадья померла. Тогда стегнул он ее три раза плеткой. Не встает попадья. Хлестал-хлестал плеткой попадью,— никак не встает. Испугался поп, разглядывает попадью,— видит, умерла. „Что ж,— думает поп,— я теперь буду делать? Дай-кось отнесу плетку и нож дьякону, у него жена тоже ленивая". Пришел к дьякону и говорит:

— Продал мне Миш-Вась нож и плетку против строптивых жен. Уж какая моя жена строптивая была, а теперь стала покладистая и усердная.

— А как же ими учат?— спрашивает дьякон.

— Прикажешь что-нибудь сделать,— объясняет поп,— и не будет твоя баба слушаться,— возьми нож и всади ей в грудь, затем три раза стегни плеткой,— живо вскочит баба и примется за дела!

— Вот это-то мне и надо!— отвечает дьякон.— Оставь мне нож и плетку.

Только лишь скрылась из виду поповская спина, приказывает дьякон своей бабе поставить самовар, а той — лень.

— Ты меня слушайся,— говорит дьякон,— а не то выучу тебя быть более поворотливой...

Не послушалась баба. Схватил дьякон нож, вонзил ей в грудь три раза, и упала баба. Три раза хлестнул плеткой — не встает. Долго стегал плеткой свою жену дьякон, а поглядел — она мертвая.

„Что ж делать-то теперь?" Очень испугался, уложил баб кровать, закрыл ее и стал думать: „Дай-ка, снесу нож и плетку псаломщику, у него жена — тоже лентяйка!"

Приходит к псаломщику и рассказывает:

— Принес мне поп очень хорошие вещи: нож и плетку. От строптивой бабы они хороши. Моя жена, например, очень норовистая и ленивая была, самовар ей и то лень поставить, а теперь стала и усердная и послушная.

— А как ими учат?— спрашивает псаломщик.

— Ударь этим ножом бабу три раза, а потом три раза ударь этой плеткой,— вскочит и за дела примется.

Как только дьякон вышел, псаломщик так и поступил. Говорит жене:

— Поставь самовар!

А баба не слушается, лень ей.

— Ты смотри, слушайся,— говорит псаломщик,— иначе я тебя выучу...

И не слышит баба. Рассердился псаломщик, схватил нож, ударил ее три раза в грудь, повалилась баба.

— Встанешь,— говорит псаломщик,— у меня мигом встанешь!

Хлестнул три раза плеткой,— баба не встает. Хлестал-хлестал,— не встает баба. Посмотрел — мертвая.

Испугался псаломщик, прикрыл жену простыней и побежал к дьякону. Рассказал ему все, и пошли они к попу. Пришли к попу, стали спрашивать, а поп и говорит:

— Это Миш-Вась меня объегорил. У него я купил...

Сговорились они закопать своих баб. Закопали и стали совещаться:

— Давайте, позовем Миш-Вася в гости, напоим его вином, а когда он напьется, свезем его на реку к проруби и пустим под лед.

Позвали к себе Миш-Вася поп, дьякон и псаломщик, и Миш-Вась пришел. Очень хорошо его встретили, чествовали, угощали, вином поили. Миш-Вась до того напился, что свалился с лавки. Уложили они его в сани и повезли на реку да забыли лом с топором, чтоб прорубь сделать. Приехали на реку и стали друг дружку посылать за ломом и топором. Поп не идет, дьякон не идет, и псаломщик не идет. Рассердились друг на друга и пошли все разом. А Миш-Вася на льду одного оставили. Мимо проезжал на тройке купец в богатой повозке. Увидал его Миш-Вась, давай плакать:

— Меня,— говорит,— в исправники назначают, а я не соглашаюсь быть исправником, и потому меня привезли топить. Я человек неграмотный, может быть, ты — грамотный, садись на мое место в исправники.

— Что ж,— отвечает купец,— я грамотный, буду исправником.

Отвязал купец Миш-Вася от саней, обменялись они одеждами. Привязал Миш-Вась купца к саням, сам сел в его повозку и уехал домой.

Через некоторое время пришли все трое: поп, дьякон и псаломщик, прорубили прорубь, а купец им и кричит:

— Согласен! Согласен я быть исправником!

— Погоди!— отвечают ему.— Скоро мы тебя посадим в исправники!— Схватили его и бросили в прорубь, под лед.

В большой радости вернулись домой все трое.

Назавтра запряг Миш-Вась тройку лошадей, надел купеческую шубу да и начал разъезжать мимо дома. Поп, дьякон и псаломщик увидели его, выходят и спрашивают:

— Откуда тебе достались эти лошади и тулуп?

— Из воды,— отвечает Миш-Вась,— сами же вы меня туда спихнули.

— Вот оно что!— говорит поп.— Значит там выдают лошадей и тулупы. Очень нужны мне и лошади и тулуп.

И дьякон с псаломщиком говорят то же самое.

Вот пошли они втроем — поп, дьякон и псаломщик — на реку, расчистили прорубь, нырнули в нее и захлебнулись.

А Миш-Вась сказал:

— Наконец-то избавились мы от жадного попа!

69. Ванька в шляпе

Был когда-то человек по имени Иван, и была у него такая шляпа: пойдет он в этой шляпе в пивную, деньги заплатит вперед и начинает пиво пить. Напьется досыта, собирается уходить, махнет шляпой торговцу:

— Ну, приятель, квиты?

— Квиты!

Пойдет в другую пивную, заплатит наперед и опять шляпой махнет:

— Квиты?

— Квиты!

И в третьей пивной то же самое.

Позарились на шляпу попы:

— Продай да продай нам шляпу!

— Нет, не продам!

— Ну, продай, чего тебе стоит!

— Ну, продам, пожалуй!

— А много ль просишь?

— Двести пятьдесят рублей.

Заплатили попы деньги и пошли с этой шляпой в пивную. Сели пить пиво, на тридцать рублей выпили. Вот один из попов встает и машет шляпой:

— Квиты?

— Нет, не квиты! Заплатите тридцать рублей,— будем квиты!

Пришлось, значит, попам заплатить. Уплатили тридцать рублей и пошли в другую пивную и выпили там на сорок рублей. Собрались уходить, опять машут шляпой:

— Квиты?

— Нет, не квиты!

И опять сорок рублей заплатили.

Пошли в третью пивную, а там на пятьдесят рублей пива напили. Махали-махали шляпой, но пятьдесят рублей пришлось заплатить.

И отправились к Ваньке. Вроде того, как обманул их Ванька-то. Бить Ваньку идут. Входят в Ванькину избу, спрашивают у Ванькиной жены:

— Где твой Ванька?

А Ванька, как увидал попов, лег на лавку и покрылся белым холстом.

— Умер Ванька-то,— отвечает его жена.

Достают попы из Ванькиной божницы крест и давай его тем крестом бить. Только ударили — Ванька сразу же вскочил.

Позарились попы на тот крест:

— Продай!

— Почему не продать? Покупайте!

— Много ль просишь?

— Триста рублей.

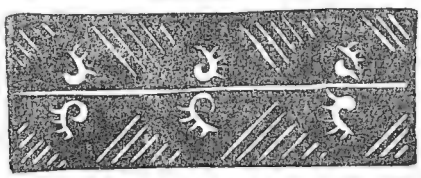
Отдали попы триста рублей.

Услыхали попы как-то, что будто в Москве человек помер. Покупают билет и едут в Москву, приехали и говорят знакомым того покойника:

Мы можем мертвого воскресить.

— Ну, воскресите, если можете!— отвечают знакомые.

Начали они покойника бить тем крестом, били-били — не воскресили. Тогда тех попов в тюрьму посадили за то, что человека не воскресили.



И так разозлился Петр на Степана, что зашил его в мешок и понес к реке топить. Несет к реке мимо церкви,— устал сильно.

— Дай-ка,—думает,—зайду в церковь, отпою молебен, может быть, полегче станет?

Зашел Петр в церковь, а Степана оставил на дороге в мешке. Лежит Степан в мешке и кричит:

— Кто желает стать городским головой?

А мимо мясник гнал десять своих коров.

— Я желаю,— говорит.

Степан велел ему распороть мешок, зашил его вместо себя, взял десять коров и погнал к себе домой. А мясник в мешке кричит безумолку:

— Смотри уж! Посади в городского-то голову!

Петр вышел из церкви, попробовал: верно, полегчал груз, взвалил его на плечи, а мясник знай кричит свое:

— Сажай поскорей! Сажай в городскую голову!

— Скоро посажу!— отвечает Петр.

Дотащился с мешком к проруби и бросил туда мясника. Только „буль-буль" и пошло по воде, когда мешок опускался на дно.

— Вот тебе и городской голова!— сказал тогда Петр.

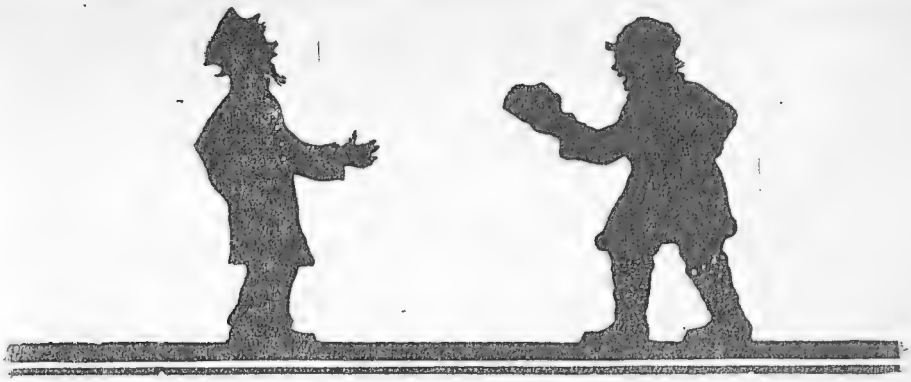
Возвратился Петр домой, глядь — опять Степан живой перед ним.

— Да я ж тебя в воду бросил! А ты опять живой!

— А я тебе разве не сказал „буль-буль",— отвечал Степан.— Я был на том свете и пригнал оттуда десять коров.

— Теперь,— говорит Петр,— зашей ты меня в мешок и снеси в прорубь.

Степан зашил брата в мешок, дотащил к реке и бросил в прорубь. Так и потонул Петр из-за своей жадности. А Степан стал жить очень хорошо.



73. Мужик и судьи

Жили были два брата, один из них богатый, другой — бедный. У бедняка полна изба ребят, а у богача ребят не было.

Раз богач и спрашивает брата:

— Почему у тебя, Иван, полна изба ребят, а у меня ни одного нет?

Богатому брату очень хотелось иметь ребят.

А Иван ему и отвечает:

— Если пригласишь меня крестным — на будущий год к этому времени будет у тебя сын.

Очень обрадовался богатый брат: если-де сын родится, конечно же позову крестным и сто рублей денег дам.

Когда-некогда у жены богача и вправду родился сын. По случаю рождения сына собрал богач бал: позвал купцов, генералов и всех ближних богачей. А Ивана крестным позвать богатый брат и не подумал. И на бал не позвал. „Не стану-де рядом с такими богатыми и почетными гостями за один стол сажать злыдня Ивана".

Думал-думал Иван и говорит своей жене:

— А дай-ка я схожу к брату в гости, поздравить с рождением сына.

— Куда же ты пойдешь незванный? Незванного-то гостя по шее угостят.

Пошел Иван к брату, а там угощаются и все навеселе.

Иван и говорит:

— Лошадь ты мне, брат, не дашь?

— А зачем тебе лошадь?

— В лес за дровами ехать.

Конечно, Ивану лошадь нужна была — дрова привезти, но сейчас он пришел с другой мыслью. Может быть, за стол посадит брат да угостит хоть стаканом пива. А богатый брат и отвечает:

— Лошадь дам, но хомута не дам. Без хомута бери. А хомут новый, — жалко.

Так и не посадил богатый брат своего бедного брата за стол и не дал ему ни капли пива. Думал-думал Иван: как же дрова ему везти: лошадь есть, а хомута нет?! Надумал так: сани веревкой привязал к лошади за хвост и поехал в лес. Срубил большое кондовое дерево, положил в сани и повернул лошадь к дому.

Ехать пришлось в гору, лошадь поднять не может. Ударил Иван по лошади, она напряглась посильнее и хвост оторвала: сани-то, полные дровами, были привязаны к лошадиному хвосту.

Привел Иван лошадь к брату и рассказал: так-де и так, у лошади хвост оторвался. Рассердился старший брат и отдал Ивана под суд. Горюет Иван, но делать нечего. Вот и вызвали обоих братьев в суд, а ехать надо было далеко, в город. У богатого брата лошади хорошие, он за три дня приедет. А Ивану пешком неделю надо будет тащиться. Чтобы на суд явиться в одно время, богач взял Ивана в сани к себе. Ехали-ехали, и пришла ночь. Остановились спать у попа: ведь богач везде почетный гость. Посадил поп богатого брата за стол и угощает всякой вкусной пищей, а бедного брата ужинать не позвали. Он, как голодная собака, лежал на печке, и смотрит, как поп и его богатый брат уплетают вкусные шаньги. Вертится бедняк с боку на бок,—запах вкусной пищи так и притягивает его к себе. А, оказывается, у попадьи на печке был новорожденный ребенок. Иван и не заметил, как, вертясь с боку на бок, придавил ребенка досмерти.

И поп отдал его под суд.

Ехали-ехали, и опять ночь пришла. Спать попросились к просвирне. Поп и богатый брат сели за стол и очень вкусно и сытно поужинали, а бедный брат голодное брюхо на печке греет да, глотая слюни, смотрит, как люди внизу ужинают: ведь он уж два дня не ел. Смотрит бедный брат и видит: на печной приступке у просвирни стоит квашня с тестом. Бедный брат потянулся с печки (ведь голод — не тетка!), хотел тайком достать теста и хоть разок пальцем в рот отправить, но поскользнулся и вниз головой упал с печки в квашню. Квашня опрокинулась, тесто — на пол. А просвирня ругается: почему-де у меня ты опоганил тесто для святых просвир своей поганой головой. Судиться с тобой буду!

И просвирня тоже поехала судиться с бедняком.

Что делать бедняку? Едет и горюет,— что ему делать? Конечно, уж сейчас за три-то вины засудят его крепко.

А ехали по высокому мосту. Иван и думает: конечно же засудят, может быть и голову срубят. А смерть — так смерть. Не лучше ли с высокого этого моста кинуться вниз головой об речной лед?

Так и сделал Иван. Кинулся вниз головой, а по льду под мостом, оказывается, была проезжая дорога, и как раз в это время там ехали за товаром купец с сыном. Старый купец убился, а Иван остался жив. Поймал молодой купец Ивана и в суд его потянул.

Видит Иван — засудят сейчас крепче крепкого. Ну,— думает,— будь, что будет. Взял с дороги большой камень, за-

вернул в платок да и сунул за пазуху. Может быть,— думает,— и это пригодится.

Зашли к судьям, и жалуются истцы.

Богатый брат говорит:

— У моей лошади хвост оторвал!

Поп говорит:

— У меня новорожденного ребенка убил!

А молодой купец говорит:

— Моего отца задавил!

Стали судьи спрашивать у Ивана: как-де и почему?.. Почему он хвост у лошади богатого брата оторвал?

Иван все рассказал как следует, как дело было, а, кончая рассказывать, достал из-за пазухи камень, завернутый в платок, и показал судьям. А судьи царские любили очень деньги и судили всегда в пользу того, кто больше даст. Они подумали, что мужик из-за пазухи доставал мешок с деньгами, и присудили в пользу Ивана. Решили, что лошадь следует оставить в пользу Ивана до тех пор, пока не вырастет новый хвост. А оторвавшийся хвост отдать богатому брату.

Богатый брат говорит:

— Я не согласен дать лошадь.

А судьи отвечают:

— Если ты не согласен, то вместо лошади заплати Ивану сто рублей, а сам возьми лошадь и отрасти ей хвост.

Потом судьи стали решать дело об убийстве ребенка попа.

Иван опять рассказал как следует, как было дело: ребенка задавил, не заметив того, и опять из-за пазухи показывает камень, завернутый в платок. А у судей глаза так и разгораются: думают, что у мужика в той тряпке калым. И опять присудили в пользу Ивана,— Иван-де не нарочно убил ребенка, за это-де пусть поп свою попадью даст Ивану на год, чтобы он смог попу отплатить за убитого ребенка ребенком же.

Поп говорит:

— Я не согласен.

А судьи ему:

— Если тебе жаль попадьи,— можешь откупиться деньгами.

И решили, чтобы поп заплатил Ивану двести рублей. На том и покончили.

Затем стали разбирать дело об убийстве купца и об опоганенной квашне просвирни.

Иван рассказал все, как было, и опять показал камень в платке, а у судей глаза так и разгораются. Им хочется поскорее закончить дело и получить с мужика калым. Они думают, что мужик взаправду показывает из-за пазухи мешок с деньгами. Судьи и говорят купцу:

— Иди, полезь на тот же самый мост, откуда Иван прыгнул, и кинься вниз головой с моста на Ивана, его самого задави!

А купец и отвечает:

— Пусть мне хоть тысячу рублей дают, я ни за что не кинусь с моста вниз головой.

А судья ему:

— Если ты так, то плати триста рублей Ивану, чтобы он освободил тебя от прыжка с моста.

Так и по третьему делу мужика оправдали.

Наконец стали рассматривать иск просвирни за опоганенную квашню с тестом для просвирок. Иван опять судьям рассказал, как было дело, и опять показал камень, завернутый в платок.

Судьи так присудили:

— Если опоганил Иван своей поганой головой квашню для просвирного теста, то ты-де, матушка просвирня, иди домой, залезь на печку и так же, как Иван, кинься вниз головой в квашню. И тогда опоганенная квашня очистится.

Просвирня отвечает:

— Лучше сто рублей от себя дам, а ни за что не кинусь вниз головой в квашню.

— А если так,— заплати Ивану сто рублей, и тогда он освободит тебя, чтоб головой вниз в квашню ты не прыгала,— говорят ей судьи.

Собрал Иван присужденные ему судом деньги со всех: у богатого брата — сто рублей, у попа — двести рублей, у купца — триста рублей, у просвирни — сто рублей, потом приподнял шапку и домой отправился. Заметили судьи, что мужик не оставил показанного им из-за пазухи мешка, и послали за ним служителя. Идет мужик по дороге, а за ним судейский служитель бежит, кричит:

— Эй, Иван, забыл ты отдать судьям калым!

Иван вынул из-за пазухи камень, завернутый в платок, и вернулся к судьям:

— Вот вам калым. Если бы не в мою пользу решили,— этим и угостил бы вас.

— Слава тебе, господи,— говорят судьи,— что присудили в твою пользу, хоть лоб цел остался!

74. „Добрый“ исправник

Дядю Власия побил старшина. Побил за то, что дядя Власий не снял перед ним шапки, встретившись на дороге. Дядя Власий побежал к уряднику с жалобой на старшину.

— Что тебе надо?— спросил его урядник.

— Меня побил старшина,— отвечает дядя Власий.— Я ищу на него закон.

— У меня закон недалеко!— отвечает урядник и побил дядю Власия ножнами своей шашки.— Вот тебе и закон! Никогда не смей жаловаться на старшину.

„Нехорош урядник!“— подумал дядя Власий и пошел жаловаться к становому.

— Зачем пришел?!— исподлобья посмотрел на него становой.

— Меня, ваше благородие, старшина и урядник побили,— говорит дядя Власий,— я на них закону ищу.

— Тебе нужен закон?

— Закон, ваше благородие!

— Я тебе, если хочешь, покажу закон,— встал со стула становой и дал дяде Власию кулаком по шее.— Знаешь теперь, каков закон? Никогда не смей жаловаться на начальство.

„И становой нехорош!“— подумал дядя Власий, направляясь в город к исправнику.

А исправник в городе — самый главный начальник. Перед ним даже собаки трясутся, а о людях и говорить нечего.

Зашел дядя Власий к исправнику, кланяется ему до земли. При каждом поклоне о землю лбом бьет.

Посмотрел на него исправник, спрашивает:

— Что тебе, грязный мужик, надо?

— Меня, ваше высокоблагородие, трое побили,— отвечает дядя Власий.

— Кто?

— Первый — старшина, потом — урядник, третий — становой. Пришел я к вашей милости искать на них закон.

— Я тебе, грязный мужик, закон показывать не стану!— захохотал исправник.— У меня руки, как снег, белые, а у тебя лицо немытое, грязное... Я могу свою руку запачкать. Иди с миром домой и никогда наперед не смей жаловаться на больших людей.

Дяде Власию очень понравилось, что с ним так ласково и без ругани поговорили.

Пошел он домой, рассказывает соседям:

— Ну, и хорош же у нас исправник! Не стал он, майбыр, орать на меня, не ударил, а от сердца со мной разговаривал и велел итти домой. Очень добрый исправник!

75. Царская милость

Мужику кто-то сказал, что царь очень добр и милостив. Милость его,— сказали мужику,— очень велика. Если-де узнает он, что мужику очень трудно жить, то пожалеет и поможет.

Взял мужик лист бумаги и написал царю прошение:

„Царь-батюшка, у меня, у мужика деревенского, жизнь чересчур плохая; работаю я день и ночь, а живот все ни сыт ни голоден. Никогда я не знал еще отрадного дня. Дай и мне своей великой милости, чтобы и мое горькое сердце стало хоть немножко веселым".

Пришло слезное это прошение к царю в руки. Собрал царь своих министров и прочитал им мужиково прошение.

— Мужик просит милости!— сказал царь и посмотрел на министров.— Я еще никогда в жизни не видал мужика и не знаю, что ему надо. Но, по-моему, его сердце обрадуется, если я пошлю ему мешок белой муки.

— А мужик не умеет есть белого хлеба, ваше величество!— крикнули министры.

— Тогда можно ему послать новый суконный костюм и новые кожаные сапоги с калошами,— говорит царь.

— А мужик, кроме рваного зипуна да лаптей, ничего и не носит!— опять крикнули министры.

— Тогда дадим ему хорошую корову и хорошую лошадь!

— Пропьет, ваше величество!— замахали руками министры.

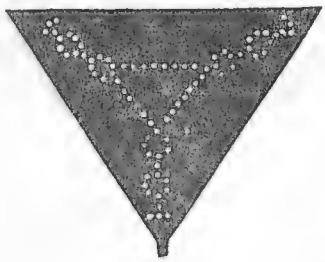
— Тогда какую же милость ему оказать?— спрашивает царь.— Без милости мужика никак нельзя оставить! Ведь он меня отцом называет. А отцы всегда заботятся о своих детях...

Министры пошептались между собой и доложили царю:

— Ваше величество, мы хорошо знаем мужика, он очень любит розги. Прикажите дать ему двести розог. Больше этой милости нет на свете...

— Ну, розги, так розги! Быть по сему!— говорит царь.— Дать мужику двести розог.

Приехали в село становые со светлыми пуговицами и хорошо отпороли мужика розгами по царскому указу. После этого мужик никогда уж не просил и не ждал царской милости.



76. Помещик и мужик

Жили-были помещик и мужик. Пришел раз мужик к помещику подзанять семян, а на него накинулись помещичьи собаки. Мужик рассердился, ударил одну собаку, а та подохла.

Слуги заметили, что мужик убил собаку, и задержали его. Отдал помещик мужика под суд.

Судья и спрашивает у барина:

— К чему присудить мужика?

Барин говорит:

— Пусть мужик будет у меня служить вместо собаки и не смеет говорить по-человечески...

Первую ночь мужик всю ночь лаял собакой под окном помещика.

Помещик велел кормить его кашей.

Раз мужик-собака сговорился с ворами очистить амбар помещика. Вы-де приходите, а я, хоть и буду лаять, не бойтесь. Пришла ночь, воры очистили амбар, а мужик-собака всю ночь громко лаял под окнами помещика. Утром встали, помещик говорит:

— Надо получше кормить собаку. Этой ночью очень хорошо лаяла...

Вышли слуги на двор, видят, что амбар обчистили. Рассердился помещик на собаку, опять подал в суд. На суде спрашивают помещика — лаяла ли в эту ночь собака.

Помещик отвечает:

— Лаяла больше, чем в другие ночи.

— Тогда,— говорят ему судьи,— ты сам виноват. Он и обязан был только лаять, а не сказать...

— Если вы,— отвечает судьям помещик,— его не засудите, я своим судом его засужу.

Запряг лошадь, везет мужика в тюрьму. Ехать пришлось волоком. Подошла ночь. Вдруг мужик видит что-то темное и говорит барину:

— Смотри, барин, медведь сюда идет...

Помещик испугался и велит мужику лаять. А мужик отказывается: сам-де лай!

Принялся помещик лаять, пока голос не охрип. Потом опять велит мужику лаять. А тот снова отказывается.

Утром на рассвете мужик и говорит:

— Никакого медведя и не было. Это я нарочно сказал! Если ты меня в тюрьму будешь сажать, я по всей деревне расскажу, как наш помещик всю ночь лаял.

— Все отдам,— говорит помещик,— что ни попросишь, только никому не рассказывай!

77. И лес и звери барские

Пришлось как-то дяде Сидору итти по лесу. А лес тот был богатого барина. Шел-шел дядя Сидор и увидел под елью зайца. Сидит заяц, испуганными глазами смотрит на дядю Сидора. А у того ружье всегда было с собой, никогда он в лес без ружья не выходил.

Приостановился дядя Сидор, выстрелил в зайца.

Заяц упал, протянул ноги.

„Один есть“,— подумал дядя Сидор и поднял с земли зайца.

Тем бы и кончилось дело, пошел бы дядя Сидор домой, зайца бы зажарил и вкусно и сытно бы поел. Но на грех барин поблизости оказался, кинулся он к дяде Сидору и закричал:

— Как это ты, дрянной мужичонка, смеешь охотиться здесь? И лес и звери в нем барские, мои... Я тебя в тюрьму посажу!

Если бы барин был один,— Сидор убежал бы. Но позади барина—два казака с шашками и пистолетами, только и смотрят, как бы мужика схватить.

— Прости, батюшка-барин,— начал просить дядя Сидор,— заяц — не медведь, он немного стоит.

— Если бы ты застрелил медведя — я бы тебя на всю жизнь на каторгу упек,— рассердился барин.— Медведя застрелить — и думать не смей!

— Не смею, батюшка-барин, не смею! Увижу медведя на своей корове и то не застрелю. Только прости за этот проступок!

— Не прощу!— сверкнул глазами барин.— Если простишь мужика,— он совсем избалуется, ни бога ни царя не станет бояться. Эй, казаки!— крикнул барин.— Отведите этого человека в город на суд.

Схватили казаки дядю Сидора и, подталкивая в шею, потащили в город.

Суд рассмотрел дело и по статье царского закона приговорил: за убийство зайца в барском лесу посадить мужика, по имени Сидора, в тюрьму на два года.

Отсидел дядя Сидор эти два года и когда-некогда вернулся домой. Пожил с семьей, порадовался тому, что вырвался из тюрьмы, а потом взял ружье и опять отправился на охоту. В барском лесу ловить что-нибудь он, конечно, не смел, даже думать об этом не решался, но итти пришлось через барский лес, так дорога была ближе.

Шагает он по лесу и вдруг слышит чей-то истошный крик. Побежал на крик, видит: медведь придавил барина, собирается с него кожу снять.

Увидал барин дядю Сидора, кричит ему из-под зверя:

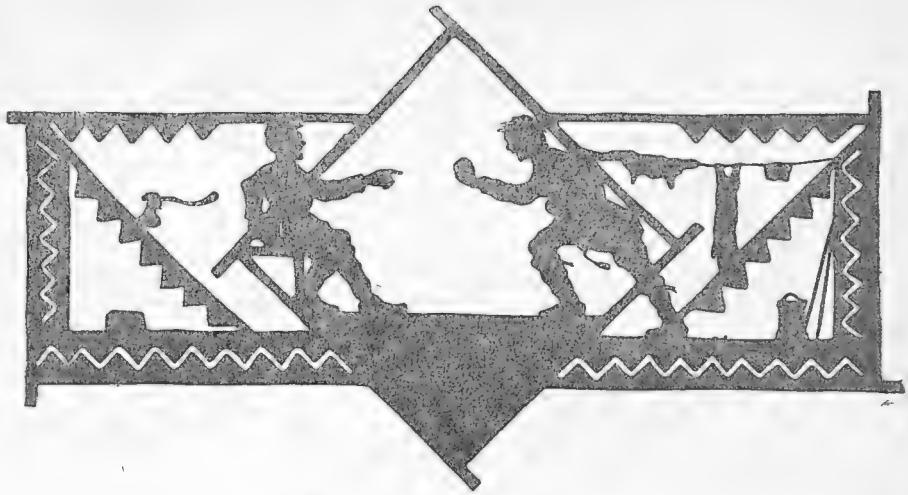
— Стреляй, милый мужик! Стреляй в медведя! Скорее стреляй! Торопись! Освободи меня от злой смерти!

— Не смею!— отвечает дядя Сидор.— Если я застрелю медведя,— ты меня на каторгу отправишь,

— Не отправлю, милый мужичок! Стреляй скорее!

— Как же я буду стрелять?— развел руками дядя Сидор.— И лес и звери ведь барские, твои... Никак мне нельзя тронуть твой лес и твоего зверя!

Сказав так, дядя Сидор отправился дальше, а медведь очень ловко снял с барина его барскую кожу.



78. „Если бы тебя поставить купцом...“

— Петра, а Петра!
— Что?
— Что бы ты стал делать, если бы тебя поставили купцом?
— Каким купцом?
— Купцом-брюханом, у которого горло ненасытное, а карманы глубокие. Что бы ты тогда стал делать?
— Я? Я бы весь товар роздал беднякам, а купцу бы по морде надавал!
— Петра, а как же бы ты самому себе по морде-то надавал?
— Как себе?
— Да ведь ты и был бы купцом-брюханом.
— Кто это говорит?
— Я говорю. Я ж тебя спрашивал, что ты будешь делать, если бы тебя поставили купцом?
— Да я ж тебе говорю: этому купцу я бы по морде надавал.
— Никак это не годится, Петра!
— Очень даже годится! Надавал бы — и все.
— А ты совсем дурак, оказывается, Петра.
— Ты сам дурак, Иван. За купца стоишь!
— За купца я не стою, а пример говорю. Если бы, говорю, тебя поставили купцом...
— Кто это говорит?
— Тьфу!
Тем и кончился разговор Ивана с Петром.

79. Рановато проснулся

Целый день ничего не ел Яков. Хлеба не было. Так голодным и лег спать.

Спит Яков, и снится ему: стоит перед ним изба, а на дверях крупными буквами написано — „Здесь сегодня бедных кормят бесплатно. Каждый, кто беден, может зайти и поесть“:

— Это для меня написано. Беднее меня уж некуда быть! — улыбнулся Яков и со всех ног бросился в избу.

— Входи, милый брат, входи, — сказал ему, встречая, дядя с широкой бородой. — Сегодня беднякам праздник. Все для них приготовлено. Щи с мясом, пшенная каша, кисель, вкусный ляз... Садись и хлебай всякий, кто входит...

— А, мокаете! — подумал Яков. — До сорока шести лет дожил, а праздника для бедняков еще не видал. Все лишь богачи праздновали, а мы на их праздник со стороны смотрели...

— Садись, садись, — говорит опять дядя с широкой бородой. — Хлебай, чего твоей душе хочется.

Сел за стол Яков, и взаправду на столе всего много. Кругом стола — бедные люди хлебают: кто щи, кто кашу, кто кисель, кто ляз. Всем, майбыр! — хватает съестного. Посмотрел Яков, а ложки-то ему и нет. Сказал он об этом дяде с широкой бородой, а тот ему в ответ:

— Сюда, милый брат, надо со своей ложкой приходить. Ложек у нас не приготовлено.

— А чем же я буду хлебать-то?

— Сходи домой и возьми ложку. Ей и будешь хлебать!

Побежал домой Яков за ложкой.

Три версты пришлось бежать.

Выбрал дома самую большую ложку, обратно ветром несется.

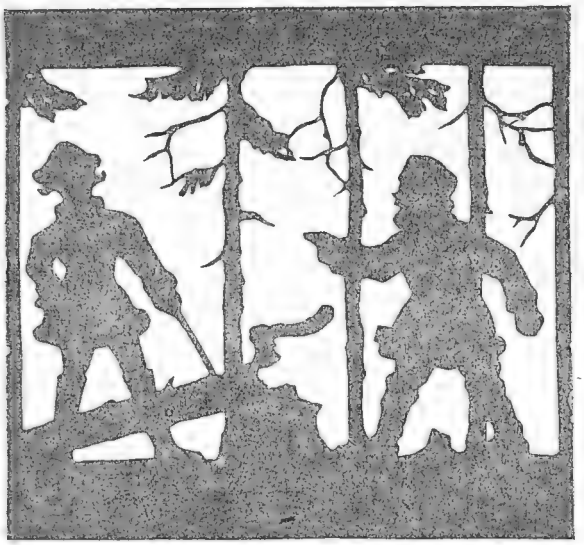
Прибежал туда, где кормили бедных, и упал за стол.

— Ну, начнем и мы есть!— крикнул с радостью Яков и зачерпнул большой ложкой из чашки вкусных мясных щей.

— Хлебай, милый брат, хлебай!— подбадривал его дядя с широкой бородой.— Вам, бедным, сегодня праздник.

Только-только собрался было Яков проглотить ложку мясных щей и ложку уж ко рту поднес, да на ту беду проснулся.

— Вот тебе и праздник!— вздохнул Яков и крепко выругался,— нигде нет счастья бедному человеку. До вздутия живота мог бы я там наесться. Да рановато проснулся. Вот морыд!..



80. Царь Петрован и мужик

Встретил однажды царь Петрован в лесу мужика-лесоруба и говорит ему:

— Бог в помощь!

А мужик в ответ:

— От помощи не откажусь.

— А большая ль у тебя семья?— спрашивает царь.

— Двое сыновей и двое дочерей.

Удивился царь:

— Семья у тебя небольшая, а ты помощи просишь! Куда только ты деньги деваешь?

— Я,— отвечает мужик,— свой заработок на четыре части делю: первой частью кормлю дармоедов, из второй части долги плачу, из третьей — сам в долг даю, четвертую — в воду бросаю.

Ничего не понял царь из слов мужика, просит объяснить ему.

— Дармоедов кормлю — это царя, урядника да попа; долги отдаю — мать с отцом кормлю; в долг даю — сыновей кормлю; в воду кидаю — дочерей кормлю.

— В полном ли ты уме?— спрашивает пораженный царь.— Лучше выведи-ка меня на дорогу, я заблудился и не могу ее найти.

— Найдешь!— отвечает мужик.— Иди сначала направо, потом налево потом направо, а потом опять налево, вот и найдешь.

— Ну, этой науке я не учился! Веди меня ты!

— Некогда мне!—опять отвечает мужик.— Нам по крестьянству каждый день дорог.

— Сколько будет стоить, я тебе заплачу.

— Заплатишь — выведу,— согласился мужик.

Сели они в сани, поехали. Дорогой царь начинает у мужика пытать:

— Где бывал да что видал? Царя видал ли когда-нибудь?

— Царя видать мне неоткуда, а посмотреть, что это за диковинка,— хотелось бы...

— Ну,— отвечает царь,— не видал царя, так увидишь. Как только выедем на дорогу, так и увидишь!

— Как же я его увижу?

— А встретим мы много людей, и все они будут без шапок. Один царь будет в шапке.

И верно: только выехали они на дорогу, а там много людей, и все кидают вверх шапки и кричат — ура!

Спрашивает мужик:

— Где же царь-то?

— Видишь, кругом все без шапок? Только мы с тобой вдвоем в шапках,— кто-нибудь из нас и есть царь.

Сразу сообразил догадливый мужик, в чем дело, и говорит:

— Значит, я и есть царь.

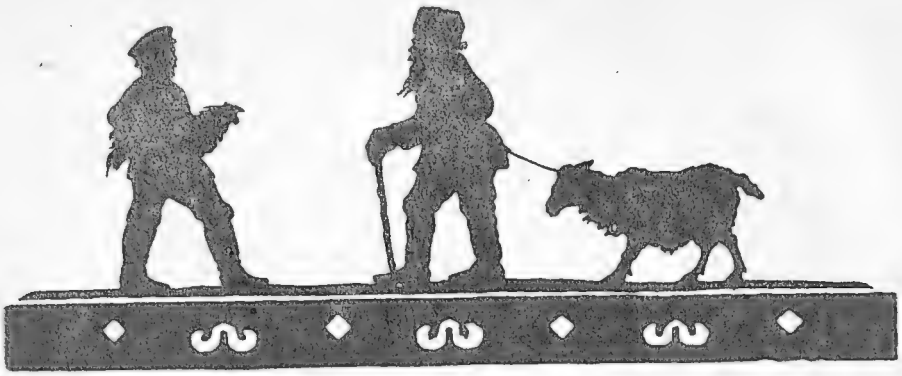
— Кроме тебя я еще в шапке. Один из нас, значит, и есть царь!

А мужик начал спорить: он-де настоящим царем является, и другого царя никакого нет. Спорили они, спорили, раскричались, мужик и говорит:

— Если ты царь, покажи мне какие-нибудь свои знаки. На лбу у тебя ничего не написано.

И действительно: очень трудно было отличить, кто из них настоящий царь: и ростом, и бородой, и лицом очень они были друг на друга похожи. Позвали они разрешить их спор царских слуг, те их осматривали, раздели обоих, никакой разницы между ними не нашли, однако настоящим царем признали мужика, а царя Петрована отправили на мужиково место в лес.

Так-то вот сел на царский престол крестьянский царь!



81. Простофиля

Жили-были однажды старик со старухой, и привели к ним краденого быка: купить им было не на что. Старики кормили того быка травой, которую рвали руками. Так растили они того быка лет до пяти и начали поговаривать: вот, погоди, продадим быка, купим себе крестьянское обзаведение. Однажды повел старик того быка на базар и продал за пятьдесят рублей, получил он деньги, а уж беден был до того, что даже денег некуда было ему спрятать. Идет и несет деньги в руке, а навстречу — мужик.

— Куда ходил?

— Быка продал. Взял пятьдесят рублей, да положить некуда.

— Есть у меня кошелек. В него можно положить.

— Дорого, поди, просишь за него.

— Десять рублей прошу. Кошельки нынче дорогие.

Купил старик тот кошелек и повесил себе на шею. Идет дальше домой. А навстречу едет мужик в телеге, спрашивает:

— Куда ходил?

— Быка на базаре продал, получил пятьдесят рублей, купил кошелек за десять рублей. Думаю купить крестьянское обзаведение. Одну вот вещь уже купил.

— Не купишь ли мою телегу?

— Дорого, поди, просишь за нее.

— Десять рублей прошу. Телега — штука хорошая, что хочешь, на ней повезешь, хоть лошадь на себе свезешь.

Купил старик телегу. Две, может быть, три версты тащил ее на себе. А навстречу — мужик барана ведет, взнузданного.

— Хочешь поменять телегу на барана?

— Поди, много добавки попросишь.

Баран оказался хороший, и старик добавил за него пять рублей.

Осталось у него двадцать пять рублей. Привязал он барана к поясу, пошел дальше. А баран не идет никак, хоть плачь. Еле две версты с ним протащился, как попадается навстречу мужик; несет тот мужик петуха в охапке.

— Хочешь барана на петуха сменять?

— Поди, много прибавки спросишь.

— Пять рублей спрошу.

Обменялись. Взял старик петуха, несет в руках. А навстречу — мужик с серпом.

— Вот,— говорит,—хорошая штука, все режет, траву отлично косит.

И тут старик прибавил пять рублей.

А навстречу новый мужик — с брусом. Серп колется. „Еще голову срежет!“— думает старик. Обменял серп на брус, прибавил все деньги, что у него оставались, и сдачи две копейки получил. Идет дальше, несет брус в руках, а брус тяжелый-тяжелый. Подошел к озеру, на нем утки плавают. „Да-й-кось,— думает,— брошу брусом в уток, принесу жене гостинца“. Бросил да не попал, и утонул тот брус. Снял старик портки, пошел за брусом,— рубашка намокла, рубашку снял,— дна никак не может достать, тонуть начал. Бросился обратно на берег, сидит — удивляется: „Я от смерти ушел!“

А мимо проезжали купцы на тройке.

— Ты куда ходил?— спрашивают.

— На базаре был, быка продал за пятьдесят рублей,— и рассказал им все по порядку, что с ним было.

— Если ты так торговал,— говорят купцы,— плюнет на тебя жена.

— Нет,— отвечает старик,— не плюнет, а три раза поцелует.

И стал с ними биться об заклад: если плюнет на него жена,— оба они со старухой будут служить купцам всю жизнь; если поцелует,— отдадут купцы старику свой товар. Побились об заклад, купил старик у купцов калач на последние две копейки и пошли к старику домой. Увидала старуха, удивилась, сколько товару ее муж везет, поцеловала его три раза. Так купцы весь товар у старика и оставили.

82. Солдатская каша

Возвращался солдат со службы. Служил он много лет, и возвращение его всех радовало. В солдатах он научился плясать и тем кормился в пути.

Вот остановился он на ночлег у одного крестьянина и просит его накормить.

— А что ты умеешь делать?— спрашивает солдата крестьянин.

— Все умею. И плясать умею,— отвечает солдат.

Крестьянин говорит своей хозяйке:

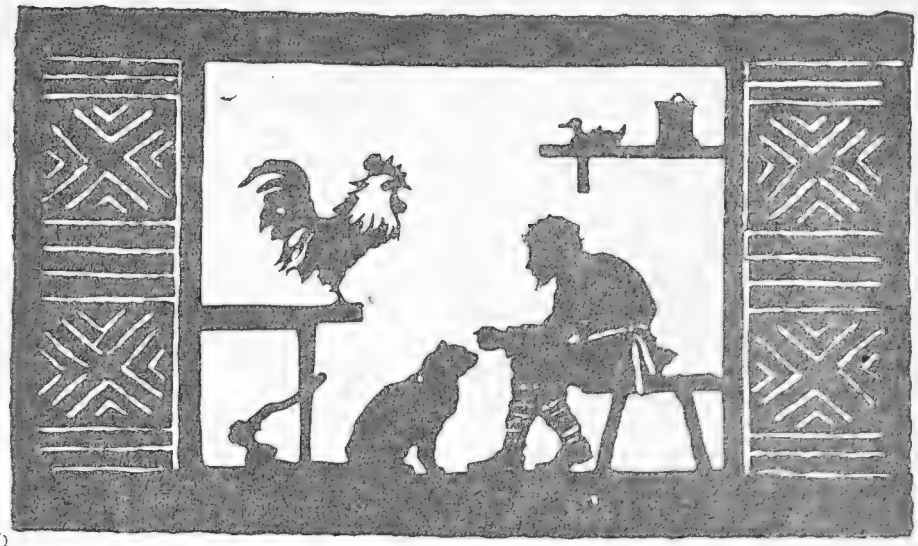
— Свари-ка солдату каши побольше.

Хозяйка наварила ведро. Солдат наелся досыта, а остаток заложил между поясом и рубахой.

Тут как раз собрались к тому крестьянину девушки и парни, бабы и мужики; обратился он к солдату и говорит:

— А теперь попляши, гость дорогой, порадуй нас...

Взялся солдат плясать, до поту пляшет, всякие фигуры выделывает, да только как-то неловко отвалился назад, ремень лопнул, а каша и просыпалась на пол...



83. Дядя Юра

Давным-давно жил дядя Юра. Не было у него ни сына, ни дочери, а только и были кошка, петух да топор. И начал дядя Юра думать: как бы к старости себя обеспечить. Надумал наконец, забрал с собой топор, кота и петуха и отправился с ними в лес. Смотрит — стоит возле дороги береза, и взялся ее рубить. Свалил березу, сделал из комля лопату, из средины — балду, из вершины — голик и пошел дальше.

Шел-шел, приходит, наконец, в одну деревню, глядит — колет один мужик дрова, а вместо балды кулаком по полену бьет.

— Эх, ты, дядя! — говорит ему Юра.— Дров не умеешь наколоть. Дай-кось, я попробую.

И начал колоть дрова. Ударит балдой — любое полено расколется, а сколько наверное времени мужик по тем поленьям кулаком бил! Говорит мужик дяде Юре:

— Не продашь мне балды?

— А много ль дашь?

— А много ль запросишь?

— Дашь сто рублей?

— Дам!

Мужик, ни слова не говоря, отдал дядя Юре сто рублей, взял себе балду, и оба остались довольны. Тогда пошел дядя Юра дальше, видит: другой мужик рожь на гумне руками веет. Говорит ему дядя Юра:

— Давай, я тебе помогу.

Снял с плеча лопату и начал веять. Скоро у него дело пошло. Увидал мужик, спрашивает:

— За сколько продашь лопату?

— Сто рублей стоит моя лопата,— отвечает дядя Юра.

Отдал, недолго думая, тот мужик дяде Юре сто рублей, взял у него лопату, а дядя Юра отправился дальше. Прошел чуть-чуть, глядит: на другом гумне молотят, а зерно руками собирают. Остановился дядя Юра, говорит:

— Не руками нужно собирать зерно, а вот как!

И начал голиком мести.

Очень удивились молотильщики, спрашивают:

— Не продашь ли нам это?

— Дадите сто рублей,— продам.

Без лишних слов отдали они сто рублей дядя Юре. А Юра и рад: триста рублей нажил. Пошел дальше, добрался до какой-то деревни, просится к одному дядюшке ночевать. Пустили дядю Юру хозяева в избу, а сами устроились спать на вышке,— оказывается, в той избе „казалось", и, боясь, хозяева в избе не ночевали. Дядя Юра лег, пустил кота и петуха,— петух на шест забрался, а кот — на печку. Но не спится отчего-то дяде Юре, все думается: что это его одного в избе оставили? А, как только совсем стемнело, поползли из голбца мыши, наползло их видимо-невидимо. А коту, известно, там, где мыши,— не спится. Спрыгнул он с печки, наубивал мышей гору, наелся досыта. А тех, что не поел, сложил на средине избы в кучу. Подошла полночь,— петух запел.

Испугались его крика спавшие снаружи хозяева, даже посмотреть в избу не смеют. Однако спустя некоторое время входят в избу, видят — по самой середине пола спит Юра, а возле него — целая куча мышей, и все мертвые.

— Вот оно какое наше казанье-то было! — воскликнули хозяева.

Проснулся Юра, спрашивают они у него:

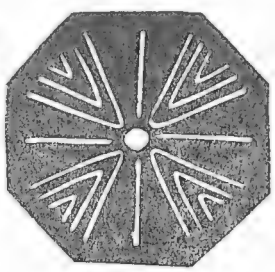
— Как это ты сумел столько мышей поубивать, и кто кричал ночью?

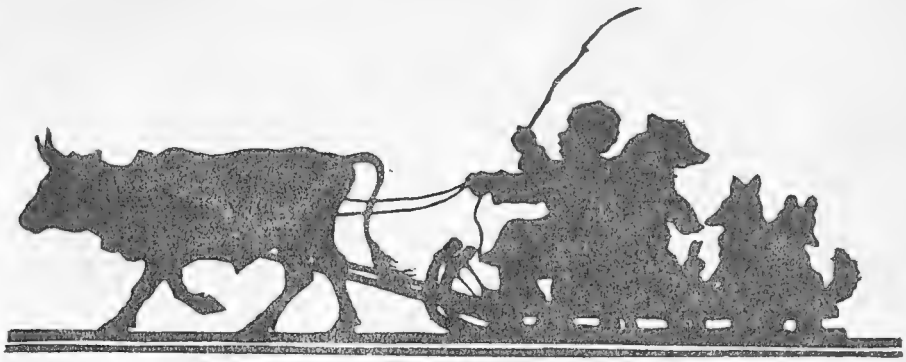
Рассказал Юра, что мышей поубивал кот, а кричали его часы — петух. Очень стали просить хозяева продать им кота и петуха.

— Дадите за них двести рублей, так и быть — отдам.

— Как не дать двести рублей за такие хорошие вещи!

Дали они тут Юре двести рублей, и стало у него всего пятьсот рублей. Пошел он домой, жить стал очень хорошо. Вот как дядя Юра научил таких людей, как мы.





84. Нерымэ

Жил-был однажды дядя по имени Нерымэ. Вот попросился он в одну избу ночевать. В той избе только и жителей было, что одна тетка.

— Тетушка,— спрашивает он ее,— куда ж я свои сапоги положу?

— Брось в курятник,— отвечает тетка,— ничего с ними не случится.

Ночью, когда тетка крепко заснула, Нерымэ вытащил свои сапоги, разорвал их и бросил назад в курятник. А утром, как встали, Нерымэ и говорит:

— Твои куры мне сапоги попортили, все изорвали, я сыну аксы пожалуюсь, к боярскому сыну на правеж пойду, беду тебе наделаю рублей на сто, лучшую курицу у тебя заберу.

Просит его тетка:

— Не ходи жаловаться, самую лучшую курицу тебе отдам.

Взял Нерымэ у той тетки курицу, отправился дальше и опять остановился в одной деревне ночевать у одинокой тетки.

— Пусти меня, тетка, ночевать,— просится.

— Ночуй, пожалуй.

— Есть у меня с собой курица. Куда мне ее на ночь девать?

— Помести с гусями.

Ночью Нерымэ зарезал свою курицу, подложил ее назад к гусям, а утром и говорит хозяйке:

— Твои гуси насмерть заклевали мою курицу,— и начинает плакать да причитать:— я сыну аксы пожалуюсь, к боярскому сыну на правеж пойду, сторублевую беду тебе наделаю, самого лучшего гуся возьму.

Испугалась тетка:

— Не жалуйся, пожалуйста. Возьми вместо курицы самого лучшего гуся.

Забрал Нерымэ самого лучшего гуся, пошел дальше. И зашел к третьей одинокой тетке, просится:

— Тетушка, пусти ночевать!

— Иди.

— А куда мне гуся на ночь пристроить?

— Помести, пожалуй, в хлев к овцам.

Ночью Нерымэ убил своего гуся, а, чуть встали, начал грозить тетке:

— Сыну аксы пожалуюсь, к боярскому сыну на правеж пойду, сторублевую беду тебе наделаю, самую лучшую овцу возьму.

— Не жалуйся, добрый человек,— просит его тетка,— возьми самую лучшую мою овцу.

И дальше пошел Нерымэ, и опять остановился ночевать, и поместил свою овцу с быками, и за овцу получил самого лучшего быка. А когда быка получил — запряг его, поехал в лес за дровами, едет и напевает:

Сапоги на курицу,
Курицу на гуся,
Гуся на овечку,
Овечку на быка...
Вези домой, бычище!

И попался ему навстречу волк.

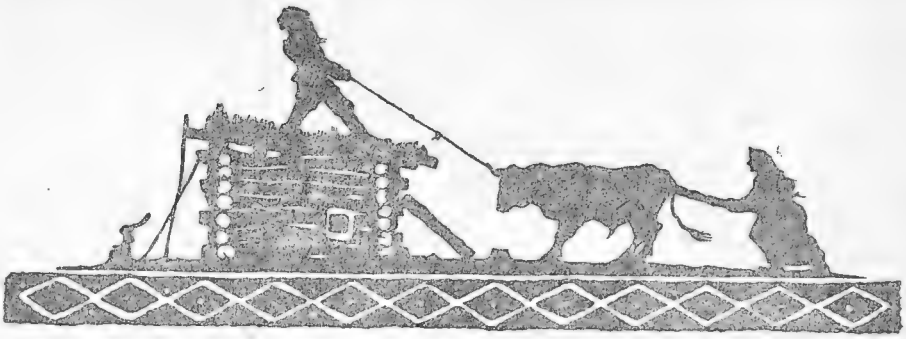
— Хорошо — говорит он,— поешь ты, дяденька. Не подвезешь ли меня по дороге?

— Садись.

Едет Нерымэ и все поет свою песенку. И встретились ему по дороге заяц, лиса, медведь. Всех посадил он в сани. Вот седоки и говорят Нерымэ:

— Ты ступай, руби дрова-то. А мы тебя в санях подождем.

Пошел Нерымэ дрова рубить, а они зарезали быка, все мясо съели, а шкуру набили соломой, зашили да и поставили между оглобель. Вышел Нерымэ из лесу, ехать домой пора, ударил по быку плетью — он ни с места, Нерымэ — сильнее, бык опять ни с места; спохватился, а бык-то мертвый. Заплакал Нерымэ и пошел домой пешком. Он и теперь еще живет-поживает.



85. Дураки

У одного старика со старухой были три дочери и один сын. Послали раз они старшую дочь на реку за водой. Пришла она на реку, только собралась зачерпнуть — сильное течение вырвало ведро и унесло. Села дочь на берегу, плачет. Послали старики среднюю дочь проведать старшую. Подошла она к сестре, спрашивает:

— О чем плачешь?

— Как же мне не плакать? У меня ведро в реку упало и потонуло.

Сели сестры вместе, заплакали еще горше.

Не дождавшись дочерей, посылает мать младшую за ними:— что-де сестры на реке так долго делают? Пришла младшая, спрашивает:

— Отчего плачете, сестренки?

— Как не плакать! Ведро-то мы потопили!

Подсела к ним младшая, залились слезами все трое еще горше прежнего.

Наконец, пришли к реке старики, спрашивают дочерей:

— Отчего вы, доченьки, плачете?

— Как же нам не плакать? Ведро-то мы утопили ведь!

И старик со старухой подсели к дочерям, плачут все впятером.

А тут как раз сын подходит:

— Отчего вы плачете все?

— Как же нам не плакать? Ведро потопили, потому и плачем!

— Глупые вы, глупые! — отвечает сын.— Пойду-ка я по свету, посмотрю, есть ли еще такие дураки, как вы?

Идет-идет, видит издали,— поднимают какие-то старик со старухой быка на баню. Подошел поближе, спрашивает:

— Что вы тут делаете?

— Да вот крыша обросла травой! Подымем быка на крышу, чтоб от травы очистил!

— Давайте сто рублей,— я вам помогу!

Согласились старик со старухой. Залез он на баню, оборвал траву руками, отдал быку.

— Вот ты какой умный! — говорят старики.— Оставайся жить с нами.

— Нет! Я пойду дальше искать таких дураков, как вы.

Идет он дальше, видит: дядя один бегает с лукошком в руке из избы на крыльцо и с крыльца в избу.

— Что ты, дядюшка, делаешь?

— Разве не видишь? Лукошком дым из избы на улицу выношу.

Засмеялся парень, говорит:

— Дашь сто рублей,— я тебе трубу сделаю.

— Дам тебе сто рублей, сделай!

Сделал парень трубу за сто рублей, пошел дальше. Идет-идет, видит,— один мужик выскакивает из избы, кидается в воду, наберет в ней чего-то полон рот и опять бежит в избу.

— Что же ты делаешь, дядя?

— Воду в избу ношу, суп сварить.

— Давай сто рублей,— говорит парень,— я тебя научу воду носить.

Получил сто рублей, сделал мужику ведро и пошел дальше. Идет-идет, заходит в один дом, а там тетка из избы в избу с ложкой ходит.

— Что делаешь, тетушка?

— Кисель с молоком хлебаю. Кисель здесь, а молоко — в другой половине. Хожу и ем.

Научил парень тетку за сто рублей, как надо есть кисель с молоком, и пошел он дальше. Подходит к одному дому, слышит сильный стук. Заходит в избу, видит — мужик прыгает с полатей на пол, а на полу валяются штаны.

— Что делаешь, дяденька?

— Штаны надеваю.

— Давай сто рублей. Научу тебя, как штаны надевать.

Получил сто рублей, пошел дальше и приходит к одному гумну. А на нем у вымолоченного зерна стоит тетка, перекладывает что-то с руки на руку и дует.

— Что делаешь, тетенька?

— Хлеб обмолотила. Так вею вот!

— Дай сто рублей, научу тебя веять.

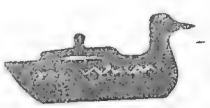
Сделал парень лопату, показал, как надо веять, отдал лопату тетке.

А в кармане у парня стало уже шестьсот рублей. Идет он и думает:

— Ох, и много же дураков на свете!

Вернулся домой, а сестры его и отец с матерью все еще сидят на реке и плачут

Утешил он их, повел домой, и зажили они с тех пор хорошо. И теперь еще живут-поживают.



86. Как дурак все село разогнал

Жили-были муж с женой, и родилось у них двое сыновей. Подросли сыновья, начали заниматься охотой. Пошел старший брат на охоту, а младший силки на полу в сарае ставит. Пошла мать корма дать скоту и попала в тот силок. Иван забросил ее на полати. Возвращается старший с охоты, спрашивает:

— Что ж ты сегодня наловил, Иван?

— Я очень большую птицу поймал.

— Ну-ка, покажи.

Сбросил тут Иван мать с полатей:

— Вот она!

— Дурак ты,— говорит ему старший брат,— да ведь это ты свою мать поймал.

И опять ушел старший брат на охоту. А младший, Иван, поставил силки у дверей хлева. Отец пошел коров поить и попал в расставленные силки. Он и отца, как мать, забросил на полати.

Вернулся старший брат, спрашивает, а Иван выкидывает с полатей отца на середину пола:

— Опять я большую птицу поймал!

— Да разве ж это птица! — говорит старший брат.— Ты своих отца и мать убил!

И в третий раз ушел на охоту, а младшего брата оставил пиво варить. Заварил Иван пиво, опускает в кадку раскаленные камни, а камни как зашипят!

— Вы что же это?— говорит камням Иван,— смеяться надо мной вздумали!

Опрокинул чан, сел в корыто, начал лопатой грести. Приходит старший брат,— младший на полу в корыте плавает.

— Что же ты, дурак, делаешь?

— Сам видишь, что делаю! Сусло начало надо мной смеяться, я его и опрокинул.

— Ну, ладно,— говорит старший брат,— ступай за хмелем к бабушке.

Пошел Иван за хмелем.

— Зачем пришел, Иван?— спрашивает бабушка.

— За хмелем пришел.

Дала ему бабушка хмелю, пошел дурак домой. А хмель начал в кармане шуршать, Иван взял да и выпустил его весь на ветер.

— Где хмель?— спрашивает брат.

— Начал он надо мной смеяться, я его по ветру пустил...

— Дурак ты, дурак!— говорит старший брат.— Ну, ступай к бабушке за солью.

Пошел дурак за солью, борону вместо кольца надел, а баней вместо шляпы накрылся.

— Зачем пришел, дурак?— спрашивает бабушка.

— За солью пришел.

— Почему ж давеча не взял?

— Забыл.

Дала ему бабушка соли, пошел дурак домой, а навстречу — лошадь. Взял он ту лошадь, ведет поить к колодцу. Лошадь напилась и перестала.

— Чего ж это она мало пьет?— думает дурак.— Дай-ко я посолю.

Вытряхнул всю соль в колодец,— не пьет лошадь. Идет дурак домой, а брат его и спрашивает:

— Где ж соль-то?

— Лошадь перестала пить, я и посолил колодец.

Заругался брат:

— Лошадь напилась, потому и перестала,— и посылает опять дурака к бабушке за ложками.

— Зачем опять пришел?

— За ложками!

— Почему давеча не взял?

— Не просили.

Дала бабушка ложки. Идет дурак домой, а ложки в кармане одна об другую гремят. Рассердился он, растоптал ложки ногами и рассказал об этом брату: растоптал, чтоб над ним ложки не смеялись.

Послал брат, наконец, дурака приглашать гостей.

Он пошел и приглашает:

— Все мужчины, приходите.

Мужчины пришли, а брат их спрашивает:

— Где ж ваши жены?

— Иван-дурак не звал,— отвечают они,— он сказал бабам: вы не ходите воздух портить...

Послал его во второй раз за бабами.

Пришел дурак, приглашает:

— Вы, бабы, приходите, только ребят своих не носите. Чтоб не гадили и не мочились.

Пришли бабы в гости, а их и спрашивают:

— Где ж ваши ребятишки?

— Дурак их не звал.

Погнали дурака за ребятишками. А он и начал сбрасывать их с крыльца в сани. У одного голову разбил, у другого ноги обломал, у третьего — руки, а четвертому и совсем голову свернул. Приволок домой полные сани ребят, увидели их бабы и все разревелись.

— Уйдемте,— говорят,— из этого села, всех нас перережет этот дурень.

Так все из того села и ушли. Даже дураков брат ушел. А дурак схватил двери от избы и бросился за ними в погоню, гнался-гнался, не догнал,— один домой вернулся. Так и теперь один в целом селе живет.

87. Так дураком и остался

Однажды отправился я с товарищами играть на деревню. Смотрю — овин горит. Я очень любил веселый огонь, подошел к овину и закричал:

— Вот хороший огонь! Вот хороший огонь!

А за овином на крыше мужик был. Набросился он на меня, как собака, багром в самый живот ткнул. Охая, приплелся я домой:

— Мама моя, очень меня избили!

— За что, сынок?

— Овин горел, а я кричать начал: „Какой хороший огонь!"

— Дурак ты, дурак, надо было взять ведро с водой и залить!

— Хорошо! Завтра я так и сделаю...

Назавтра пошел я к соседу, вижу — свинью палят, схватил я ведро с водой и залил огонь. А соседский сын топором меня по лбу съездил. Еле добежал я домой, жаловаться матери принялся:

— Мама моя, меня опять избили!

Выслушала мать и говорит:

— Дурак ты, дурак, а тебе бы надо было сказать: „На красивое блюдо. На красивое блюдо!"

— Завтра сумею сказать,— ответил я матери.

Пошел назавтра в бор, вижу—покойника хоронят, я и стал говорить:

— На красивое блюдо! На красивое блюдо!

Отдули меня так, что еле домой доплелся, пожаловался матери, а мать и говорит, что надо было сказать: „Царство небесно, упокой на место!"

— Ну, завтра, авось, сумею!

Назавтра пошел из дому, только начал на пригорок взбираться, вижу — свадьба копошится, шафера очень пьяные. Я и стал говорить:

— Царство небесно, упокой на место!

Шафера меня и поколотили, мало досмерти не избили, еле домой дополз.

— Мама, мама, а меня ведь опять наколотили!

— „Дурак ты, дурак,— отвечает мать,— а тебе надо было сказать: „С законным браком...“

Утром пошел я в лес грибы собирать, только вошел в лес, вижу — медведь лежит.

Я и сказал:

— С законным браком вас, Михаил Иванович, лежать-то!

А он меня три раза лапой по роже ударил.

Я как заорал, орал-орал, так и до дому дошел — все орал.

— Мама, меня медведь избил!

— За что?

— Я сказал: „С законным браком, Михаил!“

— Эх, ты, дурак. Тебе бы взять кол да нахлестать медведя тем колом.

— Ну, уж завтра обязательно сумею!

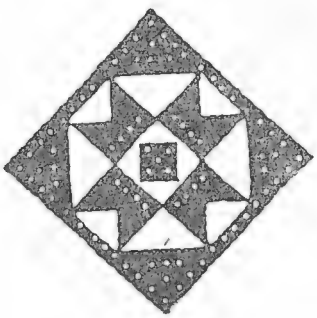
Назавтра вышел я на двор, а на дворе дедушка лежит. Ухватил я кол да и ударил его несколько раз по голове. А потом пришел к матери и говорю:

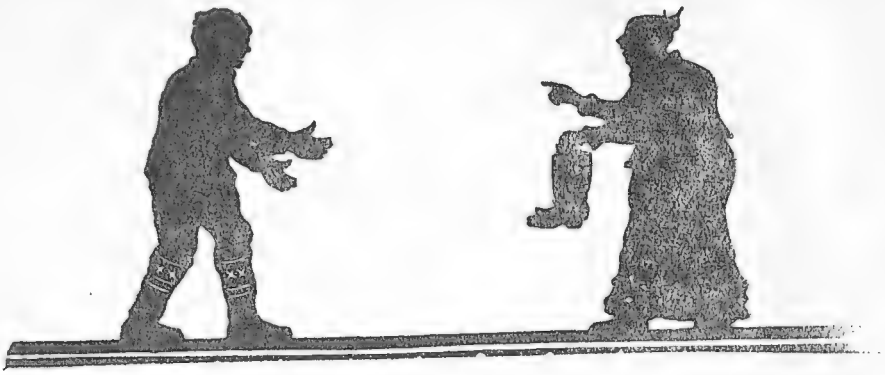
— Мама, чего-й-то дедушка все зубы выставил.

Подошли к нему, а он — мертвый.

— Вот дурак-то!—сказала мать.—Был дураком, видать, дураком и останешься!

И верно. До сих пор я дураком остался.





88. Есть ли на свете люди глупее тебя?

Жил-был на свете богатый крестьянин с женой, который однажды вырастил на продажу трех быков.

Запросил он за каждого быка по сто рублей, а за всех трех — триста.

Сам крестьянин ушел однажды на заработки, а бабе своей наказал:

— Придут покупатели,— дешевле трехсот не отдавай.

Вот баба однажды и выгнала быков на водопой, и увидели тех быков жулики.

Увидели и задумались:

— Как бы украсть?

Входят в избу и спрашивают:

— Тетка, быков не продаешь ли?

— За триста рублей продам.

— За деньгами дело не станет. Всех трех мы сразу не уведем. Двух уведем, одного тебе в залог оставим, а третьего заберем,— полный расчет произведем.

Баба согласилась, жулики увели двух быков, а она все ждет,— когда за третьим придут да деньги ей принесут. Так и не дождалась.

Воротился мужик домой, спрашивает:

— Продала ли быков?

— Продала. Двух увели, третьего в залог оставили.

— А деньги заплатили?

— Нет еще. Потому и быка в залог оставили.

— Да ведь твой этот бык-то! — вскричал мужик и принялся ругать бабу.— Дура ты, дура! Пойду я сейчас в город и, если такую дуру, как ты, не найду,— убью тебя без всякого разговора. А найдется еще хоть одна такая дура,— твоя правда будет.

Пошел мужик в город дуру искать. Пришел в город и на виду у всех людей принялся плакать и стонать.

— Упал я,— рассказывает он,— из рая, нигде не могу лестницу найти, чтоб обратно туда взобраться.

Так всем и объяснял, кто его спрашивал, — о чем он плачет?

Одна купчиха также спросила:

— Значит, ты — умерший?

— Умерший.

— Муж у меня недавно умер. Ты его не видал там?

— А как его зовут?

— Иван было его имя.

— Как не знать Ивана! — отвечал мужик. — Знаю я Ивана. Еще вчера с ним вино вместе пили.

— Есть ли у него деньги? И как он поживает? — расспрашивает купчиха.

— Какие там деньги! Ничего у него нет. Одежонка — и та вся порвалась.

— Так ты, может быть, снесешь моему мужу гостинец?

— Снести можно. Отчего не снести?

Надавала ему купчиха триста рублей, новые сапоги, много одежды.

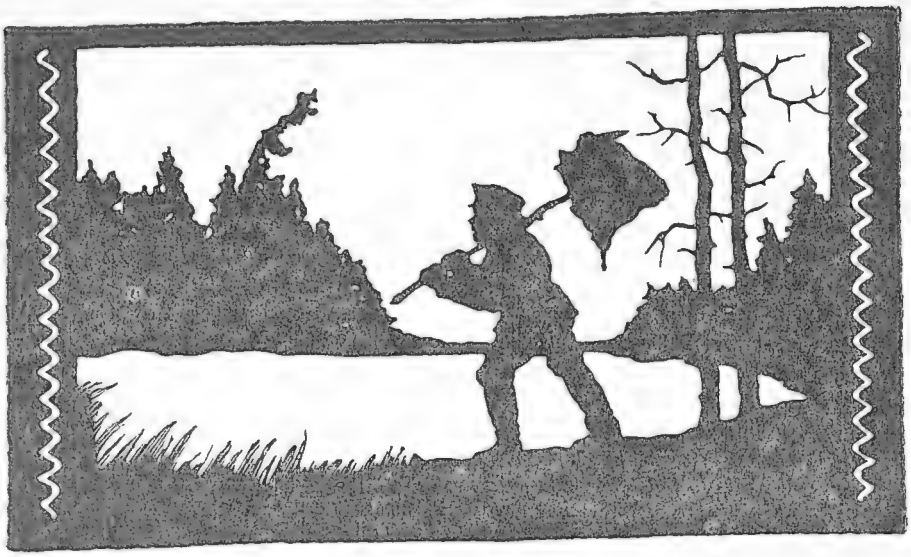
— Ну, — говорит мужик, — этого всего я на себе не донесу до рая. Лошадь надо.

— А на лошади разве можно в рай попасть? — спрашивает купчиха.

— А как же! Одна дорога.

Дала ему купчиха еще и лошадь. Уложил мужик вещи в телегу, взял деньги, приехал домой и говорит своей жене:

— Ну, баба, права оказалась ты. Есть еще и поглупее тебя люди на свете...



89. Вор Емеля

В старину у одного старика со старухой было три сына. Жили они — жили, старики стариться начали, сыновья крепчать стали.

Однажды отец и обратился к сыновьям:

— Я состарился и скоро умру, и все вам останется, что я нажил. Но нужно мне знать, кто из вас и какой работой будет кормить свой живот, и кому из вас можно будет оставить хозяйство?

Повел их отец в лес. Водил-водил по лесу, пока старший сын не остановил его словами:

— Вот, отец, в этой березовой чаще, если ее вырубить и сжечь и посеять хлеб,— крепко будет тут хлеб подниматься.

Похвалил старшего сына отец, говорит:

— Быть тебе хлеборобом.

Пошли они дальше по лесу, шли-шли, пришли к бору с ручейками, а второй сын и говорит:

— В этом бору, отец, место для лесованья отличное. Много тут будет ловиться рябчиков и белок.

Похвалил второго сына отец и говорит:

— Будешь хорошим охотником. Тем свой живот будешь кормить.

И опять все пошли вперед, шли болотом, ельником да бором. Младший брат все ничего по своему вкусу не находит, молчит. А, когда пришли наконец на низину, остановился младший брат, принялся смотреть на вершины деревьев.

— Что ты нашел на верхушках этих деревьев?— спрашивает отец.

— Посмотри, отец,— отвечает он,— что-то там есть?

Посмотрели отец и братья, видят — у одного дерева верхушка срослась узлом.

— На что этот узел может пригодиться?— спрашивает отец у своих сыновей.

— Это годится для выделки большого ковша — пиво варить,— отвечает старший.

— На большую чашку годится,— говорит средний.

А младший брат Емеля думал-думал да и говорит:

— Никто из вас не знает, на что это годится. Для бабки годится людей убивать!

Отец даже сплюнул с досады:

— Вот,— говорит,— чем плохой человек хочет свой живот прокормить.

Потом отправились все домой, а, как только пришли,— отец прогнал Емелю.

— Иди,— говорит ему,— куда хочешь, где тебе весело, корми свой живот хорошим ремеслом.

Делать нечего, пришлось Емеле уйти из дому. Шел он, шел, придумал: „Пойду-ка я сначала к дяде, не пойдет ли и он со мной?"

Пришел к дяде и спрашивает:

— Не пойдешь ли со мной на заработки, чем тут без дела на месте толочься?

— А что ж мы делать будем?

— Начнем людей обманывать да воровать, где что придется.

Засмеялся в ответ дядя:

— Ах, ты, безмозглая голова! Вчера родился, а сегодня уж воровать собирается! Я вот сколько лет на свете прожил, а и то боюсь попасться!

Спорили они, спорили, однако вместе собрались в дорогу. Прошли довольно долго, дошли до большого ручья, есть захотелось и устали.

— Что же мы есть будем?— спрашивает дядя.

— А вот посмотри, дядя, на дерево. Там гнездо какое-то есть. Полезай, доставай яйца, а я покуда костер разведу.

Полез дядя на дерево, а Емеля и срезал у него обе подошвы покуда он лез. Ничего не слыхал дядя, слезает с яйцами, а какие то яйца — не знает.

— Какие ни на есть,—отвечает Емеля,— когда есть хочется— все съешь!

Поели они и отправились дальше. Шли-шли, пришли в сырое место, у дяди ноги промокают.

— Что бы это значило?— говорит он Емеле,— сапоги целые были, а ноги мокнут?

Посмотрел на сапоги, а подошв-то и нету!

А Емеля смеется:

— Пока ты шел,— подошвы потерял, а я шел, так подошвы нашел.

Вынул из кармана, показывает:

— Не эти ли?

Диву дался дядя, как это сумел Емеля подошвы у него срезать, а он даже не слыхал.

— Ничего,— смеется Емеля,— пришьешь — опять будут на месте.

Долго ли, коротко ли после этого они шли,— пришли на большую дорогу и не знают, в какую сторону им дальше итти.

— Пойдем направо,— говорит Емеля.

Пошли дальше и встретили богатого мужика, который вел большого быка. Они прошли мимо, даже не заговорили с ним. А прошли мимо — Емеля и говорит дяде:

— Я у него этого быка украду, он не почувствует даже.

— Ну, укради,— отвечает дядя,— мне не жалко.

Отошли они к сторонке, велит Емеля дяде:

— Ты меня тут подожди, я сюда быка приведу.

Побежал он вперед по лесу, опередил того богатого мужика, снял с ноги сапог и бросил на дорогу. Вот подходит мужик к тому сапогу, поднял его, посмотрел и положил обратно:

— Хороший сапог, да что с одним сапогом делать? Вот если бы пара!

И пошел дальше. Выждал Емеля, когда он ушел вперед, надел тот сапог, обогнал опять мужика по лесу, снял с ног и второй сапог и бросил на дорогу.

А мужик нашел сапог и воскликнул:

— А вот и второй сапог! Что ж я первого-то не взял!

Привязал быка к дереву, сапог положил рядом,— побежал за вторым сапогом, а Емеля обулся и увел быка. Привел к дяде, велел ему поскорее с быка голову снять, взял ту голову и говорит:

— Ты покуда снимай с быка шкуру, я у того мужика еще и одежду украду!

И пошел обратно. Пришел, наконец, к небольшому озерку, оглянулся вокруг, насадил быкову голову на палку и воткнул ту палку на середине озера, как будто бык плывет. А сам вышел на берег, спрятался и принялся мычать во все горло.

Искал-искал своего быка богач, вдруг слышит — как будто бык мычит. „Наверное,— думает,— бык к озеру убежал. Дай, схожу!"

И верно: бык, оказывается, на самую середину озера удрал.

Стал богач бранить быка:

— Недавно пил, опять пить захотел! Ишь какой жирный! И не жарко,— а до самой середины дошел! Вот я тебе покажу сейчас!

Разделся, сложил одежду на берег и пошел к быку. А Емеля схватил штаны и рубаху и айда бегом: мужик и не заметил. Подошел мужик к быку, дернул за повод, закачалась у быка голова. Дивуется мужик: где же быково туловище? И вдруг вспомнил, что озеро это считалось нечистым, испугался и бросился бежать. Бросился бежать, а ноги запутались в поводу,— совсем растерялся мужик.

— Это,— думает,— водяные быка моего съели, да и меня хотят туда же стащить!

Еле выбрался на берег,— а на берегу одежды нет: должно быть, водяные утащили. Да как бросится нагишом бежать по-

скорее от нечистого места да прямо в волость. Прибежал в волость, рассказывает, как с ним дело было,— поверили в волости, а некоторые мужики даже рассказывали, что из того озера давно уж водяные на берег выходят, и хорошо еще, что самого мужика не затащили.

Ободрали дядя с Емелей того быка, шкуру вывесили сушить, сделали себе в лесу избушку и стали в ней жить. Вышло у них, наконец, все мясо, есть стало нечего; Емеля и говорит дяде:

— Теперь твоя очередь добывать. Придумай что-нибудь!

А мимо как раз обозы с товаром едут.

— Вот,— говорит Емеля дяде,— если обманешь их,— значит и ты человек!

Недолго думая, дядя отправился и лег в канаву. А, как только обозы поровнялись с ним, принялся стонать. Один из проезжавших слез с воза и спрашивает:

— Чего тут лежишь и стонешь?

— Прошли тут недавно,— рассказывает дядя,— два разбойника, ограбили меня, поколотили и сюда бросили. Хоть умирай,— ничего мне не оставили.

Пожалели его возчики, взяли с собой. А ему только этого и нужно было. Как только его на воз посадили, принялся он стонать еще громче, до самой ночи стонал, пока обоз не пришел к ручью. Тут возчики остановились, развели костер, сварили еду, поели и полегли спать. Пока возчики не спали, дядя не слезал с воза, а, как только все заснули, он, недолго думая, запряг в одну подводу пару лошадей и уехал с ними. Никто и не слыхал. Ехал-ехал, на полпути к дому встречает его Емеля, который давно уж его дожидался. Отдал дядя Емеле воз, а сам вернулся к возчикам да как закричит:

— Вставайте! Вставайте! Разбойники идут! Всех нас до единого порежут!

Повскакали возчики, кое-как со сна запрягли, бросились поскорее удирать да так и не заметили, что одного воза у них нехватает. А дядя нагнал Емелю, сели они в ту украденную телегу, нахлестывают в другую сторону.

Ехали-ехали, приехали наконец в какой-то город. Телегу с товарами продали, а сами опять отправились искать, что где плохо лежит, и пришли в одну волость. А в той волости слышно было, что церковная казна очень богата. Остановились они в той волости, начали думать, как бы им церковную казну украсть.

Живут неделю, живут другую, каждый день в церковь ходят, усердно молятся богу. Удивляются на них кругом, что это, мол, за люди появились, что молятся так усердно, а они все чаще ходят в церковь, все высматривают: как войти да откуда выйти?

Вот как-то приметил Емеля в одном окне дыру, в которую ночью пролезть можно, дяде про то ничего не сказал, слазил ночью в церковь да нашел там всего два медных пятака. Но после этого стал Емеля лазить в церковь каждую ночь, воровать там все, что ни находил, и через некоторое время понемножку вытащил всю казну. Никто и не приметил. Но пошел слух, что казна пропала, стали люди гадать на картах, в воду глядеть, но казны не нашли.

Что тут делать?

Собрали народ, толкуют, как бы вора изловить, толковали-толковали, путного ничего не придумали. Церковный староста и посоветовал:

— Не позвать ли нам Емелю? Человек он бывалый, знает много, да и набожный, с богом в думах, не может ли он какой-нибудь совет дать?

Отыскали Емелю, рассказали ему о пропаже казны, спрашивают — не узнает ли он, кто казну украл?

— Дайте мне три дня сроку,— отвечает им Емеля,— я вам тогда скажу, как вора найти. А без трехдневного срока узнать про то невозможно.

Очень обрадовались все жители и разошлись по домам, а Емеля принялся думать: как ему быть? Если делить деньги с дядей — самому мало придется. И дядю жалко, и денег жалко. Решил все-таки надуть дядю и денег ему не давать.

Пошел он к старосте, позвал его с собой осматривать церковь и приводит его к той самой дыре в окошке.

— Вот,— говорит,— смотрел я в воду, открылось мне, что через эту дыру вор в церковь пролезает, ходит каждую ночь, и никто его не видит. А для того, чтобы его поймать, надо возле дыры бочку с дегтем поставить. Вылезет он из церкви — как раз в ту бочку угодит!

Так они и сделали. К дыре поставили бочку, начали ждать-гадать, кто в нее завтра попадется.

А Емеля пришел домой и говорит дяде:

— Я придумал, как в церковь забраться, пойдем в эту ночь вдвоем, все заберем и убежим!

Вот наступил поздний вечер, идут они в церковь. Первый вошел Емеля, а дяде велел подождать, потом и его зовет. Взяли они все, что было, очень немного было, а Емеля вдруг что-то уронил. От того стука испугался дядя, бросился сквозь дыру в окне да как раз в бочку со смолой и попал. А Емеля прыгнул на землю и бросился бежать, куда глаза глядят. И теперь еще гуляет неизвестно где.

Дядю же вынули из бочки еле живого, и он скоро помер.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

КОММЕНТАРИИ

1. Как сотворилась земля

Записана П. Г. Дорониным, знавшим ее с детства, в г. Сыктывкаре в 1927 г.

Житие Стефана Пермского свидетельствует, что коми до проникновения к ним христианства имели развитую мифологию, что „у них баснотворцы были, иже баснями баяху о бытьи и миротворении". Миф „Как сотворилась земля" — один из немногочисленных сохранившихся до нашего времени памятников этой древней мифологии. Восходит к тотемическим представлениям народа коми. Повидимому, один из родов коми в глубокой древности имел своим родовым божеством (тотемом) лягушку, с которой и связывал свои космогонические представления. Но миф отразил наслоения различных этапов древнего религиозного мышления. С возникновением представления о двух началах (добре и зле) одна лягушка стала Еном, другая — Омолем. Эти представления сравнительно позднего времени. Божества Йома и Войпель более древние, миф же делает их детьми Ена и Омоля. Таким образом явлениям более ранним отводится подчиненное место. Такой процесс случился и при вытеснении древней религии христианством: боги древней религии стали олицетворением зла.

Подробнее о религиозных представлениях древних коми см. во вводной статье.

2. Откуда пошел наш народ

Впервые опубликована Н. Добротворским („Вестник Европы", 1883 г., № 3, стр. 230—231). Приведена (без указания источника) А. Красовым в его книге „Зыряне и Стефан Пермский". СПб. 1896, стр. 9—10.

Бесспорно – также древнейший памятник, восходящий к тотемизму. Об этом говорят имена братьев: Ӧст'яс — овцы и Ӧш'яс — быки. Повидимому, предание возникло в одном из родов, занимавшихся скотоводством и считавших указанных животных своим тотемом.

3. Кӧрт-айка

Это имя впервые введено в литературу Е. Кичиным в его статье „Корткерос" („Северная пчела", 1852 г., № 108 от 15 мая). Корткерос — большое село, районный центр Коми АССР, в 45 километрах от Сыктывкара. Название, повидимому, восходит к преданию о Кӧрт-айке. „Кӧрт-керос" значит „железная гора", т.-е. гора, на которой жил Кӧрт-айка, буквально означающий „железный мужчина, свекор". В упомянутой статье Е. Кичин сообщает следующее: „Название села Корткерос состоит из двух зырянских речений: кӧрт—железо, керес — гора, плоское возвышение, корт-керес — железная гора; в трех верстах от села есть „корт-ты" (железное озеро), а рядом с ним — „корт-яг" (железный бор). Говорят жители, что Корткерос от того носит такое название, что в старые годы здесь имел пребывание Кӧрт-айка — железный свекор, т.-е. чрезвычайно рослый, мощный и страшный человек, который более ста лет был атаманом разбойников. Все окрестные жители трепетали перед Кӧрт-айкой; они много страдали от его ужаснейших злодеяний, но все требования и веления Кӧрт-айки исполнялись строго. Никто из поселян не смел и подумать, чтоб когда-либо возможно было освободиться от жестокого влияния неслыханного разбойника; каждый из них боялся, чтоб Кӧрт-айка не разлил желчи своей мести на всех тех, которые втайне решились бы замыслить что-либо против ужасного врага. Проплывавшие в Сибирь рекою Вычегдою торговые суда не могли избавляться от задержания и грабительства со стороны разбойника. Через всю ширину реки, по течению ее, ниже села Корт-кероса, была протянута железная цепь, на конце

которой висел колокол для сигналов ночной стражи Кӧрт-айки. Этот караул ежедневно назначался по обе стороны Вычегды, около протянутой через нее цепи. Долго атаман разбойников Кӧрт-айка был страшен для всего Вычегодского края, но, наконец, святой Стефан Великопермский, просветитель народа зырянского, положил конец злодеяниям.

Сюжетом о Кӧрт-айке много занимался М. Н. Лебедев (крупный писатель коми, постоянно проживающий в Корткеросе). Впервые он опубликовал легенду „Кӧрт-айка" в журнале „Досуг и дело", 1904 г., № 2 (этот вариант и дается в книге). Отдельным изданием вышла в Усть-Сысольске, в 1910 году. После революции этот сюжет М. Н. Лебедев разработал на языке коми в виде поэмы (см. в его „Избранных произведениях", Сыктывкар, 1934), русский перевод которой дан в альманахе „Север", II. Архангельск, 1937.

В предании о Кӧрт-айке бесспорно сохранилось воспоминание о наездах в древний Коми край скандинавских викингов в IX—XII вв. Известно, что нередко отдельные викинги оставались в крае и вели себя, как феодалы ранней формации: грабили народ, взимали с него дань и т. п.

Таким и представляется р о д Кӧрт-айки. Можно заключить, что коми тогда жили родовым строем и были мало знакомы с железом и изделиями из него. Вот почему одетый в изделия из железа и вооруженный железными орудиями средневековый западно-европейский рыцарь и мог отразиться в сознании и памяти народа коми как „железный мужчина, свекор".

Памы — верховные жрецы древней религии коми, носители феодального начала, зарождавшегося внутри родовой общины; вот почему один Пам и фигурирует как упорный и непримиримый противник эмиссара Москвы миссионера Стефана (см. в Житии Стефана Пермского).

4. Яг-морт

Впервые опубликовано предание (без подписи) в „Вологодских губернских ведомостях", 1848 г., №№ 19 и 20. Перепечатано в той же редакции (со всеми опечатками и искажениями слов коми в первой публикации) в журнале „Пантеон и репертуар русской сцены", 1851 г., книга 5, стр. 52—57. Все последующие многочисленные публикации (К. А. Попова, Ф. А. Арсеньева, М. Н. Лебедева и др.) были, по существу, перепечатками. Стихотворную обработку сюжета дал И. А. Куратов в драматизированной поэме „Яг-морт", от которой дошло до нас несколько отрывков введения и главы первой.

„Яг-морт" буквально означает „Человек с бору" (из бора). Таким названием образа подчеркивается, что это — лицо чуждое и враждебное родовой общине.

В образе Яг-морта сохранилось воспоминание также об одном из засевших в Коми крае скандинавских феодалов, боровшихся с родовой общиной. В варианте, опубликованном М. Н. Лебедевым („Досуг и дело", 1901 г., № 1), в борьбе со Стефаном Пермским Яг-морт и Кӧрт-айка пытаются действовать совместно.

5—6. Шипича — два варианта

Первый вариант дается по записи К. Ф. Жакова (в виду исключительного интереса предания и отсутствия другой, столь же полной публикации), хотя на ней чувствуется налет специфически-жаковской интерпретации предания. Второй записан С. Поповым в с. Слобода в 1926 году. Кроме этих двух вариантов, известны еще варианты, приводимые в статьях проф. В. П. Налимова „Зырянская легенда о паме Шипиче" (журн. „Этнографическое обозрение", 1903 г., № 2, стр. 120—124) и „К материалам по истории материальной культуры коми" („Коми-му", 1925 г., № 2, стр. 17, примечание второе). Судя по этим последним, Шипича был памом, т.-е. верховным жрецом древней религии коми и вместе военачальником. Эти функции в родовой общине нередко совмещались. Повидимому, Шипича было родовым именем, и фольклор в различных вариантах предания сохранил воспоминание о ряде представителей этого рода. Кажется, последним из ряда представителей этого рода должно считать устьсысольского купца Ивана Суханова, о котором говорится в документах 1739 года под названием „Выписка с копии сухановского грабежу, а по прозванию Шипица".

Документы состоят, во-первых, из „челобитной купецкого человека Елисея Суханова" на имя русской царицы Анны Ивановны и, во-вторых, из комментариев к челобитной неизвестного автора, пытающегося по-своему объяснить

описываемое Елисеем Сухановым происшествие. Весь материал опубликован Н. Богословским в „Записках Общества изучения Коми края", вып. I, Усть-сысольск, 1928.

Елисей Суханов жалуется, что „воровские люди" напали на двор его отца Ивана, дом сожгли, все добро разорили, а самого отца убили. Судя по челобитной, Сухановы были очень богаты. Они занимались торговлей пушниной и винокурением. „Разбойниками" было сожжено и взято у них 15 тысяч белок, 500 горностаев, 100 куниц, 60 лисиц, 150 норок и т. д. В д. Чевью Сухановы имели винокуренную поварню с двумя подвалами, в которых хранилось к моменту налета „разбойников" 600 ведер вина.

В добавлении к челобитной Елисея Суханова неизвестный автор пишет: „... кои Суханов Иван и Петр Афанасьевы сыновья. А по бойкости своей Иван и назван был от людей Шипица, которое прозвище имел до смерти своей: также и смертное убийство получил от упрямства своего от своих же прежних приятелей, с коими разбойниками сам прежде разбойничал, у коих даже и атаманом главным был. Когда пославши его отец в Сибирь для наживы хорошей, а не к разбойничей, побойкости своей он поступил в разбои, где его и заделали атаманом, где ему было нажиточно. А по нажитке и захотелось ему отдалиться от оной шайки, то он по разделу от них и вошел к начальству с объявлением на товарищей своих, кои все были пойманы и засажены в острог, отколь они и писали ему в Устьсысольск и просили от него пятьсот рублей денег, но, не получивши от него на оное никакого ответа, пишут они также и второе письмо к нему, но он также опять и то письмо пропустил втуне, и пишут они ему и третье письмо даже с угрозами, что есть ли денег не вышлет нам, то добра не дожидайся, даже и жив на свете не будешь, но он опять же и на то письмо им ничего не ответил. А хотел хитростью своей избежать от них, в коих однако сомнение имел, к чему даже приискал себе главного колдуна с коим и приколдовал все свое имущество и человечество со всем и строением, и службами, чтобы человек невидим был, и никакая пуля и орудие его повредить не могло. А строение чтобы и огнем не жгло, чего и точно, что все волшебство ко всему вполне у их действовало, но только как в недогадь остался у них один веник половой незаговорен, по приходе разбойников не мало они старались зажогою дому и служеб, но никак не могут зажечь, пока не коснулись к оному венику, до того никакого огня они видеть нигде не могли. А коснувшись к нему, и везде все загорело. Также и человека копьем тычут совершенно как в железо или камень, ничего его никакое орудие не забирает; тут же в толпе своей находится и Шипица, но невидим разбойникам, коего даже прилежно еще ищут, но невидимым мимо их он прошел во избежание оного страха; наипаче того его ужаснило, как разбойники стали убивать набат бьющих людей с колокольни, и дошедши он со страху оного называемой заучевский ручей, где и пало ему на ум, что матерь его убьют, и воротился он за нею; тогда уже волшебный заговор его не действовал и виден сделался, где и стали его бить и копием колоть, но и тут не забирает, пока не уложили его на..., проткнули копием; потому как по тому месту тоже, как и венику, особенного заговору не было, от того и убиен сделался, и все волшебное действие с того нарушилось". Этот писанный документ очень схож со многими устными преданиями о Шипиче, почему мы здесь и приводим его.

Предание о Шипиче на языке коми обработано в виде поэмы и издано в 1921 году в сборнике „Войтэв шувгэм", а в 1936 году в журнале „Ударник" дана новая вариация сюжета как рассказ о купце Суханове. Тема Суханова-разбойника обработана и М. Н. Лебедевым (см. „Досуг и дело", 1904 г., № 12), а ранее — Ф. Арсеньевым („Русская старина", 1891 г., № 1, стр. 216—218).

Обращает на себя внимание заключительный абзац второго варианта: „... Приказал своим слугам вырыть большую яму, вошел в нее вместе со всем своим семейством, подрубил столбы и похоронил и себя и семейство заживо". В фольклоре коми бытовало до недавнего времени много преданий о народе „чудь", будто бы ушедшем под землю со всеми богатствами, спасаясь от колонизации русскими. А. П. Иванов в своей работе „Материалы к антропологии Пермского края" сообщает предание: „У чуди были все вещи из золота и серебра, но, когда пришли русские, чудь испугалась всего белого, сделала ходы в горах, снесла туда все добро и зарылась. Нелегко докопаться до кладов,— чудь стережет свои богатства. В Иванову ночь... гора страшно колышется и ходением ходит".

По сообщению Ф. Чукичева, крестьяне села Вездин (Усть-вымский район, близ озера Ев-ты, в 2 километрах от села, указывают место Чӧж-ты-яг, сильно

изрытое ямами и оврагами, в которые будто бы ушла чудь под землю. Подобное рассказывают и в верховьях Эжвы. Так, в селе Лебяжьем (Усть-куломский район) указывают глубокую яму, дна в которой никаким шестом не достанешь: туда, будто бы, и ушла чудь.

Несомненно, приведенное место предания о Шипиче перекликается с этими представлениями о народе, ушедшем в землю. Житие Стефана Пермского сообщает, что с началом деятельности Стефана в Коми крае некоторая часть населения (незначительная, связанная с выделявшейся из родовой общины феодальной верхушкой) уходила из обжитых мест в новые. Возможно, этот момент и отразился в преданиях о народе, ушедшем под землю. Последнее могло быть связано с тем, что ушедшие строили свои жилища-землянки (пещеры) в земле, чтобы быть менее доступными, если станут искать с целью обращения в христианство.

7—10. Перя — четыре варианта.

Первый вариант записан в 1923 году А. Курочкиным в дер. Кырныша, Помодзинского сельсовета Коми АССР. Второй записан Н. А. Шаховым в селе Вочь (граничащем с селом Гайна Коми округа, Свердловской области, откуда происходил Перя). Третий опубликован в журнале „Коми-му", 1926 г., № 5. Четвертый вариант записан А. Н. Зубовым в 1935 году от Четина Дмитрия Кузьмича — колхозника Внуковского сельсовета, Кудымкарского района, Коми округа, Свердловской области. В этом варианте лучше всего дан первоначальный характер образа крестьянского героя, каким является Перя.

О чрезвычайной популярности этого образа у народа коми можно судить по тому, что уже свыше 150 лет о нем рассказывают всякому, кто поинтересуется, хотя исследователи отмечали, что коми — небольшие охотники много говорить о своем прошлом. Так, Ф. Ежов писал: „Коми — народ скрытный: они не выладут всех тайн, обычаев и обрядов своего племени какому-нибудь туристу или... чиновнику, присланному в их край по казенной надобности. Они боятся его и отделываются только необходимыми ответами, и потому он не может ничего узнать от них о их поверьях, обычаях, предрассудках, легендах и преданиях", хотя всего этого у них „множество".*

Предание о Пере было известно еще академику Лепехину, в 1771 году посетившему и Коми край. На стр. 195—196 третьей части своих „Дневных записок" Лепехин пишет:

„Между пермяками хранилася старинная грамота, жалованная во время царствования государя царя Иоанна Васильевича (Грозного), которая ныне истреблена, потому что пермяки, стоя за праотцовские свои дачи и часто ссылаясь в присутственных местах на свои древние грамоты, праведным судиям его наскучили. Грамота сия дана была одному из чюди, жившему на Каме в верстах 50-ти от того места, где ныне стоит село Гойна (Гайна). Сей чюденин по их уверениям был отменный силач, который узнан был по случаю заблудившего русского торгаша, которому он указал дорогу и снабдил всем нужным.

„Торгаш, возвратясь в Москву, многим рассказал об отменной силе чюденина, и слух дошел до самого царя. Сказуемая отменная его сила возбудила любопытство государево, и он призыван был на Москву, где в награждение ему дана была грамота за государевою рукою на известной земли округ, в котором бы он мог беспрепятственно промышлять. К сему прибавляют, что в знак государской милости даны ему были и шелковые сети. Сей батырек назывался Перя".

Другое печатное сообщение о Пере относится к 1852 году. Н. Попов (поп гаинской церкви) пишет:

„Здешние пермяки... малосильны. Редкое исключение... представляет между ними одно семейство, славящееся телесной силой, и в котором доселе сохранилось предание о предках-богатырях. Семейство это живет в деревне Верхолунье, отстоящей от села Гайна на север, в 80 верстах, на Вологодской границе (т.-е. на границе с современной Коми АССР, именно — с селом Вочь, Усть-куломского района). Оно разделилось уже ныне на три дома, которые однакож сохранили общую фамилию — Мизевы. У них был отец, по имени Семен, который ставил двадцатипудовый нагруженный мукой воз на другой воз без помощи товарищей; будучи крупного телосложения, он был совершенно здоров и не имел никакого болезненного припадка до самой смерти, постигшей его

* „Вятские губернские ведомости" 1857 г., № 21.

на 115 году. Дед их Калина жил до 112 лет, у Калины отец был Антипа, у Антипы были братья по прозвищу Пера и Мизя. Последним и начинается генеалогическое дерево Мизевых... Пера и Мизя будто бы ходили на поединок в Москву, по требованию царя, но какого именно, они этого уже не упомнят. За победу на поединке царь наградил Перу шелковыми сетями для птицеловства и рыболовства и грамотой, которую дед их отдал, по ветхости ее, в город Чердынь для переписывания, а там в бывший пожар грамота эта сгорела или затерялась".*

Можно уверенно говорить, что Пера — реальная, историческая личность. В четвертом варианте указывается, что Пера был в столице по вызову царицы. Это известие неправдоподобно: „период цариц" в русской истории относится к 1725—1796 гг. (с очень небольшими исключениями на царей — Петра II и Петра III). Академик Лепехин посетил Коми край в 1771 году, т.-е. был современником той эпохи, и он слышал это предание, как уже о давно происшедшем, во времена Иоанна Грозного (царствовал в 1557—1584 гг.). Надо думать, что это наиболее правдоподобная дата.

В царствование Иоанна Грозного началось превращение камских коми в крепостных Строгановых. Перя совершил подвиг в деле обороны родины от внешнего врага и в награду за это, видимо, получил грамоту, освобождавшую его род от закрепощения. Повидимому, уничтожение грамоты в Чердыни было подстроено царскими чиновниками, действовавшими заодно со Строгановыми, желавшими закрепощения рода Пери. Бесспорно, что в образе Пери увековечиваются черты геройства и мощи народа. Характерно, что этого рода предания имеются и в ненецком фольклоре. Рассказывается, как русский царь, терпя на войне неудачи, пригласил к себе на помощь ненецкого богатыря. Тот стал во главе русских войск и разбил врага. В благодарность царь дал ненцу-богатырю бумагу на владение оленьими пастбищами. В преданиях этого рода отражается героическая борьба народов севера, во главе с великим русским народом, против общего врага, угрожавшего национальной независимости народов России, с глубочайшей древности выступавших в тесном историческом сотрудничестве. Это, понятно, не исключало борьбы этих малых народов против угнетавшего их русского царизма (но не народа).

11. Ӧртя

Записано А. Н. Зубовым в 1935 году в Кудымкаре от местного старожила С. М. Кудымова.

Ярко выраженное по своей классовой заостренности предание, отражающэе протест угнетавшихся Строгановыми крепостных рабов-коми. Строгановы подвергали камских коми исключительно зверской эксплоатации, которой возмущался еще академик И. И. Лепехин (см. третью часть его „Дневных записок", стр. 196—198). Это положение масс вело не только на путь индивидуального и такого асоциального протеста, как разбойничество: известно, что в народных движениях XVII—XVIII вв. коми принимали живейшее участие. Реформа 1861 года, царская „воля" также вызвала восстание в имениях Строгановых (так называемый „караванный бунт" в марте-апреле 1861 года), подавленное царизмом вооруженными силами.

12. Юрка

Записано П. Г. Дорониным от В. Лебедева в Сыктывкаре в 1934 году. Аналогичный сюжет обработан также М. Н. Лебедевым (см. стихотворное изложение предания „Юрка-Вань" в изданном им сборнике сказок „Ньывпулэн шувгэм", Сыктывкар, 1929).

Кроме этих, в распоряжении редакции сборника имеются еще несколько преданий, которых, вследствие неудовлетворительности записей, нельзя дать в основном тексте, и потому они приводятся здесь:

Иркап

Жил он на Удоре у Синдорского озера. За услугу, оказанную в борьбе против Васы, Вӧрса указал Иркапу то дерево, в котором заключена его душа. Из этого дерева Иркап сделал себе лыжи. Он стал всемогущим охотником, от которого не могла ускользнуть никакая добыча. Стоило Иркапу подумать,

*„Журнал Министерства внутренних дел", 1859 г., часть 39, стр. 456—457.

и лыжи мгновенно доставляли его, куда было нужно. Всеми охотничьими угодьями в окрестностях овладел Иркап. Всюду ему была полная удача. Другие охотники терпели ущерб от этого и хотели избавиться от Иркапа, но он был неуязвим. Наконец, им удалось узнать, что Иркап потеряет свою силу, как только напьется воды, в которой мокли его собственные онучи. Враги Иркапа подстроили так, что жена его влюбилась в другого охотника и, по наущению последнего, сделала все для того, чтобы Иркап потерял свою чудесную силу. Он попал в прорубь на Синдорском озере одной ногой, лед под ним проломился, и Иркап утонул.

Содержание легенды рассказано в статьях проф. Грена „Зырянская мифология" и „Зырянская (коми) литература". Сюжет обработан им же в драматические сцены „Иркап" (см. „Записки Общества изучения Коми края", вып. 2, стр. 74—96).

Тунныр-Як

Жил он у Деревянска, под одинокой ветвистой елью, и был великий колдун, которому подчинялись леса и воды. Вздумает Тунныр-Як и с друзьями идет на реку. Бросит на средину реки коровью кожу, и садятся на нее все, сидят, угощаются, как на суше. Ни вверх, ни вниз не пропускал он ни одной лодки, ни каравана, не ограбив их; поэтому врагов у него было много. Пытались неоднократно убить его: поджигали, рубили мечами и т. п., но колдун был неуязвим. Имел он любовницу, и вот враги стали действовать через нее. Она выведала у Тунныр-Яка тайну его могущества и передала ее врагам. Те напали на него и стали рубить, но и тогда колдун не умирал, пока сам не посоветовал разрубить себя „накрест и наотмашь", и лишь после этого умер.

Содержание легенды рассказано в „Известиях Архангельского Общества изучения русского Севера", 1918 г., № 17, а также в журнале „Коми-му", 1929 г., № 7—10, в статье Улитина „Путевые заметки".

Зук

В верховьях Эжвы, между селениями Лебежнай и Парч (Устькуломский район Коми АССР) имеется гора „Зукуб-чой" (гора Зука). Об этой горе среди местного населения есть такая легенда.

Давным-давно в этом месте жил Зук. Был он очень могущественным колдуном: никто с ним не мог бороться. Дом его стоял в версте с небольшим от берега Эжвы, но Зуку было известно о каждой лодке, плывшей по реке: как только лодка доплывала до жилья Зука, то не могла двинуться ни взад, ни вперед (действовал заговор Зука). В то же время в доме Зука раздавался звон, и он спешил к своей жертве. Так как он был заговорен и не подвержен смерти, то без труда справлялся с плывущими, и все, что везли они, доставалось Зуку. Долго так властвовал он на верховьях Эжвы, и все боялись его, никто не решался бороться с Зуком. Богатства Зука росли.

Но вот однажды, наконец, сыскался смельчак, решившийся бороться с Зуком,— колдун, в знаниях и хитрости не уступавший Зуку. Он выбрал ночное время и поплыл около жилья Зука. В соответственном месте лодка остановилась, и в доме Зука раздался звон. Зук спал. Услышав звон, он вскочил и, уверенный в своих силах, кинулся к реке незаговоренный и потому смертный, как все люди. На это и рассчитывал колдун. Как только увидел он бегущего незаговоренного Зука, сразу натя ул тетиву и пустил заговоренную стрелу. Зук был убит.

Колдун выскочил из лодки и побежал к жилью Зука, чтобы воспользоваться несметными богатствами Зука, но... там, где были многочисленные строения Зука, он увидел лишь горы да услышал звон ключей и голос жены Зука, говорившей: „Ты убил моего Зука, но не тебе достанутся его богатства: ведь и я умею заговаривать. Вот тут двенадцать амбаров золота, серебра, меди и других ценностей, и достанутся они тому, кто распашет эту гору на совершенно черном петухе и проборонит на кошке той же масти..."

Так до сих пор и стоят те богатства нетронутыми.

Богатый Бабин и бедняк Габов

Было это при первом царе династии Романовых — Михаиле. Жил тогда в Немдине богатый человек Бабин. Был он очень богат: все окрестные охотники были в его руках. А в селах верховьев Эжвы тогда частенько бывали

разбойничьи шайки: покою не давали они богатым. Чтобы спасаться от них, у Бабина в „карта“ (коровнике) стоял чан, будто бы с водой для коров. Чан был большой: в нем как раз умещался он сам. В чане постоянно было столько воды, чтобы быть ему укрытым. Дышать нужно было через полую деревянную палочку (трубку), один конец которой чуть-чуть выходил из воды. На крыше избы Бабин постоянно держал караульщиков, которые должны были извещать о появлении разбойников. Как только стража его извещала, Бабин кидался в чан в коровнике и таким образом спасался от расправы. А тем, кто служили Бабину, жилось у него не сладко...

Вот однажды караульщики сообщили, что в село входят разбойники. Кинулся Бабин в коровник, а в чане воды мало: укрыла она плохо. Слуги сказали, что чан рассохся и протекает, но было ясно, что это не вся правда, что воды с умыслом было мало... Подбавить воды было некогда: разбойники уже искали Бабина в его доме. Нашли его и требуют денег. Жизнь своя дороже,— подумал Бабин и ответил им, что деньги засунуты в золу печки нежилой половины избы. Этот разговор слыхал зять Бабина — бедняк Габов. Понял он, что Бабину все равно не остаться в живых, а деньги пригодятся. Быстро забежал он в нежилую половину, нашел в печке деньги, взял их себе и ушел, не замеченный разбойниками. Пришли те на указанное место и, не найдя денег, убили Бабина.

Габов же, став владельцем денег Бабина, решил вложить их в полезное для всех односельчан дело. Царская казна тогда пустовала. Чтобы раздобыть денег, царь сдавал в аренду природные богатства.

Было объявлено царским указом, что будут проданы с торгов права на разработку точильного камня на Печоре. Габов решил взять права на владение и разработку печорского точильного камня для населения Немдина. Закупил он дорогих мехов и отправился в Москву. Когда проезжал мимо Устюга, Габова встретили колокольным звоном.

Приехал в Москву, отправился во дворец. А был он одет, как бедный коми крестьянин: в дукэс, шабур, в охотничьей шапке и нинкӧм на ногах. Его во дворец не пускают. Но дал он, кому следует, дорогих мехов и был допущен к царю. А там уже шли торги. Габов вывалил из мешков перед царем свои меха и всем было отказано: жалованную грамоту на разработку печорского точильного камня получили жители села Немдин и жители селений верхней Печоры.

За торжественную встречу Габов ответил добром и городу Устюгу: он заказал немецким мастерам в Гейдельберге большой и благозвучный колокол для собора в Устюге.

Легенды о Зуке, о Бабине и Габове сообщены А. Поповым, знавшим их с детства от своего отца Алексея Адриановича Попова. Аренда разработок точильного камня на Печоре — исторический факт. О нем сохранился такой документ: крестьяне Устьнемской и Печорской волостей, через своего уполномоченного Митрофана Габова, подали в Яренскую воеводскую канцелярию прошение, в результате которого указанная канцелярия 25 мая 1748 года издала указ, в котором говорится, что „грамотой блаженной и вечнодостойной памяти государя царя и великого князя Михаила Феодоровича велено владеть той волости крестьянам, за неимением пашенных земель и сенных покосов, а паче за недородом хлеба, для промысла рыбы и зверей вверх по речке Вычегде и от реки на Озерное и Нем реку, и по Мылве и по Ухтыме, наволоком до Печоры реки, и по той реке вниз в нее впадающим рекам и озерам, и прочими местами, сенными покосами и рыбными ловлями, и брусяным камнем, который имеется при реке Соплясе“. Права указанных волостей были подтверждены вновь указом царей Ивана и Петра I Алексеевичей от 26 августа 1698 года. Так как эти указы давали громадную территорию в распоряжение одной-двух небольших волостей, естественно, что интересы других волостей страдали, и эти последние стремились лишить Немдин (официальное название до революции было Усть-Нем) его жалованной грамоты. Указ Яренской воеводской канцелярии был дан в связи с жалобой немдинцев на то, что в 1745 году „разбойники“ эти царские жалованные грамоты „изодрали на мелкие части и с того оставили пять драных лоскутьев, а остальные лоскуты — указ, письма и квитанции унесли с собой“.*

* Цитата по книге А. Мартюшева.— Краткий очерк кустарных промыслов населения Устьсысольского уезда. Вятка, 1904.

Из „Дневных записок" академика Лепехина узнаем, что во второй половине XVIII века печорский точильный камень уже был в распоряжении купцов Сухановых. Впоследствии права устьнемцев и печорцев были восстановлены, но горы всегда уже арендовались купцами, а арендную плату они вносили в казну в счет податей с указанных сел.

13—25. Сказки о животных

Сказками о животных или „животными сказками" называются такие, в которых главными героями являются животные. Часто рассказывается в них и о людях, но люди действуют лишь как второстепенные персонажи. Сказка следит за судьбой животного, а не человека.

Фольклористы относят „животные" сказки к одному из ранних элементов устного творчества народов. Эти сказки основаны на том, что каждый род имел своего покровителя — тотема в образе того или иного животного. От этого тотема люди выводили свое происхождение (пример: миф о том, откуда пошел народ коми). Первоначально сказки о животных имели мифологический характер и связывались с определенными обрядами. Только позже они стали развлекательными и вошли, главным образом, в детский фольклор.

Может возникнуть недоумение, почему в число „животных" сказок мы включили сказки о медведе, в которых рассказывается о судьбе трех сестер и девушки-батрачки. Но мы думаем, что не погрешили против науки. В обеих сказках одинаково рассказывается и о медведе. А тотемический характер этих сказок совершенно очевиден.

Репертуар животных сказок у коми не обширен. Многие сюжеты сказок коми известны в русском фольклоре.

13. Медведь и три его жены

Записана К. Н. Микушевым в Усть-Куломе в 1913 году.

Медведь, наряду с лисицей и петухом,— любимый герой коми-сказок о животных. Обычно медведь силен, но глуповат и часто дает себя одурачить. Коми называют дракона „гундырли" от удмуртского слова „гондыр"— медведь. Это свидетельствует, во-первых, о тотемическом значении медведя в прошлом, а, во-вторых, о том, что в древности коми представляли себе дракона в облике медведя.

По прошлым представлениям коми медведь обладал всеми качествами человека: ему приписывались человеческие чувства, привычки, занятия. Его часто называли „вӧрса-морт"— лесной человек. Охота на медведя была связана с различными обрядами. Перед охотой на медведя охотники в лесу варили для него в котлах „юм"— сладкую кашу из муки. Убив медведя, просили у него прощения. Еще совсем недавно существовал обычай: сняв с убитого медведя шкуру, вынуть сердце и крестообразно его разрезать, чтобы медведь не превратился в злого колдуна.

14. В батрачках у медведицы

Записана А. Н. Зубовым от Е. И. Дровняшиной в Кудымкаре в 1934 году.

15. Лисица и мерин

Записана М. М. Юговым в с. Объячеве в 1911 году.

Сказка принадлежит к числу кумулятивных: построена на принципе постепенного нарастания перечисления простенькой песенки лисицы.

Русских вариантов этой сказки мы не встречали. У коми она очень распространена, известна в нескольких вариантах. Один из них был записан со слов Ф. И. Забоевой в Усть-Куломе и напечатан в „Грамматике зырянского языка" Савваитова (1849 г.). По этому варианту лиса обращается к паму — ену — луне — солнцу — зайцу — осине — бобру и кузнецу. Конец сказки иной:

„Сковал кузнец клещи и выдернул зуб у бобра. Сделали они подойник и надоили молока у зайца. Накормили божьего сына и пошли с лунным быком стаскивать божий брусок. Наточили нож волхва и отправились колоть мерина. Положили его голову на приступку, ударили ножом да так неладно, что воткнулся нож в приступок. Мерин испугался и убежал, а лиса ни с чем и осталась.

В другом варианте вместо мерина и лисицы действует мерин (по древнему произношению коми —„сьокур“ и непонятное существо Белярума. Последний обращается за ножом к Чадею (видимо, изменение славянского „чадо“), за быком — к Ену, за быком — к Тöлысю (луне), за сыном — к Шонди (солнце), за молоком — к зайцу, потом к осине и, наконец, к кузнецу. Конец сказки аналогичен варианту, записанному от Юговой. Очевидно, сказка имела мифологическое значение.

16—17. Бобэ

Вариант первый дан в „Грамматике пермяцкого языка“ Н. Рогова, 1860.

Вариант второй — в „Грамматике зырянского языка“ Савваитова.

Сказка кумулятивная — детская, один из ярких и чрезвычайно популярных образцов очень развитого у коми детского фольклора. Нет ни одной матери, ни одного ребенка, только что научившегося говорить, который бы не знал ее. Бобэ (в первом варианте — заяц) — ласкательная форма обращения (во втором — просто эпитет „милый“, повидимому, обращенный к зайцу).

18—19. Лиса-плачея

Сказка принадлежит к числу широко распространенных. Она имеется в двух вариантах в сборнике русских народных сказок А. Н. Афанасьева. Известен украинский вариант этой сказки в сборнике В. Гнатюка.

Вариант первый записан от плотовщиц Ю. В. Туголуковой, А. А. Туголуковой и М. Ф. Ложкиной в Котласе в 1928 году. Приводим этот вариант в буквальном переводе с языка коми на русский, как он записан.

Вариант второй записан А. А. Цембером в 1910 году.

В нем привлекает внимание эпитет „мерзлый“ в отношении к старику и его жене. Этот эпитет довольно употребителен у коми в отношении людей малоповоротливых, недалеких.

Имеется еще вариант, Он любопытен тем, что лиса честно выполняет обязанности плачеи. Ее причитания напоминают подлинные похоронные причитания у коми:

Женушка ты моя, лицо солнца,
Мягким хлебом меня угощала.
Женушка ты моя, лицо солнца,
Чистые рубашки мне стирала.
Женушка ты моя, лицо солнца,
Мягкую постель прибирала.
Женушка ты моя, лицо солнца,
Вкусный суп мне варила.
Женушка ты моя, лицо солнца,
Хорошие слова говорила.
Кто будет мягкий хлеб печь?
Кто будет постель прибирать?

„Успоконлось сердце старика от такого плача,— кончается сказка.— Уплатил он лисе за плач, что полагается, и отпустил домой“.

20. Коза, баран и кошка

Записана А. Г. Фроловым от Н. Лучкина в с. Волся.

Распространеннейшая сказка. В сборнике А. Н. Афанасьева приводятся четыре русских варианта. Известны на этот сюжет сербские, финские, эстонские и другие сказки. В отличие от русского варианта, записанного Афанасьевым, в сказке коми медведь гадает не на костяшках, а на шишках; козел, баран и кот не возвращаются к хозяину, а остаются жить в лесу.

21. Петух и жернов

Записана А. А. Цембером от М. Д. Колегова в с. Иб в 1912 году.

Эту сказку мы относим к числу „животных“, хотя в ней петух, как будто, играет только подсобную роль. Все дело в том, что в большинстве вариантов этой сказки никакие сестра и брат не участвуют, а жернов похищается у са-

мого петуха. Так в варианте, записанном Вихманом, чудесный жернов у петуха крадет „барынька". Петух, в которого влезают медведь и волк, идет отнимать у той барыньки жернов. Пройдя все злоключения, петух наконец получает жернов обратно. В варианте, записанном А. А. Цембером, добавляется эпизод с сестрой и братом.

В русском сказочном репертуаре мы не встречали подобную сказку. У коми же она довольно широко распространена. Петух, наряду с медведем и лисицей,— любимый герой „животных" сказок коми.

22—23. Мышь и сорока — два варианта

Сказка относится к типу цепных: песенка мыши только повторяется, без нарастания. Во втором варианте мышь изменяет в конце песенку.

Вариант первый записан Е. П. Лыткиной от Ф. И. Забоевой в г. Усть-Сысольске.

Вариант второй записан К. Н. Микушевым в 1913 году в с. Усть-Куломе.

24. Мышь и воробей

Записана П. Г. Дорониным в Сыктывкаре в 1929 году. Знал с детства.

25—65. Волшебные сказки, бывальщины и легендарные сказки

Волшебные сказки, в которых рассказывается о различных чудесах,— один из самых распространенных видов дореволюционного фольклора. Они существовали за несколько тысяч лет до нашего времени и бытовали буквально во всех странах и у всех народов.

В доклассовом обществе сказки имели магическое значение и связывались с определенными обрядами. В особенности это касается так называемых бывальщин-рассказов о леших, водяных, домовых и пр. Во всем этом выражались черты мифологии. Сказки рассказывались совершенно серьезно, чтобы привлечь сочувственное внимание добрых духов, или испугать злых духов. В нашем сборнике к таким можно отнести прежде всего сказки об охотнике и Вöрсе (26—28).

Серьезное магическое значение сказки сохраняют и при феодальном обществе, особенно в крестьянской среде. В позднейшее время сказки постепенно утрачивают магическое значение. Рассказы о бабе-яге, о ведьмах, о коврах-самолетах и т. п. считаются занимательной выдумкой.

В период капитализма происходит дальнейшее развитие сказки. Возникают так называемые новеллистические сказки, приключенческие, в которых неизменно участвуют цари и царевны. Среди крестьянства появляются волшебные сказки, в которых главным героем выступает крестьянский сын или крестьянская девушка, преодолевающая всяческие злоключения, чтобы добиться счастья, зажиточной жизни. Сказка начинает приобретать классовую заостренность.

У коми народа богатейший репертуар волшебных сказок. В ранних его сказках, когда они имели еще магическое значение, со всей яркостью виден колорит коми быта и природы. В позднейшее время, как это видно из сборника, многие сюжеты сказок коми заимствовали от русских.

25. Мышь и воробей

Записана А. Н. Зубовым от П. А. Терентьева (с Печоры) летом 1934 года на пароходе, шедшем из Котласа в Сыктывкар.

26—28. Охотник и Вöрса.— Охотник и Чукля.— Мохнатоухий

Все три сказки могут быть отнесены к бывальщинам, так как рассказывается в них о лесном духе — Вöрсе, вера в которого бытовала еще недавно. Под Чуклей и Мохнатоухим („Гонапель") также подразумевается Вöрса, леший. К ним же примыкают многочисленные мелкие тексты о „вöрсе" и „васе", которые не включены в основной текст и даются в качестве приложения. Весь этот материал может быть назван „бытовой небылицей". Очевидный для нас фантастический характер не был таковым для примитивного мышления на-

рода коми до недавнего времени, так как в силу социальных и географических условий он оставался во многом на стадии мышления первобытного человека и верил в реальную возможность всего, о чем рассказывается в приводимом материале.

Охота (лесованье) занимает в трудовой деятельности коми народа весьма существенное место. Осенью коми-охотники уходят в глубокий лес, где у них построены баньки — лесные избушки. Охотятся на рябчиков — „сьӧла", белок — „ур", кроме того на глухарей, горностаев и т. п. Зимой они бьют зайца, лисицу и медведя. Под весну—лосей, а весной изредка бьют волков, рысь и уток. Каждый охотник имеет свою лесную тропу — „вӧралан-туй", которую он отмечает на деревьях особыми знаками, вырубает „пасы" в виде линий, или круга, креста, утиных лапок и т. д. У каждого охотника свои „пасы", обозначающие как бы его лесную фамилию. Охотятся коми артелью от двух до шести человек. В артели существует некоторое разделение труда. Менее опытный охотник поддерживает огонь и готовит пищу. Старший и лучший охотник обычно исполняет роль вожатого — йюра. Но все охотники в артели равны, и добыча между ними делится поровну.

От результатов охоты зависит в большой части благополучие крестьянина-коми. Поэтому с этим занятием связывалось в прошлом много обрядов и мифов о злых и добрых духах.

Жизнь в лесу, вдали от людей, особенно способствовала зарождению мифологических рассказов этого рода, представлявших живые — бытующие осколки древней, дохристианской религии народа коми.

Вариант первый записан П. Г. Дорониным в Сыктывкаре в 1929 году. Знал с детства.

Вариант второй записан П. Г. Дорониным от В. Кочина в с. Ертома.

Вариант третий записан в 1920 году в с. Онежье.

По поводу последней бывальщины можно заметить, что, еще в недалеком прошлом, по вымским лесным избушкам существовал обычай оставлять в избушке невырубленный пень, чтобы в случае прихода Мохнатоухого состязаться с ним на палках, для чего к пню привязывалась веревка.

29. Буйныр

Записана П. Г. Дорониным в д. Проньдор в 1923 году.

30. Три брата и леший

Записана А. А. Цембером от Е. И. Безносикова в с. Иб в 1912 году.

31. Небылица

Записана П. Г. Дорониным в д. Проньдор в 1923 году.

Сравнение этих двух вариантов чрезвычайно любопытно со стороны изменения сказки во времени. В первом варианте мифологические черты хотя и скрыты, но обнаруживаются без особо тщательного анализа. А этнологические элементы в нем совершенно очевидны. Охотник получает от лешего секрет добывания огня в любое время посредством железки и камня, а коми-охотник испокон веков пользовался таким способом для добывания огня и еще теперь предпочитает во время охоты железку („тыв-кӧрт") спичкам. Железка и трут хранятся в специальной кожаной сумочке „бива-вотлук", которую носили повешенной на поясе у живота. Во втором варианте сказки,— более позднем,— вместо лешего участвует старик, но зато охотник получает от него огонь, словно какую-нибудь вещь. Эпизод становится фантастическим.

32—33. Йома и две сестры

Сказки на тему—дочь и падчерица — распространены в различных вариантах почти по всему миру. В сказках коми действует Йома, получившая черты русской бабы-яги, нередко и называемой так. В русских вариантах отец отвозит сестер в лес. В коми-вариантах сестры опускаются в колодец или реку, где они и попадают в избушку Йомы.

Вариант первый записан П. Г. Дорониным в Сыктывкаре в 1934 году. Знал с детства. Время и место записи второго варианта не установлено, как и личность записавшего. Подлинник хранится в музее коми в г. Сыктывкаре.

34. Девушка ростом с веретено

Записана П. Г. Дорониным в Сыктывкаре в 1935 году. Знал с детства.

Сказка эта в различных вариантах распространена у многих народов. В отличие от предыдущих, в ней нет параллели с родной дочерью мачехи. Коми-сказка близка по сюжету к русским, но отличается от них некоторыми деталями. Как и в русских вариантах, девушка прибегает к советам тетки, чтобы выполнить трудные задачи, поставленные перед ней бабой-ягой (у коми — Йомой). В русских сказках девушка убегает от бабы-яги с помощью чудесных предметов: полотенца, которое превращается в реку, и гребешка, из которого вырастает лес. Иногда прибавляется щетка. В коми-варианте этот эпизод содержит более любопытные детали. Девушке помогают уйти от преследующей Йомы льночесалочка, брусок и корзина со смолой. Все эти предметы имеют этнографический интерес. В частности брусок, точильный камень издавна известен коми. В древности был культ камня, по свидетельству русских летописей. По рекам Цыльме, Ижме, Печоре и Ухте залегают огромные горы бруска, которые сейчас широко разрабатываются. Они использовались и прежде, но по-кустарному. Отсюда брусок — частая принадлежность сказок и преданий коми.

Известен другой вариант. В нем девушка идет к Йоме за братом. В лесу она встречается с грудой шанег и ковригой хлеба, от которых попробовала по кусочку и похвалила их; со ржаным снопом, который занесла в овин, и с овином; словом со всеми ними обходилась, как надо. За это они укрывают ее с братом в себе от преследующей Йомы.

35. Девушка и человек с четверть аршина ростом

Записана со слов М. Д. Колегова в с. Иб А. Цембером в 1912 году.

Сказка родственна со сказкой о Йоме и двух сестрах. Имеется много русских вариантов. Вместо маленького человека-людоеда, в нем участвует неизменная баба-яга.

36. Арсений и черти

Записана П. Г. Дорониным в Сыктывкаре в 1934 году. Знал с детства.

37. К Каму за огнем

Записана А. Н. Зубовым в 1934 году от Е. И. Дровняшиной.

Сказка довольно сложная по составу. Основная рамка ее — рассказ о том, как брат с сестрой у Кама достают огонь. Но сказка объединяет несколько эпизодов, встречающихся отдельно. Так, например, совершенно самостоятельны в ней эпизоды о пребывании девушки с братом у бабы-яги и о превращении брата в барана. Эти эпизоды часто встречаются в русских вариантах и, как можно предполагать, в коми сказку о Каме включены были в более позднее время.

Название Кама идет, очевидно, от водяного духа, жившего в реке Каме. По старинным преданиям коми, каждая река имела своего водяного (духа), одноименного с рекой.

38—40. Фаддей и колдун. Колдун и его жена. Мальчик-колдун

Колдуны — частые образы сказок коми. Роль их двоякая: они являются то помощниками героя или героини, то злыми врагами их. Последнее чаще. Поэтому простые смертные боятся их и при случае уничтожают; так, например, родители сожгли в печке своего мальчика, перенявшего от умиравшего колдуна его злую силу. Последний эпизод вовсе не фантазия, в основе его лежит реальная действительность далекого прошлого. Сказка о Фаддее и колдуне характерна тем, что она точно указывает место действия — с. Щугор, где она и записана. Помимо упоминания о колдуне, в сказке есть и другие магические элементы: 1) мать проклинает сына за ослушание, и тот отверженным бродит по земле; и 2) земля отказывается принять тело женщины — страшной грешницы. Эти мотивы известны и в русских сказках и преданиях. Но у коми они отражают еще бытовавшие до недавнего прошлого представления.

№ 38 записан В. Тюрниным от И. М. Шешукова в с. Щугоре в 1921 году.

№№ 39 и 40 записаны П. Г. Дорониным в Сыктывкаре в 1934 году. Знает с детства.

41—42. Ох-ох, Ох-ма

Сказка на эту тему широко распространена в устном творчестве различных народов и в литературе. В сказочный репертуар коми она, вероятно, вошла от русских.

Вариант первый записан А. А. Цембером в 1912 году в с. Иб.

Вариант второй записан П. Г. Дорониным в 1934 году. Знал с детства.

43—44. Сокол Пипиристи

Сокол Пипиристи — один из самых популярных образов в волшебных сказках у коми народа. К сожалению, до сих пор нет сколько-нибудь серьезного исследования по этому вопросу. Проф. А. Грен в одной из статей утверждает, между прочим сходство Сокола Пипиристи с византийской мифологической птицей Василиском. Он пытается даже, пользуясь лингвистикой, установить связь Сокола Пипиристи с этой птицей из Византии. Но все его доводы неубедительны. Несомненно лишь одно: тотемическое происхождение Сокола Пипиристи.

В некоторых вариантах о Соколе Пипиристи сплетается ряд традиционных мотивов: превращение Сокола в юношу и обратно в птицу, сжигание птичьей одежды девушкой, оплакивание мужа и т. д. Но, кажется, трудно найти близкую аналогию к этой коми-сказке среди русских. Особенно к вариантам, публикуемым в настоящем сборнике.

Вариант первый записан А. А. Цембером в 1912 году у И. Безносикова в с. Иб. Очень любопытен заключительный эпизод, необычный вообще для сказок: девушке так и не удается возвратить себе Сокола Пипиристи, и... „теперь еще живет она печальная".

Вариант второй записан П. Г. Дорониным в 1934 году. Помнит с детства. Этот вариант значительно сложнее предыдущего. При этом в нем участвует не одна одежда с Сокола Пипиристи, а и сама птица, которая наделена человеческими чертами.

И. Вихман в 1901 году записал еще два варианта этой сказки.

В первом варианте Сокол Пипиристи превращается в юношу. Но, когда девушка бросила в печь его оперенье, Сокол скрылся. Девушка с золотым мотовилом, золотыми клубками и пяльцами пришла к ведьме за Пипиристи. Лежа третью ночь с Соколом, девушка поет такую песню:

Пипиристи, сокол мой, сокол мой.
Луг я ведьмы перешла. Перешла.
Полный жара и углей перешла.
Золотое мотовило отдала. Отдала.
Золотые все клубки отдала. Отдала.
Золотые свои пяльцы отдала. Отдала.

Сокол проснулся и улетел с девушкой, женившись на ней.

Во втором варианте, вместо простой девушки, героиней является царевна Марфида, которую Сокол Пипиристи наряжает в красивые одежды. В чудесном наряде она ходит в церковь и ослепляет там попа с дьячком и весь народ. Но, проболтавшись матери, она лишается Сокола, который улетает к бабе-яге. Через многие злоключения Марфида, наконец, находит Пипиристи и упрашивает его пойти за ней. Конец же сказки не поэтический: баба-яга уговаривает Сокола не уходить от нее, обещая ему и девушке принести горькую. Сказка кончается: „принесла им баба-яга горькую, и они выпили. И теперь еще живут-поживают".

45. Куриная одежда

Записана от С. Е. Тебеньковой в с. Кобра Сысольского района в 1929 году.

46. Дынчик-живот

Записана К. Н. Микушевым в Усть-Куломе в 1913 году.

47. Муж, обращенный в собаку

Записана А. А. Цембером от И. Безносикова в 1912 году.

48. Семь Семенов — родных братьев

Записана А. А. Цембером в 1912 году.

Сказка широко распространена повсюду. Русские варианты сказки приведены в сборнике А. Н. Афанасьева и у Иваницкого — „Материалы по этногра-

фии Вологодской губернии". В коми варианте сказка дополнена новым эпизодом: Елена прекрасная заставляет царя Адора достать из ее царства лошадь и карету. Младший Семен и выполняет это.

49. Кузьма-богатырь

Записана А. А. Цембером от И. Безносикова в с. Иб в 1912 году.

Сказка о Кузьме-богатыре имеет, вероятно, в основе предание о крестьянском богатыре, крестьянине-голяке, популярном герое и ненцев и удмуртов.

Возле города Мезени находятся руины древнейшего ненецкого капища Кузьмы. В настоящем варианте предание о Кузьме трансформировалось в новеллистическую сказку, в которой образ Кузьмы получил некоторый сатирический оттенок.

50. Емеля-дурак

Записана А. Н. Зубовым в 1934 году от Е. И. Дровняшиной.

51. Одолжение о двух концах

Записана П. Г. Дорониным в Сыктывкаре в 1934 г. По существу это бывальщина, точнее — „бытовая небылица", так как до недавнего времени еще бытовала, в реальную возможность такого рода явлений твердо верили. (Относится одинаково к №№ 51—52.)

52. Наказанная насмешка

Записана П. Г. Дорониным в Сыктывкаре в 1934 году.

53. Ковер-самолет

Время, место и фамилия записавшего не установлены. Подлинник — в коми-музее.

54. Дочь солнца

Записана А. И. Кузивановым в с. Шошки, Сыктывдинского района.

55. Емельян Кабакевич

Записана А. А. Цембером в 1912 году.

Один из популярнейших сказочных сюжетов. Варианты ее имеются во всей Европе, в Средней и Малой Азии, Индии, Америке, Африке и т. д. Проф. Андреев насчитывает русских вариантов этой сказки более сорока пяти. Коми-вариант этой сказки чрезвычайно похож на вариант, записанный М. К. Азадовским в Сибири, в Верхоянском округе (см. „Русский фольклор". Учпедгиз 1936, стр. 346—356).

56. Соломенный царь

Записана Г. А. Нечаевым от А. С. Пыстогова в 1928 году.

Сказка целиком выдержана в будущем времени, что характерно для коми-сказочников.

57—58. Колдун-мертвец и солдат. Солдат и покойница

Эти сказки открывают серию так называемых солдатских сказок, в которых героем является солдат. Посредством хитрости солдат побеждает нечистую силу. Среди коми, как и русских, солдатские сказки весьма популярны.

Сказка 57-я записана А. А. Цембером в с. Мадже в 1912 году. 58-я записана П. Г. Дорониным в Сыктывкаре в 1934 году.

59. Каша из топора

Записана А. А. Цембером от С. Н. Чеусова в 1914 году.

60. Как солдат подвел скупого мужика и злого царя

Время, место и фамилия записавшего не установлены. Подлинник хранится в коми-музее.

61. Как солдат от царя избавился

Записана А. А. Цембером от Гр. Карманова в 1912 году на Палаузовской зимовке.

62. Как солдат в раю и аду побывал

Записана и опубликована П. Г. Дорониным в 1935 году.

63. „Сращивайся-приклеивайся!"

Записана и опубликована П. Г. Дорониным в 1936 году.

64—69. Антипоповские сказки

Сказки о попах в устном творчестве народа Коми занимают свое, особое место. И даже больше: эти сказки зачастую преобладают в репертуаре коми-сказочников.

Их яркая социальная насыщенность, их большая художественность выделяют этот раздел сказок как сильное орудие классовой борьбы, которым пользовался народ против своих поработителей.

64. Три брата

Записана А. А. Цембером от С. Н. Чеусова в с. Ношуль в 1914 году.

65. Поповский казак

Записана А. А. Цембером от Чумакова в с. Волся в 1912 году.

66. Мальчик с пальчик и поп

Записана А. А. Цембером от Е. Безносикова в с. Иб в 1911 году.

67. Поп и его батрак Момэт

Опубликована П. Г. Дорониным в 1935 году. Знает с детства.

По формальному признаку, сказки 67 и 68 относимы к фантастическим, но идейный смысл их в социальной направленности против феодально-крепостнической системы и попов, как одного из ее идеологических „столпов".

68. Жадный поп

Записана П. Г. Дорониным в Сыктывкаре в 1934 году.

69. Ванька в шляпе

Записана в д. Бебера в 1928 году от парня лет двадцати.

Сказки 68—69 формально относимы к разделу сказок-новелл (сатирических и анекдотов), но по тому же идейно-тематическому принципу (антипоповские) даны в общей группе с предыдущими.

70—91. Сказки-новеллы
(сатирические, анекдотические, бытовые)

Уже на многих произведениях предыдущего раздела почти не чувствуется сказочной обрядности, столь присущей для классической волшебной сказки. В таких сказках, как „Емеля-дурак", „Поп и его батрак Мӧмэт", „Сращивайся-приклеивайся", совершенно очевидна второстепенная роль фантастического: решающую роль в развитии действия в сказке играет мечта о расправе с классовыми врагами, и фантастика служит средством, дающим крестьянскому герою перевес над врагами. В сказках-новеллах, уже без всяких элементов фантастического, идея о расправе с классовым врагом определяет развитие действия сказки. Причем делается это не голо-схематически, а очень художественно,

с логически-правдоподобным обоснованием каждого действия и с изумительным богатством изобретательности в средствах борьбы с врагом. Форма сказки дает большие возможности для этой изобретательности, так как большинство этих сказок записано и опубликовано в советское время. У некоторых читателей может возникнуть сомнение в том, что эти сказки не являются дореволюционными. Но это сомнение следует отвергнуть. Сказки эти, безусловно, существовали до революции, но характер их таков, что при посторонних лицах их не рассказывали, говорили в узком кругу своих односельчан, людей, не внушавших подозрений. (Вспомнить приводившееся выше высказывание Ф. Ежова о том, что при посторонних лицах коми предпочитали говорить как можно меньше). К тому же записывавшие фольклор до революции лица склонны были отрицать классовую борьбу в коми деревне и потому „не замечали" ее отражения в художественном творчестве масс, в фольклоре. Лишь в советских условиях оказалось возможным выявить действительный характер сказок коми, возрожденных революцией для новой жизни, как документы, порожденные проклятым прошлым народа, стонавшего под двойным гнетом колониального и национального угнетения.

70. Богатый и бедный братья

Опубликована П. Г. Дорониным в 1936 году (журнал „Ударник" № 11—12). Время и место записи неизвестны. Сказка особенно выделяется содержащимся в нем элементом пародирования представления о воскресающем мертвеце.

71—72. Макар и семеро братьев.— Умный Степан и жадный Петр

Бесспорно сюжетное родство этих двух сказок, первая отличается лишь большей развернутостью и художественной полнотой.

Макар из этой сказки перекликается с русскими поговорками: „Куда Макар телят не гонял", „На бедного Макара все шишки валятся", „Один с сошкой—семеро с ложкой" — нахлебников, желающих жить за счет труда бедняка. Думается, не случайно и В. Г. Короленко своего полуякута-полурусского (в „Сне Макара") назвал Макаром, видимо и там (в Якутии) это имя было нарицательным именем бедняка. Таким образом, Макар — излюбленное имя бедняка в фольклоре разных народов. Эту сказку опубликовал П. Г. Доронин в 1935 году („Ударник" 1935 г., № 11). Время и место записи неизвестны.

Сказка „Умный Степан и жадный Петр" записана от А. Забоева в 1919 году.

73. Мужик и судьи

Сказка опубликована П. Г. Дорониным в 1935 году. Время и место записи неизвестны. Другой вариант этой сказки опубликован в альманахе „Пятнадцать лет", 1936. Это говорит о популярности и широкой известности данного сюжета среди коми. Сюжет этот один из наиболее распространенных, известных во всем мире с древнейших времен. В частности, русский вариант (так называемая „Повесть о Шемякином суде") известен еще в древней литературе (см. „Памятники старинной русской литературы", изданные Григорием Кушелевым-Безбородко, 1862 г., вып. II, стр. 405—406).

74. Добрый исправник

Опубликована М. Н. Лебедевым в 1936 году. („Ударник", 1936 г. № 8).

75. Царская милость

Опубликована М. Н. Лебедевым в 1936 году (там же).

76—77. Помещик и мужик.— И лес и звери барские

Первая опубликована в альманахе „Пятнадцать лет", вторая — М. Н. Лебедевым в журнале „Ударник", № 8 (оба в 1936 г.). Очевидно, зародилась сказка на территории современного Коми-округа, Свердловской области: в течение многих веков местные коми были крепостными крупнейших помещиков—графов Строгановых, тогда как население современной Коми АССР было „государственными крестьянами", т.-е. угнетаемо организованным господствующим

классом помещиков, а не отдельными представителями класса. Понятно, „хрен редьки не слаще", но все же сюжет о помещике не мог зародиться там, где их не знали. Факт проникновения сюжета с Камы на Эжву встречался и раньше: предание о Пере (герое из камских коми) в трех вариантах записано в различных пунктах Коми АССР.

78. „Если бы тебя поставили купцом..."

Опубликовано М. Н. Лебедевым в 1936 году („Ударник". № 8). Диалог этой сказки с большой силой раскрывает накопившуюся до революции за долгие годы (когда коми охотники были целиком во власти купцов) ненависть к тем, кто жирели от пота и крови охотников.

79. Рановато проснулся

Опубликовано М. Н. Лебедевым в 1936 году. Сказка очень ярко и с большой художественной выразительностью раскрывает положение бедняцких масс коми народа до революции, когда только в снах люди видели сытную пищу, но слишком рано просыпались, чтобы быть сытыми.

80. Царь Петрован и мужик

Записана И. Вихманом в 1901 году. Повидимому, сказка зародилась под воздействием движения, возглавлявшегося Е. И. Пугачевым, во второй половине XVIII века. Известно, что Пугачев называл себя именем убитого по указанию Екатерины II мужа последней — царя Петра III. Народная фантазия обработала этот исторический факт так, как это дано в сказке, таким путем обосновывая демократические стремления масс самим быть хозяевами своей судьбы

81. Простофиля

Время и место записи, а также от кого и кем записана сказка,— не установлены. Подлинник ее находится з коми-музее в г. Сыктывкаре.

82. Солдатская каша

Записана на Ижме в 1924 году, кем и от кого — не установлено. Подлинник хранится в коми-музее.

83. Дядя Юра

Записана А. Цембером в 1914 году от Н. Красильникова в с. Межадоре (Сысольский район, Коми АССР).

84. Нерымэ

Записана П. Г. Дорониным. Помнит с детства. Одна из популярнейших сказок детского фольклора коми.

85. Дураки

Записана П. Г. Дорониным в Сыктывкаре в 1934 году.

86. Как дурак все село разогнал

Записана А. А. Цембером в 1912 году.

87. Так дураком и остался

Записана Д. Куликовым в с. Визинге в 1921 году.

88. Есть ли на свете люди глупее тебя?

Записана от А. Меньщикова в 1914 году.

89. Вор Емеля

Записано А. Цембером от И. Безносикова в с. Иб в 1912 году.

ПРИМЕЧАНИЯ К КОМИ-СЛОВАМ,

употребляемым в тексте преданий и сказок

Балда — большой топор с обухом такой же длины, как лезвие, в отличие от более легкого плотничьего топора.

Бива-вотлук — кожаный мешочек для хранения огнива, кремня и трута. Носился на животе подвешенным к поясу.

Болван-гора — одна из гор Уральского хребта.

Васа — божество рек и озер.

Войпель — бог северного ветра.

Войтöв — северный ветер; вой — ночь, север; töв — ветер (также — зима).

Вöрса — божество леса и его обитателей.

Вöр — керка,— лесная избушка охотника.

Вöршуд — лесное счастье.

Ежва (Эжва) — коми название реки Вычегды.

Ен — дохристианский бог добра.

Йома — дохристианское божество, управлявшее погодой. В дохристианское время в сказках получило черты родства с бабой-ягой и ведьмой.

Кэрэс — скала, поросшая сосновым лесом.

Комля — нижний конец дерева.

Коми-морт—человек из народа коми (морт—человек).

Комму — Коми-Пермяцкий округ, Свердловской области.

Конда — боровая (не болотная) сосна; крепкая, мелкослойная и смолистая, растущая на сухом месте.

Кушпель — голоухий; так будто бы Вöрса зовет людей.

Лаз — верхняя одежда, прикрывающая от дождя грудь и спину, с вырезом для головы и большими карманами спереди и сзади—внутри; снаружи—сзади имеется железная скоба для топора. Делается из домотканного сукна и кожи.

Лесованье — охота.

Малица — верхняя одежда из меха оленя, надевается через голову.

Мöмэт — нарицательное имя человека туповатого, но с хитрецой и себе на уме.

Мотовило — костыль с развилиной на другом конце для намота пряжи с веретена.

Надья — особый способ разведения костра, когда два кряжа кладутся друг на друга, а не рядом. Горение в этом случае происходит медленно, и жар идет не вверх, а в стороны, обогревая расположившихся по бокам надьи охотников. Два положенных таким образом кряжа могут гореть всю ночь.

Нерымэ (точно: ньоримö) — нарицательное имя малоповоротливого, недалекого человека.

Öмоль — дохристианский бог зла.

Öксы — князь, но вернее будет назвать его старейшиной, военачальником рода.

Öст'яс — овцы.

Öш'яс — быки.

П а м — верховный жрец древней религии коми.

П а р м а — первоначальное значение слова — холм, поросший разнолесьем; ныне понимается в смысле — тайга. Ни один народ не имеет в своем словаре столько слов для определения разных видов леса, как народ коми, живущий в сплошном лесу. Так, я г о м называется сосновый лес на уплотненной песчаной почве, которую покрывают лишайники, брусника и черника; р а с о м — смешанный лес с преобладанием лиственного; вырубленная и расчищенная парма переходит в и ю р — болото.

Е н о д о м называется болотистое место по песчаным склонам холмов, тянущихся вдоль рек; к э р э с о м — скала, покрытая сосняком; л а с т о й — низкое место возле лесного озера и т. д.

С е л ь н и ч а — корыто.

С у к м а н и н а — сукно.

С ю р а-п е л я — буквально с рогами, с ушами; сюра-пеля называют враждебных человеку духов.

Т ӧ л п о з и з — название одной из высочайших вершин северного Урала; в переводе — „Каменное гнездо ветров".

Т ӧ л ы с ь — луна.

Т ӧ в — ветер.

Т о р т а е з — множественное число от „торта" — пехло, употребляемое для сгружения вымолоченного хлеба.

Т у в — деревянный гвоздь, собственно — втулка.

Т у н — младший жрец — шаман.

Ч и б л е г — самодельная кружка (вернее — ковшик) из бересты; употребляется для питья из естественных водоемов в лесу.

Ч о м — шалаш, крытый берестой, корой дерева или ветками, сеном и пр.

Ч у м а н — лукошко из сплошного куска бересты. Чуманы без ручек и больших размеров употребляются для хранения муки и других продуктов; небольших размеров и с ручкой — для собирания грибов и ягод.

Ш а б у р — рубашка из домашнего холста, обычно окрашенная в синий цвет, надевается через голову для работы в летнее время.

Ш е р д ы н — большая посуда из бересты, корытообразной формы, для хранения муки.

Ш о н д и — солнце.

Ш у ш у н — кофта-телогрейка, шубейка; шушуном называется также крашенинный сарафан.

Я г-м о р т — лесной человек, леший из яга — соснового леса.

Я с а к — дань.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Рассказы о вӧрса

Пошел коми-морт (дядя рассказчика) за рябками в лес. Стреляет, рябки падают, а найти их он не может. Что за диво? Тут явился ему молодец в синей шабуре и говорит: „Убирайся, ты моих куриц стреляешь".

—

Ночевали раз коми около Кувинского завода. Вот ночью забирается к ним человек громадного роста и присаживается с ними к огню. Погрелся, встал и говорит одному: „Не хочешь ли посмотреть мою скотину?" Коми-морт вышел с ним и видит: кругом черно от всякого зверья. Свистнул вӧрса, и все звери с шумом бросились в одну сторону.

—

Пошел лесник в лес. Идет мимо плотины и видит: вӧрса сражается с ва-кулями. Ва-кулей вылезло видимо-невидимо, и все кидают в него камнями, а вӧрса один и отбивается от них деревом, вывороченным с корнем. Ва-кули начали одолевать вӧрсу, а тот и кричит леснику: „Помоги мне,— выйдет сейчас их набольший, стреляй в него, а с мелочью я один управлюсь". Только сказал он это, из воды выходит главный васа — в золотой одежде и золотой шапке. Лесник как хватит в него из ружья,— васа повалился, а вӧрса тем временем разогнал маленьких куль-пианов. Потом вӧрса взял мужика к себе в избу, угостил его и дал денег.

—

Заплутался коми-морт и попал к вӧрса в избу. Тот совсем, как мужик. Только приходят в избу три его дочери и лиц не показывают. Тут только мужик догадался, у кого он в гостях.

—

Лежат коми в охотничьей избушке ночью. Середь избушки огонь горит, не спят. Вот приходит к ним старуха с пряслицей, в черной одежде. Один старик догадался, кто эта старуха, и бросил в нее поленом. Тут вскочили собаки и прогнали лешачиху в лес.

—

Вӧрса угощал девку, покормил ее и держит у себя. Прошло немного времени, ведет он парня и угощает его своим хлебом. Девка говорит: „Не ешь". Парень не стал есть. Вӧрса подержал-подержал его и унес на старое место.

—

Жил богатый мужик-знахарь. У него были срочные (работники). Раз срочные в воскресенье плетут лапти. Вдруг в избу заходит мужик — невысокий, толстый, в русской одежде — помолился образам и спрашивает: „Дома ли хозяин?" Говорят: „Спит". Велел разбудить. Хозяин проснулся, выслал работников и остался один с гостем в избе. Спустя немного времени гость вышел, хозяин его проводил, зашел к работникам и говорит: „Посмотрите-ка, где гость". А он на другой горе, верст за восемь, вихрем несется.

—

Шел мужик и увидел: вихрь крутит пыль на одном месте. Мужик бросил в середину столба ножик, вихрь пропал, пропал и ножик. Прошло немного времени, пошел он в лес и забрел в избушку. В избушке сидит старуха, увидала его, посадила за стол и начала резать хлеб. Смотрит мужик на ножик в руках старухи и признает его.

— Что смотришь? — спрашивает старуха.

— Ножик как будто мой.

— Твой? Спасибо, что бросил им в сына; ты поранил ему правый бок; теперь его не возьмут на службу.

Накормила лешачиха мужика обедом, а вӧрса вывел его из лесу и отдал ножик.

Заплутался и попал мужик к вёрса в избу. Тот держал его у себя месяца два, потом уехал в город со скотиной — продавать. Мужик благословился и убежал. Приходит домой, а там уж его поминали, как мертвого.

—

Вёрса разбрасывал у коми-морта сено. Коми-морт не стал его ругать а стал молить: „Не ходи, пожалуйста, оставь мою работу, я один, мое дело жалко". Вёрса перестал трогать его сено, а у тех, кто его ругал, все побросал в воду.

—

Развели лесники на пустырьке с сухим выбитым лесом огонь. Вот несется вихрь —вёрса: „Кто позволил на моей дороге огонь раскладывать?" Весь костер разбросал.

—

Пошла баба в лес за грибами. Незадолго до нее вышел из дому к лесу из того же места мужик-знахарь. Баба смотрит, что с мужиком: скачет на сажень от земли, катается по траве. Потом сам мужик рассказал ей: его трепал вёрса за то, что попусту кабалы ему писал, поднял выше себя, бросил наземь и давай трепать: „Зачем попусту кабалы пишешь? Скотину зверь ест, а ты меня тревожишь".

—

Ломает вихрь у коми-морта крышу. Коми-морт взмолился: „Пощади, лучше тебе водки привезу, пожди немного". Ждал-пождал леший, догадался, что у мужика денег нет. Выехал коми-морт боронить, боронит — вдруг медный котел с серебряными деньгами. Мужик подобрал деньги и говорит: „Ну, теперь надо дяде вина поставить". Тут показался старик и спрашивает: „Куда поставишь?" Мужик поехал, купил три ведра водки и поставил за гумном. Вёрса скорехонько выпил.

—

Едет коми-морт в Юм за хлебом. Попадается ему в лесу человек и не сторонится. Коми-морт стегнул его плетью и едет дальше. Вдруг остановка. Смотрит мужик — лошади нет. Искали-искали, через двенадцать дней нашли в лесу, привязана к дереву.

—

Один „знаткой человек" из деревни Новожиловой, Бисеровской волости, подружился с „долгим", принимал его по ночам к себе в гости и выпаивал ему по ведру пива и по четверти ведра водки. Долгий помогал ему обворовывать соседей и крестьян прочих древень с условием, чтобы часть добычи знаткой ему отдавал за труды. Когда мужик разбогател и перестал воровать, ему вздумалось раздружиться с „долгим". „Долгий" на это рассердился, разломал крышу у амбара, в котором хранилось все награбленное, и попытался похитить его. Мужик заметил проделку „долгого", закрыл крышу и начертил на ней крест. „Долгий" еще пуще рассердился. В глазах народа схватил он у мужика с поскотины корову, поднял ее вверх высоко и бросил вниз головою. Корова тут же и сдохла, ушла рогами в землю.

—

Напустился „долгий" на одного мужика и частенько начал разорять его: то утащит у него скотину в лес куда-нибудь, то развеет сено на лугу, то раскроет хоромину (крышу у избы) и т. п. Мужик долго терпел напасти от „долгого", но наконец вышел из терпения. Подметил он, как „долгий" начал во дворе у него подымать щепки, солому, хворост. Выхватил мужик из-за опояски нож и бросил его вверх. После этого, вдолге уже, идет мужик по лесу и видит — навстречу шагает большой человек в белой одежде и об одном глазе. Повстречались, мужик и спрашивает большого человека:

— Где у тебя другой глаз?

— А помнишь,— тот отвечает ему,— как ты ножом-то бросил вверх? Тогда и выколол у меня глаз-то.

Мужик понял, что с ним разговаривает „долгий", а большой человек исчез и больше уж не зорил мужика.

Рассказы о васа

Пошел один коми-охотник стрелять уток. Заметил кучку и крадется к ней. Видит: ва-куль спит на солнышке за рекой, а к нему крадется медведь, хочет его съесть. Коми крикнул ва-кулю: „Вставай, тебя хочет съесть медведь!" Ва-куль вскочил и бросился в воду. Пришел коми-морт вечером домой и лег спать. В полночь к нему приходит ва-куль и зовет к себе в гости. Пошел коми с водяным, залезли в воду. Водяной угостил его, вывел из воды и отпустил.

Пошел коми-морт стрелять уток. Приходилось переходить через реку. По-небу тем временем туча идет, огнем палит; ва-куль вышел из воды и дразнит бога (тучу), поколачивая себя по заду. Коми-морт подкрался и как треснет его! Васа не успел броситься в воду, и бог его спалил. С тех пор у коми-морта ружье стало меткое, и он настреливал много дичи.

—

Сидит ва-куль на плотине. Коми-морт выстрелил в него из ружья. Водяной упал в воду. Маленькие водяные вылезли из воды и погнались за мужиком. Несколько ночей потом они ревели у его крыльца: „Зачем убил у нас отца?"

—

Жила старуха с сыном. Сын был дурак. Идет он раз мимо реки, видит: рыбаки поймали маленького водяного. Парень просит: „Дайте мне его". Ночью ва-кули вышли из воды, собрались вокруг дома старухи и просят: „Отдай ребенка, дадим казны". Парень выкопал ямку и поставил над нею колпак с дыркой. Водяные сыпали-сыпали деньги, насыпали полную ямку.

—

Пошел мужик, не благословясь, ловить рыбу. Водяной сидит на берегу и чешет волосы. Коми-морт забранил его. Васа схватил его за полу и утащил с собою в воду.

—

Идет коми-морт по плотине и видит: держится у мельничного затвора громадная щука сажени в три длиной. Коми-морт ударил ее острогой, щука ушла. Ночью к коми-морту пришел ва-куль и кричит: „Пускайте, ваш мужик засек моего сына; загублю вашу семью". Маялись-маялись люди и придумали: пошли к месту, где был засечен васа, развели огонь, положили около него чурбан, одетый в тряпки, и спрятались. Ва-куль вылез из воды, намереваясь схватить спящего Тут его засекли острогой.

—

Маленький водяной пугал у рыбака рыбу. Рыбак его ударил острогой. Водяной вышел из воды и говорит рыбаку: „Пойдем за мной, защурь глаза". Пошел рыбак, видит—в воде большой дом, в нем водяной с острогой в теле Рыбак вынул ее, ему дали денег и проводили на берег.

—

Спал старик-коми-морт на мельнице в избушке. Пришли водяные, вытащили его до половины из избушки и стали давить; пальцы у них холодные.

— Кто вы?— спрашивает старик.

— Мы водолазы, тундру едим,— говорят водяные.

—

Шел коми-морт охотник по берегу. На бережке сидит водяной. Охотник подстрелил его. Водяной упал в воду, и речка окрасилась синею кровью. Тут вышли три водяных и говорят: „Зачем убил нашего товарища?" Схватили его и засунули до поясницы в болото.

—

Попал солдат к водяному в омут. Женился там на его дочери и прожил много лет. Потом как-то ему удалось уйти от водяного. Приходит он домой. Войти в избу нельзя,— мешает крест. А там в это время была пирушка: жена выходила за другого замуж. Пошел солдат в погреб и стал ждать, когда пойдет жена за брагой. Вот приходит жена. Солдат здоровается с ней; жена его не видит. Солдат говорит: „Ступай, принеси мне венчальную одежду и кидай в меня наотмашь". Жена сделала все, как он велел. Солдат оделся, и стало всем его видно. Спрашивают солдата соседи: „А как же мы тебя похоронили — тебя выбросило на берег?" „Ступайте,— говорит солдат,— на могильник и посмотрите, что там зарыто". Пошли мужики, разрыли могилу, нашли там березовую чурку (чурбан).

—

Однажды мужик приехал на мельницу, засыпал свою рожь в жерновой тюрик, а сам прилег рядом с мельницею в „дербене" в ожидании, пока смелется засыпанная рожь. В дербене и на мельнице кроме него никого не было. Вдруг из-под полу выходят „ичетики"— маленькие мохнатенькие человечки, садятся мужику на руки и на грудь и начинают просить у него пудовку муки, а в случае отказа грозят задавить мужика и утащить его к себе в воду. Мужик обещает им пудовку ржи, оговариваясь только тем лишь, что нечем муки свешать. Ичетики говорят, что весы у них найдутся, и тотчас же исчезают. Мужик после этого быстро встал и, бросив засыпанную рожь, с испугу уехал домой.

Рассказы о вöрса и васа взяты из статьи И. Н. Смирнова —„Пермяки“ опубликованной в „Известиях общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском Университете“, том IX, вып. 2, 1891.

II. Рассказы вишерского охотника*

В старину один охотник занялся раз сниманием шкур с белок. Он снял сто штук и говорит:

— Сегодня я мог бы пятьсот снять.

Другой брат говорит:

— Замолчи, перестань говорить.

А тот все говорит:

— Хоть сейчас бы груду принесли.

Вдруг в волоковое окно (в которое идет дым из курной избы) стали бросать белками. Охотник стал уже погибать от белок, а ему все бросают и бросают. Брат научил его осенять крестом лапы. Тот так и сделал. Тогда крикнули с улицы: „Ладно, что сумел выжить, а то нашим был бы человеком“.

—

Я никак не мог застрелить белку. Целый день ходил. На одну белку залаяла собака. Я выстрелил в нее, но не упала она с дерева. Я закричал: „Иди, говорю, лесной, и выстрели для меня“. Пришел человек, лица своего не показал мне, лица его я не видел. Большой, высокий человек в черном суконном кафтане. Он пришел с пищалью и, выставив ее, хлоп — выстрелил. Белка упала. „Бери,— говорит,— дядя, белку-то“. Человек ушел. Я взял белку и в охотничью сумку положил. А человек сказал издалека: „Ты,— говорит,— скажи Кокля-Мокля, что на войне убили его сына“. Я иду и думаю: кто такой этот Кокля-Мокля? А пришел в избушку, сварил пищу, стал есть, и затем я сел снять шкурку белки и сказал своему брату: „Я ведь не сам застрелил“. Брат лежит на паре: „Уйди вон, сам не застрелил,— леший застрелил“. Брат не верит. „Еще он сказал: ты,— говорит,— расскажи Кокля-Мокля, что на войне его сына убили. А кто такой Кокля-Мокля?“ „Иди,— говорит брат,— тебе все кто-нибудь да что-нибудь рассказывает“. Когда он это сказал, вдруг пол поднялся весь до потолка, и двери унесло — пыр-ы-ырь!

Не нужно ругаться в лесу. Изба была не весела, стала светлая после этого: Кокля-Мокля и жил под полом, а тут убежал.

III. Покровительница коров

Жили-были наши дедушки-прадедушки и держали белую, точно луна, корову с крепкими рогами. Раз корова пошла в лес и пропала. Вся семья искала семь дней и семь ночей. Думали, что корова уже совсем пропала. На девятые сутки пошла сама хозяйка и начала плакать в лесу. „Кормилица родная, яркое солнце, почему нас оставила, почему нас покинула? Или по белому ягелю соскучилась? Или злой человек позавидовал — обворожил?“

Вдруг хозяйка слышит голос: „Не плачь, хозяйка, твоя корова жива, она вернется. Это я рассердилась на вас, что молоко пьете, не цедя в подойник. Это я рассердилась потому, что твои мужики один сосок оторвали у коровы. Доить будешь с этого дня ты одна и раздавать молоко мужчинам. Иди домой. Твоя корова уже дома“.

— Кто ты такая, добрая женщина?— спросила хозяйка.

— Я — хранящая коров от сюра-пеля,— слышит она в ответ.

Пришла домой хозяйка, а корова стоит у крыльца. Мужики поочереди доили у ней молоко на ладонь себе и пили. Хозяйка остановила их и рассказала, что с ней случилось в лесу. Мужики согласились, и с тех пор кормила-поила и доила корову она одна.

Записано в 1917 г. в деревне Дöракыан (Устьвымский район, Коми АССР). Ценный памятник, свидетельствующий о наличии в древней религии коми божества — покровительницы домашних животных. В преданиии отражено освоение человеком культуры молочного скотоводства.

---

* Рассказы вишерского охотника перепечатываются из „Живой старины“, 1908 г., вып. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ

Литература о фольклоре, мифологии и истории коми народа

Абрамов К. Е. В Зырянском краю. 1914.

Алексеев Г. В. Публикации коми-фольклорных текстов: журналы: „Октябрь" 1936 года, № 6; „Огонек", 1936 года; „Desteptarea" — газета на румынском языке, изд. в США, в Детройте, № 47 от 21/XI 1936 г., перепечатаны две сказки из журнала „Октябрь"; альманах „Север", Архангельск, 1937, вып. III; „В парме", М. 1936, изд. Гослитиздата.

Анучин Д. Н. К истории искусства и верований у приуральской чуди.

Ардашев В. Зырянские загадки и песни („Вологодские губернские ведомости", 1859 г., № 6).

Арсеньев Ф. А. а) Зырянские предания („Вологодские губернские ведомости", 1867, № 5, 6); б) Зыряне и их охотничьи промыслы. М. 1873; в) Охотничьи рассказы. Москва, 1885; г) Устьсысольская старина. Разбойники („Русская старина", 1891 г., № 1, 7).

Археологические поиски в окрестностях Устьсысольска (Журнал Министерства Внутренних дел, 1852 г., часть 39).

„Бобэ, бобэ". Сказки для малышей (на коми языке), Сыктывкар, 1922.

Богословский Н. О былых разбойниках в Коми крае и об атамане их Суханове, по прозванию Шипича („Записки Общества изучения Коми края", вып. I, 1928 г.).

Варыш. Йюрка („Коми-му", 1927 г., № 7—10).

„В парме"—„Коми литературный сборник на русском языке" (дан ряд фольклорных текстов). М. 1936.

Грен А. Н. а) Зырянская мифология („Коми-му", 1924, №№ 4—6, 7—10; 1925, № 1); б) Материалы для палеоэтнографии зырян из „Калевалы" („Коми-му", 1924, № 1); в) Зырянская (коми) литература („Пермский краеведческий сборник", вып. III, Пермь, 1927; г) „Иркаб" — драматические сцены из былинного эпоса Коми („Записки Общества изучения Коми края", вып. 2).

Доронин П. Г. а) Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости, Устьвымского уезда („Коми-му", 1924 г., № 1—2); б) публикации фольклорных текстов („Ударник", 1935 г. №№ 1, 3, 4, 11; 1936 г. № 11—12).

Дмитриев. Ижма и ижемцы („Архангельские губернские ведомости", 1869 г., №№ 79—80).

Дневник Василия Николаевича **Латкина** во время путешествия на Печору в 1840—1843 гг. СПб. 1853.

Дневные записки путешествия академика Ивана **Лепехина** по разным провинциям Российского государства. Ч. III, СПб. 1780.

Добротворский Н. Пермяки („Вестник Европы", 1883 г., № 3—4).

Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас, с предисловием члена Археологической комиссии А. А. Спицына. СПб. 1902.

Ефименко П. С. Заволоцкая Чудь. Архангельск, 1869.

Засодимский П. В. а) В Зырянском краю, 1901; б) Лесное царство. М. 1908.

Знаменский П. Горные черемисы Казанского края („Вестник Европы", 1867 г., том IV, декабрь).

Зубов А. Н. а) Сказки (из фольклора коми), Кудымкар, 1935; б) рукописное собрание коми сказок (подготовляемое к изданию).

Иванов А. П. Материалы к антропологии Пермского края („Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете," том X, вып. I. Казань, 1881).

Кастрен А. Путешествия Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849 гг. („Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник Николая Фролова", том VI, часть 2-я, М. 1860).

Кандинский В. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества („Этнографическое обозрение," 1889 г., книга III).

Кичин Е. Б. а) Братчина. („Вологодские губернские ведомости", 1852 г., № 28); б) Корткерос („Северная пчела", 1852 г., № 108).

Кокшаров П. Две зырянские сказки („Вологодские губернские ведомости", 1863 г., № 37).

Косарев М. Обычаи ношульских зырян („Вятские губернские ведомости", 1856 г., № 49).

Кочнев: а) Зырянские поверья („Вологодские губернские ведомости", 1849 г., № 6); б) Зырянские обычаи (там же, 1848 г., № 49).

Красов А. Зыряне и св. Стефан Пермский. СПб. 1896.

Крестьянские бунты; а) Крестьянские движения в 1827—1869 гг. М. 1931, вып. 1, стр. 27, 55; вып. II, стр. 9—10; б) „Пермский краеведческий сборник", вып. IV, Пермь, 1928; также следующие архивные дела: в) „О ходе крестьянского дела по Пермской губернии", за 1861 г. (Архив революции в Москве. Фонд III Отделения); г) „О беспорядках между помещичьими крестьянами Пермской губернии по случаю обнародования новых положений (Архив внутренней политики ЛОЦИА в Ленинграде. Фонд Департамента полиции исполнительной, Министерства Внутренних дел, дело за 1861 г.); д) „Об устройстве новой дороги от Пинеги в Мезень" (на 292 листах); е) „По устройству новой дороги от Пинеги в Мезень. Тут же о неповиновении ижемских крестьян" (продолжение предыдущего, на 659 листах); ж) „По отношению Архангельского военного губренатора о командировании чиновника Тукалевского в Ижемскую волость для прекращения неповиновения тамошних крестьян" (продолжение предыдущих); дела начались в 1826 г., закончились в 1839 г. Хранятся в том же архиве); з) „О неповиновении казенных крестьян Устькуломского общества, Устьсысольского уезда, Вологодской губернии" (тот же архив; аналогичное дело — по фонду III Отделения, хранится в архиве революции в Москве. Все приведенные документы еще не опубликованы.)

Круглов А. В. а) Лесные люди. М. 1887. б) Педэр и Одэ. 1912.

Куратов И. А. Полное собрание сочинений. Сыктывкар.

Ларионов М. Зырянская и русская свадьбы в Обдорске Тобольской губернии („Ежегодник русского Антропологического общества за 1904 г.", том I, СПб. 1905).

Лебедев М. Н. а) Иван Голой („Досуг и дело", 1900 г.; № 1. б) Морт-юр (там же, № 11); в) Кӧрт-айка (там же, 1904 г., № 2); г) Яг-морт (там же, 1901 г., № 1), е) Атаман Суханов (там же, 1904 г., № 12); ж) Кӧрт-айка. Усть-сысольск, 1910 г.; з) „Под шум пихты". Сборник сказок. 1929; и) Из коми эпоса (Публикация новых фольклорных текстов, „Ударник", 1936 г., № 8); к) Кӧрт-айка (Альманах „Север", вып. II, Архангельск, 1907).

Максимов С. Год на севере. Том II. СПб. 1859.

Мартынов С. В. Печорский край. СПб. 1905.

Мельников С. а) Вечерники и игрища в Усть-сысольске; б) Коляда в Усть-сысольске („Живая старина", 1898 г., вып. III—IV); в) Разнообразная ловля оленей и предрассудки зырян („Вологодские губернские ведомости", 1853 г. № 33).

Мельников-Печерский П. И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь. (Полное собрание сочинений, 1898 г., том XII).

Михайлов М. а) Описание Усть-Вымского, составленное учителем Устьсысольского уездного училища М. Михайловым, Вологда, 1851; б) Заметки о зырянах („Москвитянин", 1849, № 16; 1851 г., книга 9—10, часть III, стр. 33—39. Редакционное извлечение из статьи того же автора).

Михайлов П. Практическое руководство к изучению ижемско-зырянского языка. Архангельск, 1873.

„Мойдан кыв'яс". Сборник сказок. Сыктывкар 1922.

Надеждин Н. И. а) Народная поэзия у зырян (альманах „Утренняя заря", изд. В. Владиславлевым, СПб. 1839, перепечатана в журнале „Ударник", 1936 г., № 10); б) Зырянские письмена и зырянский язык („Вологодские губернские ведомости", 1840 г., № 4, часть неофициальная); в) статьи в „Энциклопедическом лексиконе" Плюшара, тт. IX—XII („Бярмия", „Вогуличи", „Войпель" „Вологодская губерния", Вымь", „Вымские князья").

Налимов В. П. а) Некоторые черты из языческого миросозерцания зырян („Этнографическое обозрение", 1903 г. № 2); б) Зырянская легенда о паме Ши-

пича; в) „Мор“ и „икота“ у зырян“ (там же, № 3); г) „К материалам по истории материальной культуры коми („Коми-му“, 1925 г., №№ 2, 3, 4, 5).

Немирович-Данченко В. И. Страна холода. 1877.

Поверья зырян („Живописное обозрение“, 1873 г., № 28).

„Повесть о Стефане, епископе Пермском“ („Памятники старинной русской литературы“, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко“ вып. IV. СПб, 1862.

Подоров Т. С. Сельскохозяйственные приметы коми народа („Коми-му“, 1926 г., № 5).

Попов К. А. Зыряне и зырянский край („Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии“, книга III, вып. II, М. 1874).

Попов Николай. Этнографические заметки о пермяках („Журнал Министерства Внутренних дел“, 1852 г., часть 39).

„Пятнадцать лет“ — Альманах коми-литературы. Сыктывкар, 1936. (Опубликованы новые фольклорные тексты).

Рогов Н. Материалы для описания быта пермяков („Журнал Министерства Внутренних дел“, 1858 г., часть 29. „Пермский сборник“, книга 2-я. М. 1860. В последнем издании отдел фольклора дан полнее).

Савельев П. Пермская губерния в археологическом отношении („Журнал Министерства Внутренних дел, 1852 г., часть 39.

Смирнов И. Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк („Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете“, том IX, вып. 2, Казань, 1891).

Сорокин П. А. а) Пережитки анимизма у зырян („Известия Архангельского общества изучения русского севера“, 1910 г., № 20—22); б) К вопросу об эволюции форм семьи и брака у зырян (там же, 1911, №№ 1—5); в) Современные зыряне (там же 1911 г., №№ 18, 22, 23, 24).

Теплоухов Ф. А. Древности Пермской Чуди в виде баснословных людей и животных (Сборник „Пермский край“, Пермь, 1893).

Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море („Записки Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета“, часть LXXIX, 1906).

„Ударник“ (1934 г. №№ 3, 4, 5 — публикации фольклорных текстов без указания определенного лица, публикующего данные тексты).

Улитин Н. А. Путевые заметки („Коми-му“, 1924, № 7—10. Между прочим, кратко излагается содержание легенды о Туныр-яке).

Ульянов Н. И. Очерки истории народа Коми. 1932.

Фантом (Г. Т. Северцов). По старинному „заморскому“ пути и северным гнездам. СПб. (год издания не указан).

Финская мифология („Энциклопедический словарь“ Брокгауза — Ефрона, том XXXVI, книга 71, стр. 18—20).

Фролов А. Свадебные и похоронные обряды жителей села Устьнемского, Устьсысольского уезда („Вологодские губернские ведомости, 1885 г., №№ 21, 22).

Цембер А. А. (составитель). „Коми мойдан и сьылан кыв'яс“ — сборник сказок и песен. Два выпуска. Устьсысольск, 1913 и 1914.

Чеусов Н. П. а) Пословицы народа Коми („Коми-му“, 1927, № 4—5); б) Загадки народа коми („Коми-му“, 1929, № 7).

Широков А. Клад („Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской“, 1844, том XVIII, отдел „Смесь“).

„Яг-морт“ („Вологодские губернские ведомости“, 1848 г., №№ 19—20, первая перепечатка — в журнале „Пантеон и репертуар русской сцены“, 1851 г., книга 5, отдел „Смесь“.

Янович В. М. Пермяки („Живая старина“ 1903 г., вып. I—II).

Кастрен. „Vorlesungen über finniche Mythologie. СПб. 1853.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции 3

Андрей Попов.— Проблемы истории народа коми в связи с его фольклором . . 4

Предания и сказки

1. Как сотворилась земля 39
2. Откуда пошел наш народ 43
3. Кӧрт-айка 44
4. Яг-Морт 46
5—6. Шипича 51
7—10. Перя-богатырь 51
11. Ортя 62
12. Юрка 66
13. Медведь и три его жены 68
14. В батрачках у медведицы 70
15. Лисица и мерин 74
16—17. Бобэ 76
18—19. Лиса-плачея 78
20. Коза, баран и кошка 81
21. Петух и жернов 82
22—23. Мышь и сорока 84
24. Мышь и воробей 87
25. Мышь и воробей 88
26. Охотник и Ворса 101
27. Охотник и Чукля 106
28. Мохнатоухий 108
29. Буйныр 109
30. Три брата и леший 112
31. Небылица 116
32—33. Йома и две сестры 118
34. Девочка ростом с веретено 121
35. Девушка и человек с четверть аршина ростом . . 125
36. Арсений и черти 127
37. К Каму за огнем 132
38. Фаддей и колдун 140
39. Колдун и его жена 143
40. Мальчик-колдун 145
41—42. Ох-ох, Ох-ма 146
43—44. Сокол-Пипиристи 154
45. Куриная одежда 159
46. Дынчик-живот 160
47. Муж, обращенный в собаку 161
48. Семь Семенов — родных братьев 163
49. Кузьма-богатырь 168

50. Емеля дурак 171
51. Одолжение о двух концах 178
52. Наказанная насмешка 179
53. Ковер-самолет 181
54. Дочь Солнца 184
55. Емельян Кабакевич 188
56. Соломенный царь 196
57. Колдун-мертвец и солдат 199
58. Солдат и покойница 202
59. Каша из топора 205
60. Как солдат подвел скупого мужика и злого царя . 208
61. Как солдат от царя избавился 211
62. Как солдат в раю и в аду побывал 217
63. „Сращивайся-приклейвайся" 224
64. Три брата 227
65. Поповский казак 231
66. Мальчик с пальчик и поп 233
67. Поп и его батрак Момэт 236
68. Жадный поп 245
69. Ванька в шляпе 249
70. Богатый и бедный братья 250
71. Макар и семеро братьев 253
72. Умный Степан и жадный Петр 258
73. Мужик и судьи 261
74. „Добрый" исправник 265
75. Царская милость 267
76. Помещик и мужик 269
77. И лес и звери барские 271
78. „Если бы тебя поставили купцом..." 273
79. Рановато проснулся 274
80. Царь Петрован и мужик 276
81. Простофиля 278
82. Солдатская каша 280
83. Дядя Юра 281
84. Нерымэ 283
85. Дураки 285
86. Как дурак все село разогнал 287
87. Так дураком и остался 290
88. Есть ли на свете люди глупее тебя 292
89. Вор Емеля 294
Комментарии к преданиям и сказкам . . . 299
Примечания к коми-словам, употребляемым в тексте преданий и сказок . . . 316
Приложения 318
Библиография 321

Кабинет Север
Обл. Библиотек
им. А. И. Добролюбова

Архангельское областное издательство просит читателей и библиотеки присылать свои отзывы об этой книге по адресу: Архангельск, ул. Урицкого, 5 Архоблиз

Редактор *И. Н. Новиков* Техред. и корр. *А. А. Веселовская*

Уполн. Архоблгита № 1109 Авт. л. 23,8 Формат 60/92/16
Огиз № 912 Печ. л. 20,5 Сдано в набор 20/X 1937 г.
Инд. X-13 Бум. л. 10,25 Подп. к печ. 20/XII 1937 г.
Тираж 5000 Зн. в б. л. 116800 Заказ № 2511

Цена 7 р. 10 к., переплет 1 р. 25 к.

Тип. „Северный Печатник" УМП Волобласти, ул. К. Маркса, 70

8 р. 35 к.